

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

доктор филологических наук, доцент *Е. В. Шелестюк*

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент *А. А. Селютин*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. И. Бархатов, доктор экономических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **А. В. Бузгалин**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Качалов**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **А. Б. Невелев**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Нижегородцев**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция); **Н. Л. Худякова**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Россия); **П. Элиопулос**, PhD, Университет Пелопонесский, Триполи, Греция, главный редактор научного журнала PAPYRI & DELTI (Греция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **И. В. Глухова**, кандидат педагогических наук, доцент (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, утвержденный
ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:

экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129, каб. 350

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru

(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения
авторов публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода
аннотаций несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректура *О. Е. Шишмаренковой*
Верстка *О. Е. Шишмаренковой*

Подписано в печать 17.05.21.
Выход в свет 30.05.21.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 22,3.
Уч.-изд. л. 19,0.
Тираж 500 экз. Заказ 227.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

Philology Sciences

Issue 124

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

E.V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive secretary

A.A. Selyutin, Candidate of Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD

V.I. Barhatov, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **N.N. Boldyrev**, Doctor of Philology, Professor (Tambovsky State University named after G.R. Derzhavin, Russia); **A.V. Buzgalin**, Doctor of Economics, Professor (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russia); **E.I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R.M. Katchalov**, Doctor of Economics, Professor (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A.B. Nevelev**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R.M. Nizhegorodtsev**, Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S.A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **J. Richard**, PhD, Professor at the Paris-Dauphine University (France); **N.L. Khudyakova**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **A.N. Chumakov**, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of RAS, Russia); **P. Eliopoulos**, PhD, University of Peloponnese, Editor-in-chief of the Scientific Journal "PAPYRI & DELTI" (Greece)

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E.V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Associate Professor, Chairman of Editorial Board (Chelyabinsk); **T.A. Borisenko**, Candidate of Philology, Deputy Chairman of Editorial Board (Chelyabinsk); **G.K. Valeev**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **T.A. Vorontsova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **I.V. Glukhova**, Candidate of Pedagogy, Associate Professor (Chelyabinsk); **E.I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **S.Yu. Dvinina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **L.A. Mesenyashina**, Doctor of Pedagogy, Professor (Chelyabinsk); **A.A. Mironova**, Doctor of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **L.A. Nefedova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **N.S. Olizko**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **S.A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **Al.A. Selyutin**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **A.A. Selyutin**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: Ulrich's Periodical Directory; EBSCO's research collections.

**The journal is published
12 times per year**

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
of. 350, 129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philology Sciences"
editorial office's address:
162v Pobedy pr.,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Tel.: +7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in catalogue "Russian Press"

Proofreader *O.E. Shishmarenkova*
Imposition by *O.E. Shishmarenkova*

Passed for printing 17.05.21.
Date of publication 30.05.21.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 22.3.
Ac.-publ. sh. 19.0.
Circulation 500 copies.
Order 227. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ахмедова М. М.</i> О некоторых коммуникативных технологиях в интернет-версии узбекистанской газеты «Народное слово»	7
<i>Борисенко Т. В.</i> Актуализация концепта «материнство» в русском медийном дискурсе . . .	15
<i>Галутво С. Г.</i> Действие как сопутствующий признак в образном основании компаративных фразеологизмов	21
<i>Гейко Н. Р.</i> Переводческий комментарий в русскоязычных текстах СМИ (на материале сайта «ИноСМИ»).	29
<i>Гладко М. А.</i> Мистицирование как характеристика познавательного телепространства. . . .	37
<i>Гладкова К. Ю.</i> Реализация средств связности в интеррогативных контекстах how в романе Г. Свифта «Водоземье».	45
<i>Замышляева Ю. С.</i> Функционирование феминитивов-неологизмов в современных СМИ. . .	52
<i>Каменева В. А., Рабкина Н. В.</i> Метафоризация совещательного политического дискурса . . .	57
<i>Козловский Д. В.</i> Персуазивный потенциал модусной категории «эвиденциальность» в новостном медиадискурсе	65
<i>Лихачёва Т. С., Стрелетова Н. В., Бикус Д. С.</i> Особенности реализации обиходно-практической тональности в кинодискурсе Квентина Тарантино	73
<i>Мурясов Р. З.</i> Личные местоимения в системе языка	81
<i>Приходкина С. И.</i> Специфика формирования продуктивных моделей детских словообразовательных инноваций	88
<i>Мотина О. П., Саблукова В. А.</i> Роль авторского комментария, усиливающего суггестивно-манипулятивный потенциал национально-культурных прецедентных явлений в медиакоммуникации.	94
<i>Позвонкова В. С.</i> Структурно-семантический анализ военно-химических многокомпонентных терминов	100
<i>Санакулов З. И.</i> Анализ принципов передачи производных слов в немецко-узбекских словарях и рекомендации по их улучшению.	107
<i>Селютин Ал. А.</i> Лингводискурсивные аспекты отечественной игровой журналистики 1970-х гг.	115
<i>Селютина Е. А., Субботина А. А.</i> Мнемический нарратив в структуре художественного текста (на примере вербатим-текстов).	123
<i>Улугова Ш. Ш.</i> Отражение мировоззрения героев в концептуальных метафорах (на примере романа «Джейн Эйр» Ш. Бронте)	129
<i>Федорова В. П.</i> Семейный речевой портрет Тимофеевых (Шадринск, XX в.).	137
<i>Филлипсон Р.</i> Введение в концепцию языкового империализма	143

<i>Харлова Н. М.</i> Диалектные глаголы со значением речевого процесса в говорах Зауралья.	152
<i>Хо О. А.</i> К вопросу о классификации эмотивных глаголов (на материале китайского языка)	160
<i>Шафиги М., Полищук А. И.</i> Формулы речевого жанра «мольба» в русском и персидском языках	167
<i>Шелестюк Е. В., Щетинкина Е. А.</i> Стохастичность текста: сущность, способы исследования, феноменология.	173
<i>Шушарина Г. А., Петрунина Ж. В.</i> Сопоставительный анализ текстов онлайн-переводов	185

CONTENTS

<i>Akhmedova M. M.</i> On Certain Communicative Technologies in the Online Newspaper “Narodnoye Slovo” of Uzbekistan	7
<i>Borisenko T. V.</i> Concept Motherhood Actualization in Russian Media Discourse	15
<i>Galutvo S. G.</i> Action as Attendant Sign in the Figurative Basis of Comparative Phraseological Units	21
<i>Geiko N. R.</i> Translator’s Notes in Russian Media Texts (on the Material of the InoSMI Website) . . .	29
<i>Gladko M. A.</i> Mystification as a Pecularity of Knowledge Television	37
<i>Gladkova K. Yu.</i> Realisation of Cohesive Means in Interrogative Contexts “How” in “Waterland” by G. Swift.	45
<i>Zamyshliaeva Yu. S.</i> The Functioning of Femininitives-Neologisms in Modern Russian Media. . . .	52
<i>Kameneva V. A., Rabkina N. V.</i> Functional Potential of the Discourse of Political Meetings. . . .	57
<i>Kozlovsky D. V.</i> Persuasive Potential of the Modus Category of Evidentiality in the News Media Discourse.	65
<i>Likhacheva T. S., Strepetova N. V., Bikus D. S.</i> Specific Features of Colloquial Discourse Tonality in Quentin Tarantino’s Film Discourse.	73
<i>Muryasov R. Z.</i> Personal Pronouns in the Language System.	81
<i>Prikhodkina S. I.</i> The Specifics of the Formation of Productive Models of Children’s Word-Forming Innovations.	88
<i>Motina O. P., Sablukova V. A.</i> The Role of the Author’s Commentary Enhancing the Suggestive-Manipulative Potential of National-Cultural Precedent Phenomena in Media Communication	94
<i>Pozvonkova V. S.</i> Structural and Semantic Analysis of Military-Chemical Multicomponential Terms	100
<i>Sanakulov Z. I.</i> Analysis of the Principles of Entering of Derivative Words in German-Uzbek Dictionaries and Recommendations for Their Improvement	107
<i>Selyutin Al. A.</i> Linguistic Discursive Aspects of Russian Game Journalism in 1970s.	115
<i>Selyutina E. A., Subbotina A. A.</i> Mnemic Narrative in the Structure of a Literary Text (by the Example of Verbatim Texts)	123
<i>Ulugova Sh. Sh.</i> The Characters’ Outlook as Revealed Through Conceptual Metaphors in the Imaginative Text.	129
<i>Fedorova V. P.</i> Speech Portrait of the Timotheev Family (Shadrinsk, XX Century)	137
<i>Phillipson R.</i> Introduction to the Concept of Language Imperialism	143
<i>Kharlova N. M.</i> Peculiarities of Formation and Use of Dialectal Verbs in the Dialects of the Shadrinsk District.	152

<i>Kho O. A.</i> On Classification of Psychological (Emotive) Verbs as Exemplified by the Chinese Language	160
<i>Shafaghi M., Polishchuk A. I.</i> Speech Genre Formulas of Appeal in the Russian and Persian Languages.	167
<i>Shelestuk E. V., Shchetinkina E. A.</i> Text Stochasticity: Essence, Methods of Research, Phenomenology.	173
<i>Shusharina G. A., Petrunina Zh. V.</i> Comparative Analysis of Online Translations Texts	185

О НЕКОТОРЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ В ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИИ УЗБЕКИСТАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «НАРОДНОЕ СЛОВО»

М. М. Ахмедова

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан

Показана специфика интернет-версии газеты «Народное слово» и рассматривается реализация в ней воздействующей функции языковых средств, проявляющейся в комплексе преднамеренных инструментов и средств речевого воздействия — коммуникативных технологий. Анализ проводится на материале заголовков указанного издания. Выявлено, что существует несколько типов заголовков; наиболее распространенный в структурно-грамматическом аспекте — двусоставное предложение. Продемонстрировано, что в заголовках «Народного слова» утверждается основная идеологема страны благодаря положительной стилистической окраске, оценочности, манипулятивным приемам.

Ключевые слова: *массмедиа, медиадискурс, коммуникативные технологии, лингвистика новостных текстов, дискурс, медийная аудитория.*

Целью данной научной статьи является анализ новостного текста в интернет-версии русскоязычной газеты Узбекистана «Народное слово» с точки зрения некоторых коммуникативных технологий, проявляющихся на языковом уровне. В научной литературе нет однозначного понимания того, что представляют собой коммуникативные технологии. Часть ученых приравнивают их к стратегиям и тактикам речевого воздействия (например, С. В. Федорова [13]), другие исследователи говорят о речевых технологиях и приравнивают их к проявлению авторской, или субъективной модальности (В. И. Коньков [9], Т. С. Дроняева [5]). Кроме того, субъективная модальность часто выражается в экспрессивности, которая может порождаться определенными языковыми единицами [5]. На наш взгляд, такого рода суждения обоснованы и отражают реальное существование языка, однако не в полной мере. Адекватной для нашего анализа представляется теория коммуникативного синтаксиса Н. И. Клушиной, вобравшая в себя названные аспекты, но под углом серьезно аргументированной теории [8]. В настоящей статье мы будем в целом придерживаться теоретических основ, изложенных в докторской диссертации Н. И. Клушиной, однако в некоторых случаях будем обращаться и к другим исследованиям.

В Узбекистане активно развиваются массмедиа, онлайн-медиа в Интернете. Новые информационные технологии изменяют формы общения людей, трансформируют традиционные СМИ, методы работы и подачи сообщений.

Сегодня СМИ — «больше, чем отдельные имена, конкретные названия газет или каналов. Это развивающийся мир со своими тенденциями, достижениями и провалами, “приводными ремнями” и “подводными течениями”...» [2].

Мультимедийный проект «Народное слово» состоит из ежедневной газеты, интернет-версии (www.xs.uz), версии в социальных сетях, версии для мессенджеров, а также канала в «Ютубе» и собственного приложения для мобильных устройств.

Интернет-версия газеты «Народное слово», которая прежде была полностью идентична бумажной версии, появилась в медиaprостранстве в 2006 г. Но статус отдельного СМИ с относительно самостоятельной функционирующей редакцией она приобрела лишь в 2017 г. Сегодня можно сказать, что контент интернет-версии газеты «Народное слово» значительно разнится с содержанием печатной версии.

«Народное слово» является общественно-политической и деловой газетой, которая информирует о важнейших политических, экономических и культурных событиях Узбекистана. Публикация либо обнародование в этом издании правительственных решений, официальных документов придают им своего рода юридический статус, силу закона.

На страницах и сайтах газеты широко освещается политическая, социальная, экономическая, культурная жизнь республики. Публицистические произведения представлены в различных жанрах, среди них — новости, репортажи, интервью, комментарии, вопросы-ответы, круглые столы, беседы с известными политическими деятелями.

«Народное слово» является органом Олий Мажлиса (двухпалатного парламента) республики. Это находит свое отражение и в контенте его информационных материалов. Хотя эта газета сегодня и представлена как преимущественно официальное издание парламента, по содержанию и кругу поднимаемых для обсуждения проблем она является важным источником информации для большой части населения.

Благодаря сетевой версии «Народное слово» стало доступным широкой зарубежной аудитории. Интернет-версия газеты «Народное слово» бесплатная. Интерактивности с аудиторией способствуют технологические, программные и технические усовершенствования, инновационные технологии, внедряемые коллективом редакции «Народного слова», это положительно влияет на качество оформления публикаций сайта, его дизайн, оперативный контакт с читателями, пользователями, участниками других социальных каналов и онлайн-каналов.

Обратимся к лингвистическим особенностям языка интернет-версии «Народного слова». Средства массовой информации выполняют множество функций. Среди них наиболее существенные — информационная и воздействующая. Понятно, что в информационных жанрах будет преобладать первая из названных функций. Но интересно то, что воздействующая также используется в журналистских новостных текстах.

Полагаем, что воздействующая функция реализуется в первую очередь через собственно языковые средства. Однако, как показывает наш материал, воздействие также может осуществляться за счет манипуляционных приемов, которые также воплощаются в тексте благодаря языку. Н. М. Клушина пишет в своей диссертации, что глобальной стратегией в публицистическом тексте является убеждение. Убеждение отличается от манипулирования тем, что «убеждение — речевое воздействие, оставляющее адресату возможность выбора: соглашаться или нет с авторской концепцией; манипулирование — речевое воздействие на адресата без осознания им этого воздействия, то есть навязывание автором с помощью определенных языковых приемов авторской точки зрения как достоверной и единственно возможной. Убеждение эксплицируется в речи с помощью логических доводов, аргументации, манипулирование носит имплицитный характер и базируется не столько на логическом, сколько на эмоциональном воздействии, прибегает не столько к аргументам, сколько к различным уловкам» [7].

Обратимся к нашим материалам. Рассмотрим язык и стилистические особенности интернет-версии газеты «Народное слово» на примере ее заголовков и лидов. Лид — «аннотация, “шапка” статьи, новости или пресс-релиза. Состоит из одного первого выделенного абзаца, в котором коротко формулируется проблема, раскрывается суть заголовка. Размер лида обычно не превышает 3—5 строк» [13]. Оговоримся сразу, что лид в интернет-версии «Народного слова» специально графически не выделяется, однако на главной странице каждой рубрики вместе с заголовками представлено несколько строк основного текста, которые по содержанию можно отнести к лидам, поскольку они раскрывают содержание заголовка.

Приведем примеры лидов вместе с заголовками (жирным шрифтом отмечены заголовки, простым — лиды):

1) **Дружественная рука помощи** (Узбекистан предоставил Кыргызстану помощь на \$560 тыс.);

Против беды — всем миром (Узбекские предприниматели в России отправили в Ташкент кислородные концентраторы (видео));

2) **Заплатил 50 млн сумов — работай с каннабисом** (Столько будет стоить пошлина за лицензию для работы с промышленным каннабисом. Его используют в биотопливе, строительстве и других отраслях);

3) **Сельхозспециалисты: «хозяевам полей» возвращается былой престиж** (Существенно изменится система аграрного образования);

4) **Конфликт на границе** (Снова стреляют. На таджикско-кыргызской границе убит таджикстанец, кыргызский пограничник ранен);

5) **Корысть — мотив к беззаконию** (Преступления против собственности и методы борьбы с ними);

6) **Минсельхоз укрепляет аппарат** (Назначены новые заместители Министра сельского хозяйства).

Из приведенных примеров видно, что лиды выполняют функцию раскрытия содержания материалов, то есть информирующую, в то время как собственно заголовки не всегда понятны, если взяты изолированно.

Интересен такой подход: заголовки и лиды в интернет-версии «Народное слово» имеют смысловой вид связи, когда смысл заголовка раскрывается или уточняется в лиде. Это наиболее распространенный вид связи в рассматриваемом издании: **Дружественная рука помощи**. Узбекистан предоставил Кыргызстану помощь на \$560 тыс; **Против беды — всем миром**. Узбекские предприниматели

в России отправили в Ташкент кислородные концентраторы; **Конфликт на границе. Снова стреляют.** На таджикско-кыргызской границе убит таджикистанец, кыргызский пограничник ранен.

Специфика заголовков этого издания в том, что они чаще всего состоят из одного предложения, как правило, двусоставного: *Состоялась открытая беседа с молодежью; Нурмат Атабеков оценил вероятность дальнейшего осложнения ситуации с пандемией коронавируса в Узбекистане; Президент поговорил по душам с педагогами и врачами; Доллар снова идет в рост; Индия выполнила первый успешный космический запуск в этом году; Индийцы зажгли рекордное количество огней на праздник Дивали; Пресс-конференция по вопросам гендерного равенства прошла в Нукусе; 10 ноября — Всемирный день науки за мир и развитие и т. д.* В этих заголовках подлежащее может предшествовать сказуемому и наоборот в зависимости от того, какое слово автор хочет выделить. В этом смысле на первом месте в предложении может стоять любой член предложения в зависимости от целей автора, например: *У дошколят теперь есть свой журнал Vor ekan — Zo'r ekan; В Узбекистан из США прилетят учителя английского языка; В 2020 году Всемирный день борьбы с диабетом посвящен роли медицинских сестер; В честь 29-летия флага Республики Узбекистан в столице пройдет «Праздничное велодвижение»; Положительно решены обращения людей в ходе выездных приемов с участием сенатора; Состоялась открытая беседа с молодежью; Определены задачи комплексного развития Приаралья.* Как видно из приведенных примеров, заголовки информируют о содержании статей. Рассмотрим, какие еще разновидности заголовков встречаются в «Народном слове».

Это заголовки, состоящие из неопределенно-личных предложений: *По состоянию на 11 ноября 2020 года в Узбекистане выявлено новых случаев заражения коронавирусом — 71, общее количество заболевших — 69 244; В Египте нашли более 100 саркофагов и золоченые статуи; В некоторых областях соседнего Казахстана вводят частичный локдаун.*

Их количество значительно меньше по сравнению с заголовками, построенными из двусоставных предложений. Можно предположить, что в соответствии с представлениями сотрудников этого издательства субъект действия непременно должен присутствовать.

Другой тип заголовков — номинативные предложения: *Корь: удар из тени коронавируса; Со-*

временные проблемы фармацевтической отрасли и их пути решения; ИКТ на службе 103; Для кого в стране тестирование на COVID-19 в обязательном порядке? Такой тип заголовков также встречается редко. Характерная особенность перечисленных типов заголовков состоит в том, что автор никак не проявляется в них и, следовательно, отсутствует субъективная модальность, которая могла бы выполнять воздействующую функцию, при этом создается впечатление абсолютной объективности этих материалов.

Последний тип заголовков «Народного слова» — заголовки, состоящие из нескольких предложений или сложных предложений: *Аппетит растет — 2 килограмма гашиша обнаружили в автомобиле наманганские таможенники; Этот шестиметровый робот станет визитной карточкой нового IT-технопарка, что сегодня открылся в Карши; Вакцины защищают не всех, и это нормально. Почему привитые «Спутником V» врачи на Алтае заболели COVID-19; Хотите стать «Туристической махаллей»? А, может, сразу замахнемся на статус «Туристический аул»?; Братская помощь — Узбекистан поставил Кыргызстану очередную партию гуманитарной помощи; «Ему самое место в Парке юрского периода»: во Флориде гигантский аллигатор прошелся по полю для гольфа. Жители очень напуганы; Ну и что, что пятница и 13-е?! Зато сегодня весь мир отмечает день доброты!; Угидромет сообщает о грядущем похолодании. Ждем снега.* Такие заголовки встречаются чаще номинативных, но также необычны для этого издания. На наш взгляд, подобного типа заголовки не характерны для печатных изданий да и для новостных материалов Интернета. Однако они наиболее привлекательны, поскольку зачастую в них вводится авторская модальность: они устанавливают контакт с читателем благодаря риторическим вопросам (*Хотите стать «Туристической махаллей»?;* разговорным конструкциям и восклицаниям (*Ну и что, что пятница и 13-е?! Зато сегодня весь мир отмечает день доброты!*). Кроме того, в этих заголовках ярко проявляются такие черты субъективной модальности, то есть воздействия, о которых писала Т. С. Дроняева в статье «Информационный подстиль» [5]. Это слова и словосочетания, которые содержат признаки авторского присутствия (*Этот шестиметровый робот станет визитной карточкой нового IT-технопарка, что сегодня открылся в Карши; «Ему самое место в Парке юрского периода»: во Флориде гигантский аллигатор прошелся по полю для гольфа. Жители очень*

напуганы; *А может, сразу замахнемся на статус «Туристический аул»?; Узидромет сообщает о грядущем похолодании. Ждем снега*). В двух последних примерах используется 1-е лицо множественного числа глаголов, которое обозначает в данном случае не только читателей, но и авторов материалов.

Можно утверждать, что эти заголовки осуществляют функцию воздействия на читателя, задерживают его внимание необычностью и побуждают к прочтению материала. Т. С. Дроняева пишет по этому поводу: «В таком тексте сигналы эгоцентризма автора весьма компактны, сдержанны, они порой лишь намекают на тот мир, который видит, слышит и чувствует примысленный наблюдатель-автор. В тексте моделируется ситуация наблюдения, по речевым законам противопоставленная информационному подстилю. При реализации подобного приема особую значимость приобретают в информирующем тексте органолептические детали, то есть изображение цвета, формы, объема, а также звука, запаха и т. п.» [5]. В двух первых приведенных примерах подчеркнутые слова указывают на авторский хронотоп, о котором пишет Т. С. Дроняева. В примере *Вакцины защищают не всех, и это нормально* содержится авторская оценка.

Рассмотрим еще один аспект воздействия в разбираемом издании, который также проявляется на языковом уровне и при этом имеет манипуляционную природу. Это «фактор размытого адресата» [1], достаточно выраженный в данной газете. «Народное слово» и его интернет-версия, несмотря на непопулярность у рядового читателя, небольшой тираж (10—15 тыс.), продолжает издаваться. Кроме того, эта газета, обратим внимание, публикуется на русском языке. Это дает нам основание предположить, что анализируемое издание необходимо для создания положительного имиджа государства не только и не столько в глазах русскоязычного населения, сколько за рубежом. В этом случае проявляется неявность, размытость адресата как черта воздействия: предмет обсуждения — внутренние дела Узбекистана — репрезентируются как ознакомление с ними иностранного адресата. В этой связи информирование и убеждение для адресата сочетаются с определенным рода манипулированием, включающим представление реалий Узбекистана в положительном виде, фокусирование внимания на определенной актуальной для авторов информации и т. д.

По этому поводу Н. И. Клушина писала: «Манипулирование в публицистике — это неотъемлемая

часть убеждения, убеждения любыми языковыми средствами, любыми способами, причем часто сам журналист четко и не осознает, что, активно отстаивая свою точку зрения, прибегает к манипулятивным языковым приемам» [8]. Каковы манипуляционные приемы? По мнению Н. И. Клушиной, «в любом публицистическом тексте можно обнаружить целую парадигму интенциональных текстообразующих категорий, позволяющую автору решить свою стратегическую задачу — убеждение адресата. Эту парадигму составляют: идеологема как способ утверждения заданных концептов/номинаций в публицистике; убеждение с помощью оценки; именование как стилистико-идеологическая категория; стилистическая тональность текста; интерпретация (языковое варьирование) как лингвистический механизм имплицитного убеждения» [Там же].

Не вдаваясь в теоретические подробности, с этих же позиций рассмотрим заголовки интернет-версии «Народного слова». Основная идеологема, которая существует в нашем обществе и которая обозначена рядом с названием газеты, — «Узбекистан — государство с великим будущим». Естественно то, что она используется только в материалах о внутривнутриреспубликанских событиях. Рассмотрим, как эта идеологема воплощается в интернет-версии газеты. Приведем заголовки: *Японцам полюбились узбекские сухофрукты; Открытый мастер-класс для кикбоксеров Узбекистана провел Хавьер Мендес, тренер Хабиба Нурмагомедова; Работа контактной группы «ШОС — Афганистан» оказывает решающее значение на формирование миростроительства в ИРА; В Узбекистан из США прилетят учителя английского языка; Депутаты Кенгаши нового столичного района Янгихайт утвердили хокима, прокурора и начальника УВД; У дошколят теперь есть свой журнал *Vor ekan — Zo'r ekan*; Защита женщин исправит статистику; РИМА и Фонд Zamin будут сотрудничать в сфере развития образования;*

Председатель Сената ознакомились с рядом перспективных проектов, реализуемых в Республике Каракалпакстан; Готовности ДОО в Чирокчинском районе Кашкадарьинской области поставлена положительная оценка; Состоялась открытая беседа с молодежью; Президент поговорил по душам с педагогами и врачами; Из 34,4 миллиона узбекистанцев мобильной связью пользуются 24,8 млн человек; Президент Узбекистана предложил запустить министерский механизм сотрудничества ШОС по сокращению бедности и т. д.

Как видно из приведенных примеров, основная идеологема воплощается в положительной стилистической модальности заголовков. Отсутствие критики воспитывает читателя поверхностного, недумаящего, или, наоборот, читатель перестает обращаться к изданию, в котором информация представляется однобоко. В «Народном слове» даже если подается негативная информация, то она тут же подправляется различными средствами и превращается в позитивную. Например, к заголовку *Рынок незаконного оборота медикаментов в период пандемии активизировался* приводится лид: *Таможенники предотвратили факты незаконной реализации лекарственных препаратов.*

Кроме того, ведущая идеологема воплощается с помощью эксплицитной или имплицитной оценки. Например: *Открытый мастер-класс для кикбоксеров Узбекистана провел Хавьер Мендес, тренер Хабиба Нурмагомедова.* Напомним, Хабиб Нурмухамедов занимает первую строчку официального рейтинга UFC среди лучших бойцов независимо от весовой категории, то есть имя этого спортсмена воспринимается безусловно положительно; коль его тренер провел тренировку со спортсменами Узбекистана, значит, «тень» известного спортсмена падает и на них и окрашивает позитивно весь материал. *Японцам полюбились узбекские сухофрукты* — явная оценка присутствует в заголовке.

Интересно то, что в «Народном слове» также показывается уже на уровне заголовков, что ведется активная работа на местах по развитию нашей страны. Это достигается постановкой предикатов совершенного вида на первое место: *Состоялась открытая беседа с молодежью; Определены задачи комплексного развития Приаралья; Положительно решены обращения людей в ходе выездных приемов с участием сенатора* и т. д.

Рассмотрим, как в текстах анализируемого издания распределяются информирующие и воздействующие элементы. Профессор В. Г. Костомаров первым отметил такую стилиобразующую черту языка газеты, как сочетание стандарта и экспрессии [10]. Две основные функции массмедиа — информирующая и воздействующая — как раз и связаны со стандартными и эмоционально-экспрессивными языковыми единицами. Под стандартными языковыми средствами мы понимаем устоявшиеся слова и словосочетания, пришедшие в большинстве случаев из официально-делового стиля и повторяющиеся, как правило, во многих новостных материалах СМИ. Их употребление журналистами

вполне объяснимо. С одной стороны, эти средства помогают быстро зафиксировать печатный текст, а с другой — читателю легче просматривать и воспринимать такой текст. Воздействующая функция может реализовываться в журналистском тексте за счет языковых единиц стилей, не относящихся к публицистическому, это — качественные прилагательные, качественные наречия, некоторые местоимения и др.

Отметим также, что определение стандартных и эмоционально-экспрессивных средств и их соотношение в журналистских текстах зависит в первую очередь от жанровой принадлежности материала, во вторую — от характера массмедиа.

Это прослеживается на материалах интернет-версии газеты «Народное слово». В ее статьях новостного дискурса встречаются такие стандартные слова и словосочетания: *текущий год, посетил и ознакомился, проделанная работа, последний этап строительных работ, обсуждены вопросы, акцент был сделан, привлечены к этому вопросу, обсуждены вопросы исследований и развития, планируется наладить отношения, ожидается, что это обеспечит, будет осуществлен проект по производству, дал поручение завершить работы, во встрече приняли участие, был зачитан указ, в рамках, важный фактор, масштабная работа* и т. п.

Из вышеприведенных примеров видим, что в информационных материалах «Народного слова» используются словосочетания делового стиля, это придает тексту большую официальность и строгость, что соответствует классическим канонам официального стиля русского языка и выражению в нем экспрессивности с помощью риторического пафоса.

Среди воздействующих средств в публикациях «Народного слова» часто встречаются риторические вопросы типа: *Что нужно сделать, чтобы внешний вид городов и сел отражал восточный колорит и отвечал требованиям современной мировой архитектуры, а также вкусам нашего народа?* Прямая речь дается в таких формах:

— *Мы должны остаться дома. Мы вынуждены. Надо посмотреть, улучшится ли ситуация, — говорит местный житель.*

Начало предложений с союзом *а* (*А вот; А чем удивил...*), качественные признаки слов, отражающие авторскую субъективную модальность, представлены в выражениях *огромный столб, огненное зарево, очень приятное событие.*

Отметим также, что восприятию текстов исследуемого портала помогают небольшие абзацы, как

правило, одно предложение составляет один абзац. Необходимо подчеркнуть, что количество эмоционально-экспрессивных средств в «Народном слове» встречается значительно меньше, чем средств стандартных.

Наш материал показывает, что манипулирование в анализируемом издании не получило широкого распространения. Имеются лишь отдельные приемы, которые перечислим по частоте их употребления в заголовках «Народного слова»:

1. Использование графического знака тире для выделения наиболее важных слов в заголовке, причем подчеркнем, что постановка этого знака не всегда оправданна с позиции пунктуационных правил русского языка: *Доступность, качество, разносторонность — на что нацелены главные изменения в сфере образования; В городе Джизаке — новый хоким; Вице-премьер — о «серых» схемах при экспорте; Послание Президента — глазами ученых; Надежный щит нашей независимости — в столице стартовал военно-патриотический фестиваль* и т. д.

2. Обращение к имени руководителя государства и других ответственных работников позволяет усилить аттрактивную функцию: *Шавкат Мирзиёев: Армия сильна не только вооружением и техникой, но и военными, не щадящими себя ради Родины; Послание Президента — глазами ученых; Шавкат Мирзиёев: Председатель махалли — опора Президента на низовом уровне; Шавкат Мирзиёев: Если экономика — организм, обеспечивающий жизнедеятельность общества, то духовность — его сердце и душа.*

3. Использование названий зарубежных авторитетных организаций, которые помогают приподнять статус Узбекистана в глазах читателей: *РСНПЦ кардиологии и госпиталь Цюрихского университета подписали соглашение о стратегическом*

партнерстве; Нацпалата привлекает канадский опыт подготовки стоматологов; Ташкентский государственный экономический университет и британский Университет Портсмут будут совместно готовить кадры; Филиал еще одного зарубежного вуза образован в столице — «Санкт-Петербургский государственный университет»; В Узбекистан из США прилетят учителя английского языка и т. п.

4. Обращение к прецедентным текстам в заголовках интернет-версии газеты — явление нечастое, встречающиеся примеры — это трансформированные клише: *Где тонко — там и рвется: эксперты британской ARUP и ВБ оценили вероятность угроз для инфраструктуры столицы в случае различных потрясений; «Налево» за справкой пойдешь — деньги потеряешь, поездку забудешь, и МИД не поможет...* Такие заголовки притягательны для читателя и заставляют обратить внимание на публикацию.

Таким образом, можно заключить, что в сетевой версии газеты «Народное слово» в новостном дискурсе выполняются две важнейшие функции СМИ — информирование и воздействие. На материалах заголовочного комплекса видно, что информирование — основная цель интернет-версии «Народного слова». Однако воздействующая функция также проявляется в материалах газеты за счет использования авторской, или субъективной модальности и манипулирования. По нашему мнению, содержание материалов и отбор языковых средств служат введению основной идеологии нашей страны («Узбекистан — государство с великим будущим»). Для этого создается положительная стилистическая модальность, используются эксплицитная и имплицитная оценка, манипулирование с помощью языковых средств и др.

Список литературы

1. Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Современный медиатекст: фактор «размытого адресата» // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. С. 15—20. DOI 10.47475/1994-2796-2020-10702.
2. Варганова Е. Л. Современная медиаструктура // Средства массовой информации постсоветской России / под ред. Я. Н. Засурского. М.: Аспект-Пресс, 2002. С. 10—85.
3. Вейлер К., Маурер Р. И. Сетевые СМИ: другая журналистика? Зальцбург, Австрия, 2002. 15 с.
4. Григорьев В. Российский рынок периодической печати: состояние, тенденции и перспективы развития // Журналист. 2009. № 7. С. 20—23.
5. Дроняева Т. С. Информационный подстиль // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М.: Альма-матер, 2008. С. 498—520.
6. Засурский Я. Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: сб. ст. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 7—30.

7. Кихтан В. В. Онлайн-журналистика в России: становление, тенденции и перспективы развития: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 237 с.
8. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000—2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 57 с.
9. Коньков В. И. Речевые технологии в массовой коммуникации. Ч. 1: Композиционно-речевые формы; ориентация текста на массовую аудиторию; средства выражения авторского «я»; комическое в массовой коммуникации. СПб., 2015. 130 с.
10. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Изд-во МГУ, 1971. 267 с.
11. Полонский А. В. Медиа — дискурс — концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ. 2012. № 6. С. 20—21.
12. Полонский А. В. Сущность и язык публицистики. Белгород: Политерра, 2009. 238 с.
13. Федорова С. В. Коммуникативные технологии создания политического дискурса (на материале российских СМИ 2003—2005 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 24 с.
14. www.wikipedia.org/wiki
15. www.xs.uz/ru

Сведения об авторе

Ахмедова Малика Мухаммадовна — преподаватель кафедры теории и практики международной журналистики Узбекского государственного университета мировых языков, Ташкент, Узбекистан. axmedovamalika13@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 7—14.*

ON CERTAIN COMMUNICATIVE TECHNOLOGIES IN THE ONLINE NEWSPAPER “NARODNOYE SLOVO” OF UZBEKISTAN

M. M. Akhmedova

Uzbek State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan. axmedovamalika13@gmail.com

The purpose of this article is to analyze the news content of the online version of the Russian-language newspaper of Uzbekistan “Narodnoye Slovo” and to examine some of the communication technologies used in this newspaper, which are manifested at the linguistic level. The article also examines how the influencing function is realized in this newspaper. The analysis was mainly based on the headlines of the publications. The author generally adheres to the theoretical basis set out in N. I. Klushina’s doctoral thesis, we also refer to other studies. Structurally, there are several types of headlines, the most common type being a compound sentence. The other types are represented by the headlines consisting of complex sentences and several simple sentences. Thanks to the positive stylistic coloring and the constructive content of most articles of “Narodnoye Slovo” the main ideologue of the country of Uzbekistan as the country of the great future is actualized.

Keywords: *mass media, media discourse, communication technologies, linguistics of the news texts, discourse, media audience.*

References

1. Basovskaya Ye. N., Vorontsova T. A. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (441). *Filologicheskiye nauki*, iss. 121, pp. 15—20 [in Russ.].
2. Vartanova E. L. (2002) *Sovremennaya mediastrukturna* [Modern Media Structures]. Zaslusky Ya. N. (ed.). *Sredstva massovoj informacii postsovetskoy Rossii* [Media Post-Soviet Russia]. Moscow, Aspect Press. Pp. 10—85 [in Russ.].
3. Weiler K., Maurer R. I. (2002) *Setevye SMI: drugaya zhurnalistika?* [Other Network Media Journalism?]. Zal’cburg, Avstriya. 15 p. [in Russ.].
4. Grigoriev V. (2009) *Journalist*, no. 7, pp. 20—23 [in Russ.].

5. Dronyaeva T. S. (2008) Informacionnyj podstil' [Information Substyle]. *Yazyk sredstv massovoj informacii* [Language of the Mass Media]. Moscow, Alma-mater. Pp. 498—520 [in Russ.].
6. Zasursky Ya. N. (2005) Mediatekst v kontekste konvergencii [Media Texts in the Context of Convergence]. *Yazyk sovremennoj publicistiki* [Language of Modern Journalism]. Moscow. Pp. 7—30 [in Russ.].
7. Kihtan V. V. (2004) Onlajnovaya zhurnalistika v Rossii: stanovlenie, tendencii i perspektivy razvitiya [Online journalism in Russia: Formation, Development Trends, and Prospects. Thesis]. Moscow. 237 p. [in Russ.].
8. Klushina N. I. (2008) Intencional'nye kategorii publicisticheskogo teksta (na material periodicheskikh izdanij 2000—2008) [Intentional categories of journalistic text (based on periodicals 2000—2008). Abstract of thesis]. Moscow. 57 p. [in Russ.].
9. Kon'kov V.I. (2015) Rechevye tehnologii v massovoj kommunikacii. Ch.1: Kompozicionno-rechevye formy; orientacija teksta na massovuju auditoriju; sredstva vyrazhenija avtorskogo Ja; komicheskoe v massovoj kommunikacii [Speech technologies in mass communication. Part 1: Compositional speech forms; target of the text to a mass audience; means of expressing the author's "I"; comic in mass communication]. St. Petersburg State University. 130 p. [in Russ.].
10. Kostomarov V. G. (1971) Russkij jazyk na gazetnoj polose. Nekotorye osobennosti jazyka sovremennoj gazetnoj publicistiki [Russian language on the newspaper page. Some features of the language of modern newspaper journalism]. Moscow, Moscow State University Publishing House. 267 p. [in Russ.].
11. Polonsky A. (2012) *Sovremennyj diskurs-analiz*, no. 6, pp. 20—21 [in Russ.].
12. Polonsky A. (2009) Suschnost' i yazyk publicistiki [The Nature and Language of Journalism]. Belgorod Politerra. 238 p. [in Russ.].
13. Fedorova S. V. (2007) Kommunikativnye tehnologii sozdaniya politicheskogo diskursa [Communicative technologies for creating political discourse] (based on the materials of the Russian media in 2003—2005). Abstract of thesis]. Kazan. 24 p. [in Russ.].
14. www.wikipedia.org/wiki
15. www.xs.uz/ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «МАТЕРИНСТВО» В РУССКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Т. В. Борисенко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрены средства актуализации концепта «материнство» в русской лингвокультуре. Исследование проведено на основе лексикографических источников и материала, представленного на интернет-платформе «Яндекс.Дзен». В результате выделены основные признаки рассматриваемого концепта, определены элементы концептуальной категории, объединенной исследуемым категориальным концептом.

Ключевые слова: *концепт, категориальный концепт, лингвокультура, медиадискурс, материнство.*

Введение

Цифровая среда в современном мире оказывает большое влияние на сознание людей [1; 4; 8; 9]. Особое место в ней занимает медийный дискурс, или медиадискурс. На сегодняшний день медиадискурс активно реализуется в интернет-пространстве, что расширяет аудиторию пользователей, имеющих доступ к различной информации, и позволяет влиять на их сознание и восприятие окружающей действительности. Мы убеждены, что тексты, представленные в сети Интернет, отражают современные тенденции интерпретации мира, а их анализ позволит обнаружить важные черты содержания ключевых концептов. Цель данной статьи — выявление признаков концепта «материнство» в русской лингвокультуре. Материалом для работы послужила платформа для блогеров «Яндекс.Дзен». В работе применены структурный и описательный методы исследования, методы концептуального анализа и анализа дискурса.

Концепт в медиадискурсе

Мы придерживаемся определения концепта, которое предложил Н. Н. Болдырев. Согласно исследователю, концепты — «это единицы концептуального содержания, выделяемые человеком с целью последующей передачи их в языковой форме или дальнейшего накопления знаний о мире» [2. С. 18].

Взаимодействуя с окружающей средой, человек накапливает определенный опыт, особые состояния нервной системы, которые сохраняются во времени. По-другому эти состояния можно назвать репрезентации. Взаимодействие человека с одними и теми же либо аналогичными компонентами окружающей среды приводит к формированию, по определению А. В. Кравченко, прототипической элементарной репрезентации. Когда несколько

элементарных репрезентаций возникают в одно и то же время, между ними формируются казуальные связи, что приводит к образованию сложной репрезентации. Постепенно с накоплением опыта сложные репрезентации переживают различные модификации структуры, формируется концепт [5. С. 92]. Таким образом, по мнению ученого, концепт состоит из прототипических элементарных репрезентаций взаимодействия с языковым объектом.

Суть языковой интерпретации мира построена на принципе «единства многообразия и обусловлена концептуальной неоднородностью передаваемого опыта взаимодействия с миром и самих знаний о выделяемых объектах, событиях, их свойствах и характеристиках» [2. С. 17]. Такая интерпретирующая функция языка дает потенциал к порождению большого количества новых смыслов, что обусловлено разнообразием «концептуальных репрезентаций окружающего мира», которые передают различные типы и виды знаний, что, в свою очередь, влечет за собой разнообразие способов их актуализации в языке [Там же. С. 18].

Медиадискурс дает широкий простор для актуализации концептов. Здесь можно найти как вербальные, так и невербальные способы их реализации.

Вслед за В. В. Красных, считаем, что «дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планом» [6. С. 113]. Исследователь указывает, что существуют различные национальные виды дискурса (например, русский дискурс), а в рамках определенного национального лингвокультурного «поля» выделяются отдельные модификации дискурса, такие как, например, политический или поэтический дискурс [Там же. С. 114—116].

Социальные медиа — это «веб-ресурсы, созданные для общения пользователей в сети» [7. С. 94]. Соответственно, социальный медиадискурс репрезентирован набором лингвистических и экстралингвистических средств выражения речемыслительной деятельности, представленным на социальных интернет-площадках. Убеждены, что в данной коммуникативной среде зафиксированы многие особенности национального сознания, которые возможно выявить посредством дискурсивного и концептуального анализа.

В рамках статьи рассмотрен концепт «материнство/motherhood», актуализированный в русском медиадискурсе. Анализируемый концепт интересен тем, что, с одной стороны, он является категориальным, то есть способен группировать вокруг себя другие концепты в концептуальную категорию. С другой стороны, он представляет собой субкатегориальный элемент категории, объединенной категориальным концептом «семья».

Концепты «материнство» и «мать»

Анализ значений лексемы *материнство* по толковым словарям позволит выявить основные признаки рассматриваемого концепта, на основе которых возможно будет определить концепты, входящие в данную концептуальную категорию.

В толковых словарях зафиксировано небольшое количество значений, присущих лексемам, вербализующим исследуемые концепты. Так, *материнство* в словаре С. А. Кузнецова представлено в двух значениях: «состояние женщины-матери в период беременности, родов, кормления и воспитания ребенка» и «свойственное женщине-матери чувство к детям, желание быть матерью» [10. С. 525]. У С. И. Ожегова аналогичные значения: «состояние женщины матери (преимущ. о периоде беременности и младенческих лет ребенка)» и «свойственное матери сознание родственной связи ее с детьми» [11]. Как видим из значений и морфологического состава слов, ключевым признаком концепта «материнство» в русской культуре является признак «быть матерью». Кроме того, толковые словари раскрывают такие признаки концепта «материнство», как «беременность», «наличие ребенка», «уход за ребенком», «воспитание», «чувства к ребенку».

Признак «быть матерью» соотносится с концептом «мать». Мы уже проводили анализ концепта «мать» и выявили его признаки в русской и англо-

язычной лингвокультурах. Признаками концепта «мать» являются «давшая жизнь», «супруга», «наличие детей», «та, которая заботится», «та, о которой заботятся», «женское начало», «отношение к религии» [3. С. 47—55].

Многие признаки концептов «материнство» и «мать» совпадают. В соответствии с признаками данные концепты связаны с такими концептами, как «родственник» (ребенок (сын, дочь)), «забота» (воспитание, уход, забота о родителе), «источник жизни», «духовность», «взаимоотношения», «событие». Считаем, что концепт «мать» частично входит в категорию, объединенную концептом «материнство» по некоторым признакам (таким как «наличие детей», «женщина, давшая жизнь», «та, которая заботится»), в то время как признак «отношение к религии» не относится к материнству и позволяет отнести концепт «мать» также и к другой категории концептов.

Рассмотрим средства актуализации концепта «материнство» в медиадискурсе для определения дополнительных признаков.

Актуализация концепта «материнство» на платформе «Яндекс.Дзен»

«Яндекс.Дзен» представляет собой интернет-сервис, позволяющий авторам публиковать материалы на различные темы. В рамках исследования на этом ресурсе было отобрано 50 статей, отражающих отношение к материнству. Выборка происходила с помощью поисковой системы, в которую вводились такие запросы, как «материнство» и «мать и ребенок».

Актуализацией концепта «материнство» в первую очередь выступают лексемы — наименования матери и ребенка. Лексемы, обозначающие ребенка, разделяются на несколько групп: ребенок по возрасту (*младенец, подросток, малыш, кроха* и т. п.), ребенок, вызывающий положительные эмоции: (*человечек, кроха, детка*), в том числе сюда можно отнести ласковые формы имен собственных (*Костик, Софочка*), ребенок, вызывающий отрицательные эмоции (*монстр, спиногрыз, обуза*), эмоционально-нейтральные лексемы (*ребенок, сын, дочь*). Редко наблюдается гендерное деление детей (*принцесса, защитник, сын, дочь*). Следует отметить, что отношение к детям в статьях о материнстве в большей степени положительное. Отрицательно окрашенные лексические единицы встречаются редко; кроме того, в определенном контексте очевиден положительный настрой к ребенку. Ср. «Дети —

еще те спиногрызы»¹. Следовательно, признаком рассматриваемого концепта является в целом «положительное отношение к детям».

Замечено меньшее разнообразие среди лексем, обозначающих матерей. К ним относятся: *мать, мама, мамочка, инстамать, дама, женщина, героиня*. С другой стороны, часто используются определения, описывающие тип матери. В основном в текстах статей подчеркнуто, что мать должна обладать положительными качествами. Она может быть *любящей* (чаще всего), *спокойной, умиротворенной, удивительной*. В то же время порицаются *властные, деспотичные, нелюбящие, пренебрежительные, контролирующие, нарциссические, деструктивные, токсичные* матери. Последнее определение наиболее часто используется авторами для описания нежелательных взаимоотношений между матерью и ребенком. Кроме того, описываются «социальные статусы» матерей: *суррогатная мать, приемная мать, биологическая мать* и т. п.

Следует отметить, что в результатах запросов «материнство» и «мать и ребенок» мало статей, описывающих такие социальные явления современной действительности, как *яжмать, немать, чайлдхейтер, чайлдфри*. В основном авторы этих статей анализируют и объясняют эти понятия. Такой факт еще раз подчеркивает в целом положительное восприятие концепта «материнство» в русской культуре и неприятие отрицательных характеристик матери в качестве центральных составляющих концепта. Таким образом, к центральному признаку концепта следует отнести признак «хорошая мать», к периферийному — «плохая мать».

Важным компонентом концепта «материнство» являются также обязанности матери. Здесь можно выделить два аспекта. С одной стороны, это обязанности по отношению к ребенку (уход, воспитание), с другой — ведение быта, так как, становясь мамой, женщина остается хозяйкой в доме. Поэтому, несмотря на то что ведение быта напрямую не связано с воспитанием ребенка, это важный аспект в жизни матери (особенно матери маленького ребенка). Наряду с лексическими единицами, описывающими предметы быта и обязанности по дому (*груда белья, стиральная машина, уборка, кормление* и т. п.), концепт «материнство» вербализован через слова и словосочетания, подчеркивающие трудности, через которые проходит женщина, став

¹— Мне нравится рожать, — сказала она улыбаясь (<https://zen.yandex.ru/media/ot0do6/-mne-nravitsia-rojat-skazala-ona-ulybaias-eto-desiatyi-no-ne-poslednii-601b8902ce93531089a3dcbd>).

матерью. Мать должна *кормить вкусной и полезной пищей, одевать опрятно, планировать меню на неделю, овладеть навыками домоводства, одной рукой кормить ребенка, другой суп доварить*. Что касается воспитания и ухода за ребенком, то здесь можно выделить две группы лексических единиц: действия, чувства, отношение матери (*не сплю нормально, успокаивать, выбежать из ванны, обучать чтению, рисованию и т. п., бессонные ночи, грудное вскармливание (ГВ)*) и поведение, проблемы малыша (*истерика, колики, режутся зубы*). Указанные лексические единицы встречаются в статьях, описывающих первые годы материнства.

Следует отметить тенденцию к подчеркиванию сложностей материнства. Авторы стремятся показать, что мамам трудно, что они устают. «Усталость», «труд», «ведение домашнего хозяйства», «многофункциональность» — новые признаки концепта «материнство», актуализированные в медийном пространстве. В зависимости от цели статьи и мнения автора данные признаки оцениваются с положительной либо отрицательной стороны. Так, часть статей направлена на то, чтобы убедить читательниц не заводить детей, другие статьи, в свою очередь, направлены на то, чтобы показать, что материнство на первых этапах — сложная задача, но со временем становится легче. Например, в статье «Что такое материнство» материнство обозначают как «ураганный ветер, дождь и радуга одновременно»². Многие авторы указывают, что дети приносят *радость и счастье* в дом. Таким образом, на первый план выходит *осознанное материнство*, что подразумевает ответственный подход к планированию семьи и воспитанию будущего поколения.

Большая часть статей проникнута нежными и добрыми чувствами по отношению к детям. Наблюдаются лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*ноготки, зубик, солнышко, человечек*), эмотивные прилагательные, существительные, глаголы с положительной коннотацией (*счастье, счастливый, счастливеец, радуемся, радость, любимый, любить*), гиперболы (*бездна любви и заботы, главный мотиватор, самый важный человек*). Отсюда можно выделить еще один признак концепта «материнство» — «любовь».

Следует выделить также ответственное отношение к воспитанию и уходу за ребенком. Такой признак «материнства», как «ответственность», актуализируется через следующие лексические

² Что такое материнство (<https://zen.yandex.ru/media/super/что-такое-materinstvo-5bc751c4f7863000ab595669>).

единицы: *ответственность, отдать время ребенку, не бросим, несмотря ни на что, никогда не сможешь забыть о детях* и др.

«Материнство» в медийном дискурсе также актуализировано через слова и словосочетания, описывающие беременность и роды. При этом беременность воспринимается как начало материнства, а роды — его естественное продолжение. Большая часть таких статей освещает вопросы физиологического и психологического здоровья, что выражено такими лексическими единицами, как *подготовка к родам, восстановление после родов, растяжки, гибкость, эмоциональное здоровье*. Также обсуждаются различные виды родов: *платные роды, партнерские роды, естественные роды, кесарево сечение, бесплатные роды*. Выделенные лексические единицы актуализируют такие признаки концепта, как «беременность» и «роды».

Менее многочисленная группа лексических единиц, актуализирующих рассматриваемый концепт, связана со здоровьем и, соответственно, отражением проблем со здоровьем на внешности. Авторы

подчеркивают изменения организма, связанные с материнством (*цвет лица, разрывы, спайки, состояние зубов и волос*). Они вызваны усталостью, тяжелой работой и влиянием беременности и родов на состояние женщины. Считаем необходимым выделить в связи с этим такие периферийные признаки, как «ухудшение здоровья», «внешность матери».

Другой периферийный признак — «ощущение чуда». В некоторых статьях встречаются такие лексические единицы, как *чудо, волшебница, ангел-хранитель*.

В медиадискурсе популярен невербальный способ актуализации концепта «материнство». Многие признаки, выделенные выше, отражены в юмористических комиксах современных художников. Изображения созданы на основе личного опыта авторов. На платформе «Яндекс.Дзен» выложены подборки рисунков на тему материнства. Не всегда авторы блогов указывают источники и авторов изображений.

Приведем несколько примеров рисунков, взятых из статей (рис. 1—4). В скобках указаны аккаунты

Рис. 1. Признак «многофункциональность» (@yasonchiki)

Рис. 3. Признаки «роды», «внешность матери» (@cotocosanna)

Рис. 2. Признак «усталость» (@tan.maman)

Рис. 4. Признак «любовь» (@Materinstvo_eto)

страниц авторов изображений из социальной сети «Инстаграм».

Итак, социальные сети дают больше возможностей для актуализации концептов. Через них можно раскрыть противоположные признаки, наполняющие рассматриваемый концепт (например, «хорошая мать» — «плохая мать»), и их принадлежность к ядру и периферии концепта. Кроме того, появляются дополнительные признаки, не указанные в лексико-

графических источниках (например, «усталость», «ответственность», «ухудшение здоровья» и др.). Также в интернет-пространстве возможно проследить невербальные способы актуализации концептов (например, изображения). Что касается категориального концепта «материнство», анализ позволил через признаки выявить следующие субкатегориальные концепты, входящие в категорию: «любовь», «труд», «забота», «усталость» и «здоровье».

Список литературы

1. Арямов А. А. Правопонимание мышления в цифровом пространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 96—101.
2. Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. юбилею заслуж. деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко, 28—30 сент. 2016 г., Екатеринбург. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 16—25.
3. Борисенко Т. В. Концепты «мать» и «отец» в русской и англоязычной культурах // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 3. Филологические науки. Вып. 120. С. 47—56.
4. Гришаева С. А., Куликова О. А. Социально-психологические особенности процесса трансформации социальной культуры общества и процесса коммуникации в цифровом пространстве // Цифровая социология. 2018. № 1. С. 29—34.
5. Кравченко А. В. Место концепта в соотношении языка, сознания и мышления // Жанры речи. 2005. № 4. С. 84—102.
6. Красных В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
7. Лизунова И. В. Социальные медиа как интерактивная цифровая среда популяризации книги и чтения // Сибирь — Евразия: тр. I Междунар. науч. конгр. Новосибирск, 2016. С. 92—108.
8. Мешкова Л. Н. Цифровая культура и цифровое поколение: основные направления взаимодействия // Контекст и рефлексия: философия о мире человека. 2020. Т. 9, № 3-1. С. 196—206.
9. Черкасова М. Н. Медийная среда цифровой эры vs homo sapiens (лингвистический аспект) // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ростов, 2018. С. 121—125.

Лексикографические источники

10. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова Н. Ю. Шведовой. 3-е изд. М.: Аз, 1996. 928 с.

Сведения об авторе

Борисенко Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. tatiana-tv11@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 15—20.*

CONCEPT MOTHERHOOD ACTUALIZATION IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

T. V. Borisenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tatiana-tv11@yandex.ru

This article deals with the means of concept “motherhood” actualization in Russian linguoculture. The study is based on dictionaries and media discourse. Social media reflects modern tendencies of the world interpretation, thereby its analysis helps find important features of contemporary concepts. The aim of this article is to find features of concept “motherhood” reflected in blogging platform Yandex.Zen. Author takes “motherhood” as a categorical concept and elicits subcategorical concepts through the likeness of its features. Structural and discriptional methods as well as methods of conceptual analysis and discourse analysis are used in this paper. Media discourse revealed central features of the studied concept: “good mother”, “love”, “hard work”, “tiredness”, “give birth”, etc. “Bad mother”, “miracle”, “bad health”, “appearance” are its peripheral features. Means of social media allow non-verbal realization of concepts (e. g. through pictures).

Keywords: *concept, categorical concept, linguoculture, media discourse, motherhood, family.*

References

1. Arjamov A. A. (2020) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 2 (86), pp. 96—101 [in Russ.].
2. Boldyrev N. N. (2016) *Novaja Rossija: tradicii i innovacii v jazyke i nauke o jazyke: materialy dokladov i soobshhenij Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj jubileju Zasluzhennogo dejatelja nauki RF, doktora filologicheskikh nauk, professora L. G. Babenko, 28—30 Sept. Moscow, Ekaterinsburg, Kabinetnyj uchenyj*. Pp. 16—25 [in Russ.].
3. Borisenko T. V. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3. *Filologicheskie nauki*, iss. 120, pp. 47—56 [in Russ.].
4. Grishaeva S. A., Kulikova O. A. (2018) *Cifrovaja sociologija*, no. 1, pp. 29—34 [in Russ.].
5. Kravchenko A. V. (2005) *Zhanry rechi*, no. 4, pp. 84—102 [in Russ.].
6. Krasnyh V. V. *Svoj sredi chuzhikh: mif ili real'nost'?* [Welcomed among strangers: a myth or reality?]. Moscow, Gnozis, 2003. 375 p. [in Russ.].
7. Lizunova I. V. (2016) *Sibir' — Evrazija Trudy I Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa*. Novosibirsk. Pp. 92—108 [in Russ.].
8. Meshkova L. N. (2020) *Kontekst i refleksija: filosofija o mire cheloveka*, vol. 9, no. 3-1, pp. 196—206 [in Russ.].
9. Cherkasova M. N. (2018) *Reklama i svjazi s obshhestvennost'ju: tradicii i innovacii*. Rostov. Pp. 121—125 [in Russ.].

Dictionaries

10. Kuznetsov S. A. (ed.). (2000) *Bolshoj tolkovyj slovar russkogo yazyka* [Big definition dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint. 1536 p. [in Russ.].
11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (eds.) (1996) *Tolkovyj slovar russkogo yazyka* [Definition dictionary of Russian]. Moscow, Az. 928 p. [in Russ.].

ДЕЙСТВИЕ КАК СОПУТСТВУЮЩИЙ ПРИЗНАК В ОБРАЗНОМ ОСНОВАНИИ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

С. Г. Галутво

Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского, Брянск, Россия

Фразеологические единицы относятся к неотъемлемой части повседневной речи, а также придают высказыванию меткость, образность, экспрессивность. Фразеологические сравнения как разновидность устойчивых оборотов языка дают возможность сопоставить разнообразные явления, свойства, качества, предметы. В частности, фразеологизмы-компаративы процессуального характера, обладая специфическими и неспецифическими признаками, могут реализовывать сопутствующую очевидную и неочевидную глагольную семантику, отмечая особые черты субъекта.

Ключевые слова: фразеологизм, компаративный компонент, процессуальность, значение, образ, объект сравнения.

С давних времен человек изучал окружающий его мир, сопоставляя малоизвестное с хорошо знакомым. Сравнение является не только средством номинации, но и красочным способом оценивания. Сравнение экспрессивно, наглядно и образно описывает человека, естественные события, а также ежедневные ситуации. Благодаря разнообразным сравнительным связям предметов и явлений действительности, установленным индивидуально-речевыми актами, язык фиксирует только незначительную часть, часто употребляемую. Исследованиям устойчивых сравнений в русском и других языках посвящены работы В. М. Мокиенко [12], В. М. Огольцева [13], Е. В. Огольцевой [16], А. К. Бириха [7], Т. Ю. Бахаевой [5], А. С. Алешина [3] и других лингвистов.

Актуальность данной статьи определяется тем, что устойчивые сравнения обладают повышенной частотностью не только в разговорной речи, но и в художественной литературе и публицистике, а также сложной структурой, богатством смысловых оттенков, одним из которых может выступать потенциальная процессуальность.

Научная новизна статьи заключается в том, что автор выявляет зависимость между планом выражения устойчивого оборота и сопутствующей процессуальностью, которая может быть представлена как эксплицитно (за счет обозреваемого глагольного компонента), так и имплицитно (за счет когерентности образа фразеологизма и речевой ситуации) при создании и использовании фразеологизма компаративного характера.

Теоретическая значимость статьи заключается в возможности применения результатов исследования с целью расширения понятия о процессуальности в языковой картине мира для дальнейшей разработки вопросов национально-культурной составляющей фразеологизма.

В данной статье рассматривается особый вид фразеологических оборотов — сравнение-уподобление, иначе говоря образное устойчивое сравнение. «Сравнение-уподобление не является средством выражения логического сравнения как способа познания предметов и явлений действительности, оно лишь сформировано по принципу логического сравнения и предназначается другим целям языкового выражения» [13. С. 27].

При сравнении элементов действительности носители языка пользуются самыми типовыми элементами окружающего мира, «чтобы создаваемая структура явно и выразительно передавала основные черты сравниваемой ситуации, характера, внешнего вида. Образность, косвенное выражение мысли являются типичными чертами устойчивых сравнений» [17. С. 125].

В этой связи перейдем к рассмотрению структурно-семантического основания компаративного фразеологизма. Остановимся, во-первых, на конституционных признаках устойчивых оборотов сравнительного характера и, во-вторых, на той оценочной области, которую они затрагивают. В качестве оценочной области рассмотрим нетипичное, но потенциально реализуемое фразеологическими компаративами значение «процессуальности».

1. Конституционные признаки компаративных фразеологизмов

Сравнительное изучение компаративных фразеологизмов показывает, что языковая картина мира для представителей различных языковых социумов отличается и представлена по-разному; в ней главную роль играет характер национальной ментальности и языковая модель национального языка [21. Р. 15]. Природа языковой картины мира устанавливается знаниями, которые закреплены в семантических категориях. В зависимости от языка состав семантических полей может отличаться. Метафоры компаративных фразеологизмов состоят из слов, обозначающих общеизвестные, простые денотаты. Это дает возможность проще обозначать более сложные отношения действительности [17. С. 125; 22. Р. 827].

В рамках компаративного фразеологизма сравнивается не предмет с предметом и не понятие с понятием, а, в частности, определенный предмет с понятием. Данные отношения элементов дают образному сравнению функцию языкового выражения. Компоненты образного сравнения, в сопоставлении с членами логического сравнения, постоянно относятся к элементам разнородным.

По мнению А. В. Кунина, образность сравнения проявляется по причине того, что в речи оно относится не к классу предметов, явлений или лиц, обозначающих его второй компонент, например *смелый как лев*, а благодаря сопоставлению человека со львом, но если мы сравним, например, львицу со львом, то образность сравнения исчезает [Цит. по: 16].

В основе фразеологической сравнительной конструкции «*X как (словно, точно, подобно и т. п.) Y* находится универсальная мыслительная схема, в состав которой входят три элемента процесса сравнения: субъект сравнения, объект сравнения и признак сравнения, то есть то, что относится к общим свойствам субъекта и объекта и является предметом сравнения между ними» [18].

Компонентами устойчивого сравнения, по толкованию В. М. Огольцева (который его называет сравнением-уподоблением или образным сравнением), являются «компонент А или тема, компонент Б или образ — члены сравнения, компонент Ц — критерий сравнения, и показатель сравнения М, указывающий в условиях образного сравнения на факт уподобления первого члена сравнения второму» [13].

В. М. Огольцев отмечал, что отбор устойчивых оборотов происходит согласно нравам и обычаям

человека, а также его культурным и историческим особенностям, благодаря этому устойчивые обороты являются национально специфичными [14].

Согласно Н. Ф. Алефиренко, устойчивыми оборотами являются фразеологические концепты, относящиеся к «сложным оперативным содержательным единицам памяти, единицам ментального словарного состава, единицам концептуальной системы языка и мозга, а также являются образно-оценочной картиной мира, присутствующей в человеческой психике. Они отражают ментальные ресурсы сознания, информационной структуры, представляют человеческий опыт и знание» [1].

Фразеологические обороты встречаются в повседневной жизни и художественной литературе любого национального языка [2].

Фразеологические сравнения выделяются в отдельную группу фразеологизмов, так как они обладают специфическими признаками компаративной структуры, универсальной для многих языков. В то же время культурные традиции конкретного языкового социума «оказывают влияние на отражение в таких оборотах национально маркированных стереотипов» [17. С. 125].

Например, в испанском языке, как и в чешском и русском, самым распространенным показателем сравнения является союз *como (как): estar como un trullo 'быть как ротонда', como un palillo 'быть как палочка', estar como un tren 'быть как поезд', rojo como un cangrejo 'красный как рак', bello como una flor 'красивый как цветок'* [15. С. 185].

Фразеологические сравнения не являются застывшей системой, они относятся к средству познавательной деятельности; они находятся в непрерывном поиске подобий и в движении к идентичностям. Устойчивые сравнения — это органика языка, не тяжелая, как ртуть, а ртуть живая [11. С. 50].

В. В. Виноградов называл сравнения устойчивыми фразеологическими конструкциями, в которых внутренняя условность — это традиционная национальная характеристика образа, его апробированная точность, бытовой реализм и экспрессивная значимость [10].

Фразеологические сравнения — это один из самых многочисленных разрядов фразеологических единиц с однотипными структурно-семантическими свойствами. Но, чтобы более ясно понять, что такое устойчивые сравнения, необходимо рассмотреть их специфику [2].

Следует назвать некоторые особенности фразеологических сравнительных оборотов. В целом они пересекаются с общими признаками

фразеологизмов, однако обладают некоторыми особыми показателями [12. С. 37]. Так, фразеологические сравнения обладают общими для всех фразеологизмов устойчивостью использования в речи и образностью конструкции.

Специфичным признаком компаративных фразеологических оборотов является наличие сравнительного маркера и объекта сравнения.

Сравнительный маркер в механизмах структурирования оборота. Это явно выраженная специфика структуры устойчивых сравнений, которая обозначена сравнительным союзом *как* или его структурными эквивалентами. Данный структурный элемент в составе устойчивых сравнений может являться чисто формальным [19]. Но он функционально весьма значим, потому что эксплицитно воплощает в себе один из категориальных признаков фразеологических единиц — раздельно-оформленность.

Действительно, раздельнооформленность является природным свойством любого устойчивого выражения, так как именно она несет его отличие от нераздельнооформленной языковой единицы — лексемы, слова [12. С. 37].

Объект образного сравнения. В качестве объекта сравнения во фразеологических оборотах обычно выступают конкретные наименования — названия реальных, обладающих природной, биологической, артефактивной материальностью. Однако если объектом сравнения выступает референт с отвлеченно-обобщенным или абстрактным значением, то фразеологизмы и с таким объектом сравнения превращаются во фразеологизмы-метафоры; ср. *дважды два; нечего делать; без году неделя* (устар. *как без году неделя*) и др. [11. С. 50].

Неспецифичными (свойственными всем устойчивым фразеологическим единицам) признаками являются устойчивость и образность.

Устойчивость использования в речи. Устойчивость фразеологических сравнений в целом более демонстративна и обязательна, чем у других фразеологизмов, поскольку композиционный элемент сравнения в какой-то мере обеспечивает им «незыблемость» компонентного состава [12. С. 37].

Образность сравнительной конструкции. Специфика таких категориальных свойств фразеологических сравнений, как раздельнооформленность, устойчивость и экспрессивность, просвечивается сквозь ярко выраженную и эксплицитно маркированную связь с компонентом-союзом. И, хотя образность не является ключевым свойством устойчивых сравнений, она играет едва ли не доминирующую

роль для категории фразеологизмов с компаративным компонентом [19].

Если для фразеологии вообще образность может быть не категориальна, так как существует немало безобразных фразеологических единиц (например, *государственная дума, учебная часть, стол заборов* и т. п., где образность выражена неярко), то для фразеологических сравнений она категориальна. Ведь даже устойчивые сравнения с компонентом, имеющим затемненную внутреннюю форму, типа *пьян как зюзя, глуп как сивый мерин, наготовить как на Маланыну свадьбу*, воспринимаются говорящими как образные благодаря сравнительному компоненту-союзу, апеллирующему к внутренней форме — пусть и утраченной, но ассоциативно реконструируемой [12. С. 38].

2. Процессуальные признаки компаративных фразеологизмов

К предмету фразеологических исследований всегда относились фразеологизмы компаративного значения. Их включение в одну из самых динамичных номинативных единиц можно объяснить самой природой сопоставления. Сравнение — это не просто средство наименования окружающей действительности, но и достаточно яркий метод ее оценивания.

Сравнение всегда достаточно ярко дает характеристику не только человеку, но и явлениям природы и повседневным ситуациям. Особенно красочность и яркость дают возможность предпочесть экономное и точное сравнение длинному и нечеткому описанию. От этого и возникает та несвойственная семантическая дифференцированность каждого устойчивого сравнения, которую Б. А. Ларин в свое время характеризовал как «добавочность смысла» фразеологизмов [См.: 12].

Такая «добавочность смысла» особенно ощутима в синонимическом ряду. Например, градация степени опьянения при помощи сравнений [7. С. 166—167]: разг. *пьян как стелька*; устар. прост. *пьян как грецкая губка*; прост. *пьян как чурбан*; нар. *пьян как колода*; разг. *пьян как свинья*; *пьян как зюзя*; *пьян как сапожник*; *пьян как черт*; *напился как змий*; шутол. *напился как Змей Горыныч*; нов. жарг. *напился как зонтик* [12].

Прозрачная образность этих сравнений дает возможность для их тонкой стилистической дифференциации. Когда — как в случае со сравнением *пьян как зюзя* — образ затемнен, то сама структура сравнения, подчеркнутая затемненностью внутренней формы, создает его особую экспрессивность [Там же].

Как правило, фразеологические компаративы дают квалифицирующую оценку происходящего: много — мало, плохо — хорошо и др.

Однако стоит заметить, что фразеологические обороты компаративного характера существуют и как номинации, которые могут отражать состояние лица, совершающего какое-либо действие. Разумеется, процессуальность сравнительных оборотов семантически второстепенна (необязательна; скажем, в оборотах: *белый как снег, красный как рак, гол как сокол* — она вообще отсутствует, поскольку с действием как таковым не связана) наряду с главным значением — категорией состояния объекта речи.

Тем не менее остановимся на проявлении сопутствующего процессуального характера компаративных фразеологизмов. Процессуальность в компаративных фразеологизмах может выражаться непосредственно глагольным компонентом, то есть быть эксплицитной, а также может ассоциироваться, то есть быть имплицитной, с каким-либо сопутствующим указанному в образе состоянием.

Необходимо подчеркнуть, что фразеологические сравнительные обороты могут опускать в контексте процессуальный признак сравнения. Такое невыражение процессуального признака сравнения, по сути, нельзя отнести к невыражению, так как словесная формулировка заменяется невербальными средствами: в письменном тексте — тире, в устной речи — паузой; контекст позволяет безошибочно вернуть признак сравнения и мысленно прекратить сравнительную конструкцию [19]. Как следствие, можно говорить о прямо и косвенно выраженных процессуальных признаках сравнения при устойчивых сравнительных оборотах.

Эксплицитно выраженная процессуальность

Наиболее очевидной становится процессуальность тогда, когда в компонентной структуре компаративного фразеологизма появляется глагольный компонент. Например, немецкие обороты: *sie war stark wie ein Pferd* (букв.: она была сильна как лошадь) [6], *er schnaufte wie eine Dampflokomotive* [Там же] (букв.: он пыхтел как паровоз). Иногда в процессе развития языка отдельные элементы сравнительного фразеологизма становятся непонятными. Например, немецкое слово *Bohnenstroh* (букв. бобовая солома) означает *dumm* 'глупый'. Чтобы объяснить немецкую устойчивую сравнительную форму *dumm wie Bohnenstroh sein* 'тупой как бобовая солома', необходимо обратиться

к истории языка. При этом можно встретить устаревшую форму *grob wie Bohnenstroh sein* [20] 'быть грубым как бобовая солома', — было время, когда сравнение относилось к необразованным и малообеспеченным людям, которые спали не на обычной соломе, а на более твердой и грубой траве. Только в более поздние времена слово *grob* 'грубый' было заменено на ныне распространенное слово *dumm* 'глупый, тупой' [Ibid.]. Заметим, что процессуальный оттенок значения видится в том, что 'глупый X наподобие Y (соломы) не в состоянии совершать качественную работу' — производительность слабого уровня.

Например, в чешском языке для выражения сравнения используются следующие союзы: *jako by* 'будто', *jako že* 'как', *jako když* 'как когда', *jako kdyby* 'как будто'. В таких компаративных фразеологизмах часто встречается глагольный компонент, например: *vypadá, jako by měl tři roky psinu* (букв.: он выглядит, как будто три года болел собачьей болезнью), *jako by šváby louskal* (букв.: он выглядит, как будто бы щелкал тараканов), *vlasu, jako když se čuně lekne* (букв.: у него волосы, как будто бы свинья испугалась), *má oči, jako když šlápne myši na krk* (букв.: у него глаза, как будто бы наступили мыши на горло) [18. С. 186].

Признак сравнения должен обязательно выражаться (прямо или косвенно), если в нем присутствует единичное действительное (или коннотативное) свойство объекта сравнения. Такой признак сравнения выражен в устойчивых (чаще в одном или двух) словах-сопроводителях; ср.: *как утопленнику везти; как свинья в апельсинах разбираться, понимать; как черт ладана бояться; как черт от ладана бежать, шарахаться* и др. [11. С. 50]. Процессуальность в данных выражениях напрямую связана с глагольным компонентом.

Имплицитно выраженная процессуальность

Принадлежность фразеологических сравнений к процессуальному (хоть и второстепенному) направлению плана выражения оборота можно подтвердить структурно-семантической связью. В приведенном ниже русском синонимическом ряду это большое количество выражений, воспринимаемых по своей структуре носителями языка как «полу-сравнения», но подразумевающих очевидно малую степень активности (нулевой процессуальности) субъекта: прост. *пьян в доску; пьян в драбадан (в дребадан)*; обл. *пьян в дребь*; прост. *пьян в дым (в дымину)*; грубо-прост. *пьян в дупель; пьян*

в дрезину; пьян вдрызг; пьян в лоск; пьян вусмерть; напился до чертиков; напился до зеленого змия и др. [12]. В перечисленных случаях обороты имеют общую сему — *‘такой, что не может (не в состоянии) делать что-либо’*. Как видно, компаративный маркер *как* опосредованно коррелирует с предполагаемой процессуальностью.

Данное восприятие можно объяснить тем, что некоторые фразеологизмы из этого ряда обладают возможностью иметь сравнительную форму (не в грамматическом смысле, а в соотносительном), например: *пьян в стельку* или *пьян как стелька*. Другие устойчивые сравнения формальную компаративность имеют лишь при сопоставлении с другими языками. К примеру, просторечное выражение *пьян в дугу* имеет также региональные варианты. Например, в Красноярском крае обычно говорят с неодобрением: *пьян (пьяный) в дугарину ‘об очень пьяном человеке’* [5. С. 14].

Ранее упоминалось, что процессуальность в компаративных оборотах не всегда связана с тем, кто осуществляет действие. Скажем, такие немецкие фразеологизмы, как *weiß wie Schnee* (букв.: белый как снег) или *zart wie Samt* (букв.: нежный как бархат), не относятся к процессуальной области устойчивых выражений: *weiß wie ein Schwan* (букв.: белый как лебедь), *weiß wie frisch gefallener Schnee* (букв.: белый как только что упавший снег), чего не скажешь о таких фразеологических оборотах, как *schnell wie der Blitz* (букв.: быстрый как молния) ‘быстро действует’ или *hungrig wie ein Wolf* (букв.: голодный как волк) ‘очень хочет принимать пищу’ [20]. В чешском языке, так же как и в русском, в качестве показателя сравнения явно преобладают сравнительные союзы, а именно союз *jako (как): krásný jako Adonis, černý jako ašant, hubený jako tučka* — *красив как Адонис, черный как негр, худой как палка*, — и его варианты [15. С. 185].

Исследование устойчивых сравнений дает возможность более глубоко узнать свойства языковой картины мира и получить сведения о характере национальной ментальности. Фразеологические компаративные единицы процессуального характера представляют собой специфические категории национального языка, образно отражающие мироощущение и мировоззрение определенного этноса. Примеры, взятые из разных языков, доказывают распространенность сопутствующего процессуального значения, скрытого в семантическом наборе фразеологизма.

Таким образом, сравнение — это средство познания действительности, имеющее место в любом языке.

Компаративные фразеологические сравнения играют основную роль в отражении информации об окружающем мире — в них ярко изображена национальная специфика языка и культура каждого народа.

Национально-культурные особенности устойчивых сравнений в каждом языке проявляются по-разному. Например, это связано с тем обстоятельством, что одни фразеологические сравнения в речи используются только с выраженным признаком сравнения и без признака сравнения не употребляются, другие возможно использовать не только без выраженного признака сравнения, но и без сравнительной связки.

Проводимое нами исследование говорит о том, что фразеологический оборот с компаративным компонентом обладает особенностью структурной и семантической организации.

Выделяются основные признаки фразеологических сравнительных оборотов. Первые два признака специфичны для фразеологических оборотов с компаративным значением, а остальные являются общими для всех фразеологических выражений.

К специфичным признакам относятся:

- *устойчивость использования в речи* — сравнительный компонент дает фразеологическому выражению неизблемость компонентного состава;
- *образность сравнительной конструкции* — обязательное использование компонента-союза для более образного выражения сравнения.

К неспецифичным признакам относятся:

- *сравнительный маркер в механизмах структурирования оборота* — выражение в сравнительных оборотах одного из категориальных признаков фразеологических единиц — раздельнооформленности, обозначаемой сравнительным компонентом-союзом *как* или его структурными эквивалентами. Данный признак является одним из свойств любого устойчивого выражения;

- *объект образного сравнения* — объект сравнения может быть выражен конкретным наименованием — названием реальных, обладающих природной, биологической или артефактивной материальностью.

Процессуальность во фразеологических компаративах является сопутствующим признаком, она более очевидна, когда в компонентной структуре компаративного фразеологизма появляется глагольный компонент, то есть она *эксплицитна*, благодаря чему мы можем понять качество производительности действия. Также процессуальность может быть *имплицитна*, то есть может ассоциироваться с каким-либо сопутствующим указанному

в образе состоянием. Но в большинстве случаев они воспринимаются как полусравнения и подразумевают малую степень процессуальности.

Перспективу дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении

способов передачи имплицитного и эксплицитного действия компаративными фразеологическими оборотами в сопоставительном аспекте на материале родственных и неродственных языков.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеологическая семантика в свете лингвокогнитивистики // Мова у дзеркалі особистості. Філологічні дослідження, присвячені 80-річчю професора, академіка НАПН України Кононенко Віталія Івановича. Івано-Франківськ: Місто НВ, 2013. С. 77—94.
2. Алешин А. С. Устойчивые сравнения шведского языка. СПб.: Нестор-История, 2012.
3. Алешин А. С. Устойчивые сравнения шведского языка, характеризующие человека: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2011.
4. Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В. М. Из библейской мудрости. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2014.
5. Бахаева Т. Ю. Устойчивые сочетания в русских говорах южных районов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2005.
6. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995.
7. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: АСТ, 2009.
8. Васильев А. И. Фразеологический словарь языка И. А. Бунина. Елец: Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2011.
9. Венжинович Н. Ф. Устойчивые сравнения как средство объективации ценностей в системе фразеологии украинского языка: лингвокультурологический аспект // Устойчивые сравнения в системе фразеологии: коллектив. моногр. / отв. ред. В. М. Мокиенко. СПб.; Грайфсвальд, 2016. С. 59—62.
10. Виноградов В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. М., 1969.
11. Ковшова М. Л. Фразеологические сравнительные конструкции с невыраженным признаком сравнения: возможности и ограничения на употребление // Устойчивые сравнения в системе фразеологии: коллектив. моногр. / отв. ред. В. М. Мокиенко. СПб.; Грайфсвальд, 2016.
12. Мокиенко, В. М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии // Устойчивые сравнения в системе фразеологии: коллектив. моногр. / отв. ред. В. М. Мокиенко. СПб.; Грайфсвальд, 2016.
13. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.: Просвещение, 1978.
14. Огольцев В. М.: Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М.: Рус. словари: Астрель: АСТ, 2001.
15. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М.; Либроком, 2010.
16. Огольцева Е. В. Устойчивые сравнения русского языка. М.: Просвещение, 1992.
17. Пачаи И. Об устойчивых сравнениях в фразеологии «русской культурной зоны» и Карпатского ареала // Устойчивые сравнения в системе фразеологии: коллектив. моногр. / отв. ред. В. М. Мокиенко. СПб.; Грайфсвальд, 2016.
18. Свашкова М. Сравнительные конструкции во фразеологизмах, описывающих внешний облик человека (на материале русского, чешского и испанского языков) // Устойчивые сравнения в системе фразеологии: коллектив. моногр. / отв. ред. В. М. Мокиенко. СПб.; Грайфсвальд, 2016.
19. Танирбергенов Ж. О. Вариативность и синонимия глагольных фразеологических словосочетаний в каракалпакском языке / Ж. О. Танирбергенов // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 10 (432). С. 165—171.
20. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2002.
21. Karabulatova I. S., Vildanov K. S., Zinchenko A. A., Vasilishina E. N., Vassilenko A. P. Problems of identificative matrices transformation of modern multicultural persons in the variative discourse of electronic informative society identity // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. Vol. 25, July. P. 1—16.

22. Vassilenko A. P., Karabulatova I. S., Vasilishina E. N., Tukaeva R. A., Barabash V. V. The conceptual sphere of fiction in the Russian and English world picture // *Оpcion*. 2018. Vol. 34, no. 85. P. 825—839.

Сведения об авторе

Галутво Светлана Геннадьевна — аспирантка Брянского государственного университета им. И. Г. Петровского, Брянск, Россия. sveta_galutvo@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 21—28.*

ACTION AS ATTENDANT SIGN IN THE FIGURATIVE BASIS OF COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS

S. G. Galutvo

Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russia. sveta_galutvo@mail.ru

Phraseological units belong to an integral part of everyday speech, and also give the utterance accuracy, imagery, and expressiveness. Phraseological comparisons as a kind of stable expression of language make it possible to compare various phenomena, properties, qualities, and objects. In particular, phraseological units-comparatives of a procedural nature, having specific and non-specific features, can implement the accompanying obvious and non-obvious verbal semantics, noting the special features of the subject. The study of stable comparisons makes it possible to learn more about the properties of the language picture of the world and get information about the nature of the national mentality. Examples taken from different languages prove the prevalence of the accompanying procedural meaning hidden in the semantic set of phraseology.

Keywords: *phraseologism, comparative component, procedural, meaning, image, the object of comparison.*

References

1. Alefirenko N. F. (2013) *Frazeologicheskaya semantika v svete lingvokognitivistiki* [Phraseological semantics in the light of cognitive]. *Mova u dzerkali osobistosti. Filologichni doslidzhennia, prisviacheni 80-richchii profesora, akademika NAPN Ukraïni Kononenka Vitaliia Ivanovicha* [Language in the mirror of personality. Philological research dedicated to the 80th anniversary of Professor, academician of the National Academy of Medical Sciences of Ukraine Vitaliy Kononenko]. Ivano-Frankivsk. Pp. 77—94 [in Ukrainian].
2. Aleshin N. F. (2012) *Ustoichevie sravneniya shvedskogo yazika* [Sustainable comparison of the Swedish language]. St. Petersburg [in Russ.].
3. Aleshin N. F. (2011) *Ustoichevie sravneniya shvedskogo yazika, harakteriuyushie cheloveka: lingvokul'turologicheskii aspekt* [Stable comparisons of the Swedish language that characterize a person: linguoculturological aspect]. St. Petersburg [in Russ.].
4. Balakova D., Valter H., Mokienco V. M. (2014) *Iz bibleyskoy mudrosti* [From biblical wisdom]. Mogilev [in Russ.].
5. Bahaea T. Y. (2005) *Ustoichevie sochetaniya v russih govorah yuzhnih rayonov* [Stable combinations in Russian dialects of southern regions]. St. Petersburg [in Russ.].
6. Binovich L. E. (1995) *Nemetsko-russkii frazeologicheskii slovar'* [German-Russian phraseological dictionary]. Moscow [in Russ.].
7. Birih A. K., Mokienco V. M., Stepanova L. I. (2009) *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language]. Moscow [in Russ.].
8. Vasil'ev A. I. (2011) *Frazeologicheskii slovar' yazika* [Phraseological dictionary of the language]. Elets [in Russ.].
9. Venzhinovich N. F. (2016) *Ustoychevie sravneniya kak sredstvo ob'ektivatsii tsennostey v sisteme frazeologii ukrainskogo yazika: longvokul'turologicheskii aspekt* [Stable comparisons as a means of objectification

of values in the system of phraseology of the Ukrainian language: linguoculturological aspect]. St. Petersburg [in Russ.].

10. Vinogradov V. V. (1969) O vzaimodeystvii leksiko-semanticheskikh urovney s grammaticheskimi v strukture yazyka [About the interaction of lexical and semantic levels with grammatical ones in the language structure]. Moscow [in Russ.].

11. Kovshova M. L. (2016) Frazeologicheskie sravnitel'nie konstruksii s nevirazhennim priznakom sravneniya: vozmozhnosti i ogranicheniya na upotreblenie [Phraseological comparative constructions with an unspoken sign of comparison: opportunities and restrictions on use]. St. Petersburg [in Russ.].

12. Mokienko V. M. (2016) Ustoichevie sravneniya v sisteme frazeologii [Stable comparisons in the phraseology system]. St. Petersburg [in Russ.].

13. Ogoltsev V. M. (1978) Ustoichevie sravneniya v sisteme russkoy frazeologii [Stable comparisons in the system of Russian phraseology]. Leningrad [in Russ.].

14. Ogoltsev V. M. (2001) Slovar' ustoychevikh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskiy) [Dictionary of stable comparisons of the Russian language (synonym-antonymic)]. Moscow [in Russ.].

15. Ogoltsev V. M. (2010) Ustoichevie sravneniya v sisteme russkoy frazeologii [Stable comparisons in the system of Russian phraseology]. Moscow [in Russ.].

16. Ogoltseva E. V. (1992) Ustoichevie sravneniya russkogo yazyka [Stable comparisons of the Russian language]. St. Petersburg [in Russ.].

17. Pachai I. (2016) Ob ustoychevikh sravneniyah v frazeologii "russkoy kul'turnoy zony" i Karpatskogo areala [About stable comparisons in the phraseology of the "Russian cultural zone" and the Carpathian area]. St. Petersburg [in Russ.].

18. Svashkova M. (2016) Sravnitel'nie konstruksii vo frazeologizmah, opisivayutshih vneshniy oblik cheloveka (na materiale russkogo, cheshskogo i ispanskogo yazykov) [Comparative constructions in phraseological units describing the appearance of a person (based on Russian, Czech, and Spanish)]. St. Petersburg [in Russ.].

19. Tanirbergenov J. O. (2019) Variativnost' i sinonimia glagolnykh frazeologicheskikh sochetaniy [Variety and synonymy in verbal phraseological units in the Karakalpak language]. Chelyabinsk [in Russ.].

20. (2002) Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, Dudenverlag.

21. Karabulatova I. S., Vildanov K. S., Zinchenko A. A., Vasilishina E. N., Vassilenko A. P. (2017) *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 25, pp. 1—16.

22. Vassilenko A. P., Karabulatova I. S., Vasilishina E. N., Tukaeva R. A., Barabash V. V. (2018) *Opcion*, vol. 34, no. 85, pp. 825—839.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТА «ИНОСМИ»)

Н. Р. Гейко

Костанайский филиал Челябинского государственного университета, Костанай, Казахстан

Статья посвящена изучению особенностей переводческого комментария в публицистическом дискурсе с точки зрения теории и практики перевода. Предметом исследования являются примечания переводчика, извлеченные методом сплошной выборки из переводных статей сайта «ИноСМИ». Переводческий комментарий выполняет пояснительную функцию в русскоязычных статьях, комментирует реалии, аббревиатуры, иностранные слова, интертекстуализмы, корректирует неточную информацию.

Ключевые слова: примечание переводчика, СМИ, переводческий комментарий, реалия, публицистический дискурс.

Исследования переводческого комментария, который рассматривается в рамках как литературоведения, текстологии, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, так и теории и практики перевода, широко представлены в современной научной литературе. В этом можно убедиться, обратившись к сайтам eLIBRARY.ru (<https://elibrary.ru>) и «Академия Google» (<https://scholar.google.ru>) (см. работы В. Н. Алексеевой, 2012 [1]; С. В. Власенко, 2014 [7]; Г. П. Дондуковой, 2012 [11]; В. Н. Карпухиной, 2010 [14]; А. С. Соколовой, 2013 [21] и мн. др.). За последнее десятилетие количество трудов значительно возросло, ученые активно занимаются разграничением понятий «пояснение», «примечание», «комментарий», «сноска»; рассматривают типологию переводческих комментариев; выявляют их функции; изучают природу метатекста. Вместе с тем стоит отметить, что научные изыскания базируются преимущественно на материале переводов художественных текстов [2; 4; 6; 8; 12; 19; 20], философских текстов [3], переводов Библии [5].

Исследования переводческих комментариев на материале публицистических текстов представлены в основном в учебной литературе, в которой отводится незначительное место данному явлению, в основном при перечислении способов перевода лексики с национально-культурными элементами, лингвокультурологических лакун, фоновой информации текста. Приведем пример из учебной литературы, который наглядно показывает двойное отношение к применению переводческого комментария. С одной стороны, это чуть ли не единственный способ перевода языковых единиц

текстов СМИ, имеющих национальный компонент в своем составе, с другой стороны, показывает, что от переводчика требуется чувство меры, глубокое понимание исходного высказывания, умение лаконично раскрыть значение лексической единицы, непонятной носителям другой культуры: «специфические приемы украшения, которыми пользуются иностранные газеты и журналы, подчас носят столь узконациональный или даже местный характер, что могут быть переданы в переводе лишь в сопровождении подробных примечаний. В большинстве случаев такие примечания лишь загромождают текст и ничего не дают ни уму ни сердцу нашего читателя» [15. С. 36].

Отсутствие фундаментальных трудов, раскрывающих сущность переводческого комментария в переводных текстах публицистического дискурса, свойств комментариев, их особенностей, закономерностей, типологии, обуславливает актуальность темы исследования, требует от лингвистов, теоретиков и практиков перевода тщательной проработки этих вопросов. На современном этапе проведение такого рода исследований представляется возможным благодаря тому, что СМИ разных стран доступны в переводных версиях в печатных форматах и онлайн-форматах, существует обширная теоретическая база проработки данных вопросов на материале художественных текстов, которую можно использовать в качестве отправной точки, а у публицистических текстов, как известно, много общего с художественными текстами (используются образные средства, фразеологические единицы, слова разных пластов лексики для усиления эмоционального воздействия речи).

В качестве материала исследования выбран сайт «ИноСМИ» (<http://inosmi.ru>), на котором размещаются переводы статей зарубежных средств массовой коммуникации на русский язык. Анализ переводных статей сайта «ИноСМИ» за 2019—2020 гг. показал, что в своей практике переводчики широко используют примечания, о чем свидетельствуют многочисленные примеры, отобранные нами в ходе исследования; общее количество составляет более 500 примечаний.

Методами исследования послужили лингвистическое наблюдение, сплошная выборка, концептуальный анализ, контекстуальный анализ, количественный метод, описание полученных результатов. Для отбора примечаний переводчика использовался автоматический поиск по ключевым словам сайта «ИноСМИ». В качестве ключевых слов выступили следующие единицы: «Прим.», «прим.», «прим. пер.», «прим. перев.».

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проанализированы примечания переводчика на материале переводных статей сайта «ИноСМИ» за 2019—2020 гг., выявлены лексические единицы, подверженные комментированию. Результаты, изложенные в статье, могут способствовать более глубокому пониманию специфики, функций и особенностей примечаний переводчика, их адекватному применению при переводе публицистических текстов с иностранного на русский язык.

Теоретические наработки и практический материал, представленные в статье, могут быть применены в процессе составления учебных пособий по теории и практике перевода, лингвокультурологии, пособий для профессиональных переводчиков текстов СМИ, а также в качестве материала для лекционных и практических занятий в рамках курсов «Перевод публицистических текстов», «Практический курс перевода публицистического текста», «Общественно-политический перевод».

В работе переводческий комментарий рассматривается с позиции переводоведения. Важным представляется выявить лексические единицы, подверженные комментированию при переводе, функции комментария в тексте перевода, его виды, а также целесообразность применения переводчиком комментария.

В теории и практике перевода *переводческий комментарий* трактуют как «комментарий переводчика к переведенному тексту или его фрагменту; один из основных способов компенсации смысловых потерь при переводе; один из переводческих

приемов» [18. С. 129], а *примечание переводчика* — «текст, вставленный в перевод и четко выделенный в нем, который не соответствует тексту оригинала, а поясняет содержание или особенности работы над переводом...»¹.

Приведем примеры переводческих комментариев из новостных статей сайта «ИноСМИ», техническое оформление в тексте перевода полностью сохранено:

1) «Понятие “новая Украина” возникло давно. После того как в 2014 году (*так в тексте — прим. перев.*) в результате оранжевой революции к власти пришел Виктор Ющенко, он неоднократно заявлял о появлении “новой украинской нации и государства”»².

Так, в первом примере переводчик комментирует свой перевод, указывая на тот факт, что в оригинале допущена ошибка («оранжевая революция» проходила с 22 ноября 2004 по 23 января 2005 г., а не в 2014 г., как полагает автор статьи). Переводчик указывает на ошибку, но не исправляет ее.

2) «Он вел себя столь же непринужденно, словно прогуливался по Уайтхоллу (*улица в Вестминстере, чье название стало нарицательным для британского правительства — прим. перев.*)»³.

Во втором примере переводчик раскрывает значение англоязычной реалии White hall, которое при переводе транскрибировано и снабжено примечанием переводчика. На наш взгляд, переводчику удалось компенсировать смысловые потери примечанием, одной транскрипции было бы недостаточно для раскрытия значения данной реалии.

3) «Перечисляя “королеву Англии (Соединенного Королевства)” и лидеров Франции, Польши и Ирландии, Трамп написал в четверг, 13 июня, что он также говорил с “принцем Китов” (президент США неправильно написал слово Уэльс (Wales),

¹ ГОСТ 7.36-2006 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Неопубликованный перевод. Общие требования и правила оформления» (<http://vsegost.com/Catalog/45/4547.shtml>; дата обращения 18.08.2020).

² Сольчаник Р. Единая Украина? Подумайте еще раз: Atlantic Council (США) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/politic/20190615/245282904.html>; дата обращения 18.08.2020).

³ Николс Д. Гэвин Уильямсон обещает Украине британское подкрепление, чтобы Россия «не пересмотрела итоги холодной войны»: The Telegraph (Великобритания) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/politic/20180925/243319863.html>; дата обращения 18.08.2020).

добавив в него букву *h* (Whales), что и послужило причиной насмешек, так как слово *whales* означает «киты» — прим. перевод.)»¹.

В третьем примере переводчик буквально переводит словосочетание the Prince of Whales, а затем в примечаниях поясняет русскоязычным читателям о допущенной ошибке в правописании слова Wales, приводит перевод слова Whales, а также подчеркивает комичность самой ситуации. Следует указать и на появление дня и месяца в тексте перевода, которые отсутствуют в оригинале, переводчик решил конкретизировать, о каком именно четверге идет речь.

Мы придерживаемся точки зрения Н. А. Воскресенской, которая не разграничивает термины «примечание переводчика» и «переводческий комментарий» [8. С. 61]. В данной работе эти термины употребляются синонимично, а продемонстрированные примеры наглядно подтверждают их тождественность с переводческой точки зрения. Во всех примерах примечание переводчика отграничено от текста перевода, представлено в виде комментария к фрагменту текста оригинала.

В исследуемом материале примечания переводчика в основном располагаются в тексте, выявлены единичные случаи размещения примечаний в конце текста статьи. Комментарий помещается в круглые скобки сразу после поясняемого слова или словосочетания, к тексту примечаний применяется *курсивное* начертание, в редких случаях примечания оформляются без изменения начертания или в квадратных скобках. Текст примечаний снабжается следующими обозначениями: Прим. пер. / прим. пер. / прим.пер. / прим. перев. / прим.перев. Приведем примеры: «объект поклонения карго-культа (*культ Даров небесных — термин, которым называют группу религиозных движений в Меланезии — прим. перев.*)»². «Каздагы (*горный массив на северо-западе Малой Азии — прим. пер.*)»³. «...Осудил в эфире... Ярослава Качиньского (Jarosław Kaczyński) (председатель польской пра-

влящей партии «Право и справедливость», — прим.пер.)»⁴. «Я хочу отправить себя в тюрьму. #toddlersandtiaras» (Прим. пер.: «Коронованные младенцы», американское реалити-шоу)»⁵. Ученый Алексей Чумаков, который работает в московском институте, названном в честь его знаменитого отца-вирусолога [*Институт полиомиелита и вирусных энцефалитов им. М. П. Чумакова — прим. перев.*]...⁶

В исследованиях, посвященных изучению переводческого комментария, до сих пор нет единого мнения относительно желательности или нежелательности применения примечаний переводчика. Так, некоторые ученые критикуют переводчиков за использование примечаний и комментариев в тексте перевода [9], другие же, наоборот, считают, что это единственный способ сохранить и передать информацию, заложенную в оригинале [13. С. 197].

В следующем предложении русскоязычный читатель может испытывать затруднения в понимании слова «Цонис», отсутствующем в русском языке, но его значение известно немецкоязычной аудитории. Слово «Цонис» (нем. zone +[†]-i, сокращение от Sowjetische Besatzungszone (Советская зона оккупации Германии) до 1970 г. использовалось жителями западных земель Германии для обозначения жителей ГДР).

1) «Согласно всем опросам, восточные немцы во многом чувствуют на себе отношение как к второсортным гражданам, не на равных, с печатью вечных «Цонис» (*презрительное обозначение жителей ГДР — прим. пер.*), — говорит он»⁷.

Во втором предложении по контексту можно догадаться, что речь идет о напитке, тем не менее переводчик решил представить читателям информацию о составе популярного немецкого напитка,

¹ Белам М. Трамп хвастается встречей с «принцем Китов»: The Guardian (Великобритания) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/politic/20190614/245281603.html>; дата обращения 18.08.2020).

² Кись Н. Помогли тебе твои ляхи?: Zaxid (Украина) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/politic/20190919/245853355.html>; дата обращения 18.08.2020).

³ Редакционная статья. Артисты обогащаются на христианской традиции — два миллиона за два часа!: Yeni Akit (Турция) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/politic/20191029/246118625.html>; дата обращения 18.08.2020).

⁴ Корвин-Микке после выборов: Ярослав Качиньский должен ответить за оскорбление России (Niezależna, Польша) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/politic/20190529/245171136.html>; дата обращения 18.08.2020).

⁵ Франклин Д. Совершает ли мировая элита преступления против детей?: American Thinker (США) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/social/20200728/247826706.html>; дата обращения 18.08.2020).

⁶ Коэн Дж. Science (США): несмотря на заявления пресс-релиза, российскую вакцину от Covid-19 одобряют не все // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/science/20200813/247916787.html>; дата обращения 18.08.2020).

⁷ Хоффманн К. С наилучшими пожеланиями Москве: Der Spiegel (Германия) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/politic/20190930/245897610.html>; дата обращения 18.08.2020).

который в Германии пьют с детства. Возможно, он также хотел подчеркнуть, что напиток является безалкогольным. Отсутствие примечания переводчика могло бы спровоцировать недопонимание у представителей русскоязычной культуры, а само слово «апфельшорле» без комментария казалось бы неоправданно экзотичным в русскоязычной статье.

2) «Теплым сентябрьским днем депутат бундестага от АдГ Робби Шлунд сидит в саду Cafe Graf Zepellin в городе Гера и пьет апфельшорле (яблочный сок с добавлением минеральной воды — прим. пер.)»¹.

Журналисты создают тексты статей для своей аудитории, а не для иностранцев, поэтому в статьях встречаются упоминания о явлениях, событиях, известных носителям языка, но вряд ли известных представителям другой культуры. Мы считаем, что у читателей новостных сообщений не всегда есть возможность и время обращаться к дополнительным источникам информации. Вслед за А. А. Гусевой, Т. А. Казаковой и многими другими учеными, рассматриваем примечания переводчика как «один из способов компенсации смысловых потерь при переводе», который позволяет компенсировать неравенства преинформационных запасов носителей исходного и переводящего языков [10; 13; 16].

Т. А. Казакова пишет, что к комментарию прибегают при переводе лексики, отражающей особенности или подробности исходной культуры, игры слов, иронии, фразеологизмов, исходного словосочетания с национально-культурной спецификой [13. С. 127—273]. В. Н. Карпухина указывает на «слова и выражения текста оригинала, связанные с так называемыми фоновыми знаниями носителя языка» [14. С. 119]. А. А. Гусева в своем исследовании подчеркивает, что «в первую очередь следует комментировать смыслопорождающие интертекстуальные элементы» [10. С. 6].

Приведем примеры пояснения иноязычных реалий с помощью примечаний переводчика:

1) «Когда я вспоминаю прошлое, я думаю, что было бы здорово, если бы в шестилетнем возрасте мне не приходилось ежедневно всем объяснять, почему у меня такие волосы и одежда, хотя мой личный номер заканчивается на четное число (в Дании личный номер женщин заканчивает-

¹ Хоффманн К. С наилучшими пожеланиями Москве: Der Spiegel (Германия) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/politic/20190930/245897610.html>; дата обращения 18.08.2020).

ся на четное число, а мужчин — на нечетное — прим. перев.)»².

2) «Когда участники кампании за выход Британии из ЕС запустили во вторник мем в интернете, назвав канцлера Германии Ангелу Меркель «Kraut» (прозвище немцев за любовь к кислой капусте — прим. перев.)...»³.

3) «Я потом построил еще 4 аппарата и даже смог продать их за 5 туманов (крупная денежная единица Ирана — прим. перев.)»⁴.

Анализ показал, что среди реалий наиболее часто в публицистических текстах комментируются традиции и обычаи, кушанья и напитки, имена собственные, иностранные метрические системы, денежные единицы, объекты культурного наследия и произведений мировой литературы и др. (лютеница (болгарская закуска из помидоров и сладких перцев — прим. пер.); 30 миллиардов злотых (6,75 миллиарда евро, — прим. пер.); Ахти Карьялайнен (Ahti Karjalainen, финский политик послевоенного времени, которого обвиняли в сговоре с СССР, прим. пер.); совершить ритуальное «ку» (ритуал доблести — прим. перев.) перед ветеранами; терлицы и ямурлуки (вязаные тапочки и традиционная болгарская верхняя одежда наподобие бурки — прим. пер.); Румийский календарь (календарь, использовавшийся в Османской империи и Турецкой Республике до перехода на григорианский календарь — прим. пер.). Цель таких комментариев в публицистическом дискурсе — раскрыть значение иноязычной лексической единицы и познакомить читателей с реалиями другой культуры. Следовательно, основная функция переводческого комментария — пояснительная.

Изучение 525 переводческих примечаний показало, что в статьях сайта «ИноСМИ» комментированию подвергаются:

1) **Реалии — 452 комментария, или 86 %** («С “флибустьерами” (члены парламентского меньшинства, которые мешают принятию законопроекта, — прим. перев.) расправятся,

² Клинт Л. «Мама, отныне меня зовут Николай»: Kristeligt Dagblad (Дания) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/social/20191010/246004462.html>; дата обращения 18.08.2020).

³ Бершидский Л. Странники Брексита и русские злоупотребляют победой во Второй мировой войне: Bloomberg (США) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/politic/20191011/246011468.html>; дата обращения 18.08.2020).

⁴ Белам М. Трамп хвастается встречей с «принцем Китов»...

чтобы расчистить путь прогрессивному законодательству», «Поэтому всего через несколько месяцев после конфирмации (*обряд приема в церковную общину у католиков и протестантов — прим. перев.*) он бросил родной Оденсе и отправился в Копенгаген»).

2) **Запрещенные организации — 38 комментариев, или 7%** («... в его борьбе против “Исламского государства” и “Аль-Каиды” (запрещенные в России террористические организации — прим. перев.) в Сирии и Ираке», «... для борьбы против ИГИЛ (*запрещено в России — прим. перев.*)»).

3) **Неточная информация — 26 комментариев, или 5%** («27-я отдельная гвардейская мотострелковая Севастопольская Краснознаменная бригада (*в оригинале она 72-я, автор ошибся — прим. пер.*), «... в соответствии с договором Соединенные Штаты смогли выполнять полеты в 2014 году после аннексии Россией Украины (прим. пер.: наверное, Крыма лучше поставить?)»).

4) **Иностранные слова, аббревиатуры, интертекстуализмы — 9 комментариев, или 2%** («Станцию метро Mohrenstraße (*название переводится как «Улица мавров» — прим. перев.*) в Берлине вскоре должны переименовать...», «Известный российский журналист Олег Кашин опубликовал расистский мем с изображением Мартина Лютера Кинга в окружении коробок из-под обуви и мобильных телефонов с подписью Martin Looter King (*слово looter, «мародер», созвучно фамилии американского проповедника, намек на мародерство со стороны участников движения — прим. перев.*)». «Где-то там же находится вечный балансир ДПС (партия «Движение за права и свободы», представляющая интересы турецкого этнического меньшинства — прим. пер.)»).

Девятнадцать комментариев не включены в общее количество, так как представляют собой дополнительную информацию, поясняющую суть описываемых событий и грамматические явления языка оригинала: «Однако Международный спортивный арбитражный суд CAS не лишил Девятовского хельсинкской медали (*в 2005 году в Хельсинки проходил чемпионат мира по легкой атлетике, прим. перев.*)»¹. «Все письмо было написано заглавными буквами, кроме слова «я» (местоимение I в английском языке принято писать с заглавной

буквы — прим. перев.)»². В текстах статей сайта «ИноСМИ» были выявлены примечания переводчика культурологического (обогащающие фоновые знания носителей переводящего языка), интертекстуального (представляющие собой отсылки к произведениям, событиям, личностям, которые известны носителям исходного языка) и металингвистического (поясняющие факты исходного языка и перевод иностранных слов) характера.

Результаты анализа позволяют в целом сделать следующие выводы:

— примечания переводчика являются неотъемлемой частью статей сайта «ИноСМИ», располагаются внутри текста перевода;

— примечания переводчика в русскоязычных статьях оформляются *курсивом* (либо без курсива), помещаются в круглые скобки, имеют пометы прим. перев. / прим. пер.;

— при переводе на русский язык с помощью комментариев поясняются многочисленные реалии, в том числе имена собственные, аббревиатуры, иностранные слова, интертекстуализмы; корректируется неточная информация; соблюдаются стандарты редакционной процедуры;

— переводческий комментарий выполняет пояснительную функцию в тексте перевода, помогает переводчику компенсировать недостающие у русскоязычной аудитории знания чужой культуры;

— применение транскрипции при переводе на русский язык иноязычной реалии совместно с примечанием переводчика позволяет сохранить в тексте перевода национально-культурный колорит текста оригинала;

— примечания переводчика в текстах публицистического дискурса представлены следующими видами: культурологические, интертекстуальные, металингвистические.

Выводы исследования могут быть учтены в переводческой и издательской деятельности при опубликовании переводов иностранной прессы на русский язык.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении качества составления примечаний переводчика на материале русскоязычных текстов СМИ, выявлении случаев достаточности/недостаточности информации в примечаниях переводчика для носителей переводящего языка.

¹ Тейсконлахти Р. Финского спортсмена поразило легкое отношение русских к махинациям с допингом: Helsingin Sanomat (Финляндия) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/social/20200801/247850914.html>; дата обращения 18.08.2020).

² Кись Н. Помогли тебе твои ляхи?: Zaxid (Украина) // ИноСМИ (<https://inosmi.ru/politic/20190919/245853355.html>; дата обращения 18.08.2020).

Список литературы

1. Алексеева В. Н. Переводческий комментарий в художественном тексте // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4, т. I (Гуманитарные науки). С. 211—213.
2. Алташина В. Д. Паратекст русских переводов Русской христианской гуманитарной академии. трактата Монтескье «О духе законов» // Вестник 2020. № 1, т. 2. С. 294—307.
3. Бевз Н. В. Культура перевода философских текстов: типология, стратегия // Вісник ХНУ. № 973. С. 193—199. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/6534/2/11bnvts.pdf> (дата обращения 18.08.2020).
4. Богатикова Ю. А. Прием художественного «гипертекста» и проблема переводческого комментария в романе В. В. Набокова «Бледное пламя» // Вестник Московского университета. Сер. 22.: Теория перевода. 2009. № 3. С. 50—61.
5. Борисевич Е. Справочный аппарат Библии Симона Будного как научный переводческий комментарий // Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ: проблемы и решения. М.: Ин-т пер. Библии. 2010. С. 273—283.
6. Бухина О. Б. Примечания переводчика в эпоху Интернета // Детские чтения. 2018. № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primechaniya-perevodchika-v-epohu-interneta> (дата обращения 20.08.2020).
7. Власенко С. В. Переводческий дискурс на рубеже веков: к 90-летию со дня рождения д-ра филологии, проф. А. Д. Швейцера // Мир русского слова. 2014. № 3. С. 16—28.
8. Воскресенская Н. А. Национальный характер и способы его презентации в переводческих комментариях (на материале французских переводов «Записок охотника» И. Тургенева) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 61—67.
9. Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Международные отношения. 2001. 368 с. URL: http://dramafond.ru/wp-content/uploads/2014/12/Nora_Gal_Slovo_zhivoe_i_mertvoe.pdf (дата обращения 18.08.2020).
10. Гусева А. А. Интертекстуальность как переводческая проблема (на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и его перевода на русский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 21 с.
11. Дондукова Г. П. Переводческий комментарий как разновидность профессиональной речевой деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013. 25 с.
12. Иванкова И. В. Переводческий комментарий как способ интерпретации художественного текста // Грамота. 2011. № 5 (48). С. 174—176.
13. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English — Russian. СПб.: Союз, 2001. 320 с. (Изучаем иностранные языки.)
14. Карпухина В. Н. Переводческий комментарий в интеллектуальном детективе // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2/11 (66). С. 119—121.
15. Коломейцева Е. М. Лексические проблемы перевода с английского языка на русский: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во ТГТУ. 2004. 92 с.
16. Латышев Л. К. Технология перевода: учеб. пособие для студентов лингвист. вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2005. 320 с.
17. Новикова Ю. В. Переводческий комментарий как один из способов прагматической адаптации повести «Собачьё сердце» М. А. Булгакова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 255—164.
18. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт): терминолог. слов.-справ. / под ред. М. Б. Раренко. М., 2010. 260 с.
19. Остапенко Д. И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 27 с.
20. Папулова Ю. К. Переводческий комментарий как особый вид метатекста // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь. 2015. № 1 (11). С. 38—45.
21. Соколова А. С. Адаптация и переводческий комментарий как основные способы компенсации смысловых потерь при переводе интертекстуальных элементов // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2013. № 2. С. 223—228.

Сведения об авторе

Гейко Наталья Романовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета, Костанай, Казахстан. charmsmile2009@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 29—36.*

TRANSLATOR'S NOTES IN RUSSIAN MEDIA TEXTS (ON THE MATERIAL OF THE INOSMI WEBSITE)

N. R. Geiko

Kostanai branch of Chelyabinsk State University, Kostanai, Kazakhstan. charmsmile2009@mail.ru

The article is devoted to the study of translator's notes in publicistic discourse in the theory and practice of translation studies' view. Translator's notes are one of the most widely used translation techniques for compensating for semantic losses in translation. The subject of the research is the translator's notes taken from translated articles on the InoSmi website. Translator's notes function as an explanatory note to realities, abbreviations, foreign words, intertextualisms in Russian-language articles; they correct inaccurate information and add extra information about events and phenomena of our world. The article provides a rationale for necessity and promising outlook of researching of translator's notes on the material of mass media due to lack of basic scientific works.

Keywords: *translator's note, media, translation commentary, reality, publicistic discourse.*

References

1. Alekseeva V. N. (2012) *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, no. 4, vol. 1, pp. 211—213 [in Russ.].
2. Altashina V. D. (2020) *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, no. 1, vol. 2, pp. 294—307 [in Russ.].
3. Bezv N. V. Kul'tura perevoda filosofskih tekstov: tipologiya, strategiya [Translating Culture of Philosophical texts: typology, strategy]. Available at: URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/6534/2/11b-nvttts.pdf>, accessed 18.08.2020 [in Russ.].
4. Bogatikova Yu. A. (2009) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda*, no. 3, pp. 50—61 [in Russ.].
5. Borisevich E. (2010) *Perevod Biblii kak faktor razvitiya i sohraneniya yazykov narodov Rossii i stran SNG: problemy i resheniya* [Bible translation as a factor in the development and preservation of the languages of Russia and countries: problems and solutions]. Moscow, Institute for Bible Translation. Pp. 273—283 [in Russ.].
6. Buhina O. B. (2018) *Primechaniya perevodchika v epohu Interneta*, no. 2 (14). Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primechaniya-perevodchika-v-epohu-interneta>, accessed 20.08.2020 [in Russ.].
7. Vlasenko S. V. (2014) *Mir russkogo slova*, no. 3, pp. 16—28 [in Russ.].
8. Voskresenskaya N. A. (2015) *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 2 (2), pp. 61—67 [in Russ.].
9. Gal N. (2001) *Slovo zhivoe i mertvoe* [The word alive and dead]. Moscow, International relations Publ. 368 p. Available at: URL: http://dramafond.ru/wp-content/uploads/2014/12/Nora_Gal_Slovo_zhivoe_i_mertvoe.pdf, accessed 18.08.2020 [in Russ.].
10. Guseva A. A. (2009) *Intertekstual'nost' kak perevodcheskaya problema (na materiale romana Dzh. Dzhoyssa "Uliss" i ego perevoda na russkij yazyk)* [Intertextuality as a translation problem (based on the novel by J. Joyce 'Ulysses' and its translation into Russian). Abstract of thesis]. Moscow. 21 p. [in Russ.].
11. Dondukova G. P. (2013) *Perevodcheskij kommentarij kak raznovidnost' professional'noj rechevoj deyatel'nosti* [Translation commentary as a kind of professional speech activity. Abstract of thesis]. Ulan-Ude. 25 p. [in Russ.].
12. Ivankova I. V. (2011) *Gramota*, no. 5 (48), pp. 174—176 [in Russ.].

13. Kazakova T. A. (2001) *Prakticheskie osnovy perevoda. English — Russian* [Practical Foundations of Translation. English Russian]. St. Petersburg, Soyuz Publ. 320 p. [in Russ.].
14. Karpuhina V. N. (2010) *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2/11 (66), pp. 119—121 [in Russ.].
15. Kolomejceva E. M., Makeeva E. M. (2004) *Leksicheskie problemy perevoda s anglijskogo yazyka na russkij* [Lexical problems of translation from English into Russian]. Tambov, TGTU Publ. 92 p. [in Russ.].
16. Latyshev L. K. (2005) *Tekhnologiya perevoda* [Translation technology]. Moscow, Academy Publ. 320 p. [in Russ.].
17. Novikova Yu. V. (2009) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5, pp. 255—164 [in Russ.].
18. (2010) *Osnovnye ponyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyj opyt)* [Basic concepts of translation studies (Russian experience)]. Moscow. 260 p. [in Russ.].
19. Ostapenko D. I. (2014) *Funkcional'naya i strukturnaya harakteristika metateksta (na materiale perevodcheskih predislovij i primechanij)* [Functional and structural characteristics of metatext (based on translation prefaces and notes). Abstract of thesis]. Voronezh. 27 p. [in Russ.].
20. Papulova Yu. K. (2015) *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Problemy jazykoznanija i pedagogiki*, no. 1 (11), pp. 38—45 [in Russ.].
21. Sokolova A. S. (2013) *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya*, no. 2, pp. 223—228 [in Russ.].

МИСТИЦИРОВАНИЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТЕЛЕПРОСТРАНСТВА

М. А. Гладко

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Развертывание научно-познавательных текстов в современном телепространстве зачастую сопровождается мистическим толкованием явлений, событий, процессов. Темы неизведанного, таинственного, мифологического прочно закрепляются в телекоммуникации, становятся текстообразующей константой познавательных телепередач. Выявлены и описаны функции, инструменты, текстообразующие топика и доминантные языковые способы мистицирования познавательных текстов в телепространстве.

Ключевые слова: *телевидение, познавательные передачи, мистицирование, концепт, тайна, мифология.*

Введение

На протяжении развития человеческой мысли мифологическая, религиозная, художественная, научная и философская картины мира являются доминирующими типами картин мира человека. Научная картина мира стала фундаментом современной цивилизации в силу своей способности изменять окружающую действительность [5. С. 13]. Это ее свойство активно используется познавательным телевидением, которое представляет собой влиятельную и популярную коммуникацию, выступающую триггером модернизации общества и источником познавательной, научно-популярной информации [Там же. С. 16]. Познавательное телевидение, или телевидение знаний, представляет собой сложную сферу журналистики, так как научно-познавательные передачи должны содержать проверенные актуальные научные факты, а также быть интересными для широкой аудитории. При этом передача должна реализовать основные функции научно-популярного телевидения: распространять техническую информацию и популяризировать науку, формировать общественное мнение по научным вопросам [4. С. 546].

Медиатизация знания диктует свои специфические способы подачи информации в пространстве познавательного телевидения, которое имеет тенденцию информировать, развлекать и просвещать аудиторию. Е. А. Кожемякин отмечает, что «большинство телеканалов демонстрируют существенный крен в сторону либо развлекательного, либо публицистического контента» [10. С. 48]. Данные соображения обуславливают необходимость продолжения исследований в этой области в рамках лингвистической парадигмы с целью выявле-

ния новых свойств познавательных телетекстов, что определяет актуальность данной работы. Проведенное исследование позволило зафиксировать специфическую особенность современного познавательного телепространства — медийные послания предстают в статусе зрелища за счет мистицирования, имеющего свои цели, функции и способы репрезентации.

Остановимся подробнее на понятии «мистика». Мистика как составная часть «мировоззрения человека предполагает его веру в существование сверхъестественных сил, с которыми он особым, таинственным образом якобы связан и может общаться; нечто загадочное, непонятное, совершенно необъяснимое» [16]. На обыденном уровне мистика включает все загадочное, неясное для рассудка, недозволенное для непосвященных [8. С. 791].

В истории человеческого познания мистика представляет собой особую картину мира и способ его познания. Характерные черты мистики сформировались в мифологическом миропонимании первобытного общества, для которого мистицизм имел практический смысл [9. С. 117]. Древнейший тип сознания — мистика — периодически проявляется в различных сферах жизнедеятельности общества. П. С. Гуревич отмечает наличие волн мистики в истории европейского человечества: «Средневековье характеризуется ренессансом древней мистики. Возрождение, напротив, тянулось к античным постижениям разума. Просветители кичились интеллектом, романтики в противовес им погружались во всеохватный делириум (сладкое безумие)... Мистическая духовная традиция проникла не только в науку, но и в искусство. Нидерландский художник И. Босх создал полотна,

содержание которых имеет аллегорический, магический характер» [6. С. 80].

Стремление человека обосновать природные и социальные явления посредством обращения к ненаучному, мистическому получает распространение также в телепространстве. Интерес к потустороннему миру, мифологии характерен для медиапотребителя «независимо от того, живет он в пещере или современном высокотехнологичном жилище, символизирующем вершину развития рациональной мысли», что, собственно, объясняет популярность жанров мистического шоу «Битва экстрасенсов», сказки, фэнтези и т. п. [2. С. 187—189].

По нашим наблюдениям, темы неизведанного, таинственного и мифологического (сказочного) прочно закрепились в современной познавательной телекоммуникации. Соответственно, целью предпринятого исследования ставится выявление специфики мистицирования как текстообразующего фактора познавательных типов текста. Для ее решения представляется необходимым осветить ряд вопросов: каковы инструменты мистицирования и их функции в системе познавательного телеконтента; какой арсенал языковых средств задействован при конструировании мистического коммуникативного пространства телевидения?

Эмпирическим материалом предпринятого исследования послужили около 400 телепередач познавательного, научно-познавательного характера, транслируемых Белтелерадиокомпаниями.

Методологической основой работы послужили: индуктивный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также ряд частнонаучных, лингвистических методов: дефиниционной интерпретации, семантического, контекстуального, концептуального типов анализа.

В результате анализа установлено, что специфика коммуникативного пространства, создаваемого познавательным телеэфиром Беларуси, заключается в мистицировании посредством формирования определенного концептуального поля, структурно-семантической организации, вкрапления в научно-просветительский телетекст апелляций к таинственному/мистическому. При этом фабулы текстов строятся на мистическом отношении к повседневным бытовым предметам, различным явлениям действительности. Как показывает исследование, коммуникативное пространство телевидения мистицируется посредством: 1) специфического ментального образования, единицы ментальных ресурсов сознания — концепта «тайна»; 2) вари-

ативных образов народной мифологии. Выявлены функции, мистицируемые топики и языковые средства, воплощающие темы таинственного, неизведанного и мифологического.

Концепт «тайна» как инструмент мистицирования познавательного телепространства

Рассматривая способы мистицирования познавательного телепространства посредством концепта «тайна», отметим некоторые особенности. Концепт, согласно Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкову, представляет собой «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящие информацию о нем» [11. С. 40—59]. Как известно, концепты появляются в процессе конструирования информации об объектах и их свойствах. Такая информация может содержать сведения об объективном положении дел или о воображаемых мирах и вероятном положении дел в данных мирах, а также о том, что человек понимает об объектах мира [12. С. 89—90]. Соответственно, активное внедрение концепта «тайна» в телетекстах нацелено на организацию информации познавательного характера особым образом и для реализации специфических интенций.

Для начала определим специфику понятийной (смысловой) составляющей концепта «тайна». Анализ словарных дефиниций показал определенного рода полярность лексемы *тайна* — связь с неизведанным, недоступным человеку и человеческим началом. С одной стороны, тайна — нечто неразгаданное, еще непознанное и непонятное, недоступное человеческому познанию. С другой стороны, тайна имеет человеческое начало — это нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет [16]. Эти понятийные признаки позволяют автору телетекста представить информацию в необходимом ракурсе: 1) мистическом, описывающем нечто таинственное, необъяснимое, природу которого предлагается разгадать, раскрыть зрителю в процессе внедрения в информационное пространство, и 2) сенсационном, эксклюзивном, производящем сильное впечатление, раскрывающем ранее неизвестные, засекреченные факты событий, совершенных с участием человека.

Таким образом, данные ракурсы определяют интенциональность мистицирования телепространства. Так, возникновение тайны во многом интригует, стимулирует интерес зрителя: *Что на самом деле скрывалось за кулисами фасада пер-*

вых домов Советов? [«Тайны Беларуси», 12.04.19]. Тайна вовлекает зрителя в совместное с автором раскрытие секретов, определяет динамическое, захватывающее начало сюжета: *Узнаем легенды таинственного минского парка* [«Маршрут построен», 28.06.20]. Дефицит информации, который представляет понятийную составляющую концепта «тайна», в этих случаях репрезентируется в виде предикатов секретности и интригующих риторических вопросов, получив информацию/ответы на которые адресат раскрывает тайны.

Концепт «тайна» интенсивно активизируется и служит триггером познавательной активности адресата: постигающего факты из области истории, искусства (*По сей день остается тайной зачем Юрий Ильинич, получивший Мир в наследство, связался в эту стройку века. У ученых есть только предположения* [«Тайны Беларуси», 21.11.19]); отправляющегося в телепутешествие по стране (*Нетонуций камень, который растет. Откроем загадки и тайны туровских крестов* [«Я хочу это увидеть. Туров», 2019]).

Современный познавательный дискурс тяготеет к интенсивному облачению обсуждаемого события из области истории, культуры страны, искусства в сенсацию (необычное происшествие, получившее широкую огласку; сильное, волнующее всех впечатление от какого-нибудь события, известия [19]), конспирологическую теорию, которые генетически не являются типологическими характеристиками познавательных текстов. Однако тайна всегда остается привлекательной для человека. Облачение любой информации в сенсационную и/или конспирологическую оболочку сразу делает ее актуальной, интересной для любопытной аудитории. Кроме того, сенсационные и конспирологические факты заманчивее и популярнее научных. Раскрытие тайны обещает зрителю получение новых, неизвестных никому ранее сведений, неожиданность, производящую яркие впечатления. Характерно, что семантическими опорами в таком случае выступают: риторические вопросы, преимущественно формируемые посредством обвинительной лексики (*подорвал, виноват, провалил*); глаголы физического действия в сочетании с лексемами со значением преднамеренности (*специально устроил, намеренно оборвал*); лексика сокрытия информации (*молчат, прячут от нас*); эмоционально-оценочная лексика, усиливающую масштабность события (*величайшая трагедия, крупнейший, невероятный, удивительные подробности, самые страшные (катастрофы, пожары, трагедии. Конкуренция между двумя*

сторонами существовала. И предположить, что некто мог специально устроить катастрофу — почему бы и нет [«Тайны Беларуси», 29.11.19]; *Кто виноват в крупнейшей катастрофе в Беларуси? Какие чудовищные эксперименты унесли десятки жизней?* [«Тайны Беларуси», 21.11.19]). Выделенные в примерах лексические маяки сигнализируют о значимости информации, маскируя под этой оболочкой псевдосенсационность, псевдопоиск разгадки неизвестного.

Обратимся к рассмотрению тематических объектов, погружаемых в мистицированное познавательное телепространство. Мистицирование охватывает все разнообразие предметов и явлений объективной реальности, которые помещаются в концептуальное поле тайны. Концепт «тайна», моделирующий познавательный теледискурс, не только становится каркасом документальных фильмов, посвященных культуре, историческим личностям, историческим и военным событиям, создает их ментально-информационный «портрет» [15. С. 255], но и прослеживается в лексико-семантической структуре познавательных передач, актуализирующих обыденное познание в сферах здоровья, питания, путешествия. По результатам исследования можно выделить основные текстообразующие объекты или топики, подверженные мистицированию:

Текстообразующие топики, мистицируемые в телепространстве

Как оказалось, помещение в концептуальное поле тайны нарративов, содержащих данные топики, придает обыденной информации статус актуальных, значимых, социально релевантных событий или явлений. Повседневные предметы: продукты питания, объекты живой и неживой природы — намеренно наделяются ореолом таинственного, несут в себе тайну, что-то неизведанное и загадочное — то, что хочется познать и разгадать. В качестве типичного примера можно привести передачу о Минском метро, его истории, в целом достаточно обычной и непримечательной, которая трансформируется в значимое событие посредством конструирования сенсационной, конспирологической теории, истории, окутанной тайнами. Зачин формируется следующим образом: *Невероятная судьба подземного царства. Кто спонсировал стройку века, объединившую весь Союз? И провалил генеральную репетицию на рельсах? Вокруг чего кипят тайны и теперь? И какие из станций до сих пор прячут от глаз? Все тайны единственной подземки страны* [«Тайны Беларуси», 09.11.18]. Далее лексико-семантическая структура текста насыщается маяками неизвестности, относящими явление или событие к сфере тайны: кластерами риторических вопросов, которые вводятся местоимениями, указывающими на деятеля, признаки, количество, но не называющими их: *кто, где, как*, лексемами со значением разведывания *найти, вывести секрет, поиск, расследовать*. Значимость информации в познавательных текстотипах в целом также интенсивно формируется за счет: лексики, акцентирующей невозможность объяснения события (*не могут объяснить, не поддаются (исследователям)*), эмоциональных глаголов (*удивляет, поражает*) неизменно в комбинации со словесными комплексами, акцентирующими вневременность события (*до сих пор, еще долго, даже сейчас*).

Проанализируем иные лингвистические ресурсы/инструменты мистицирования (погружения в тайну) коммуникативного пространства телевидения.

В условиях конкурентной борьбы за зрителя названия телепередач реализуют не столько информационную, сколько ярко выраженную рекламную функцию. Гемеронимы (названия телепередач) также оказывают воздействие на аудиторию благодаря значениям слова, положенного в основу при их создании [17. С. 127]. Так, в коммуникативном пространстве познавательного телевидения распространены гемеронимы, конструируемые на основе концепта «тайна»: «Тайны Беларуси», «Врачебные тайны плюс», «Terra Incognita. Беларусь неизвест-

ная», «Все тайны Минского метро», — который может актуализировать идею «если это таинственное, скрываемое, значит правда». При этом локализация тайны в определенном пространстве — в стране или общественной сфере (медицине, естествознании и т. д.) — указывает на источник возникновения тайны, создает обстоятельственные комплексы, которые напрягают сюжет [3. С. 56].

Мистицирование далее сохраняется и поддерживается специфической композиционной организацией и контекстом телетекста. Репрезентация данного концепта в информативных, документальных жанрах познавательного телепространства (документальный фильм-расследование, фильм-исследование, фильм-биография, проблемные фильмы, видовой фильм), посвященных темам культуры, истории, значимых локальных событий, позволяет отнести его к типу концепта-сценария, поскольку он отвечает основным характеристикам сценария (зачастую сценария детектива): 1) носит сюжетный характер, в котором тайна является основой сюжета; 2) представляет собой последовательность нескольких стереотипных эпизодов во времени с признаками движения, развития [14. С. 74]: необъяснимые действия, поступки; расследование: сбор фактов, свидетельств очевидцев, участников события; раскрытие, объяснение тайны или констатация невозможности объяснения тайны; 3) эксплицирован лексикой, отражающей динамику развития описываемых событий (*еще не изучили, прячут от глаз, найти, выяснить, раскрыть тайну, открыть загадки, вывести секрет* и т. д.). Тайна в этом случае, с одной стороны, отсутствие информации, дефицит знания, которые предлагают восполнить зрителям, с другой — скрытая информация, раскрытие которой связано с определенными сложностями. Таким образом, процесс познания превращается в детектив, расследование или процесс поиска *неизвестного, таинственного и неразгаданного*, которые представляются автором как раскрытие тайн, секретов и загадок. Одновременно под этой оболочкой маскируются в ряде случаев научные факты, которые интересны узкой аудитории, — например, факты из области геологии, краеведения, зоологии, орнитологии, изобразительного искусства и т. д. В целях привлечения, стимулирования познавательного интереса большего числа зрителей к научной информации структурно-семантическая организация познавательного текста выстраивается по схеме коммуникативных действий расследования/детектива: 1) сигнал тайны, 2) расследование и 3) раскрытие тайны, то есть загадка

и разгадка. Интересной иллюстрацией тому является передача «Арт-истории», которая окутывает тайной жизнь и творчество художника Вильгейма Котарбинского, конструируя нарратив по схеме жанра расследования (сигнал тайны): *Но как картины этого художника оказались в Минске? (расследование); И пути все ведут в одно место — архив. И мы отправились в архив, и там, о чудо, мы нашли карточку. ...И уже к двадцатому году этих картин не стало! Куда ушли? Но интересно, что в Польше их нет (раскрытие тайны); Так где же коллекция находится до сих пор? Мы до сих пор не знаем. Мы не знаем ни его точной биографии, ни его имени. Уничтожены все фольварки, церкви, которые он расписывал. ...Но теперь эта история имеет счастливый конец* [Арт-истории, 2018]. Как видим, намеренно моделируемая автором из обыденных фактов (недостаточность информации об авторе, перемещение его картин за границу) тайна, или загадка, интрига, сохраняется до самого конца телепередачи, что позволяет держать зрителя в эмоциональном напряжении, ожидать весомого результата, который в сюжетной структуре текста отсутствует. Мистицированные нарративы подобного рода: проблематизирующие незначительные детали [10. С. 50], не дающие окончательный ответ или разгадку активно мультиплицируются в современном коммуникативном телепространстве.

Мифология как инструмент мистицирования познавательного телепространства

К. Г. Юнг представил идею о «коллективном бессознательном», которое «включает в себя, в противоположность личностной душе, содержания и образы поведения, которые *cum grano salis* являются повсюду и у всех индивидов одними и теми же. Другими словами, коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным» [20]. Содержанием коллективного бессознательного являются художественные, мифологические образы или архетипы, которые могут выражаться сказками и мифами [21]. Исследователи отмечают тот факт, что опора на фольклор и фантазийность гарантирует текстам массмедиа коммерческий успех, обрекает «текстовые репрезентации на повышенный интерес аудитории» [2. С. 187].

Как показывает исследование, в сфере познавательного телевидения идея мифологического/фольклорного, сказочного хорошо прижилась и ак-

тивно эксплуатируется. Так, в коммуникативное пространство (названия телепередач, сюжетную линию) научно-просветительских передач интенсивно проникают в качестве героев мифологические, фольклорные существа, например: *Чупакабра, Змей Горыныч, русалки, лешие*, которые придают научному тексту мистическое звучание (*Полесье — уголок, который до сих пор не выдал всех своих тайн. Мифические существа русалки и водяные — их можно встретить только на Полесье. ...Наши языческие предки считали, что примерно в это время в водоемах просыпаются русалки. Только представьте себе! Не можете? Вот и мы не можем. Настолько не можем, что решили немедленно отправиться в путь, в самое сердце Полесья, чтобы найти ответы на все вопросы* [«Русальная неделя», 2015]). Усиление мистических красок в информационном пространстве обуславливается намерением автора конструировать определенный сюжетный рисунок, — например, поиск Чупакабры или озера русалок, в процессе которого зритель получает сведения о природном ландшафте, флоре и фауне исследуемой местности.

Мистицирование познавательного телепространства также интенсивно реализуется за счет апелляции к мифам и легендам, активно эксплуатируемым в текстовых репрезентациях познавательных жанров *путешествие, совет (эксперта, дачный совет), консультация*. Мифы, согласно антропологу Б. Малиновскому, являются важным составным элементом человеческой цивилизации; «активно действующей силой, прагматическим уставом примитивной веры и нравственной мудрости» [13. С. 94]. Кроме того, миф имеет огромное значение для развития научной мысли. В исследовательских целях миф может рассматриваться как научный факт, потому что он реален и принимает участие в формировании социального поведения [18. С. 36]. Помимо стимулирования познавательного интереса, апелляции к легендам, мифам в телепространстве оказывают позитивное воздействие на формирование туристских и географических когнитивно-аттрактивных образов Беларуси, являясь «неотъемлемой составляющей туристского брендинга территории» [1. С. 53]: *Один из самых интересных городов, овеянный тысячей легенд, которые не дают покоя историкам до сих пор* [«Земля обетованная». 08.07.15]. *В Беларуси за три тысячи километров от Святой Земли тоже есть места, которые магнитом притягивают к себе паломников и порождающие десятки легенд и немыслимых слухов* [«Тайны Беларуси». 21.11.19].

Познавательные нарративы при этом разворачиваются кластерами маркеров фантастического и неправдоподобного *миф, легенда, сказка* в сочетании с предикативными единицами семантики целенаправленного выведывания: *приоткрыть (тайны), обнаружить, выпытать, выяснить* (Сколько мифов, легенд придумывают дачники о своих растениях, то и дело приходится слышать о вот таких перцах или томатах, под урожаем которых ломаются ветки. Давайте разбираться, что работает на самом деле, а что бабушкины сказки [«Дача», 20.07.19]). Данный прием позволяет автору привлечь внимание к транслируемой информации, вовлечь зрителя в процесс получения практического знания.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что познавательное телепространство активно задействует идеи таинственного и мифологического. Ключевыми функциями мистификации являются: аттрактивная (привлечение внимания к темам культуры, истории, науки); познавательная (сти-

мулирование познавательной активности и вовлечение в нее медиааудитории); эмоционально организующая (формирование впечатлений (шокирование аудитории), получение адресатом эмоционального заряда от усваиваемой информации в процессе приобретения знания); а также имиджеформирующая (конструирование аттрактивного образа страны). Тайна и ее разгадка, вариативные образы народной мистики, апелляция к мифам становятся структурными элементами познавательных текстотипов, которые погружаются в контекст, конструируемый лексикой, моделирующей идеи сенсационности и/или конспирологичности, разгадывания и выведывания в сочетании лексическими единицами, акцентирующими вневременность события. Эта специфика познавательных текстов является следствием того, что в XXI в. телевидение перестроилось в индустрию развлечений, а их научно-познавательный сегмент нацелен на трансформацию научного и обыденного познания в процесс получения эмоций, развлечения в сочетании с приобретением полезных, интересных фактов о действительности.

Список литературы

1. Афанасьев О. Е., Афанасьева А. В. Функциональное значение и место туристических легенд в формировании привлекательных свойств дестинаций // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2015. № 1. С. 52—60.
2. Буряковская В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков). Волгоград: Перемена, 2014. 228 с.
3. Вулис А. З. В мире приключений. Поэтика жанра. М.: Совет. писатель, 1986. 384 с.
4. Гегелова Н. С. Научно-популярное телевидение на российских телеканалах: реалии и проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22, № 3. С. 544—552.
5. Гришанина А. Н. Современный познавательный медиатекст: наивная и научная картины мира // Научные труды Северо-Западного института управления. 2015. Т. 6, вып. 5 (22). С. 13—18.
6. Гуревич П. С. Философское осмысление мистики // Философская школа. 2018. № 5. С. 73—82.
7. Ершов Ю. М. Телевидение регионов в поиске моделей развития. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 30 с.
8. Зубов В. А. Мистика как элемент мировоззренческих ориентаций // Молодой ученый. 2014. № 4 (63). С. 790—793.
9. Иваненко А. Ю. Мистическое мышление как познавательная деятельность: дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2002. 124 с.
10. Кожемякин Е. А. Телевизионная картина мира: некоторые тенденции конструирования телереальности // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. науч. работ II Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 5—7 окт. 2016 г. Белгород: Белгород, 2016. С. 46—54.
11. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. 245 с.
12. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
13. Малиновский Б. Роль мифа в жизни. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. С. 94—108.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2003. 192 с.

15. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики. Запоріжжя: Прем'єр, 2008. 332 с.
16. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/13/ma227725.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения 08.10.2020).
17. Сулейман М. М. Место названия телепередач в системе имен собственных // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2016. № 6. С. 125—130.
18. Танимов О. В. Миф как нормативный регулятор жизни людей и как фикция // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 35—37.
19. Толковый словарь русского языка Ушакова. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/451354.html> (дата обращения 08.11.2020).
20. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного. URL: <http://jungland.ru/node/1596> (дата обращения 18.09.2020).
21. Юнг К. Г. Архетип и символ. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232> (дата обращения 08.10.2020).

Сведения об авторе

Гладко Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета, Минск, Беларусь. glad_26@tut.by

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 37—44.*

MYSTIFICATION AS A PECULIARITY OF KNOWLEDGE TELEVISION

M. A. Gladko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus. glad_26@tut.by

The deployment of knowledge texts in modern television space is often accompanied by a mystical interpretation of phenomena, events and processes. As the study shows, the topic of the unknown and mysterious is firmly anchored in telecommunications, becoming a discourse-forming constant of knowledge text types of television. The functions, subjects, constituent elements and language methods of mystification of knowledge discourse are revealed and described. Mystification of the knowledge TV space is implemented through appeals to secrets, myths and legends, mythological folkloric creatures. Lexical beacons signal the significance and exclusivity of information, masking scientific facts, pseudo-exclusivity, pseudo-sensationalism, pseudo-search for clues to the unknown under this shell. Thus, in the 21st century television has reorganized into the entertainment industry, and its scientific and knowledge segment is aimed at assimilating scientific and everyday knowledge into entertainment, combined with the acquisition of useful, interesting facts about reality.

Keywords: *television, educational programs, mystification, concept, mystery/secret, mythology.*

References

1. Afanasyev O. E., Afanasyeva A. V. (2015) *Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa*, no. 1, vol. 9, pp. 52—60 [in Russ.].
2. Buryakovskaya V. A. (2014) *Kommunikativnyye kharakteristiki massovoy kul'tury v mediynom diskurse (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Communicative characteristics of mass culture in media discourse (based on Russian and English languages)]. Volgograd, Peremena. 228 p. [in Russ.].
3. Vulis A. Z. (1986) *V mire priklyucheniya. Poetika zhanra* [In the world of adventure. Poetics of the genre]. Moscow, Sovetskiy pisatel'. 384 p. [in Russ.].
4. Gegelova N. S. (2017) *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, no. 22 (3), pp. 544—552 [in Russ.].
5. Grishanina A. N. (2015) *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya*, iss. 6, no. 5 (22), pp. 125—130 [in Russ.].

6. Zubov V. A. (2014) *Molodoy uchonyy*, no. 4 (63), pp. 790—793 [in Russ.].
7. Ershov Ju. M. (2012) *Televidenie regionov v poiske modelej razvitija* [Television of regions in search of development models]. Moscow, Moscow State University. 30 p. [in Russ.].
8. Gurevich P. S. (2018) *Filosofskaya shkola*, no. 5, pp. 73—82 [in Russ.].
9. Ivanenko A. Yu. (2002) *Misticheskoye myshleniye kak poznavatel'naya deyatel'nost'* [Mystical thinking as a cognitive activity. Thesis]. Magnitogorsk. 124 p. [in Russ.].
10. Kozhemyakin E. A. (2016) *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noy praktiki i obrazovaniya*. Belgorod. Pp. 46—54 [in Russ.].
11. Kubryakova E. S., Dem'jankov V. Z., Luzina L. G., Pankrac Ju. G. (1996) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow, Moscow State University. 245 p. [in Russ.].
12. Krasavsky N. A. (2001) *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures]. Volgograd, Peremena. 495 p. [in Russ.].
13. Malinovsky B. (1998) *Rol' mifa v zhizni* [The role of myth in life]. Moscow, Refl-buk. Pp. 94—108 [in Russ.].
14. Popova Z. D. (2003) *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, Istoki. 192 p. [in Russ.].
15. Prikhodko A. M. (2008) *Kontsepty i kontseptosistemi v kognitivno-diskursivniy paradigmati lingvistiky* [Concepts and concept systems in the cognitive-discursive paradigm of linguistics]. Zaporizhzhia, Prem'yer. 332 p. [in Ukrainian].
16. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/13/ma227725.htm?cmd=0&istext=1>, accessed 15.10.2020 [in Russ.].
17. Sulejman M. M. (2016) *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki*, no. 6, pp. 125—130 [in Russ.].
18. Tanimov O. V. (2012) *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 5, pp. 35—37 [in Russ.].
19. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka Ushakova* [Explanatory dictionary of Ushakov]. Available at: <https://slovar.cc/rus/ushakov/451354.html>, accessed 26.12.2020 [in Russ.].
20. Jung K. G. [On the archetypes of the collective unconscious]. Available at: <http://jungland.ru/node/1596>, accessed 05.10.2017 [in Russ.].
21. Jung K. G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232>, accessed 10.11.2020 [in Russ.].

РЕАЛИЗАЦИЯ СРЕДСТВ СВЯЗНОСТИ В ИНТЕРРОГАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ HOW В РОМАНЕ Г. СВИФТА «ВОДОЗЕМЬЕ»

К. Ю. Гладкова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

Статья посвящена изучению характера взаимосвязи категорий интеррогативности и связности в художественном тексте на материале романа Г. Свифта *Waterland*. Используются методы семантического, компонентного, контекстуального, стилистического, синтаксического анализа. В статье проанализированы лексико-семантические и синтаксические средства связности текста. Автор полагает, что интеррогативные контексты *how* участвуют в процессах синтаксической и семантической компрессии и развертывания, которые являются важнейшими механизмами текстообразования.

Ключевые слова: *связность, интеррогативность, вопрос how, текстообразование, художественный текст, эстетическая функция.*

Введение

Интеррогативность и связность считаются фундаментальными лингвистическими категориями, изучению которых посвящено множество работ, а исследование характера их взаимосвязи позволяет раскрыть механизмы текстообразования. В лингвистике наследуются логико-философские предпосылки осмысления понятия «вопросание» как способа получения нового знания о мире, а также подробно изучается семантика категории интеррогативности, ее функции и способы языкового представления. С позиции грамматики, освещаются вопросы языковой формы вопросительных предложений, которые отличаются от других типов предложения формальными маркерами: интонационным контуром, инвертированным порядком слов, наличием вопросительных слов [3; 12; 17]. В рамках семантики актуальны проблемы неоднородности плана содержания вопросительных предложений и разнообразия их функций [5; 7; 17]. В теории речевых актов исследуются функции вопроса в процессе акта коммуникации, а также различные коммуникативные разновидности вопросов [9; 11; 13; 16]. В стилистике исследуются функции вопросительных предложений в аспекте проблемы функционально-стилистического сдвига, в результате которого на первый план выходит не познавательный характер интеррогативности, а экспрессивная и воздействующая функции вопросов [1; 4; 15]. В художественном тексте интеррогативность главным образом реализует эстетическую функцию и способствует репрезентации индивидуально-авторской эстетической концепции.

Связность в лингвистике определяют как функционально-семантическую и функционально-стилистическую семантическую категорию на основании того, что данная категория соотносима с системой равноуровневых языковых единиц, объединенных общей функцией [14. С. 377]. Она рассматривается исследователями как структурное свойство текста, проявляющееся в формальной зависимости компонентов в отличие от цельности, имеющей психолингвистическую природу и характеризующей смысловое единство всего текста [2; 7; 10]. Изучаются различные классификации видов связности текста, например по параметрам: направленности (левосторонняя и правосторонняя), объема (одномерная и многомерная), формальной выраженности (имплицитная и эксплицитная) и т. д. В художественном тексте отмечают доминирование имплицитной связности, что обусловлено спецификой текста, а именно механизмами внутренней и внешней перекодировки, в результате которых образуются дополнительные смыслы [8. С. 106—107]. Категория связности направлена на реализацию эстетической функции художественного произведения, в результате чего синтаксическая функция средств связности совмещается с их стилистической функцией [14. С. 379].

Целью данной статьи является изучение средств связности, используемых в вопросах *how*, на материале романа Г. Свифта *Waterland*. Для реализации данной цели нами произведена выборка интеррогативных контекстов с вопросительным наречием *how* и их семантический, компонентный, контекстуальный, грамматический, стилистический анализ.

В результате анализа выявлены средства лексико-семантической и синтаксической связности внутри интеррогативных контекстов и между ними, на чем мы остановимся более подробно в рамках данной статьи.

Анализ лексико-семантических средств связности

Одним из основных средств лексико-семантической связности в интеррогативных контекстах *how* в романе является повтор, выполняющий функции формирования эффекта настойчивости вопрошания, выражения смыслов цикличности и замкнутости, характерных для произведения в целом, заострения авторского и читательского внимания на ключевых моментах и событиях романа. В качестве примера рассмотрим интеррогативный контекст, посвященный рассуждениям рассказчика на тему истории, одну из важнейших тем романа:

How many of the events of history have occurred, ask yourselves, for this and for that reason, but for no other reason, fundamentally, than the desire to make things happen? I present to you History, the fabrication, the diversion, the reality-obscuring drama. History, and its near relative, Histrionics... [18. P. 46]

В анализируемом интеррогативном микроконтексте связность достигается посредством использования полного лексического повтора (*history — History; reason*), частичного повтора (*you — yourselves*), контекстуальных синонимов (*events — things, occurred — happen*), союзов (*but, than, and*), местоимений (*this, that, other, you, yourselves, its*). Лексический ряд *history — History — fabrication — diversion — reality-obscuring drama — Histrionics* представляет собой ряд контекстуальных синонимов, которые объединены общими семами *insincere, false, attracting attention, emotional*, создающими семантическое единство внутри контекста, а также служат для сопоставления и противопоставления концептов *history* и *Histrionics*, являющихся ключевыми концептами романа, а на глубинном уровне репрезентирующих антитезу объективного и субъективного, науки и вымысла, истории и сказки, важную в контексте произведения в целом. Таким образом, различные виды лексико-семантических повторов наряду с экспрессивной лексикой (*drama, desire*) в данном микроконтексте служат актуализации концепта *history* как науки, подчиняющейся логическим законам и выстраивающей причинно-следственные связи, и как спонтанного, эмоционального, нелогичного процесса.

Другим важным средством создания связности текста как на поверхностном, так и на глубинном уровне является антитеза, которая служит реализации изобразительной функции текста и способствует организации смыслового пространства произведения, придавая ему единство на идейно-эмоциональном уровне. Она репрезентирована в частотном использовании контекстуальных антонимов, которые также можно рассматривать как одно из средств связности текста. Проанализируем пример:

How did Arthur Atkinson, who was not a master of the present but a servant of the future, endure, in his later years, these implacable trends? [Ibid. P. 161]

В представленном микроконтексте антонимы *master — servant, present — future* служат, с одной стороны, внутренней связности контекста, а с другой — способствуют репрезентации образа одного из героев, Артура Аткинсона, как личности, стоящей на пороге перемен. Тема времени, одна из центральных тем романа, представлена существительными *present, future, years*, прилагательным в сравнительной степени *later* и связана с темой развития, изменения, объективированной в прилагательном *implacable*, семантика которого акцентирует неизбежность хода времени и наступления нового, существительном *trend*, актуализирующем в данном контексте идею обновления. Использование контекстуальных антонимов наряду с противительным союзом *but* служит для репрезентации идеи невозможности принятия нового, которая акцентируется и в семантике глагола *endure*. В целом выявленные языковые средства способствуют формированию смысловых антитез «настоящее — будущее», «новое — старое», которые в контексте произведения играют важную роль. Таким образом, антитеза как стилиевой прием служит формированию связности микроконтекста на поверхностном и смысловом уровнях, а также вписывает его в смысловое пространство романа.

В другом примере: *How do you surmount reality, children? How do you acquire, in a flat country, the tonic of elevated feelings?* [18. P. 24—25] — антонимы *flat — elevated* являются компонентами более обширных лексико-семантических рядов, выстроенных в результате семантического анализа главы *About the Fens*, в которой представлен анализируемый микроконтекст. Анализ показал, что выявленные ряды в смысловом плане противопоставлены друг другу: *reality — Fens — flat country — realism — fatalism — phlegm — water — melancholia — self-murder, etc.* — с одной стороны, и *rise — produce — outwit — prosperous — elevat-*

ed, etc. — с другой. Лексика, используемая для формирования первого из рассматриваемых рядов, характеризуется негативной эмоциональной окраской, в ее семантике присутствуют такие компоненты значения, как *bad*, *unhappy*, *death*, *unexcited*, *even*, которые выражают идею отсутствия изменений, стагнации, смирения перед неизбежным. Кроме того, компоненты этого ряда являются в контексте романа сопоставленными в смысловом плане, и, таким образом, их можно назвать контекстуальными синонимами в рамках макроконтекста всего произведения, например: *Fens — flat country*, *Fens — reality*, *reality — melancholia*, *water — melancholia*, *realism — fatalism*, *phlegm — water* и т. д. Второй из анализируемых рядов, напротив, репрезентирует идею развития, роста. Лексика, входящая в этот ряд, положительно окрашена, для ее семантики характерны компоненты значения *increase*, *successful*, *important*, *result*, *advantage*, *clever*, формирующие общий смысл успеха, позитивного изменения. Антонимы *flat — elevated* служат, таким образом, для репрезентации антитезы «развитие» — «стагнация», которая актуальна на разных уровнях произведения. Антонимический повтор в данном случае служит не только для внутренней связности наряду с анафорой и использованием лексики единого тематического поля «развитие» (*elevated*, *tonic*, *acquire*, *surmount*), но и для выстраивания внешних связей в рамках макропространства главы и всего произведения. Например, в ближайшем контексте можно наблюдать связь с интеррогативным комплексом, являющимся логическим продолжением размышлений автора относительно рассматриваемой проблемы: *How did the Cricks outwit reality? By telling stories* [Ibid. P. 25]. Связность между контекстами достигается посредством полного лексического повтора (*reality*), синонимического повтора (*surmount — outwit*), анафоры, конкретизации (*you — the Cricks*). Кроме того, вводится антитеза «реальное — нереальное», представленная лексемами *reality — stories* и имеющая важное значение в произведении.

Не менее важным средством связности внутри интеррогативных контекстов и между ними является повтор вопросительного наречия *how*. Проанализируем пример:

So how do we know — lost in the desert — that it is to the oasis of the yet-to-come we should be travelling anyway, and not to some other green Elysium that, a long while ago, we left behind? And how do we know that this mountain of baggage called History, which we are obliged to lug with us — which slows our pace

to a crawl and makes us stagger off course — is really hindering us from advancing or retreating? Which way does salvation lie? [Ibid. P. 140]

В представленном контексте связность достигается за счет использования повторов: личного местоимения *we* и его форм (*we — our — us*), глагола *know*, местоимения *which* и вопросительного наречия *how*. Кроме того, связи между вопросительными предложениями способствуют союзы *so* и *and*, которые актуализируют логику развития мысли рассказчика. Использование лексики тематического поля «движение» (*lost — yet-to-come — travelling — left behind — to lug — slows — pace — crawl — stagger — off course — advancing — retreating — way*), антитезы *yet-to-come — left behind*, глаголов с семантикой долженствования (*should*, *are obliged*), развернутых метафор с семантикой путешествия способствует созданию единого смыслового пространства внутри микроконтекста. Выявленный комплекс языковых средств актуализирует метафору развития жизни, жизненного поиска героев произведения. Повтор вопросительного наречия *how* не только является средством связи предложений в контексте, но и акцентирует семантику поиска, познания, а в рамках анализируемого примера служит средством, выражающим авторское сомнение по поводу возможности самого поиска.

В целом анафоричность вопросов *how*, заключающаяся в использовании в начале предложения самого вопросительного наречия *how*, а также конструкций *how do you know*, *how often*, *how many*, *how about*, создает впечатление настойчивости вопрошания, неразрешимости тех проблем, которые актуализированы конкретными вопросительными контекстами. Анализ показал, что частотно использование вопросительного наречия *how* с лексемами с семантикой поиска, выведения знания, выражения уверенности, например: *know*, *be sure*, *explain* в конструкциях *how do you know*, *how do I know*, *so how do we know*, *how do I explain* и др., — что актуализирует идеи поиска объяснения событий, описываемых в романе, сомнения и неуверенности рассказчика, его желания достичь истины, которые объективированы в частотном использовании вопросительных контекстов в романе в целом и отражают динамику внутреннего мира рассказчика.

Таким образом, семантический и стилистический анализ интеррогативных контекстов *how* позволил сделать вывод, что наиболее частотным средством связности в исследуемых контекстах является лексико-семантический повтор, представленный такими разновидностями, как полный

повтор лексической единицы, частичный повтор, синонимический и антонимический повтор, а также дейктический повтор. Связность в контекстах также достигается посредством повтора союзов, демонстрирующих логику развития авторской мысли, и повтором самого вопросительного наречия *how*, выражающего идею настойчивости вопрошания. Функциями повтора в интеррогативных контекстах помимо создания связности являются актуализация семантики контекста, репрезентация конкретных идей, формирование образа, заострение морально-нравственных проблем, раскрываемых в вопросе.

Анализ синтаксических средств связности

Перейдем к анализу средств синтаксической связности в интеррогативных контекстах *how*. Рассмотрим полный повтор вопросительного предложения как способ создания связности текста. Например, повтор вопроса *How do you know?* [18. P. 63—64] не только служит связности внутри ближайшего контекста, а именно диалога между главными героями произведения Мэри и Томом, но и способствует репрезентации душевного беспокойства героев, их желания выяснить правду. В рамках макроконтекста романа конструкция *how do you know* частично повторяется в других вопросительных предложениях *how* (*how do I know — how do we know — how could Dora know — but how do we know* и т. д.), что способствует репрезентации идеи поиска, преодоления сомнений, необходимости объяснения, с одной стороны, и служит созданию как имплицитной, так и эксплицитной связности текста — с другой.

Помимо повтора связность на синтаксическом уровне достигается за счет хиазма. Рассмотрим следующий пример:

How many times do we enter Here and Now? How many times does the Here and Now pay us visits? [Ibid. P. 66]

Анализируемый контекст раскрывает тему времени, он взят из главы *About the Story-Telling Animal*, посвященной размышлениям рассказчика о месте человека в истории. Использование лексики тематического поля «время» (*now — times*), метафорическое осмысление автором пространства как времени, представленное указательным местоимением *here*, метафорическое осмысление времени как пространства, репрезентированное в глаголе действия *enter*, и как активного деятеля, что актуализировано в словосочетании *pay visits*, создает семантическое единство внутри микроконтекста.

Связь между предложениями достигается за счет повтора указательного местоимения *here* и наречия времени *now*, анафоры и синтаксического параллелизма. Хиазм (*we enter Here and Now — Here and Now pays us visits*) служит не только связности интеррогативного контекста, но и созданию эффекта алогичности, выражению авторского сомнения по поводу осуществления описываемого события. Авторская ирония, репрезентированная посредством хиазма, актуализирована и самой вопросительной формой предложений, которая служит заострению проблемы, стимулированию развития авторской и читательской мысли. В рамках главы рассматриваемый контекст связан с предложением *For most of the time the Here and Now is neither now nor here* [Ibid. P. 67], которое служит своеобразным ответом на поставленные вопросы. Мы наблюдаем как формальные средства связности между контекстами (лексические повторы), так и тематическую связь, а также единство стилистического эффекта, поскольку игра слов, используемая в предложении, служит созданию впечатления алогичности и выражению авторской иронии.

В результате анализа интеррогативных контекстов *how* выявлены тенденции к формальной усложненности, с одной стороны, и формальной неполноте — с другой. Синтаксическая усложненность вопросительного предложения, например вводными словами и конструкциями, однородными членами, наличием одного или нескольких придаточных, деепричастными оборотами, способствует выражению эксплицитной связности текста. Например:

So how was I, in our Lode-side bower, while far away the world wrote its chronicle of war, while Mary told me about her widowed father and the sisters of St Gunnhilda (how hard it was to be a little Madonna) and I told Mary of my game-legged and likewise widowed Dad — how was I to avoid giving voice to a pitiful account of my brother? [Ibid. P. 248]

Связность в анализируемом интеррогативном контексте достигается за счет использования тождественных повторов (*while, Mary, told, widowed, how*), синонимического повтора (*Mary — little Madonna, father — Dad*), дейктического повтора (*world — its, I — my*), повтора соединительного союза *and*, повтора конструкции *how was I*, использования лексики одного тематического поля (*father — Dad, sisters, brother*). Связности внутри контекста помимо лексических средств способствует синтаксическая усложненность рассматриваемого предложения, а именно наличие рядов однородных членов, парентезы, придаточных вре-

мени, обособленного обстоятельства места. Так, наличие нескольких придаточных предложений времени не только распространяет синтаксическую конструкцию, но и служит сопоставлению нескольких событий произведения в конкретном отрывке внутренней речи рассказчика, что вписывает рассматриваемый микроконтекст в макроконтекст романа в целом. За счет приема парентезы, наличия однородных членов предложения, обстоятельства места вводятся дополнительные детали изображаемых в отрывке образов, комментарии и пояснения рассказчика по ходу повествования, что способствует созданию эффекта целостности развития авторской мысли и реализации изобразительной функции текста.

Формальная неполнота вопросительных предложений достигается за счет использования эллипса, апосиопезы, простых нераспространенных предложений и служит экспликации неявных смысловых связей как внутри микроконтекста, так и внутри макропространства романа. Например, вопрос *How — ?* [Ibid. P. 265] максимально сокращен с точки зрения формы, однако в нем в свернутом виде содержится не только семантика ближайшего контекста, но и элементы смыслового пространства романа в целом. Рассматриваемый вопрос взят из главы *Unknown Country*, посвященной размышлениям рассказчика о похищении его женой чужого ребенка. Это событие можно назвать одним из ключевых в контексте романа, поскольку осмыслению причин и предпосылок этого поступка посвящено все произведение. Вопрос, представляющий собой реплику диалога между главным героем Томом Криком и его женой Мэри Мэткаф, таким образом, можно интерпретировать как выяснение причины произошедшего события или способа его осуществления исходя из анализа ближайшего контекста, а в рамках смыслового макропространства романа его можно трактовать как риторическое обращение героя к самому себе, вопрошание о смысле произошедшего в прошлом или возможности будущего. Прием апосиопезы, использованный автором в рассматриваемом вопросе, не только актуализирует идею недосказанности, но и способствует репрезентации эмоционального состояния героя.

Наряду с проанализированными выше лексико-семантическими и синтаксическими средствами, способствующими связности внутри отдельных

интеррогативных контекстов и вписывающих их в макроконтекст произведения, сами интеррогативные контексты *how* могут рассматриваться как способ образования связности текста. Вопрос, с коммуникативной и познавательной точки зрения, стимулирует развитие авторской мысли, предполагает выведение нового знания, что приводит к формированию определенных сюжетных линий и введению новых тем, способствует динамике сюжета или заостряет внимание на уже описанных ранее событиях. Размышления рассказчика о тех или иных проблемах, поднятых в интеррогативных контекстах *how*, поиск ответа на вопросы, объективируется в контекстах разного объема, от ответной реплики до целой главы. Например, интеррогативный контекст *How do you surmount reality, children? How do you acquire, in a flat country, the tonic of elevated feelings?* [Ibid. P. 24] способствует формированию главы *About the Fens*, а также стимулирует развитие ключевых тематических и сюжетных линий романа. Кроме того, интеррогативные контексты *how* служат формированию тематического единства и единства образности произведения. Важно отметить, что рассматриваемые интеррогативные контексты, а также интеррогативность романа в целом способствуют образованию как эксплицитных, так и имплицитных текстовых связей. Анализ позволил выявить контексты, в которых эксплицированы и вопрос, и ответ, а также контексты, в которых эксплицирован только вопрос, а ответ только предполагается или угадывается только в контексте всего романа.

Заключение

В целом в данной статье мы предприняли попытку проследить характер взаимосвязи категорий интеррогативности и связности на материале вопросительных предложений *how* в романе Г. Свифта *Waterland*. Нами выявлены различные лексико-семантические и синтаксические средства, как способствующие созданию связности внутри интеррогативных контекстов, так и вписывающие их в макроконтекст всего произведения. Также установлено, что и сами вопросительные предложения реализуют свойство связности текста, поскольку играют важную роль в формировании глав, образовании сюжета, создании единства тематических линий и образности романа.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2006. 384 с.
2. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
3. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 562 с. URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html> (дата обращения 10.07.2020).
4. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. URL: <https://topuch.ru/i-r-galeperin-ocherki-po-stilistike-anglijskogo-yazika/index17.html> (дата обращения 26.09.2019).
5. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
6. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
7. Логинов А. В. Лексические средства выражения семантики интеррогативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. С. 82—85.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. СПб.: Азбука, 2015. 374 с.
9. Мостовая Л. А. Риторический вопрос в группе косвенных речевых актов // Вестник РУДН. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 4. С. 39—45.
10. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. 172 с.
11. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. № 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения 10.07.2020).
12. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славян. культуры, 2001. 544 с.
13. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. № 17. URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm> (дата обращения 12.07.2020).
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2011. 695 с.
15. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. 175 с.
16. Сычева И. Б. Встречный вопрос и его функционирование в динамике диалога: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003167152#?page=1> (дата обращения 06.11.2019).
17. Шведова Н. Ю. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. URL: <https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/funktsionalnosemanticheskie-tipyi-voprositelnyi-96649.html> (дата обращения 10.07.2020).
18. Swift G. *Waterland*. Picador, 2008. 355 p.

Сведения об авторе

Гладкова Катерина Юрьевна — старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия. Katerina_G_L@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 45—51.*

REALISATION OF COHESIVE MEANS IN INTERROGATIVE CONTEXTS “HOW” IN “WATERLAND” BY G. SWIFT

K. Yu. Gladkova

Perm State National Research University, Perm, Russia. Katerina_G_L@mail.ru

The paper is focused on studying the problem of interrelation of categories of interrogativity and cohesion in a literary text. The aim of the article is to analyze cohesive means in interrogative contexts “how” in “Waterland” by G. Swift. The author employs methods of semantic, component, contextual, syntactic and stylistic analysis. Various lexical and syntactic means of cohesion have been discovered and analyzed during the research. The author assumes that among lexical means of cohesion various types of repetition play a key role in text formation. Syntactical analysis of the interrogative contexts “how” has shown that the use of aposiopesis, antithesis, chiasmus, ellipsis, anaphora facilitates implicit and explicit text cohesion as well as fulfills aesthetic function of a literary text. The author assumes that interrogative contexts themselves serve as a means of cohesion in the text under consideration as they play a key role in formation of chapters, development of plot, fa-

cilitating thematical and conceptual unity of the text. Finally, the author concludes that interrogative contexts “how” contribute to the processes of text formation.

Keywords: *cohesion, interrogativity, question “how”, text formation, literary text, aesthetic function.*

References

1. Arnold I. V. (2006) *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Contemporary English Language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ. 384 p. [in Russ.].
2. Valgina N. S. (2003) *Teoriya teksta* [Theory of Text]. Moscow, Logos Publ. 173 p. [in Russ.].
3. Vinogradov V. V. (1975) *Issledovaniya po russkoy grammatike* [Studies on Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ. 562 p. Available at: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html>, accessed 10.07.2020 [in Russ.].
4. Gal'perin I. R. (1958) *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on English stylistics]. Moscow. Available at: <https://topuch.ru/i-r-galeperin-ocherki-po-stilistike-anglijskogo-yazyka/index17.html>, accessed 26.09.2019 [in Russ.].
5. Kobozeva I. M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, Editorial URSS Publ. 352 p. [in Russ.].
6. Loginov A. V. (2012) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6, pp. 82—85 [in Russ.].
7. Leont'ev A. A. (1997) *Osnovy psikholingvistiki* [Foundations of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ. 287 p. [in Russ.].
8. Lotman Yu. M. (2015) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of a Literary text]. St. Petersburg, Azbuka Publ. 374 p. [in Russ.].
9. Mostovaya L. A. (2009) *Vestnik RUDN. Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, no. 4, pp. 39—45 [in Russ.].
10. Murzin L. N., Shtern A. S. (1991) *Tekst i ego vospriyatie* [Text and its Perception]. Sverdlovsk. 172 p. [in Russ.].
11. Austin J. (1986) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, no. 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm>, accessed 10.07.2020 [in Russ.].
12. Peshkovskiy A. M. (2001) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Syntax of the Russian language from a scientific perspective]. Moscow. 544 p. [in Russ.].
13. Searle J. R. (1986) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, no. 17. Available at: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/xvii.htm>, accessed 12.07.2020 [in Russ.].
14. Kozhina M. N. (ed.) (2011) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ. 695 p. [in Russ.].
15. Skrebnev Yu. M. (1975) *Ocherk teorii stilistiki* [Essay on theory of stylistics]. Gorky. 175 p. [in Russ.].
16. Sycheva I. B. (2008) *Vstrechnyy vopros i ego funktsionirovanie v dinamike dialoga* [Counter-question and its functioning in the dynamics of dialogue. Abstract of thesis]. Orel. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003167152#?page=1>, accessed 06.11.2019 [in Russ.].
17. Shvedova N. Yu. (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t. T. 2. Sintaksis* [Russian grammar: in 2 vol. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka Publ. Available at: <https://scicenter.online/russkiy-yazyik-scicenter/funktsionalnosemanticheskie-tipyi-voprositelnyi-96649.html>, accessed 10.07.2019 [in Russ.].
18. Swift G. *Waterland*. Picador, 2008. 355 p.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФЕМИНИТИВОВ-НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Ю. С. Замышляева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Проводится анализ функционирования феминитивов-неологизмов (лексико-семантической группы со значением лица женского пола по роду деятельности) в современных русскоязычных медиаисточниках. В процессе исследования установлено, что феминитивы-неологизмы, образованные от названий профессиональной деятельности, связанной с IT-технологиями и жанрами интернет-коммуникации, активно употребляются в заголовках современных медиа. Определена основная функция феминитивов-неологизмов, выявлены наиболее продуктивные словообразовательные модели.

Ключевые слова: *феминитивы-неологизмы, медиаисточник, стилистическая окраска, словообразовательная модель.*

Начало XXI в. ознаменовалось появлением большого количества новых, непривычных для коммуникантов языковых явлений. Одним из самых ярких новшеств является широкая популяризация феминитивов — слов, обозначающих лицо женского пола по профессиональной, социальной и религиозной принадлежности [2. С. 7]. Несмотря на то что данный термин широко используется, в том числе в лингвистических исследованиях, определение термина «феминитив» отсутствует в лингвистических терминологических словарях [9; 10; 17].

С большой вероятностью данный термин будет закреплен в лингвистике, так как он позволяет заменить достаточно длинное терминологическое сочетание «обозначение лица женского пола по роду деятельности», а также соответствует терминологической лингвистической системе. Например, такую же структуру имеют термины пейоратив, мелиоратив, диминутив и т. п. [6. С. 289].

В качестве основной причины активного использования феминитивов в современном общении многие называют широкое распространение феминистского движения. Многие исследователи, например М. Е. Секерина и Ю. Г. Захарова [16], Т. В. Федотова и И. В. Кулик [19], видят в данных неологизмах средство борьбы с андроцентричностью языка, то есть с его маскулинностью, с ситуацией, когда язык ориентирован не столько на человека в целом, сколько на лицо мужского пола.

Феминитивы достаточно активно исследуются современными лингвистами. Так, В. В. Беркутова рассматривает данные лексические единицы в русском языке в рамках исторического [1] и лингвистического [2] аспектов. Н. В. Сумина и Д. Р. Величко

исследуют наименования лиц женского пола в современных языках [18].

Внимание лингвистов привлекают прежде всего феминитивы, обозначающие лицо женского пола по роду деятельности. Данной теме посвящено большое количество исследований, среди них работы В. В. Демичевой, О. И. Еременко и Т. В. Яковлевой «Роль социокультурных факторов в изменении словарного состава литературного языка XIX в. (на материале женских *nomina professionalia*)» [8], А. С. Прохоровой «Наименование лиц женского пола по профессиональной принадлежности на рубеже XX—XXI веков» [13], а также А. С. Васильевой «Тенденции в употреблении наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности» [4].

Особый интерес представляют исследования, в которых рассматривается функционирование феминитивов в СМИ и сети Интернет. Р. Р. Гузаерова и В. А. Косова в своей статье «Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве» [7] пишут о том, что данные неологизмы все чаще используются в СМИ в качестве механизма общественных изменений, чтобы отразить борьбу за гендерное равенство, продолжая тенденцию, зародившуюся в Интернете, который стал площадкой для продвижения новых идей. Н. С. Самойленко и А. А. Стекленева в работе «Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ» [15] проводят анализ феминитивов в заголовках и лидах публикаций и выделяют ряд приемов, к которым прибегают журналисты: использование синонима, если нет официально закрепленной формы женского рода; добавление приложения (*женщина-политик*); указание на пол через

форму глагола, прилагательного или причастия (*министр выступила с обращением*); чередование в использовании феминитивов и формы мужского рода с целью избежать лексического повтора, но при этом точно указать гендерную принадлежность. М. Е. Секерина и Ю. Г. Захарова в статье «Феминитивы в языке блогов» [16] выделяют группы феминитивов-неологизмов: обозначение по профессии, по роду деятельности, обобщение лиц женского пола как социальной группы (*людини*). Также они подчеркивают, что для феминитивов, используемых в социальных сетях, характерна вариативность словообразовательных форм (*блогерка — блогерша*). М. Е. Секерина и Ю. Г. Захарова выделяют продуктивные (суффиксы -к, -ин/ын, -есс) и непродуктивные (синкретичная морфема -а, аббревиация — *гиня* от *гинекология*) модели для создания феминитивов, а также говорят об активизации употребления устаревших слов в интернет-пространстве (*танцорка, актерка*).

В нашем исследовании мы рассматриваем функционирование феминитивов-неологизмов, обозначающих женщин по роду деятельности, связанной с интернет-технологиями и интернет-коммуникацией. Развитие IT-технологий, новых способов коммуникации в сети Интернет способствовало появлению новых видов деятельности, новых профессий: блогер, геймер, ютубер и др. От данных наименований образовались соответствующие феминитивы-неологизмы: *блогерша (блогерка), айтишница, программистка, веб-дизайнерша, сисадминша, стримерша, геймерша, инстаграмница, тиктокерша, вайнерша, хейтерша, ютуберша* и др.

Целью данного исследования является определение основных словообразовательных моделей и функций феминитивов-неологизмов в современных СМИ.

Материалом исследования послужили более 50 заголовков и подзаголовков в различных медиаисточниках, в которых встречаются данные феминитивы.

Количественное соотношение данных феминитивов представлено в таблице:

<i>Инстаграмница</i>	10
<i>Геймерша</i>	9
<i>Стримерша</i>	8
<i>Блогерша</i>	5
<i>Вайнерша</i>	5
<i>Айтишница</i>	4
<i>Тиктокерша</i>	4
<i>Ютуберша</i>	3
<i>Блогерка</i>	2

Как видим, в рассматриваемом материале наиболее широко представлены образования с суффиксом -ш(а) (68%), которые в сознании носителей языка ассоциируются с разговорным стилем.

Как известно, феминитивы с суффиксом -ш(а) широко употребляются в разговорной речи (ср.: бухгалтерша, кассирша, докторша). Еще в середине XX в. В. В. Виноградов считал этот суффикс продуктивным и отмечал, что он может обозначать не только жену представителя какой-нибудь профессии, но и образовывать «названия лиц женского пола по профессии, по роду деятельности (особенно часто соотносительно с обозначениями лиц мужского пола на -атор, -ор, -ёр, -ир, -арь): билетёрша, контролёрша, кассирша, бригадирша, кондукторша, секретарша, музыкантша; ср. также: маникюрша, педикюрша и т. п.» [5. С. 115].

В связи с тем что в русском языке нет устойчивых словообразовательных моделей для создания феминитивов, мы можем наблюдать определенную вариативность форм, например: *блогерка — блогерша*. Однако важно отметить, что феминитивы с суффиксом -ш(а) более частотны в использовании, чем однокоренные с ними формы с суффиксом -к(а). В рассмотренных нами примерах вариант *блогерша* встречался пять раз, а *блогерка* — только два.

В толковых словарях русского языка [3; 12] такие слова даются с пометой *разг.*, то есть их употребление в письменных стилях русского языка, в том числе в публицистическом стиле, ограничено. В современных СМИ разговорный компонент языка представлен достаточно широко, поэтому «традиционные» разговорные феминитивы также можно встретить в заголовках. Ср.: *Луиза не добежала... Как кассирши и инкассаторы воруют миллионы* (АиФ. 10.07.19). *Бухгалтерша* из Поднебесной украла 237 тысяч долларов на подарки видеоблогерам (Царьград. 12.12.16).

Обратим внимание на то, что «традиционные» феминитивы в заголовках СМИ используются достаточно редко, тогда как феминитивы-неологизмы представлены в медиаисточниках весьма широко. Ср.:

• *Айтишница: Айтишница с двумя высшими образованиями гоняет по России за рулем 20-тонной фуры* (<https://www.rostov.kp.ru/>. 19.10.18). *Путь к успеху через Афганистан: как айтишница из Кыргызстана покоряла США* (<https://uz.sputniknews.ru/>. 08.03.20).

• *Блогерша: Популярная российская блогерша разбила на мотоцикле на Бали* (<https://ya62.ru>. 21.06.20).

• *Блогерка: Блогерка написала Путину о замерзающем Владивостоке: ей позвонил министр* (<https://vl.aif.ru/>. 24.11.20).

• *Вайнерша: Популярная казахстанская вайнерша¹ Нагимуша переехала в Москву* (<https://tengrinews.kz/>. 04.11.19). *Вместе с супругом Аланом Басиевым вайнерша приобрела огромный дом* (<https://versia.ru/>. 19.12.19).

• *Геймерша: Геймерша спасла жизнь своему напарнику из другой страны, позвонив в полицию* (<https://regnum.ru/>. 13.01.20). *90-летняя японка попала в Книгу рекордов Гиннесса как самая пожилая геймерша* (<https://nv.ua/>. 13.05.20).

• *Инстаграмщица: Фельдшер-инстаграмщица опубликовала кровавые фото пациентов в Воронеже* (<https://bloknot-voronezh.ru/>. 27.09.19). *Эффектная инстаграмщица из Владивостока стала участницей шоу на телеканале «Пятница»* (<https://prim.news/>. 31.07.18).

• *Стримерша: Стримерша обвинила одного из руководителей Twitch в сексуальных домогательствах* (<https://www.cybersport.ru/>. 27.06.20). *Умерла Twitch-стримерша Ohlana* (<https://dtf.ru/>. 09.07.20).

• *Тиктокерша: Тиктокерша из Воронежа попала в топ-10 самых высокооплачиваемых, по версии Forbes* (<https://vrn.mk.ru/>. 02.11.2020). *На кого подписаться: Тиктокерша, которая переснимает сериалы вместе с кошкой* (<https://www.wonderzine.com/>. 07.10.20).

• *Ютуберша: Ютуберша сняла рекламу и стала гением маркетинга* (<https://medialeaks.ru/>. 04.12.19). *Ютуберша показала подписчикам, как удается быть звездой и школьницей* (<https://medialeaks.ru/>. 27.11.19).

Как правило, разговорная лексика в публицистическом тексте несет дополнительную стилистическую нагрузку (языковая игра, ирония и т. п.). Между тем анализ нашего материала показал, что феминитивы-неологизмы в заголовках СМИ обычно стилистически нейтральны, следовательно, их единственная функция — указание на пол лица. Возможно, это связано с тем, что данные образования в меньшей степени осознаются носителями языка как разговорные в отличие от традиционных образований типа кассирша, бухгалтерша, докторша и других, которые

изначально ассоциируются с устной разговорной речью.

Использование феминитивов в СМИ особенно актуально в связи с необходимостью обозначения лица по полу с целью предоставить реципиенту наиболее достоверную информацию. Если русские имена собственные позволяют определить половую принадлежность лица, то иноязычные имена и фамилии для носителей русского языка могут не содержать данной информации. Так, «Новая Газета» столкнулась с критикой читателей после статьи о новых лауреатах Нобелевской премии по химии Эммануэль Шарпентье и Дженнифер Дудне (женщины). В статье было написано следующее: «Нобелевскую премию по химии в этом году присудили Эммануэлю Шарпентье и Дженниферу Дудне за разработку методов редактирования генома». Как видим, авторы использовали склоняемые формы иноязычных имен и фамилий, характерные для лиц мужского пола. Данный казус лишней раз подтверждает необходимость и актуальность для носителей языка наличия специальных форм для обозначения лица женского пола по роду деятельности. Например, использование феминитива «*лауреатки*» позволило бы избежать подобной ошибки.

Таким образом, в результате анализа нашего материала мы пришли к следующим выводам:

1. В современном русском языке активно функционируют феминитивы, образованные от названий рода деятельности и профессий, связанных с IT-технологиями и жанрами интернет-коммуникации. Данная лексико-семантическая группа продолжает развиваться и пополняется новыми словами.

2. Феминитивы-неологизмы в отличие от «традиционных» феминитивов достаточно широко представлены в заголовках современных медиаисточников.

3. Феминитивы-неологизмы в заголовках СМИ, как правило, не имеют дополнительной стилистической окраски (стилистически нейтральны) и выполняют только функцию указания на пол лица.

4. Наиболее продуктивными словообразовательными моделями для феминитивов-неологизмов, представленных в заголовках СМИ, являются образования с суффиксами -ш(а) (*ютуберша, тиктокерша*) и -ниц/-щиц(а) (*айтишница, инстаграмщица*).

Все это позволяет предположить, что активизация феминитивов в современном русском языке связана не с развитием феминизма, а с необходимостью для носителей языка дифференцировать лицо по признаку пола.

¹ Вайнеры в Интернете — люди, которые снимают короткие видео с определенной тематикой и смысловой нагрузкой, со средней продолжительностью 6 секунд. Вайн — видео, которое может длиться до 22 секунд.

Список литературы

1. Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 6—21.
2. Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7—26.
3. Большой толковый словарь русского языка: А — Я / гл. ред. С. А. Кузнецов. М., 2004. 1534 с.
4. Васильева А. С. Тенденции в употреблении наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности // Проблемы современного образования. 2013. № 1. С. 46—53.
5. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972. 616 с.
6. Воронцова Т. А., Замышляева Ю. С. Функционирование феминитивов в медиадискурсе // V Международная научная конференция «MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность». 2020. С. 288—291.
7. Гузаерова Р. Р., Косова В. А. Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // Вестник ТГГПУ. 2017. № 4 (50). С. 11—15.
8. Демичева В. В., Еременко О. И., Яковлева Т. В. Роль социокультурных факторов в изменении словарного состава литературного языка XIX в. (на материале женских nomina professionalia) // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. 2016. С. 85—92.
9. Краткий словарь лингвистических терминов / сост. Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахарович. М.: Рус. яз., 2003. 212 с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Совет. энцикл., 1990. 688 с.
11. Новицка Б. Феминитивы с суффиксом -к(а) в новой русской лексике // Studia rossica posnaniensia. 2006. № 33. С. 73—76.
12. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. Т. 1. М.: Рус. яз., 2000. 1210 с.
13. Прохорова А. С. Наименование лиц женского пола по профессиональной принадлежности на рубеже XX—XXI веков // Преподаватель XXI век. 2012. № 3. С. 292—295.
14. Саватеева Л. В. Категория «сексизм» в фокусе лингвистической политкорректности // Вестник ТИУиЭ. 2008. № 2. С. 52—57.
15. Самойленко Н. С., Стекленева А. А. Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2 (33). С. 126—131.
16. Секерина М. Е., Захарова Ю. Г. Феминитивы в языке блогов // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 4. URL: <http://human.snauka.ru/2017/04/23665>.
17. Словарь лингвистических терминов и понятий / сост. Т. В. Жеребило. Назрань: Пилигрим, 2016. 610 с.
18. Сумина Н. В., Величко Д. Р. Наименование лиц женского пола и их бытование в современных языках // Язык и культура в условиях глобализации. 2017. С. 40—47.
19. Федотова Т. В., Кулик И. В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // Евразийский союз ученых. 2016. № 7-2 (28). С. 67—69.
20. Челак Е. А. Феминитивы в дискурсе интернет-коммуникации // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 12-2. С. 197—200.

Сведения об авторе

Замышляева Юлия Сергеевна — аспирантка, преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. lily-ulia@mail.ru

THE FUNCTIONING OF FEMINITIVES-NEOLOGISMS IN MODERN RUSSIAN MEDIA

Yu. S. Zamyshliaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. lily-ulia@mail.ru

The article represents the functioning analysis of feminitives (lexical-semantic word group with the meaning of a female specialist in a particular professional sphere) in modern Russian media. In the process of the research, it was found out that feminitives-neologisms derived from the names of professions and types of activities, connected with IT technologies and the genres of Internet communication, are actively used in the headlines of modern media. The most productive word-formation models were revealed (the suffixes -ша/-sh(a), -ниц(a)/-nits(a), -щиц(a)/-shits(a)) and the main function of using feminitives-neologisms in the media headlines was determined (designation of a person by gender). Furthermore, it was found that feminitives-neologisms in media headlines usually do not have any additional stylistic colouring.

Keywords: *feminitives-neologisms, media source, stylistic marking, word-formation model.*

References

1. Berkutova V. V. (2018) *Filologicheskij aspekt*, no. 11 (43), pp. 6—21 [in Russ.].
2. Berkutova V. V. (2019) *Filologicheskij aspekt*, no. 1 (45), pp. 7—26 [in Russ.].
3. (2004) Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka: A-Ja [Large explanatory dictionary of the Russian language]. 1534 p. [in Russ.].
4. Vasil'eva A. S. (2013) *Problemy sovremennogo obrazovanija*, no. 1, pp. 46—53 [in Russ.].
5. Vinogradov V. V. (1972) *Russkij jazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Studies about a word]. 616 p.
6. Voroncova T. A., Zamyshljaeva Ju. S. (2020) Funkcionirovanie feminitivov v mediadiskurse [Functioning of feminitives in media discourse]. *V Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija "MEDIAObrazovanie: media kak total'naja povsednevnost"* [V International science conference "MEDIA Education: media as total everyday life]. Pp. 288—291 [in Russ.].
7. Guzaerova R. R., Kosova V. A. (2017) *Vestnik TGGPU*, no. 4 (50), pp. 11—15 [in Russ.].
8. Demicheva V. V., Eremenko O. I., Jakovleva T. V. (2016) Rol' sociokul'turnyh faktorov v izmenenii slovarnogo sostava literaturnogo jazyka XIX v. (na materiale zhenskikh nomina professionalia) [The role of sociocultural factors in changing the vocabulary of the literary language of the nineteenth century (based on the material of professional female nominees)]. *Kognitivno-diskursivnye strategii razvitija jazyka* [Cognitive-discursive language development strategies]. Pp. 85—92 [in Russ.].
9. (2003) *Kratkij slovar' lingvisticheskikh terminov* [Brief Dictionary of Linguistic Terms]. 212 p.
10. (1990) *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 688 p.
11. Novicka B. (2006) *Studia rossica posnaniensia*, no. 33, pp. 73—76 [in Russ.].
12. (2000) *Novyj slovar' russkogo jazyka: Tolково-slovoobrazovatel'nyj* [New dictionary of the Russian language: Explanatory and derivational, vol. 1]. 1210 p. [in Russ.].
13. Prohorova A. S. (2012) *Prepodavatel' XXI vek*, no. 3, pp. 292—295 [in Russ.].
14. Savateeva L. V. (2008) *Vestnik TIUiJe*, no. 2, pp. 52—57 [in Russ.].
15. Samojlenko N. S., Stekleneva A. A. (2019) *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* [Topical issues of modern philology and journalism], no. 2 (33), pp. 126—131 [in Russ.].
16. Sekerina M. E., Zaharova Ju. G. (2017) *Gumanitarnye nauchnye issledovanija* [Humanities research], no. 4. Available at: <http://human.snauka.ru/2017/04/23665> [in Russ.].
17. (2016) *Slovar' lingvisticheskij terminov i ponjatij* [Dictionary of linguistic terms and concepts]. 610 p.
18. Sumina N. V., Velichko D. R. (2017) Naimenovanie lic zhenskogo pola i ih bytovanie v sovremennyh jazykah [The names of females and their existence in modern languages]. *Jazyk i kul'tura v uslovijah globalizacii* [Language and culture in the context of globalization]. Pp. 40—47 [in Russ.].
19. Fedotova T. V., Kulik I. V. (2016) *Evrazijskij Sojuz Uchenyh*, no. 7-2 (28), pp. 67—69 [in Russ.].
20. Chelak E. A. (2018) *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International research journal], no. 12-2, pp. 197—200 [in Russ.].

МЕТАФОРИЗАЦИЯ СОВЕЩАТЕЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В. А. Каменева, Н. В. Рабкина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ,
проект 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

На материале дискурса совещаний Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2020 г.) была исследована специфика метафоризации совещательного политического дискурса в его статусно-ролевом аспекте. На основе контент-анализа, интент-анализа и семантико-стилистического метода определены функции метафор и доказано отсутствие в речи председателя В. И. Матвиенко и членов Совета доминантой метафоры с одной сферой-источником.

Ключевые слова: *политический дискурс, политическая метафорология, лингвоперсонология, метафора, прагматический потенциал.*

Политическая метафорология, возникшая на пересечении метафорологии и политической лингвистики, видит в политической метафоре инструмент осознания, моделирования и оценки политических процессов, средство воздействия на сознание масс [11], то есть средство убеждения или манипуляции сознанием избирателей. Соответственно, многие лингвистические труды о политической метафоре основываются на материале политического дискурса, напрямую связанного с воздействием на оппонента или аудиторию: дебатах, публичных речах, предвыборном дискурсе. Изучение же метафорического репертуара определенного политика, напротив, помогает определить его подлинное отношение к какой-либо проблеме.

Если считать политический дискурс субдискурсом идеологического метадискурса, то роль метафоры также сводится в нем к инструменту «борьбы за фундаментальные групповые ценности»: «борьбы за власть номинаций» и «власть в сфере обозначения» [3. С. 13]. Политическая метафора, таким образом, становится синонимом манипуляции: говоря об одном в терминах другого, адресат навязывает адресанту свою (или желаемую) точку зрения на определенные явления или события.

Между тем актуализация функции воздействия совещательного политического дискурса при помощи метафоры представляется значимой, но не главной. В рамках данного типа дискурса метафора — эффективный инструмент актуализации другой функции, а именно фасилитации. Эта функция часто остается за рамками исследовательского интереса, так как ученых, как правило, интересует

яркое событие (предвыборная гонка, переговоры, официальная встреча, обращение, публичное выступление, конфликтная ситуация и т. д.) и порожаемый им дискурс. Однако, если отойти от этого хорошо изученного материала и обратиться к более «рутинному» и менее исследованному дискурсу политического совещания или заседания, метафора, по нашему предположению, в большинстве случаев будет способствовать реализации функции фасилитации совещательного политического дискурса.

Данная работа посвящена изучению метафоризации так называемого рутинного политического дискурса. Чтобы политический дискурс стал институциональным, необходимы два условия: соответствующая окружающая обстановка (правительственное заседание, сессия парламента, съезд партии и т. д.) и выступление адресанта в своей профессиональной роли в процессе политической коммуникации [4]. Совет Федерации как политический институт является ограниченным институциональным пространством и механизмом, цель которого — регламентированность политической деятельности, и с этой точки зрения такая коммуникация — концентрированное выражение политических процессов [1].

Как известно, политический дискурс не однороден по целям, количеству участников, жанровым характеристикам, целевой аудитории, адресанту, институциональной принадлежности и ряду других характеристик. При этом отметим актуальность и дискуссионность оснований классификации политического дискурса. В данной работе под политическим дискурсом в целом будет пониматься

совокупность текстов, создаваемых с целью таргетирования социально-политических вопросов и проблем легитимными адресантами. Совещательный политический дискурс будет трактоваться как совокупность текстов, создаваемых политиками в ходе совещаний или заседаний для решения текущих социально-политических вопросов.

Выбор данного дискурса для исследования особенностей метафоризации не случаен. Изучение данного типа дискурса в целом и его метафоризации в частности на данный момент носит фрагментарный характер. Материалы парламентских заседаний и тому подобных рабочих совещаний анализируются с учетом канала передачи информации [1; 2], интенсивности высказывания [8], гендерных особенностей коммуникантов [6], но не метафоризации. На сегодня основное внимание ученых уделяется метафоризации политического дискурса СМИ и предвыборного дискурса, а также дискурса парламентских дебатов, характеризующихся повышенным прагматическим потенциалом из-за своей целевой направленности [5; 9; 10; 13—16].

Обзор научных работ показывает, что в таком типе дискурса доминирует одна метафора, позволяющая политикам и политическим институтам достигать поставленной цели, формировать требуемую оценку адресатом транслируемой информации, решать определенные социально-политические вопросы [7; 17]. Представляется, что в дискурсе политических совещаний не будет доминирующих метафор, а главенствующими функциями метафоры будут: прагматическая — у председателя совещаний, когнитивная в ее номинативно-оценочной разновидности — у остальных участников. Это позволило бы реализовать основную функцию совещательного политического дискурса — функцию фасилитации, заключающуюся в принятии взвешенных совместных решений на совещаниях политиков.

В предвыборном дискурсе, политическом дискурсе СМИ и дискурсе парламентских дебатов метафора выполняет следующие функции:

- когнитивная (подразделяющаяся на номинативно-оценочную, моделирующую, инструментальную, гипотетическую);
- прагматическая (объединяющая побудительную, аргументативную и эмотивную);
- эстетическая (подразделяющаяся на изобразительную и экспрессивную);
- коммуникативная (включающая эвфемистическую, популяризаторскую [12] и функцию вуалирования ответственности).

Обзор научных работ по политической метафорологии позволяет говорить о том, что в политическом дискурсе СМИ и предвыборном дискурсе на первый план выходит прагматическая функция в ее аргументативной и эмотивной разновидностях.

Представляется, что из-за существенных и целевых отличий политического дискурса совещаний от предвыборного дискурса, политического дискурса СМИ и дискурса парламентских дебатов его функции и их иерархия будут отличаться и варьироваться в зависимости от статусно-ролевого аспекта его участников.

В России парламентская коммуникация долгое время тяготела к аппаратным формам, ввиду чего оставалась недостаточно изучена. Однако сегодня парламентская коммуникация в России достаточно прозрачна [1]. Стенограммы практически всех выступлений и интервью политиков высшего ранга, заседаний и совещаний различных органов государственной власти страны размещаются в открытом доступе на официальных интернет-ресурсах. Для решения поставленных задач исследования был выбран дискурс совещаний Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Приемом сплошной выборки были отобраны стенограммы нескольких совещаний за 2020 г. (от 14 и 17 февраля). В генеральную выборку вошли 118 метафор, отобранных приемом направленной выборки. В качестве основных методов исследования наряду с общенаучными применялся контент-анализ, интент-анализ и семантико-стилистический метод.

Методика анализа идентифицированных метафор включала следующие процедуры:

- 1) классификация метафор по сфере-источнику метафорической экспансии в дискурсе председателя;
- 2) классификация метафор по сфере-источнику метафорической экспансии в дискурсе остальных участников;
- 3) сравнение полученных классификаций с целью выявления наличия или отсутствия доминантных метафор;
- 3) определение функций метафор в дискурсе председателя;
- 4) установление функций метафор в дискурсе остальных участников;
- 5) интерпретация полученных результатов в статусно-ролевом аспекте политиков.

Обращение к статусно-ролевому аспекту метафоризации совещательного политического дискурса и специфике метафоризации политического дис-

курса председателя заседаний позволило получить следующие результаты.

Анализ метафор, извлеченных из дискурса председателя Совета Федерации В. И. Матвиенко, позволил подтвердить гипотезу о том, что в совещательном политическом дискурсе нет доминантой метафоры с одной сферой-источником метафорической экспансии. В результате проведенного исследования были идентифицированы следующие сферы-источники: «живые организмы», «жилище», «техника», «флора», «дорога», «фауна», «спорт», «экономика и бизнес», «искусство и культура», «история», «медицина», «физическая география», «химия», «книги». Первая сфера чаще всего привлекалась для метафорических переносов.

Приведем несколько примеров: *«В свое время, когда я была губернатором, очень активно обсуждалась тема инфраструктурных облигаций, потом она как-то тихо умерла, не используются они»; «В общем, конкретные предложения, что надо сделать, чтобы оживить и в целом финансовый рынок»; «Железная дорога остается кровеносной системой России, от состояния которой напрямую зависят и экономическое развитие регионов, и социальное самочувствие наших граждан».* В. И. Матвиенко использует метафору «тема/рынок/РЖД — живые организмы», подчеркивая, что все это явления, нуждающиеся в поддержке извне, вливании жизненных сил, внимании.

Количественный анализ метафор в дискурсе В. И. Матвиенко показал лидерство прагматической функции (10 примеров), что логичным образом объясняется основной задачей председателя — организовывать работу Совета, давать поручения, побуждать к определенным действиям. На втором месте, согласно полученным данным, находится коммуникативная функция (7 примеров), что также логично вытекает из обязанностей Председателя — не просто давать поручения, но и разъяснять их максимально доступно и однозначно. Когнитивная функция (5 примеров) также имеет моделирующую или инструментальную направленность: она реализуется через свойство метафорической модели «подсказывать» реципиенту задаваемый адресантом ход действия или определять направление развития его мысли. Эстетическая функция сведена к минимуму (1 пример) и выступает маркером окончания обсуждения темы.

Обратимся к результатам анализа метафоризации политического дискурса участников заседаний Совета Федерации.

В генеральную выборку вошли метафоры, извлеченные из выступлений 26 политиков: Л. Б. Нарусовой, Е. Б. Мизулиной, Л. Н. Боковой, А. А. Клишаса, Д. И. Оюн, В. К. Кравченко, Н. А. Журавлёва, Н. В. Фёдорова, Д. Ю. Василенко, И. Н. Морозова, В. И. Булавина, С. Ф. Лисовского, А. В. Кондратьева, О. П. Королёва, А. В. Цыбульского, А. К. Акимова, Е. А. Перминовой, А. П. Майорова, М. В. Козлова, О. В. Цепкина, С. И. Кисляка, О. В. Белозёрова, А. В. Курпатов, В. В. Рязанского, Л. С. Гумеровой, О. М. Драпкиной.

Анализ метафоризации дискурса политиков, принимавших участие в совещаниях, также подтверждает гипотезу о том, что для совещательного политического дискурса нехарактерно наличие доминантой метафоры с одной сферой-источником метафорической экспансии. Проведенный анализ позволил идентифицировать следующие сферы-источники: «техника», «живые организмы», «быт», «медицина», «спорт», «жилище», «искусство и культура», «война», «дорога», «фауна», «флора», «экономика и бизнес», «геометрия», «физика», «преступление», «география». Первые три сферы чаще всего привлекались для метафорических переносов. Как видно из приведенных данных, такие две сферы-источника метафорической экспансии, как «живые организмы» и «техника», совпали с теми, к которым апеллировала председатель. Такие сферы-источники, как «жилище», «искусство и культура», «война» и «дорога», вошли во вторую по представленности группу употреблений. Оставшиеся сферы-источники метафорической экспансии были отнесены к третьей группе с единичными актуализациями.

Техническая метафора в большинстве случаев выполняла когнитивную функцию в ее оценочно-номинативной разновидности. Так, комплекс успешных концессионных соглашений номинируется *«работающим механизмом»* (О. В. Белозёров), а новые инвестиционные механизмы рассматриваются как *«важнейший драйвер развития экономики»* (В. К. Кравченко). С таким же функционалом новые назначения в кабинете министров номинируются *«перезагрузкой кабинета министров»* (Д. И. Оюн).

Техническая метафора в совещательном политическом дискурсе также служит коммуникативной цели в ее аргументативно-объяснительной разновидности. Представители различных направлений прибегают к технической метафоре для того, чтобы в доступной форме объяснить коллегам специфическую информацию. Так А. В. Курпатов,

эксплицируя влияние определенного онлайн-контента на поведенческие паттерны и когнитивную деятельность пользователей, прибегает к технической метафоре. Непопулярность качественного контента объясняется им *«эволюционными настройками»* человеческого мозга, стремящегося к экономии энергозатрат. Призывая способствовать борьбе против потребления примитивного контента, А. В. Курпатов также использует техническую метафору, актуализирующую восприятие нашего мозга в качестве информационного сервера: *«В результате формирования этих нейронных сетей, по сути дела, у нас формируется тот сервер, который просчитывает информацию, которая хранится в нашем мозге. И чем лучше структурирован этот сервер, тем лучше вы будете думать»* (А. В. Курпатов).

Метафора со сферой-источником «живой организм» была широко представлена в дискурсе участников. Утвержденные программы социально-экономического развития регионов описываются при помощи персонификации: федеральные политики интересуются *«судьбой этих программ»* (Д. И. Оюн). В таком ключе значимость программ, с одной стороны, выводится с уровня «человек — вещь» на уровень «человек — человек». С другой стороны, вуалируется ответственность политиков за *«судьбу»* программ. Антропоморфная метафора была зафиксирована при обсуждении принятых документов, актуализируя прагматическую функцию в ее эмотивной разновидности: *«Не все регионы могут решить те вопросы, которые ставятся перед железной дорогой. Но документ живой»* (О. В. Белозёров).

Приведем пример того, как смешение антропоморфной и криминальной метафор позволяет реализовывать аргументативную и эмотивную функции в политическом совещательном дискурсе. Так, по мнению политиков, *«доброе совестный бизнес не должен постоянно ходить под статью, постоянно чувствовать риск административного или даже уголовного наказания»* (В. Н. Бондарев).

Антропоморфную метафорику в политическом совещательном дискурсе получили не только бизнес-структуры, институты развития, министерства, но и индустриальные зоны: *«И мы видим, как активно заработали институты развития — ВЭБ в первую очередь, Российский экспортный центр. Мы видим, как реально начала работать российская индустриальная зона в Египте»* (И. Н. Морозов).

Сравнение создания и ввода в эксплуатацию рельсовых автобусов нового поколения с живым организмом демонстрирует использование метафоры в коммуникативной функции, с ее помощью объясняется важность данного типа транспорта для страны: *«Первые машины начали свою жизнь именно на Сахалине»* (О. В. Белозёров).

Метафора со сферой-источником «быт» реализует ряд функций, например коммуникативную в ее эвфемистической разновидности. Говоря о последовательности принятия поправок в конституцию, Л. Б. Нарусова подчеркивает, *«что мы помимо тех, кого мы делегировали в рабочую группу, должны такие слушания или круглый стол провести до того, как в Государственной Думе всё это решат, а нам дадут готовым на блюде»*. Прибегая к такой метафоре, политик имплицитно высказывает свою точку зрения о возможной непоследовательности при проведении указанной процедуры.

Метафоры из области быта также актуализируют когнитивную функцию в ее номинативно-оценочной разновидности. Призывая ответственных оптимизировать процедуру оформления документов для заказа представительских автомобилей, Л. Б. Нарусова говорит о том, что *«транспортный отдел для заказа автомобилей делает две бумаги — такие большие простыни»*. Подобная метафоризация позволяет реципиентам понять негативную оценочность существующего порядка оформления данных документов. Актуализация данной функции прослеживается и в примере, описывающем проблемы с обустройством пунктов пропуска таможенной службы: *«Они стали своего рода узким горлышком внешней торговли, препятствием для ее динамичного развития»* (В. И. Булавин).

При этом отметим, что метафоры со сферой-источником «быт», выполняя номинативную функцию, во многих случаях могут быть отнесены к так называемым стертым метафорам с нейтральной оценочностью, например: *«транспортный узел», «цепь поставок»*.

Метафоры со сферой-источником из области медицины реализуют целый спектр функций. Такие метафоры, как *«работа таможи — симптом», «цифровое слабоумие»* и *«регионы-доноры»*, актуализируют когнитивную функцию в ее номинативно-оценочной разновидности. Прагматическую функцию в ее побудительной разновидности реализуют метафоры *«заразить регионы этой идеей», «держать руку на пульсе жизни всей страны», «проводить профилактику коррупционных нарушений»*.

Метафора со сферой-источником метафорической экспансии «спорт» реализует как коммуникативную, так и прагматическую функции при описании программ развития регионов, таможенной службы, таможенного администрирования и налоговой системы: «**стартовые позиции**», «**дан старт**», «**контрольные барьеры**», «**рывок вперед**».

Метафоры со сферой-источником из области искусства и культуры актуализируют несколько функций. Метафоры «**декорационные статисты**» и «**массовка**» применительно к гражданам страны в высказывании Л. Б. Нарусовой по вопросу о необходимости соблюдения последовательности принятия поправок в Конституцию актуализируют эвфемистическую функцию. Прибегая к театральной метафоре, политик дает негативную имплицитную оценку ситуации, когда закон о поправках будет принят до голосования гражданами. Метафоры «**буквально обцими мазками**», «**сыграть роль**» и «**матрешечный регион**» реализуют коммуникативную функцию и призваны объяснить явление или мнение.

В совещательном политическом дискурсе вопросы о принятии закона о недопустимости ввоза генно-модифицированных сельскохозяйственных культур описываются при помощи метафоры «политика — война»: «**Это значимый результат для нас, поскольку по вашей инициативе Совет Федерации неоднократно поднимал данную тему и давал соответствующие рекомендации в Совет Безопасности, в администрацию президента и в правительство, и какие там битвы, бои проиходили**» (Н. В. Федоров).

Метафора дороги используется политиками при обсуждении вопросов, связанных с работой РЖД и таможенной сферы, актуализируя эмоциональную функцию. Например, О. В. Белозёров напоминает Совету Федерации, что РЖД и правительство «**прошли путь вместе**», решая проблемы развития транспортной инфраструктуры. В. И. Булавин, рассуждая о роли человека в век глобальной цифровизации, в том числе таможенной сферы, говорит: «**Взяв курс на полномасштабную цифровизацию таможенной сферы, мы четко знаем, что, какими бы совершенными ни были информационные ресурсы, роль человека остается ключевой**».

Зоонимическая метафора в контексте обсуждения профилактической медицины актуализирует прагматическую функцию в ее аргументативно-объяснительной разновидности: «**Таким образом,**

в общественном здоровье есть три кита, которые и определяют успех (или неуспех) различных мероприятий: первое — это повышение грамотности населения; второе — это создание мотивации, и третье — это как раз создание условий» (О. М. Драпкина). Как видно из примера, подобная репрезентация позволяет политику аргументировать, что именно эти факторы способны в корне изменить ситуацию с эффективностью профилактической медицины.

Метафоры со сферой-источником из областей «экономика и бизнес», «геометрия», «физика», «география» («**здоровье — ценность**», «**деловой климат**», «**глубина погружения в тематику**», «**вертикаль управления ветеринарной службой**» и т. д.) реализуют коммуникативную функцию и призваны объяснить явление или мнение.

Проведенный анализ совещательного дискурса председателя и членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации показал отсутствие доминантой метафоры с одной сферой-источником метафорической экспансии. Напротив, сферы-источники метафорической экспансии оказались разнообразны. Наблюдается их совпадение в дискурсе председателя и политиков, принимавших участие в совещаниях.

Доминирующей функцией метафоры в дискурсе В. И. Матвиенко выступала прагматическая функция. Функционал метафор в дискурсе членов Совета Федерации имел некоторые отличия. Лидирующей оказалась когнитивная функция в ее номинативно-оценочной разновидности, что логичным образом объясняется необходимостью дать оценку выполняемым действиям или полученным результатам для планирования дальнейшей работы по вопросам. На втором месте — коммуникативная функция в ее аргументативно-объяснительной и эвфемистической разновидностях. Представители различных направлений в доступной форме объясняют коллегам специфическую информацию и стремятся избежать резкой эксплицитной оценки определенных действий или событий, сохраняя рабочий, конструктивный настрой участников заседаний. Эстетическая функция практически не актуализируется.

Перспектива исследования заключается в сопоставлении метафоризации политического совещательного дискурса на материале нескольких языков с целью выявления инвариантных характеристик.

Список литературы

1. Алферов А. В., Е. Ю. Кустова. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию // *Политическая лингвистика*. 2014. № 3 (49). С. 24—32.
2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю.. Парламентская дискурсивная практика: интеракциональное картирование (на материалах официального сайта французской Национальной Ассамблеи) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2015. № 6 (717). С. 61—75.
3. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // *Политическая лингвистика*. 2005. № 15. С. 5—32.
4. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
5. Джиоева В. П. Парламентские дебаты как жанр политического дискурса в Республике Южная Осетия // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019. № 1. С. 31—38.
6. Мукашева Р. М. Гендер и политический дискурс (на материале публичных выступлений киргизских политиков) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2017. № 6 (777). С. 158—169.
7. Каменева В. А., А. А. Перевалова. Доминантные сферы-источники метафорической экспансии в речах Б. Обамы // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012. № 17 (271). С. 80—86.
8. Китик М. В. Снижение интенсивности высказывания в политическом дискурсе: на материале стенограмм заседаний Британского парламента: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2004. 160 с.
9. Правикова Л. В. Язык парламентских дебатов (опыт системного описания дискурса по терроризму в Конгрессе США и Парламенте Великобритании): дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2005. 425 с.
10. Сапрыкина Е. В. Способы репрезентации речевого действия «обвинение» в парламентском дискурсе: на материале парламентских дебатов бундестага ФРГ: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 184 с.
11. Чудинов А. П. Постулаты уральской школы политической метафорологии // *Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива*. 2012. № 2. С. 85—93.
12. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.
13. Шамугия Л. Г. Функционально-прагматические характеристики французского парентетического дискурса: на материале парламентских дебатов: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006. 208 с.
14. Ширяева Т. А., Черноусова Ю. А., Триус Л. И. Основные коммуникативные стратегии в британском парламентском дискурсе дебатов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12 (54), ч. I. С. 204—207.
15. Шлёпкина М. А. Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе // *Современная филология: материалы междунар. науч. конф.* Уфа: Лето, 2011. С. 222—227.
16. Handford M., Koester A. «It's not rocket science»: metaphors and idioms in conflictual business meetings // *Text & Talk*. 2010. № 30 (1). P. 27—51. DOI: <https://doi.org/10.1515/text.2010.002>.
17. Kondrateva O. N., Kameneva V. A. Diachronic political metaphorology: linguistic personology // *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences Complex Research Institute named after Kh. I. Ibragimov, Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia*. 2019. P. 2797—2805. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.234>.

Источники

18. 473-е Заседание Совета Федерации // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание от 14 февр. 2020 г. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/112660/transcript/> (дата обращения 30.08.2020).
19. 474-е Заседание Совета Федерации // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание от 17 февр. 2020 г. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/113273/transcript/> (дата обращения 30.08.2020).

Сведения об авторах

Каменева Вероника Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия. russia_science@mail.ru

Рабкина Надежда Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия. nrabkina@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 57—64.*

FUNCTIONAL POTENTIAL OF THE DISCOURSE OF POLITICAL MEETINGS

V. A. Kameneva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. russia_science@mail.ru

N. V. Rabkina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. nrabkina@mail.ru

Political metaphorology sees metaphor, most of all, as an effective tool that helps the speaker to affect mass consciousness. This is because linguists concentrate mostly on big political events and discourse they produce, e. g., election campaigns, official meetings, international conflicts, important negotiations, public addresses, etc. However, this function is not the only one when it comes to political meetings. The present research featured political discourse of the meetings conducted by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation (2020). The authors used content analysis, intent analysis, and semantic-stylistic method to define the main function of the metaphors in the speech of the Chairlady Valentina Matvienko and twenty six Council members (118 cases). Pragmatic function proved domineering in both groups. It was closely followed by communicative and cognitive function, while esthetic function proved much less frequent. The research revealed no dominant metaphor with a single source domain in the speech of the Chairlady and the Council members. The list of source domains partially coincided.

Keywords: *political discourse, political metaphor studies, linguistic personology, pragmatic potential.*

References

1. Alferov A. V., Kustova E. Yu. (2014) *Politicheskaya lingvistika*, no. 3 (49), pp. 24—32 [in Russ.].
2. Alferov A. V., Kustova E. Yu. (2015) *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 6 (717), pp. 61—75 [in Russ.].
3. Bazylev V. N. (2005) *Politicheskaya lingvistika*, no. 15, pp. 5—32 [in Russ.].
4. Van Dejk T. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Comprehension. Communication]. Moscow, Progress. 312 p. [in Russ.].
5. Dzhioeva V. P. (2019) *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, no. 1, pp. 31—38 [in Russ.].
6. Mukasheva R. M. (2017) *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 6 (777), pp. 158—169 [in Russ.].
7. Kameneva V. A., Perevalova A. A. (2012) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 17 (271), pp. 80—86 [in Russ.].
8. Kitik M. V. (2004) *Snizhenie intensivnosti vyskazyvaniya v politicheskom diskurse: na materiale stenogramm zasedanij Britanskogo parlamenta* [Reducing the intensity of speech in political discourse: on the material of the transcripts of meetings of the British Parliament. Thesis]. Astrakhan. 160 p. [in Russ.].
9. Pravikova L. V. (2005) *Yazyk parlamentskih debatov (opyt sistemnogo opisaniya diskursa po terrorizmu v Kongresse SShA i Parlamente Velikobritanii)* [The language of parliamentary debate (experience of the systematic description of the discourse on terrorism in the US Congress and the UK Parliament). Thesis]. Pyatigorsk. 425 p. [in Russ.].
10. Saprykina E. V. (2007) *Sposoby reprezentacii rechevogo dejstviya "obvinenie" v parlamentskom diskurse: na materiale parlamentskih debatov bundestaga FRG* [Ways of Representation of Speech Action "Accusation" in Parliamentary Discourse: Based on the Material of the Parliamentary Debates of the German Bundestag. Thesis]. Ufa. 184 p. [in Russ.].
11. Chudinov A. P. (2012) *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*, no. 2, pp. 85—93 [in Russ.].
12. Chudinov A. P. (2013) *Ocherki po sovremennoj politicheskoj metaforologii* [Essays on Contemporary Political Metaphorology]. Ekaterinburg. 176 p. [in Russ.].

13. Shamugiya L. G. (2006) Funkcional'no-pragmaticheskie harakteristiki francuzskogo parenteticheskogo diskursa [Functional and Pragmatic Characteristics of French Parenthetical Discourse: Based on Parliamentary Debates. Thesis]. Pyatigorsk. 208 p. [in Russ.].

14. Shiryayeva T. A., Chernousova Yu. A., Trius L. I. (2015) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (54), vol. I, pp. 204—207 [in Russ.].

15. Shlyopkina M. A. (2011) *Sovremennaya filologiya*. Ufa: Leto. Pp. 222—227 [in Russ.].

16. Handford M., Koester A. (2010) *Text & Talk*, no. 30 (1), pp. 27—51. DOI: <https://doi.org/10.1515/text.2010.002>.

17. Kondrateva O. N., Kameneva V. A. (2019) *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences Complex Research Institute named after Kh. I. Ibragimov, Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia*. Pp. 2797—2805. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.234>.

Sources

18. 473 Zasedanie Soveta Federacii // Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii. Zasedanie ot 14 fevralya 2020 g. Available at: <http://council.gov.ru/activity/meetings/112660/transcript/>, accessed 30.08.2020.

19. 474 Zasedanie Soveta Federacii // Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii. Zasedanie ot 17 fevralya 2020 g. Available at: <http://council.gov.ru/activity/meetings/113273/transcript/>, accessed 30.08.2020.

ПЕРСУАЗИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДУСНОЙ КАТЕГОРИИ «ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ» В НОВОСТНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Д. В. Козловский

Саратовский социально-экономический институт СГТУ им. Ю. А. Гагарина, Саратов, Россия

Целью статьи является рассмотрение персуазивного потенциала категории «эвиденциальность» в медиадискурсе. Особенности актуализации категории «эвиденциальность» делают необходимым описание синергетической эвиденциальной модели, что позволяет определить степень воздействия автора на читателя. Важное место в работе уделяется изучению особенностей синергетического сцепления эвиденциальности и персуазивности. В результате исследования выделяются виды персуазивной эвиденциальности: интеллектуальная и аффективная.

Ключевые слова: эвиденциальность, персуазивность, лингвосинергетика, дискурс, автор, читатель.

Особый интерес лингвистов к медиадискурсу связан как с природой данного типа дискурса, нацеленного на массовую аудиторию, так и с количеством его основополагающих характеристик. Многонаправленность исследований медиадискурса подтверждается обращением отечественных и зарубежных ученых к лингвокультурологическим и лингвопрагматическим свойствам, рассмотрению жанровых особенностей медиадискурса, стилевому разграничению новостных дискурсивных отрывков, синтагматике представленных в СМИ медиатекстов, а также к когнитивным принципам репрезентации лингвистических единиц в дискурсивном пространстве. Одним из перспективных направлений исследования медиадискурса является рассмотрение лингво синергетических особенностей его пространства. Рассмотрение дискурса с позиций лингвистической синергетики связано с возникновением синергетического подхода к изучению языковой структуры. Применяемые в лингвосинергетике методы исследования дают возможность взглянуть на медиадискурс как на сложное коммуникативное синергетическое явление [1. С. 22—27].

Настоящая работа продолжает диссертационное исследование дискурсивного пространства эвиденциальности в лингвосинергетическом ракурсе. Цель данной работы заключалась в определении и синергетическом описании видов модусной категории «эвиденциальность» в дискурсе и изучении взаимодействия вербальных и невербальных операторов категории. Особое внимание также уделялось рассмотрению интерпретации говорящим репрезентируемых данных [6].

Немаловажно, что основным значением эвиденциальности является характеристика авторства высказывания либо источника передаваемой информации [11; 13]. Помимо этого, рассматриваемая категория служит для передачи вспомогательных сведений об интенциях коммуникантов, особенностях описываемой ситуации и специфике ее рассмотрения [8. С. 124]. Необходимость спецификации источника получения информации, а также востребованность анализа персуазивного потенциала лингвистических ресурсов различных категорий в новостном медиадискурсе определяет *актуальность* изучения категории «эвиденциальность» в данном ракурсе. Исходя из того, что ключевым функциональным предназначением категорий модуса является передача отношения субъекта коммуникации при описании фактов действительности, эвиденциальность репрезентирует аксиологическую характеристику дискурса [10]. Посредством категорий модуса в ходе развертывания дискурса реализуются разнообразные коммуникативные стратегии. *Цель* данной работы заключается в исследовании персуазивного потенциала модусной категории «эвиденциальность» в дискурсивном медиапространстве. К *задачам* работы можно отнести представление специфики функционирования эвиденциальности в рамках лингвосинергетического подхода к изучению дискурса, определение особенностей взаимодействия модусных категорий «эвиденциальность» и «персуазивность» на основании синергетической эвиденциальной модели, а также описание видов и подвидов персуазивной эвиденциальности.

Исследование осуществлялось на *материале* примеров с интернет-сайтов британского журнала *The Economist* за 2020 г. [14; 17; 21]. *Объектом* исследования является динамическая система медиадискурса, при этом направление деятельности этой системы определяется факторами, возникающими в процессе самоорганизации дискурсивного пространства. В системе медиадискурса происходит взаимодействие дискурсивных единиц, целью которого служит достижение «идеала всеобщей коммуникации» [2. С. 211]. *Предмет* настоящего исследования — лингвистические средства категории «эвиденциальность», обеспечивающие различные виды воздействия на адресата (читателя).

Основным методом исследования служит *метод* лингвосинергетического анализа новостного медиадискурса. Указанный метод дает возможность выделить в эвиденциальной конструкции «профазу», образующую модусную рамку, и «эпифазу», выступающую в качестве констатирующей рамки эвиденциального высказывания [4. С. 150].

Результаты ранее проведенных исследований по данной проблематике свидетельствуют о том, что к числу лингвистических эвиденциальных средств относятся глаголы, вводные слова, наречия, существительные, прилагательные, а также ряд устойчивых словосочетаний, которые формируют 10 групп операторов: «явного указания» (*announce, state, naturally*), «неявного указания» (*hint, imply, rumor*), «усиления значимости высказывания» (*emphasize, point out, stress*), «выражения мнения» (*believe, find, treat*), «мыслительной деятельности» (*dream, imagine, think*), «сомнения» (*presume, suppose, wonder*), «уверенности в знании» (*know, learn, recognize*), «чувственного восприятия» (*hear, notice, watch*), «предчувствия» (*forecast, plan, predict*), а также «умственного восприятия» (*cite, memory, recollect*) [7. С. 140].

В соответствии с принципами лингвистической синергетики метод моделей и гипотез является основополагающим способом анализа новостного дискурса. Суть данного метода заключается в выделении в структуре дискурса моделей, описании их особенностей и функций, а также подтверждение результатов посредством проведения эксперимента [5]. Следовательно, в качестве неотъемлемого условия осуществления дискурсивного исследования категории «эвиденциальность» с позиций лингвистической синергетики выступает выявление и описание эвиденциальной модели. Процесс построения данной модели представляет собой трехфазовое единство, в профазе которого содер-

жится указание на автора (субъект), действующее лицо и формирующий будущую модель оператор, в эпифазе — рассматриваемый материал, а в постфазе — адресат, воспринимающий полученную информацию, при этом интерпретация данных регулируется субъектом коммуникации посредством разделения визуального и вербального планов выражения, а также при помощи дифференциации позиции автора и позиции субъекта дискурса либо путем отстранения автора от высказывания. Необходимо также отметить, что в качестве основания рассматриваемой модели выступает эвиденциальный дискурсивный контекст, представляющий собой дискурсивный отрывок, обладающий субъектной перспективой (изучение взаимодействия говорящих) и ситуационно-речевым компонентом (репрезентация коммуникативной ситуации).

Особенности эвиденциального воздействия на читателя определяются коммуникативной стратегией дискурса, что зачастую приводит к использованию нарратором персуазивности — приема, суть которого заключается в воздействии на ментальную сферу адресата с целью регулирования его поведения для достижения косвенно вложенной субъектом коммуникации цели. Изучение персуазивности связано с исследованием особенностей и методов влияния на мнения людей посредством лингвистических и паралингвистических средств, используемых говорящим для достижения определенной коммуникативной цели [9. С. 52].

В рамках исследования дискурса массмедиа также важно разделять значения манипулятивности и персуазивности. Несмотря на то что целью данных приемов является корректировка точки зрения и поведения адресата, подобная коммуникативная установка обычно не распознается в случае манипуляции. Кроме того, суть манипулятивности заключается в изменении поведения реципиента в интересах субъекта коммуникации, а персуазивное воздействие может иметь те же цели.

По мнению В. А. Белошапковой, персуазивность характеризует сведения относительно их достоверности, что находит отражение в оппозиции «достоверно/недостоверно» [3]. Семантика эвиденциального высказывания также может быть связана с указанием на достоверность/недостоверность данных, репрезентируемых профазой. В свою очередь восприятие надежности различных источников сведений варьируется в зависимости от адресата. Таким образом, эвиденциальные показатели могут быть соотнесены с персуазивными маркерами, поскольку они также служат для выражения наме-

рений повествователя, усиления либо снижения влияния истинности высказывания на достижение коммуникативной цели. Следовательно, любое эвиденциальное высказывание, целью которого является формирование определенного отношения и действий адресата в интересах адресанта, может быть названо персуазивным. В рамках исследования категории «эвиденциальность» в новостном медиадискурсе можно говорить о «персуазивной эвиденциальности» — языковом воздействии, реализуемом в рамках лингвосинергетической эвиденциальной модели, направленном на достижение коммуникативных целей нарратора за счет осуществления контроля над сознанием и отношением, а также регулирования действиями и поведением адресата посредством оценки объективного содержания высказывания со стороны его достоверности/недостоверности, выражения уверенного или неуверенного знания и интерпретации полученных данных.

Лингвисты, изучающие персуазивность, выделяют два основных направления — психологический подход [15; 20] и лингвистический [16; 19]. Согласно точке зрения В. Е. Чернявской и И. Ю. Логиновой, в процессе персуазивного речевого акта необходимо осуществлять воздействие на сознание мнения и оценки адресата, а также побуждать его к изменению поведения и выполнению ряда действий. Данные намерения могут осуществляться двумя способами: а) интеллектуальным (с опорой на аргументацию); б) аффективным (основываясь на субъективных характеристиках). Таким образом, в контексте персуазивности коммуникативная цель достигается с опорой на рациональное обоснование и эмоционально-оценочные средства [12].

Подобная дифференциация направлений изучения персуазивности, а также разграничение способов реализации персуазивных значений позволяет выделить следующие виды и подвиды персуазивной эвиденциальности в пространстве новостного медиадискурса:

1. Интеллектуальная эвиденциальность

Данный вид эвиденциальности предполагает достижение желаемой цели автора (субъекта коммуникации) посредством убеждения адресата (читателя) в достоверности/недостоверности передаваемых сведений и их источника, а также оценки информации с опорой на рациональное обоснование. Данный вид эвиденциальности реализуется в новостном дискурсе благодаря использованию операторов «чувственного восприятия», «умствен-

ного восприятия», «мыслительной деятельности», «явного указания» и «выражения мнения». При этом в зависимости от особенностей персуазивного воздействия интеллектуальную эвиденциальность можно разделить на два подвида:

а) Аргументативная эвиденциальность

Рассматриваемый эвиденциальный подвид характеризуется применением тактики обоснованных оценок, контрастивного анализа и иллюстрирования при передаче сведений об информации и ее источнике. В качестве средств, подчеркивающих и выделяющих аргументативную силу, автор (субъект коммуникации) использует эвиденциальные операторы «умственного восприятия», «чувственного восприятия» и «явного указания».

Our data journalists dig into statistics that show how the coronavirus is passed on by a few super-spreaders — 10% of people cause 60% of infections. We report on evidence that immunity to the disease may last longer than some have feared. And we examine how American business, despite the frothy stock market and flourishing tech giants, is struggling to cope in a pandemic-ravaged economy [17] (Наши документалисты разбираются в статистических данных, согласно которым коронавирус передается супер-распространителями — 10% людей заражают 60% заболевших. Мы публикуем доказательства того, что иммунитет к заболеванию может сохраняться дольше, чем считалось ранее. Мы также изучаем, каким образом бизнес в Америке выживает в условиях пандемии, несмотря на изменчивый фондовый рынок и деятельность технологических гигантов¹).

Рассматриваемый дискурсивный контекст является фрагментом дайджеста о положении дел в области борьбы с коронавирусом в странах Европы. Эвиденциальность дискурсивного отрывка передается при помощи маркера «умственного восприятия» *dig into / разбираться в (to try to find out about something unknown or secret [18] / попытаться выяснить что-либо неизвестное или секретное)*, указывающего на выводной характер получения сведений, маркеров «явного указания» *report/сообщать (to give people information about recent events, especially in newspapers and on television and radio [Ibid.] / давать людям информацию о недавних событиях, особенно посредством газет, а также по телевидению и радио), evidence/доказательство (facts or signs that show clearly that*

¹Здесь и далее пер. Д. К.

something exists or is true [18] / факты или знаки, которые указывают, что что-либо существует или является правдой) и *examine/изучать (to look at something carefully and thoroughly because you want to find out more about it* [Ibid.] / внимательно что-либо рассматривать, потому что вы хотите узнать больше об этом), используемых для передачи фактической информации и придающих сведениям нейтральный характер. Последовательное использование указанных эвиденциальных операторов подчеркивает уверенность автора в достоверности передаваемых данных, тем самым повышая лояльность читателя к описываемой информации и придавая дискурсивному контексту персуазивную семантику.

б) Логическая эвиденциальность

Данный подвид эвиденциальной персуазивности базируется на сознательных нарушениях либо умелом использовании основных законов и правил формальной логики при характеристике достоверности источника сведений и передаче основной информации автором (субъектом коммуникации). Помимо этого, нарратор может особым образом интерпретировать данные в целях воздействия на адресата (читателя). Достижение коммуникативных целей осуществляется за счет использования субъектом эвиденциального высказывания операторов «мыслительной деятельности» и «выражения мнения».

*Our coverage of covid-19 features a three-page analysis of what is behind the wave of infections that is breaking over Europe. Over the past week this has led to a series of lockdowns. We also **take a stab** at calculating how costly these will be* [17] (Настоящий обзор представляет собой развернутый анализ того, что стоит за растущим количеством заболевших коронавирусом в странах Европы. За последнюю неделю это привело к объявлению локдауна рядом стран. Мы также попытаемся разобраться в сложившейся ситуации и выяснить, в какие затраты выльется пандемия).

Данный дискурсивный отрывок является фрагментом статьи о динамике пандемии коронавируса в европейских странах. Персуазивная эвиденциальность дискурсивного контекста репрезентируется посредством использования оператора «мыслительной деятельности» *take a stab / попытаться (to guess* [18] / предполагать), указывающего на инферентный характер получения сведений. Автор приводит общую информацию касательно последствий повышения уровня заболеваемости

коронавирусом в Европе, расплывчато формулирует свою точку зрения, используя оператор *take a stab*, с целью получения возможности свободно интерпретировать полученные данные, тем самым нивелируя достоверность источника сведений, который воспринимается читателем как данность.

2. Аффективная эвиденциальность

Рассматриваемый вид персуазивной эвиденциальности характеризуется употреблением автором (субъектом коммуникации) эмоционально-оценочных средств воздействия для достижения коммуникативной цели. Информация об источнике сведений и передаваемые данные интерпретируются нарратором с учетом субъективных факторов. Аффективная эвиденциальность выражается при помощи операторов «уверенности в знании», «усиления значимости высказывания», «неявного указания», «предчувствия» и «сомнения» и актуализируется в новостном дискурсе двумя подвидами:

а) Авторитарная эвиденциальность

Данный подвид персуазивной эвиденциальности выражается в стремлении говорящего передавать сведения как данность ввиду желания навязать свое мнение, подчинить своей воле, ввести в заблуждение, создать у адресата иллюзию самостоятельного принятия решения, либо переложить ответственность за происходящее на читателя. Авторитарная эвиденциальность актуализируется в новостном медиадискурсе операторами «уверенности в знании», а также «усиления значимости высказывания».

*The French state should never give the impression that it endorses blasphemy, but it is right to protect blasphemers, just as it is right to protect those who complain about them, so long as they do not advocate violence. As many thoughtful Muslims in France and elsewhere have **pointed out**, no matter how offended you feel, the answer to speech is not knives: it is more speech* [21] (Французскому правительству не стоит производить впечатление того, что оно поощряет богохульство, однако оно поступает правильно, защищая как богохульников, так и тех, кто жалуется на них, но только до тех пор, пока это не начнет выглядеть как поощрение насилия. Как подчеркивают многие здравомыслящие мусульмане, неважно, насколько оскорбленным ты себя чувствуешь, — ответом на слова должно становиться не насилие, а только еще большее количество слов).

Рассматриваемый дискурсивный контекст является заключительной частью газетной статьи в журнале *The Economist*, посвященной недавним событиям с оскорблением религиозных чувств мусульман во Франции. Семантика персуазивной эвиденциальности передается посредством оператора «усиления значимости высказывания» *point out* / подчеркивать (*to direct attention toward something* [18] / *обратить внимание на что-либо*), используемого автором для передачи точки зрения мусульман касательно реакции на религиозные волнения, при этом данное утверждение подается как фактическая информация, истинность которой не может быть подвергнута сомнению. Указанный оператор обладает значением косвенной эвиденциальности и призван убедить читателя в необходимости разумного и беспристрастного отношения к сложившейся ситуации всеми сторонами конфликта.

б) Психологическая эвиденциальность

В рамках данного подвида персуазивной эвиденциальности автор (субъект коммуникации) апеллирует не к сознанию адресата (читателя), а к его подсознанию, эмоциям и чувствам, осуществляет давление на контрольно-регулятивную функцию сознания реципиента посредством использования определенных эвиденциальных операторов, тем самым снижая критичность при восприятии и реализации передаваемой информации, нивелируя активное понимание, развернутый логический анализ и оценку полученных сведений и их источника. Данный эвиденциальный вид также может характеризоваться использованием автором определенных операторов, вводящих адресата (читателя) в состояние раздражения, играющих на его чувствах. К числу эвиденциальных маркеров данного подвида относятся операторы «неявного указания», «предчувствия», «сомнения». Приведем пример:

As many predicted before election day, there is no clear winner of America's presidential election yet. ...So far Donald Trump has won many key battleground states, including Florida, Ohio and Iowa. But races in Michigan, Pennsylvania and Wisconsin are still too close to call. Overall, Donald Trump has done better than predicted, but Joe Biden holds a slight edge [14] (*Как и предсказывали многие, победитель выборов пока неизвестен. ...На данный момент Дональд Трамп победил во многих ключевых штатах, включая Флориду, Огайо и Айову. Но результаты голосования в Мичигане, Пенсильвании и Висконсине все еще остаются неизвестными.*

В целом результаты Дональда Трампа оказались выше прогнозируемых, однако Джо Байден все еще удерживает небольшое преимущество).

Данный дискурсивный отрывок описывает процесс президентских выборов, а также политическую борьбу между действующим президентом США Дональдом Трампом и Джо Байденом. Эвиденциальный оператор *predict/предсказывать* (*to say that something will happen, before it happens* [18] / *говорить, что что-либо произойдет до того, как это случится*) обладает значением косвенной эвиденциальности и используется автором для передачи распространенной в США точки зрения касательно результатов грядущих выборов. Обращение к данному типу эвиденциальности, а также выбор указанного эвиденциального оператора обусловлены желанием автора не давать оценку озвучиваемым сведениям, тем самым исключая необходимость проведения анализа данных. В своих последующих высказываниях автор говорит об успехах действующего президента во многих штатах, однако при этом выражает сомнения касательно возможности Дональда Трампа одержать победу в выборах. Тем самым автор оказывает психологическое воздействие на подсознание читателя, вызывая у адресата чувства неопределенности и сомнения, что позволяет говорить о персуазивной семантике рассматриваемого дискурсивного контекста.

Как показал анализ, модусная категория «эвиденциальность» может быть наиболее полно изучена в рамках лингвосинергетического подхода к анализу дискурса. Необходимым условием проведения лингвосинергетического дискурсивного анализа является построение синергетической эвиденциальной модели, представляющей собой трехфазовое единство, включающее автора, оператор, материал и адресата эвиденциального воздействия. В пространстве новостного медиадискурса эвиденциальность образует синергетическое сцепление с категорией «персуазивность» и принимает значение данной категории в зависимости от контекста. Подобная взаимосвязь указанных категорий позволяет говорить о «персуазивной эвиденциальности» и описать ее виды и подвиды в зависимости от коммуникативных намерений нарратора. В рамках, определяемых англоязычным дискурсом массмедиа, персуазивная семантика категории «эвиденциальность» реализуется посредством интеллектуальной (аргументативной, логической) и аффективной (авторитарной, психологической) эвиденциальности. В зависимости

от особенностей и целей коммуникативной ситуации обращение к указанным эвиденциальным видам и подвидам помогает автору (субъекту коммуникации) дополнительно охарактеризовать источник информации о событии, интерпретировать имеющиеся данные и оказать необходимое влияние на адресата (читателя) при помощи убеждения, опираясь на рациональное обоснование и учитывая эмоционально-оценочные средства воздействия. Помимо этого, персуазивная эвиденциальность помогает усилить аргументацию

в дискурсивном контексте и способствует выражению уверенного или неуверенного знания нарратора с учетом достоверности/недостоверности оценки объективного содержания высказывания. Таким образом, персуазивный потенциал категории «эвиденциальность» реализуется в новостном медиадискурсе за счет многоплановости ее актуализации, а также благодаря возможности использования эвиденциальности субъектом коммуникации в зависимости от коммуникативной цели и пресуппозиции.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурологическая синергетика дискурса // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Иркутск, 2005. С. 22—27.
2. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. 368 с.
3. Белашапкина В. А. Синтаксис // Современный русский язык. М., 2003.
4. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: Либроком, 2011.
5. Иванова С. В. Технология субъективизации в новостном массмедийном политическом дискурсе // Современная политическая лингвистика: тез. междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2011. С. 111—113.
6. Козловский Д. В. Эвиденциальная модель в художественном дискурсивном пространстве // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 270—275.
7. Козловский Д. В. Лексические средства передачи модальных параметров категории «эвиденциальность» // Язык и мир изучаемого языка. 2011. № 2. С. 140—147.
8. Козловский Д. В., Исмаилова О. И. Глава 5. Синергетическая концепция развития интернет-лингвистики // Цифровизация как приоритетное направление модернизации российского образования: монография / под ред. Н. В. Горбуновой. Саратов, 2019. С. 122—148.
9. Кудряшова А. П. К вопросу о связи языкового табу и эвфемии // Язык и мир изучаемого языка. 2015. № 6. С. 51—54.
10. Спиридонова Т. А. Оценочный потенциал цитат в новостном дискурсе. Citation in News Media Discourse: from Evaluation to Persuasiveness // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сб. науч. тр.: в 2 т. Т. 1 / под ред. Д. Н. Новикова. М.: МГИМО — Университет, 2019. С. 196—202.
11. Страхова В. С. Маркеры эвиденциальности в языке СМИ // Язык и коммуникация. Вестник МГЛУ. Сер.: Языкознание. 2016. № 6 (745). С. 165—174.
12. Чернявская В. Е., Логинова И. Ю. Программа политической партии как персуазивный текст // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. № 5 (11). С. 64—75.
13. Шестухина И. Ю. Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 17 с.
14. AFP. Election night results. URL: <https://www.economist.com/united-states/2020/11/04/donald-trump-does-better-than-predicted-but-joe-biden-has-a-slight-edge> (дата обращения 04.11.2020).
15. Chaiken S., Liberman A., Eagly A. Heuristic and systematic Information Processing within and beyond the Persuasion Context // Unintended Thought. New York: Guilford Press, 1989. P. 212—252.
16. Hoffmann M. Persuasive Denk- und Sprachstile // Zeitschrift für Germanistik. Neu Folge. V. 1996, H. 2. S. 293—307.
17. Lees N. The second wave of covid-19 has sent much of Europe back into lockdown. URL: <https://www.economist.com/briefing/2020/11/07/the-second-wave-of-covid-19-has-sent-much-of-europe-back-into-lockdown?> (дата обращения 07.11.2020).

18. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения 06.11.2020).

19. Mann E. Persuasive Sprechhandlungen in Alltagsdialogen des Russischen, unter besonderer Berücksichtigung ihrer Handlungsbedingungen. Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie. Potsdam, 1999. 347 S.

20. Petty R. E., Cacioppo J. T. Communication and Persuasion. Central and Peripheral Routs to Attitude Change. New York: Springer, 1986. 262 p.

21. Press Association / Sipa. France is right to defend free speech. URL: <https://www.economist.com/leaders/2020/11/05/france-is-right-to-defend-free-speech> (дата обращения 06.11.2020).

Сведения об авторе

Козловский Дмитрий Валентинович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Саратовского социально-экономического института СГТУ им. Ю. А. Гагарина, Саратов, Россия. kozlovskydv@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 65—72.*

PERSUASIVE POTENTIAL OF THE MODUS CATEGORY OF EVIDENTIALITY IN THE NEWS MEDIA DISCOURSE

D. V. Kozlovsky

*Saratov Socio-Economic Institute, Branch of SSTU named after Y. A. Gagarin, Saratov, Russia.
kozlovskydv@yandex.ru*

The goal of the article is to study and describe the persuasive potential of the category of evidentiality and to characterize the evidential persuasion capacity in the news media discourse. Under the terms of linguosynegetics, evidentiality is a category of modus since it gives the opportunity not only to define the data source, but also to explain and assess it. The features of the evidentiality category in the news media discourse showcase the importance of synergetic evidential model analysis, which is needed to determine the impact of the author on the recipient. The analysis findings help to trace the synergetic linkage between evidentiality and persuasion and allow to identify different types and subtypes of persuasive evidentiality: intellectual (argumentative, logical) and affective (authoritative, psychological) evidentiality.

Keywords: *evidentiality, persuasion, linguosynegetics, discourse, author, recipient.*

References

1. Alefirenko N. F. (2005) Lingvokul'turologicheskaya sinergetika diskursa [Linguoculturological synergetics of dicourse]. *Lingvisticheskie paradigmy i lingvodidaktika* [Linguistic paragigms and linguodidactics]. Iss. 1. Irkutsk. Pp. 22—27 [in Russ.].
2. Afanas'ev V.G. (1980) Sistemnost' i obshchestvo [Systematicity and society]. Moscow. 368 p. [in Russ.].
3. Beloshapkova V. A. (2005) Sintaksis [Syntax]. *Sovremennyi russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow [in Russ.].
4. Borbot'ko V. G. (2011) Printsipy formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike [Dicourse formation principles: psychology and linguosynegetics]. Moscow, Librokom [in Russ.].
5. Ivanova S. V. (2011) Tekhnologiya sub'ektivizatsii v novostnom massmediinom politicheskom diskurse [Subjectivity technology in the news media discourse]. *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern political linguistics]. Pp. 111—113 [in Russ.].
6. Kozlovskii D. V. (2013) *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 3 (40), pp. 270—275 [in Russ.].
7. Kozlovskii D. V. (2011) *Yazyk i mir izuchaemogo yazyka* [Language and the world of language], no. 2, pp. 140—147 [in Russ.].

8. Kozlovskii D. V., Ismailova O. I. (2019) Glava 5. Sinergeticheskaya kontseptsiya razvitiya internet-lingvistiki [Chapter 5. Synergetic concept of internet-linguistics development]. *Tsifrovizatsiya kak prioritnoe napravlenie modernizatsii rossiiskogo obrazovaniya* [Digitalization as the focus area of Russian education]. Saratov. Pp. 122—148 [in Russ.].
9. Kudryashova A. P. (2015) *Yazyk i mir izuchaemogo yazyka* [Language and the world of language], no. 6, pp. 51—54 [in Russ.].
10. Spiridonova T. A. (2019) Otsenochnyi potentsial tsitat v novostnom diskurse [Citation in News Media Discourse: from Evaluation to Persuasiveness]. *Magiya INNO: integrativnye tendentsii v lingvistike i lingvodidaktike* [Magic INNO: integrative tendencies in linguistics and linguodidactics. Vol. 1]. Moscow, MGIMO University. Pp. 196—202 [in Russ.].
11. Strakhova V. S. (2016) *Vestnik MGLU Seriya: Yazykoznanie*, no. 6 (745), pp. 165—174 [in Russ.].
12. Chernyavskaya V. E., Loginova I. Yu. (2005) *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*, no. 5 (11), pp. 64—75 [in Russ.].
13. Shestukhina I. Yu. (2009) Kategoriya evidentsial'nosti v russkom narrativnom tekste: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt [The category of evidentiality in Russian narrative text. Abstract of thesis]. Barnaul. 17 p. [in Russ.].
14. AFP. Election night results. Available at: <https://www.economist.com/united-states/2020/11/04/donald-trump-does-better-than-predicted-but-joe-biden-has-a-slight-edge>, accessed 04.11.2020.
15. Chaiken S., Liberman A., Eagly A. (1989) Heuristic and systematic Information Processing within and beyond the Persuasion Context. *Unintended Thought*. New York, Guilford Press. Pp. 212—252.
16. Hoffmann M. (1996) *Zeitschrift für Germanistik. Neu Folge*, V. 1996, H. 2, pp. 293—307.
17. Lees N. (2020) The second wave of COVID-19 has sent much of Europe back into lockdown. Available at: <https://www.economist.com/briefing/2020/11/07/the-second-wave-of-covid-19-has-sent-much-of-europe-back-into-lockdown?>, accessed 07.11.2020.
18. Longman Dictionary of Contemporary English. Available at: <http://www.ldoceonline.com>, accessed 06.11.2020.
19. Mann E. (1999) Persuasive Sprechhandlungen in Alltagsdialogen des Russischen, unter besonderer Berücksichtigung ihrer Handlungsbedingungen. *Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie*. Potsdam. 347 p.
20. Petty R. E., Cacioppo J. T. (1986) Communication and Persuasion. *Central and Peripheral Routes to Attitude Change*. New York: Springer. 262 p.
21. (2020) Press Association / Sipa. France is right to defend free speech. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2020/11/05/france-is-right-to-defend-free-speech>, accessed 06.11.2020.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБИХОДНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ТОНАЛЬНОСТИ В КИНОДИСКУРСЕ КВЕНТИНА ТАРАНТИНО

Т. С. Лихачёва, Н. В. Стрелетова, Д. С. Бикус

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

Анализируется кинодискурс Кв. Тарантино с позиций теории коммуникативных тональностей. Авторы доказывают значимость обиходно-практической тональности для идиостиля исследуемого режиссера. Представлена характеристика участников, тематики, условий кинодискурсивного обиходно-практического общения. Описаны типы обиходно-практической тональности на основе таких критериев, как характер отношений между участниками общения, ситуация общения, сфера общения, язык общения.

Ключевые слова: коммуникативная тональность, обиходно-практическая тональность, кинодискурс, обиходный дискурс, дискурс фильма.

Актуальность данной статьи определяется тем, что кинодискурс как сложное лингвосомиотическое коммуникативное культурное явление приобрел значительное влияние на современную аудиторию, в большой степени ориентированную на визуализацию и виртуализацию своего существования. Таким образом, изучение кинодискурса с точки зрения лингвистики позволяет глубже понять специфику современного коммуникативного пространства. В данной статье мы предприняли попытку анализа кинодискурса с позиций теории коммуникативных тональностей, которая основывается на положении о том, что «общение всегда разворачивается в определенной тональности — установке на отношение к партнеру по общению, обстоятельствам и тексту сообщения» [6. С. 109].

В качестве объекта исследования мы выбрали творчество американского режиссера и сценариста Квентина Тарантино, который в настоящий момент является одной из самых узнаваемых фигур в сфере мировой киноиндустрии и обладает неповторимым идиостилем, для которого характерны многочисленные аллюзии, культурная репрезентация, переосмысление природы вещей, жанров, моментов истории и конструирование художественных архетипов [15—7].

Цель статьи состоит в характеристике особенностей проявления обиходно-практической тональности в кинодискурсе Квентина Тарантино.

Для осуществления этой цели были поставлены следующие задачи: 1) определить значение обиходно-практической тональности в кинодискурсе Кв. Тарантино; 2) охарактеризовать обиходно-практическую коммуникацию с точки зрения участ-

ников, тематики и условий общения; 3) выявить и описать типы обиходно-практической тональности, представленные в исследуемом кинодискурсе.

В качестве материала исследования были выбраны пять кинофильмов Квентина Тарантино, имеющие наиболее высокий рейтинг, по данным крупнейших англо- и русскоязычных сайтов-агрегаторов кинорецензий пользователей и кинокритиков (Rotten Tomatoes, Metacritic, Internet Movie Database, «Кинопоиск»): «Бешеные псы» (1992), «Криминальное чтиво» (1994), «Бесславные ублюдки» (2009), «Джанго освобожденный» (2012), «Однажды в... Голливуде» (2019).

Несомненно, любой кинофильм — это творение коллективного, «полифоничного автора» [9. С. 90]. Тем не менее, поскольку во всех исследуемых нами фильмах Кв. Тарантино выступает в качестве не только режиссера, но и автора сценария, а в трех фильмах снялся в небольших, но запоминающихся ролях, его вклад в создание финального кинопродукта можно считать ключевым, и именно он выбирает коммуникативную тональность, которую в конечном итоге реализуют персонажи его фильмов.

Единицей исследования выступает фрагмент дискурса фильма (ДФ), понимаемый нами как совокупность вербальной (в форме кинодиалога) и невербальной коммуникации актеров, сочетающий характеристики живой и сценической речи и строящийся на принципах и условиях неподготовленной коммуникации [3. С. 25]. В свою очередь дискурс фильма является фрагментом кинотекста, определяемого нами, вслед за Г. Г. Слышкиным и М. А. Ефремовой, как «связное, цельное,

завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия кинозрителями» [12. С. 37]. Кинодискурс не только включает в себя кинотекст с его вербальными и невербальными компонентами, но также подразумевает опору на экстралингвистические факторы (ситуативный контекст, лингвокультурные фоновые знания адресата) [4. С. 7]. Именно в кинодискурсе происходит окончательная интерпретация кинозрителем смысла фильма, заложенного создателями [8; 10].

Таким образом, изучая фрагменты ДФ Кв. Тарантино, мы, несомненно, рассматриваем их в контексте не только отдельных кинотекстов, но также в рамках кинодискурса режиссера, так как в этом случае мы учитываем вертикальный контекст, а именно другие фильмы Кв. Тарантино, корреляции кинотекстов с другими сферами жизни, участников дискурса и их фоновые знания, пространство и время, в котором протекает взаимодействие.

Не вызывает сомнения тот факт, что дискурс в целом и кинодискурс в частности являются по своей природе политональными. Тем не менее в каждом типе дискурса (кинодискурс не исключение), как правило, реализуется некая доминирующая тональность, уточняемая и дополняемая рядом второстепенных тональностей разной степени значимости и выраженности [2. С. 38—39]. Следовательно, по нашему мнению, в дискурсе конкретного создателя (писателя, художника, музыканта и т. п.) также можно выделить доминирующую и второстепенные тональности, свойственные как отдельным произведениям, так и всему творчеству. Опираясь на данное положение, мы исследовали лингвистические и экстралингвистические компоненты кинодискурса Кв. Тарантино и пришли к выводу, что одной из ведущих коммуникативных тональностей (понимаемой нами, вслед за В. И. Карасиком, как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [7. С. 384]), реализуемых в кинотекстах режиссера, является обиходно-практическая тональность.

Мы рассматриваем обиходно-практическую тональность (ОПТ) как преимущественно устный эмо-

циональный, субъективно-оценочный формат общения, для которого характерны непосредственный контакт и синхронность коммуникации участников речевого акта, конкретно-предметный характер содержания общения и ограниченное соблюдение языковых, стилистических и этикетных норм. ОПТ является доминирующей тональностью бытового дискурса, но также частично затрагивает сферу неофициального делового общения, фрагментарно реализуется в массмедиальном дискурсе и т. д.

Анализ фактического материала показал, что доля фрагментов ДФ, в которых реализуется ОПТ, в продолжительности каждого фильма распределяется следующим образом: «Бешеные псы» — 26%, «Криминальное чтиво» — 33%, «Бесславные ублюдки» — 35%, «Джанго освобожденный» — 36%, «Однажды в... Голливуде» — 48%. Таким образом, фрагменты ДФ с ОПТ составляют около 36% общей продолжительности всех рассматриваемых фильмов, что свидетельствует о значимости данного вида коммуникативной тональности в кинодискурсе Кв. Тарантино.

В связи с тем, что все исследуемые фильмы относятся к разным жанрам («Бешеные псы» — триллер / гангстерский фильм, «Криминальное чтиво» — криминальный фильм / черная комедия, «Бесславные ублюдки» — военный фильм / альтернативная история, «Джанго освобожденный» — спагетти-вестерн, «Однажды в... Голливуде» — трагикомедия / альтернативная история), обиходно-практическое общение представлено во всем его многообразии с точки зрения участников, тематики и условий общения.

Обиходный дискурс живой речи «в своей доминанте может быть интерперсональным и ситуативным, а также, как правило, ощутимо проявляется в дискурсных практиках субкультурного и институционального характера» [11. С. 27]. Дискурс фильма сочетает специфические особенности живой речи и сценического диалога [3. С. 25]. Следовательно, в нем преимущественно представлены фрагменты современной (хронотопу фильма) речевой коммуникации носителя языка в условиях неподготовленного общения. Таким образом, очевидно, что кинодискурс демонстрирует как интерперсональные, так и ситуативные объединения коммуникантов-персонажей фильмов. В частности, в фрагментах ДФ Кв. Тарантино находят отражения дискурс общения на работе на непрофессиональные темы, дискурс дружеского общения, дискурс семейного общения, дискурс соседей, дискурс застолья, дискурс случайных знакомых / попутчи-

ков, дискурс посетителей мест общественного питания и т. д.

Один из примеров обиходно-практической интерперсональной коммуникации находим в фильме «Джанго освобожденный».

Пример 1. CANDIE: Hello! Stephen, my boy! STEPHEN: Yeah, yeah, yeah. Hello, my ass. Who this nigger up on that nag? CANDIE: Stephen, you have nails for breakfast? What's-a matter? Why you so ornery? You miss me, huh? STEPHEN: Oh, yessir. (Laughs) I miss you like a hog miss slop! Like a baby miss mammy's titty. (All chuckling) I miss you like I misses a rock in my shoe. [Laughing] Now, I axed you: Who this nigger on that nag? <...> CANDIE: Django and his friend in gray here, Dr. Schultz, are customers. And they are our guests, Stephen. <...> STEPHEN: Can't believe you brought a nigger to stay in The Big House. Your daddy rollin' over in his god-damned grave. CANDIE: Man, the lip on him. Whooh! He's getting' worse and worse (к/ф «Джанго освобожденный»; <https://www.imsdb.com/scripts/Django-Unchained.html>).

В данном случае перед нами общение между рабовладельцем Кэлвином Кэнди и его чернокожим управляющим Стивеном, которые обсуждают приезд гостей на плантацию. Стивен — не просто чернокожий раб, он хитрый и властный серый кардинал при своем хозяине и, как описывает его кинокритик Н. Цыркун, «пресловутый дядя Том, дошедший в своем смирении и преданности белым господам до нижайших низин подлости» [14]. Именно поэтому для общения Кэнди и Стивена характерны отработанность принципов общения и четкое распределение ролей. Стивен старается уловить настроение хозяина, поддержать заданную тональность общения. Отсюда шуточные реплики в начале о том, как он скучал по Кэлвину. При этом Стивен не боится открыто критиковать поступки хозяина, так как осознает степень своей значимости.

В отличие от интерперсонального принципа принципы ситуативного общения формируются, как правило, под влиянием личностных качеств коммуникантов, которые оказались в одном месте и в одно время в силу различных обстоятельств. Исследователи И. А. Зачесова и соавт. указывают, что ведущие интенциональные направленности взаимодействия между незнакомыми людьми в неофициальном статусе связаны либо с решением определенных проблем, либо с налаживанием и поддержанием межличностных отношений [5. С. 30].

Каскадер Клифф соглашается подвезти молодую девушку-хиппи Киску до ранчо Спан, где он когда-то снимался в сериале.

Пример 2. HIPPIE GIRL: Are you some old cowboy guy that used to make movies there? What? CLIFF: I'm just surprised how accurate that description of me really is. Some old cowboy guy that used to shoot movies at Spahn Ranch. HIPPIE GIRL: So you used to make Westerns at the ranch back in the old-timey days? CLIFF: Well, if by «the old-timey days», you mean television eight years ago, yeah. HIPPIE GIRL: Are you an actor? CLIFF: No, I'm a stuntman. HIPPIE GIRL: You're a stuntman. That's way better. CLIFF: Why is that way better? HIPPIE GIRL: Actors are phony. They just say lines that other people write and pretend to murder people on their stupid TV shows. Meanwhile, real people are being murdered every day in Vietnam (к/ф «Однажды в... Голливуде»; <https://scrapsfromtheloft.com/2020/06/03/once-upon-a-time-in-hollywood-script/>).

Общение инициировано как «проблемное» — девушке нужно попасть домой на рачно. Далее упоминание названия ранчо выступает уже как часть «отношенческого» взаимодействия — коммуниканты ведут беседу не на нейтральные темы, типичные для дискурса случайных попутчиков, а обсуждают более персонально-ориентированные детали, например род деятельности Клиффа и отношение Киски к актерам.

В целом следует отметить, что в большинстве выделенных фрагментов ДФ все участники коммуникативной ситуации настроены именно на ОПТ, что влияет на их выбор вербальных и невербальных средств общения. Тем не менее нами обнаружены несколько фрагментов ДФ, в которых только один из коммуникантов реализовывал установку на ОПТ, в то время как второй коммуникант либо изначально выбирал иную тональность общения, либо менял установку на другой тип общения, реагируя на слова или поведение своего партнера по общению.

Молодая еврейская девушка Шошанна, уцелевшая после расстрела ее семьи, живет в Париже под именем Эммануэль Мимьё и является владелицей кинотеатра, который якобы достался ей по наследству. На улице на нее случайно обращает внимание немецкий солдат, с которым они обсуждают кинематограф. Но, как только солдат спрашивает имя девушки, она сразу меняет ОПТ на статусное агонально-ироническое общение, воспринимая солдата уже не как частное лицо, а как представителя оккупационных войск во Франции в период Второй мировой войны.

Пример 3. ZOLLER: But you do admire the director Pabst, don't you? That's why you include his name on the marquee when you didn't have to. SHOSANNA: I'm French. We respect directors in our country. Even Germans. <...> ZOLLER: May I ask your name? SHOSANNA: You wish to see my papers? (к/ф «Бесславные ублюдки»; <https://www.imsdb.com/scripts/Inglourious-Basterds.html>).

И. В. Тубалова отмечает тематическую неограниченность и открытость обиходного общения, что, соответственно, приводит к использованию коммуникантами разнообразных инодискурсивных речевых моделей и прецедентных текстов. У всех коммуникантов есть базовый набор тем, который формируется исходя из их собственных дискурсивных практик, а «темы, содержательно воспринятые в вербальной форме из “чужих” дискурсивных практик, включаются в тело повседневного дискурса на правах тематически инодискурсивных» [13. С. 45].

В кинодискурсе Кв. Тарантино обиходно-практическое общение, с одной стороны, довольно предсказуемо в плане тем (еда, поп-культура, взаимоотношения, работа, повседневные заботы и т. п.). С другой стороны, выбор темы из базового набора персонажа в определенный момент фильма, как правило, является неожиданным для зрителя. Режиссер стремится к максимальной близости к естественной коммуникации, поэтому старается сделать диалоги персонажей «как у реальных людей». Например, он показывает, что обиходное общение бандитов — это не только обсуждение совершённых или планируемых преступлений, нацистские солдаты говорят не только о войне, а охотник за головами может интересоваться чем-то помимо поиска объявленных в розыск головорезов. Все эти люди ведут разговоры на разные темы, которые мы можем услышать в повседневной жизни.

Два гангстера едут выполнить задание босса и по дороге обсуждают гастро-лингвистические нюансы европейского фастфуда.

Пример 4. VINCENT: You know what they call a Quarter-Pounder with Cheese in Paris? JULES: They don't call it a Quarter-Pounder with Cheese? VINCENT: They got the metric system. They wouldn't know what the f a Quarter-Pounder is. JULES: What do they call it? VINCENT: They call it a Royale with Cheese. JULES: Royale with Cheese. VINCENT: That's right. JULES: What do they call a Big Mac? VINCENT: Big Mac's a Big Mac, but they call it Le Big Mac. JULES: (Imitating French Accent) Le Big Mac. (Laughs) What do they*

call a Whopper? VINCENT: I don't know. I didn't go into Burger King. You know what they put on French fries in Holland instead of ketchup? JULES: What? VINCENT: Mayonnaise (к/ф «Криминальное чтиво»; <https://www.homeenglish.ru/scpulp.htm>).

Рассматривая условия общения, отметим, что для естественной коммуникации в ОПТ характерно отсутствие локативной маркированности и достаточно свободное время протекания дискурса. Мы полагаем, что хронотоп кинодискурса оказывается ближе к литературному хронотопу в силу схожести строения их нарративов. М. М. Бахтин, исследуя формы времени и хронотопа в романе, указывает на сюжетное и изобразительное значение хронотопов в литературе и выделяет несколько основных типов: хронотоп дороги, салона, замка, провинциального городка, кризиса / жизненного перелома [1].

Анализ фильмов Кв. Тарантино показал наличие нескольких ключевых типов хронотопов, пересекающихся с типами, выделенными М. М. Бахтиным. Это хронотоп отеля / постоянного двора / склада, хронотоп дома (места проживания персонажа), хронотоп бара/ресторана, хронотоп дороги и входящий в него хронотоп автомобиля/повозки. В целом сравнительно небольшой набор хронотопов в каждом фильме получает новое воплощение. Так, автомобиль, являющийся типичным пространством кинодиалогов Кв. Тарантино, превращается в карету зубного врача, лошадь или повозку. Локус бара трансформируется в салун, ресторан, забегаловку или кухню, а домом может стать пещера или трейлер. Гипотетически любой из перечисленных выше хронотопов может быть местом обиходно-практического общения в рамках естественной коммуникации, что подтверждает Кв. Тарантино, стремясь как можно более реалистично показать общение своих киноперсонажей.

Далее мы хотели бы рассмотреть типы ОПТ, которые реализуются в выделенных фрагментах ДФ. Мы полагаем, что классификация ОПТ может быть построена на основе следующих критериев:

1. Критерий «характер отношений между участниками общения» указывает на степень знакомства коммуникантов и позволяет обозначить общение знакомых людей как фамильярное, а малознакомых или незнакомых — как дистантное.

2. Критерий «ситуация общения» предполагает наличие типичных и нетипичных ситуаций общения, или, другими словами, подразумевает существование поведенческих стандартов или лингвокультурных скриптов, которые регулируют

повседневное межличностное общение. Таким образом, здесь выделяется прескриптивная и несценарная тональность.

3. Критерий «сфера общения» помогает разграничить обиходно-бытовое и обиходно-деловое общение. В данном случае речь идет о бытовой и статусной тональности соответственно.

4. Критерий «язык общения» подразделяет ОПТ на нейтральную и вульгарную. К первой мы относим общение, в котором соблюдаются разговорные нормы литературного национального языка, а ко второй — любую коммуникацию, где используются нелитературные формы существования языка (диалект, жаргон, сленг, арг, просторечие).

Очевидно, что любой из выделенных нами фрагментов ДФ одновременно реализует несколько типов ОПТ. В приведенном ниже примере коммуникативная ситуация протекает в дистантной, несценарной, статусной и вульгарной ОПТ.

*Пример 5. JULES: Good for you. Looks like me and Vincent caught you at breakfast, sorry 'bout that. What'cha eatin'? BRETT: Hamburgers. JULES: Hamburgers. The cornerstone of any nutritious breakfast. What kinda hamburgers? BRETT: Cheeseburgers. JULES: No, I mean where did you get 'em? MacDonald's, Wendy's, Jack-in-the-Box, where? BRETT: Big Kahuna Burger. JULES: Big Kahuna Burger. That's that Hawaiian burger joint. I heard they got some tasty burgers. I ain't never had one myself, how are they? BRETT: They're good. JULES: Mind if I try one of yours? BRETT: No. JULES: Yours is this one, right? BRETT: Yeah. (Jules grabs the burger and take a bite of it.) JULES: Uuummmm, that's a tasty burger. (to Vincent) Vince, you ever try a Big Kahuna Burger? VINCENT: No. (Jules holds out the Big Kahuna.) JULES: You wanna bite, they're real good. VINCENT: I ain't hungry. JULES: Well, if you like hamburgers give 'em a try sometime. Me, I can't usually eat 'em 'cause my girlfriend's a vegetarian. Which more or less makes me a vegetarian, but I sure love the taste of a good burger. (to Brett) You know what they call a Quarter Pounder with Cheese in France? BRETT: No. JULES: Tell 'em, Vincent. VINCENT: Royale with Cheese. JULES: Royale with Cheese, you know why they call it that? BRETT: Because of the metric system? JULES: Check out the big brain on Brett. You'a smart motherf*er, that's right. The metric system. (he points to a fastfood drink cup) What's in this? BRETT: Sprite. JULES: Sprite, good, mind if I have some of your tasty beverage to wash this down with? BRETT: Sure. Jules grabs the cup and takes a sip. JULES: Uuuuummmm,*

hits the spot! (к/ф «Криминальное чтиво»; <https://www.homeenglish.ru/sculp.htm>).

Из-за неких нарушенных договоренностей гангстеры Джулс и Винсент по заданию криминального босса приезжают к Бретту и его компаньонам, чтобы забрать чемодан. Несмотря на то что персонажи впервые видят друг друга (дистантная тональность), наличие оружия у пришедших, упоминание имени босса и властная манера поведения подразумевает, что место Джулса и Винсента в криминальной иерархии гораздо выше, чем у Бретта с товарищами (статусная тональность). Все вышеперечисленное указывает на то, что события будут развиваться по скрипту «наказание должников криминального босса через убийство». Однако демонстративная вежливость и обходительность Джулса срывает как эффект обманутых ожиданий, скрипт нарушен, перед нами несценарная тональность. Наконец, о вульгарной тональности свидетельствуют многочисленные нормативные разговорные формы (например, разговорное стяжение 'em вместо them; разговорное сокращение вспомогательных глаголов am/is/are — ain't), а также нелитературные элементы языка (например, обсценная лексика).

В следующем примере обиходно-практическое общение протекает с использованием фамильярной, прескриптивной, бытовой и нейтральной тональности.

Пример 6. SHARON: Hi! Oh, honey. How are you? JOANNA: Oh, my gosh, you're about to pop! SHARON: I know! I know. And this is the nursery. JOANNA: Oh, my God, Sharon. It's perfect. SHARON: Do you love it? JOANNA: Little shoes! SHARON: I know. <...> JOANNA: I think you're gonna be a wonderful mother. SHARON: Thank you (к/ф «Однажды в... Голливуде»; <https://scrapsfromtheloft.com/2020/06/03/once-upon-a-time-in-hollywood-script/>).

Здесь представлена вполне типичная ситуация, когда в гости к беременной девушке (в фильме это молодая актриса Шэрон Тейт) приезжает подруга и они вместе рассматривают детскую комнату и одежду будущего малыша. Следовательно, это, несомненно, фамильярное, прескриптивное и бытовое общение. В данном примере мы не наблюдаем значительных отклонений от разговорных норм литературного национального языка, поэтому относим коммуникативную ситуацию к нейтральной ОПТ.

Подводя итоги, отметим, что количественный подсчет фрагментов ДФ с ОПТ подтвердил наше предположение о том, что данный вид

коммуникативной тональности играет важную роль в кинодискурсе Кв. Тарантино.

Нами установлено, что в исследуемом кинодискурсе коммуниканты, общающиеся в формате ОПТ, могут быть связаны интерперсональными или ситуативными отношениями, которым свойственны специфические особенности. Несмотря на то что в большинстве рассмотренных примеров все участники настроены на общение в ОПТ, были обнаружены фрагменты ДФ, где только один из коммуникантов реализовывал ОПТ. Тематический анализ фрагментов ДФ Кв. Тарантино показал наличие характерных тем для обиходно-го общения. При этом оригинальным является то, кто из коммуникантов и в какой коммуникативной ситуации обращается к одной из типичных тем. Хронотоп обиходно-практического общения в ки-

нодискурсе Кв. Тарантино ограничивается несколькими ключевыми типами, которые могут трансформироваться в зависимости от жанра фильма.

Основываясь на классификации типов ОПТ по таким критериям, как характер отношений между участниками общения, ситуация общения, сфера общения, язык общения, мы выявили, что в исследуемых фрагментах ДФ в разных комбинациях могут реализовываться следующие виды ОПТ: фамильярная, дистантная, прескриптивная, несценарная, статусная, бытовая, нейтральная, вульгарная.

В качестве перспективы исследования нам представляется интересным рассмотреть функции обиходно-практической тональности в кинодискурсе Кв. Тарантино, а также проанализировать другие значимые для идиостиля режиссера типы коммуникативной тональности.

Список литературы

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художеств. лит., 1975. С. 234—407. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop10.html (дата обращения 20.09.2020).
2. Брыжина Т. С. *Пародийная тональность: дискурсивный статус и функциональные типы*: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 259 с.
3. Духовная Т. В. *Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурса живой речи* // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-kinofilma-sootnoshenie-s-ponyatiem-diskursa-zhivoy-rechi.html> (дата обращения 18.02.2020).
4. Зарецкая А. Н. *Особенности реализации подтекста в кинодискурсе*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
5. Зачесова И. А., Гребенщикова Т. А., Кубрак Т. А. *Интенциональная организация дискурса повседневного общения незнакомых людей* // *Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности* / под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. С. 27—50.
6. Карасик В. И. *Коммуникативная тональность* // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2008. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-tonalnost-1.htm> (дата обращения 09.09.2020).
7. Карасик В. И. *Языковые ключи*. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
8. Колодина Е. А. *Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс* // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2013. № 2-1. С. 327—333.
9. Назмутдинова С. С. *Пути достижения гармоничного перевода в кинодискурсе* // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2007. № 22. С. 90—94.
10. Самкова М. А. *Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий* // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2011. № 1 (8). С. 135—137.
11. Силантьев И. В. *Газета и роман: Риторика дискурсных смешений*. М.: Языки славян. культуры, 2006. 224 с.
12. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. *Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа)*. М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
13. Тубалова И. В. *Специфика организации дискурсов повседневности* // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2011. № 4 (16). С. 41—52.
14. Цыркун Н. *Блюдо, которое съели горячим* // *Искусство кино*. 2013. № 1. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2013/01/blyudo-kotoroe-s-eli-goryachim.htm> (дата обращения 20.09.2020).

15. Aschenbrenner H. M. Two of a kind — Robert Rodriguez’s and Quentin Tarantino’s culturally intertextual comment on film history: the grindhouse project Post Script. 2014. Vol. 33. Pp. 42—58. URL: <https://www.thefreelibrary.com/Two+of+a+kind+Robert+Rodriguez%27s+and+Quentin+Tarantino%27s+culturally...-a0409550161.html> (дата обращения 28.08.2020).

16. Nathan I. Quentin Tarantino: The iconic filmmaker and his work. London: White Lion Publ., 2019.

17. Roche D. Quentin Tarantino: poetics and politics of cinematic metafiction. Jackson: University Press of Mississippi, 2018.

Сведения об авторах

Лихачёва Татьяна Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Волгоградского государственного технического университета, Волгоград, Россия. tatslix@gmail.com

Стрепетова Надежда Владимировна — старший преподаватель кафедры «Иностранные языки» Волгоградского государственного технического университета, Волгоград, Россия. strepetova.nv@gmail.com

Бикус Дарья Сергеевна — старший преподаватель кафедры «Иностранные языки» Волгоградского государственного технического университета, Волгоград, Россия. nick32485@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 73—80.*

SPECIFIC FEATURES OF COLLOQUIAL DISCOURSE TONALITY IN QUENTIN TARANTINO’S FILM DISCOURSE

T. S. Likhacheva

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia. tatslix@gmail.com

N. V. Strepetova

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia. strepetova.nv@gmail.com

D. S. Bikus

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia. nick32485@yandex.ru

The paper deals with Quentin Tarantino’s film discourse from the perspective of the theory of communicative tonalities. The purpose of this research is to highlight specific features of colloquial discourse tonality in the film discourse under study. The analysis of excerpts of discourse of the film has proved considerable significance of colloquial discourse tonality for the idiosyncrasy of Quentin Tarantino. The communicants, subject areas and conditions of everyday communication in the investigated film discourse are characterized. It is found out that communicants utilizing colloquial discourse tonality can have either interpersonal or situational relationships; typical everyday discourse topics are presented by unconventional characters or in unconventional situations; the limited range of key chronotopes is transformed depending on the movie genre. The types of colloquial discourse tonality based on such criteria as type of relationship between participants of communication, situation of communication, sphere of communication and language of communication are described and exemplified.

Keywords: *communicative tonality, colloquial tonality, film discourse, everyday discourse, discourse of the film.*

References

1. Bakhtin M. M. (1975) *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and the chronotope in the novel. Notes towards a historical poetics]. *Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow. Available at: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop10.html, accessed 20.09.2020 [in Russ.].

2. Bryzhina T. S. (2009) *Paradiynaya tonal’nost’: diskursivnyj status i funktsionalnye tipy* [Parodic tonality: discourse status and functional types. Thesis]. Volgograd. 259 p. [in Russ.].

3. Dukhovnaya T. V. (2014) *Vestnik Majkopskogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-kinofilma-sootnoshenie-s-ponyatiem-diskursa-zhivoy-rechi.html>, accessed 18.02.2020 [in Russ.].
4. Zaretskaya A. N. (2010) Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse [Special aspects of manifestation of implied sense in film discourse. Abstract of thesis]. Chelyabinsk. 22 p. [In Russ.].
5. Zachesova I. A., Grebenshikova T. A., Kubrak T. A. (2015), Zhuravlev A. L., Pavlova N. D., Zachesova I. A. (eds.). Intencional'naya organizaciya diskursa povsednevnogo obshcheniya neznakomykh lyudej [International organization of everyday speech discourse of strangers]. *Psihologiya diskursa: problemy determinacii, vozdejstviya, bezopasnosti* [Psychology of discourse: problems of determination, persuasion, security]. Moscow, Institute of psychology of RAS Publ. Pp. 27—50 [in Russ.].
6. Karasik V. I. (2008) *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, no. 10. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-tonalnost-1.html>, accessed 09.09.2020 [in Russ.].
7. Karasik V. I. (2007) Yazykovye klyuchi [Language keys]. Volgograd, Paradigma Publ. 520 p. [in Russ.].
8. Kolodina E. A. (2013) *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 2 (1), pp. 327—333 [in Russ.].
9. Nazmutdinova S. S. (2007) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 22, pp. 90—94 [in Russ.].
10. Samkova M. A. (2011) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1 (8), pp. 135—137 [in Russ.].
11. Silant'ev I. V. (2006) *Gazeta i roman: Ritorika diskursnykh smeshenij* [Newspaper and novel: Rhetoric of Discourse Combinations]. Moscow. 224 p. [in Russ.].
12. Slyshkin G. G. (2004) *Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza)* [Film text (experience of the linguocultural analysis)]. Moscow, Vodolej Publ. 153 p. [in Russ.].
13. Tubalova I. V. (2011) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 4 (16), pp. 41—52 [in Russ.].
14. Cyrkun N. (2013) *Iskusstvo kino*, no. 1. Available at: <https://old.kinoart.ru/archive/2013/01/blyudo-kotloroe-s-eli-goryachim.html>, accessed 20.09.2020 [in Russ.].
15. Aschenbrenner H. M. (2014) *Post Script*, no. 33, pp. 42—58. Available at: <https://www.thefreelibrary.com/Two+of+a+kind+---+Robert+Rodriguez%27s+and+Quentin+Tarantino%27s+culturally...-a0409550161.htm>, accessed 28.08.2020.
16. Nathan I. (2019) *Quentin Tarantino: The iconic filmmaker and his work*. London, White Lion Publishing.
17. Roche D. (2018) *Quentin Tarantino: poetics and politics of cinematic metafiction*. Jackson, University Press of Mississippi.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Р. З. Мурысов

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Дается анализ грамматических особенностей местоимений в некоторых индоевропейских (латинском, русском, английском, немецком, французском) и тюркских (башкирском, татарском) языках. Автор показывает несостоятельность латинского термина *pronomen*, который заимствован всеми романскими и германскими языками и который в лингвистических исследованиях признан неудачным и обусловил появление новых терминов: *pro-forms* в английском, *Pro-Formen* и *Pro-Wörter* в немецком и т. д. Представлены парадигматические характеристики личных местоимений в каждом из сопоставляемых языков, выявлены грамматические оппозиции в деklinационной парадигме: прямой падеж : косвенные падежи, прямой объект : косвенный объект, в категории числа существенные различия между языками при образовании форм множественного числа от местоимений 1-го и 2-го лица, с одной стороны, и 3-го лица — с другой. Особое внимание уделяется употреблению личных местоимений с личными формами глагола в разных временных парадигмах, а именно демонстрации сходств и различий в их обязательном и факультативном употреблении. Автор констатирует, что латинский и французский языки образуют два крайних, противоположных полюса. С одной стороны, в глагольных парадигмах английского и французского языков доминируют омонимичные формы, отнесенность которых к тому или иному лицу может быть установлена только в сочетании с личным местоимением, однозначная предсказуемость лица флексиями личных форм глагола в латинском — с другой.

Ключевые слова: *полевая структура частей речи, уровневый статус местоимений, парадигматика местоимений, обязательность — факультативность личных местоимений.*

Полевая структура является ингерентным свойством системы частей речи, в которой выделяются классы слов, соответствующие всем трем выработанным в лингвистической науке критериям: 1) наличие обобщенного семантического признака, 2) общность морфологических категорий и 3) идентичные синтаксические функции в предложении. Однако не всем классам слов, названным в традиционной грамматике частями речи, присущи данные признаки.

Всеми вышеперечисленными признаками обладают две части речи, образующие ядро системы частей речи, — имя существительное и глагол, вокруг которых группируются другие части речи. К периферийной зоне системы относятся те группировки слов, которые либо характеризуются неполным набором указанных выше признаков, либо им не присущ ни один из них. Например, в рамках дальней периферийной зоны системы частей речи, а именно междометий и онамотопов (звукоподражательных слов), не может быть использован ни один из критериев [6].

Между ядром и периферийной зоной частей речи промежуточную зону образуют такие классы слов, при выделении которых не может быть использован весь комплект признаков. Ближе всех

к ядру расположены прилагательные, категориальным семантическим признаком которых является признаковость. Имеется у данной части речи также грамматическая категория, присущая именно ей, — категория степеней сравнения. Однако в морфологическом отношении данная часть речи полностью зависима от парадигматики определяемого существительного.

В данной статье анализируются личные местоимения в некоторых индоевропейских (латинском, русском, английском, немецком, французском) и тюркских (башкирском, татарском) языках. Сразу подчеркнем, что латинский термин *pronomen* (англ. *the pronoun*, нем. *das Pronomen*, фр. *pronom*) не отражает диапазон функций данной части речи. Грамматический термин *местоимение* в русском языке представляет собой морфонологически модифицированную кальку латинского термина *pronomen* (*pro* — «за, вместо» и *nomen* — «имя»). В лингвистических исследованиях XX в. данный термин был признан неудачным и в ряде грамматических исследований вместо него были предложены термины *pro-forms* в английском языке, *Pro-Form*, *Pro-Wörter* — в немецком, *pro-forme* — во французском, так как представители данной части речи могут замещать (заменять) в тексте

не только имена существительные, но и словосочетания, предложения и целые отрывки текста [См. об этом: 9; 11—16 и др.].

Удачным представляется используемый в тюркологии для обозначения данной части речи термин *алмашлык* (заместитель, заменитель) [3; 8], так как он не соотносится с какой-либо конкретной частью речи или языковой единицей, а носит универсальный характер.

Личные местоимения образуют наиболее бесспорный разряд, выделяемый в рамках данной части речи. Они также не соответствуют термину *pronomen*, исключения составляют местоимения 3-го лица ед. числа: *es* — в немецком, *it* — в английском, *ce il* — во французском языке; они могут быть заместителями как конкретного существительного, так и словосочетаний, предложений, отрывков текстов. Личные местоимения высокочастотны в речи, ср.:

• *рус.* — Ну-с, чем я вам могу быть полезен? (Булгаков);

- *англ.* “Well sir, and what can I do for you?”;
- *нем.* „Nun, womit kann ich Ihnen dienen?“;
- *фр.* — Eh bien, en quoi puis-je vous être utile?

В отличие от других разрядов личные местоимения характеризуются следующими грамматическими (парадигматическими) особенностями, свойственными только им:

1. Специфическая падежная парадигма, которая не совпадает с таковой других именных частей речи.

2. Падежная парадигма включает супплетивные формы в оппозиции «именительный (номинативный) падеж : косвенные падежи» в латинском, русском и немецком языках и «прямой падеж : объектные падежи» в английском и французском языках; ср. *лат.* *ego* «я»: *mei* «(у) меня», *mihi* «мне», *te* «меня»; *de te* «обо мне», *tecum* «со мною».

3. Грамматическая оппозиция по родовому признаку в 3-м лице ед. ч. в русском, немецком и французском языках и отсутствие подобной оппозиции в английском языке.

4. Наличие в английском языке оппозиции местоимений 3-го лица ед. ч. по признаку «одушевленность — неодушевленность» (*he/she* : *it*) и в рамках одушевленности оппозиции «лицо мужского пола : лицо женского пола» (*he* : *she*).

5. Полный супплетивизм форм оппозиции «ед. ч. : мн. ч.» (*лат.* *ego* : *nos*, *tu* : *vos*; *рус.* я : мы, ты : вы; *англ.* I : we, *he/she/it* : they; *нем.* *ich* : wir, *du* : ihr, *er/sie/es* : sie; *фр.* *je* : nous, *tu* : vous. Формы 3-го лица ед. и мн. ч. в русском и французском

языках образуются от общей основы: *рус.* он/она/ оно : они, *фр.* *il/elle* : ils/elles.

6. Если в русском, английском и немецком языках родовые различия местоимений 3-го лица во мн. ч. нейтрализуются, то во французском оппозиция по роду сохраняется, ср. *il* «он» : *ils* «они» и *elle* «она» : *elles* «они».

7. Личные местоимения обладают особым коммуникативным потенциалом: вне контекста им несвойственна денотативная соотносительность, и они представляют собой дискурсивно обусловленные коммуникативно-вариабельные единицы языка.

Следует подчеркнуть также когнитивные различия между формами мн. ч. существительных и местоимений. Если форму мн. ч. существительных можно представить в виде формулы «ученик₁ + ученик₂ + ученик₃ + ученик_n = ученики», то подобная формула неприменима к личным местоимениям *«я₁ + я₂ + я₃ + я₄ + я_n = мы». Множественное число, например, местоимения *мы* может иметь формулы «я + ты = мы», «я + ты + он/она + вы + они = мы» и т. п. Варианты последних формул зависят от количества участников коммуникативного акта и обсуждаемых лиц. Личные местоимения мн. ч. могут выражать неопределенное количество людей, что может быть определено в контекстах.

В отдельных языках имеются свои парадигматические особенности личных местоимений. Например, в русском языке в падежной парадигме личных местоимений сохраняется, как и в субстантивной парадигме, шестичленная структура; в английском языке падежная система личных местоимений представлена двухчленной структурой: *he* — *him*, *she* — *her* и другие; в немецком языке сохраняется четырехчленная падежная парадигма: *ich* — *mein*, *meiner* (устар.) — *mir* — *mich*. Специфика латинского языка состоит в наличии в падежной парадигме вариантных форм, ср. *nos* «мы» — *nostri/nostrium* «у нас», *vos* «вы» — *vestri/vestrum* «у вас».

Приводим таблицу склонения личных местоимений в русском, латинском, английском и немецком языках (табл. 1).

Во французском языке нет морфологической категории падежа. Однако формы личных местоимений противопоставлены друг другу по двум признакам: 1) приглагольное (зависимое) употребление личных местоимений (*je travail* «я работаю», *j'écris* «я пишу») и автономное (независимое) употребление в предложении (*qui est là* «кто там?» — *C'est moi* «это я»); 2) некоторые различия в их употреблении в качестве прямого и косвенного дополнения (табл. 2).

В отличие от других индоевропейских языков, в которых противопоставление местоимений 3-го лица во мн. ч. по родовому признаку отсутствует, во французском языке сохраняются различия между формами мужского и женского рода в зависимости, во-первых, от того, употребляется местоимение в субъектной или объектной функции, и, во-вторых, от того, является данное местоимение прилагательным или автономным. Имеются определенные коммуникативные различия в употреблении прилагательных (зависимых) и автономных форм личных местоимений. Автономные личные местоимения *moi, toi, lui, soi, nous, vous, eux, elles* употребляются при необходимости логического выделения подлежащего:

C'est moi qui suis arrivé le premier (Это я пришел первый). Ср. далее:

- *рус.* — Бывают среди них маги... и убийцы, — говорил монотонно прокуратор, — а попадают и лгуны. *Ты*, например, лгун (Булгаков).

- *фр.* — *Parmi eux, il y a des mages... Et il y a aussi des menteurs. Toi, par exemple, tu es un menteur.*

Специфика латинского языка состоит в том, что в нем нет специального личного местоимения 3-го лица. Данную функцию выполняют указательные местоимения: *is* «тот, он», *ille* «тот», *iste* «этот», *ipse* «сам», — которые образуют оппозиции по родам: *ille* «тот» : *illa* «та» : *illud* «то» — и сохраняют родовые оппозиции во мн. ч.: *illī* (от *illa*) : *illā* (от *illud*) [7].

Таблица 1

Падежные парадигмы личных местоимений

Падежи	Русский язык		Латинский язык		Английский язык		Немецкий язык	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Номинатив (им. п.)	я, ты, он, она, оно	мы, вы, они	ego, tu	nos, vos	i, he, she, it	we, they	ich, du, er, sie, es	wir, ihr, sie
Генитив (род. п.)	(у) меня, (у) тебя, (у) него, его	(у) нас, (у) вас, (у) них	mei, tui, sui	nostrum/ nostri, vestrum/ vestri	his, her, its	their	mein, dein, sein/ihrer (устар.)	unserer, eurer, ihrer (устар.)
Датив (дат. п.)	мне, тебе, ему/ей	нам, вам, им	mihi, tibi, sibi	nobis, vobis	me, him/her	us, them	mir, dir, ihm ihr	uns, euch, ihnen
Аккузатив (вин. п.)	меня, тебя, себя	нас, вас, их	me, te, se	nos, vos	me, him, her, it	us, them	mich, dich, ihn, sie, es	uns, euch, sie
Творительный падеж	мною, тобой, (с) ним, им (с) ней, ею	нами, вами, (с) ними, ими	—	—	—	—	—	—
Аблятив	—	—	me, te	nobis, vobis	—	—	—	—
Предложный падеж	(обо) мне, (о) тебе, (о) нем, о ней	(о) нас, (о) вас, (о) них	—	—	—	—	—	—

Таблица 2

Прилагательные местоимения и независимые местоимения

	Прилагательные местоимения						Независимые местоимения	
	Подлежащее		Прямое дополнение		Косвенное дополнение		ед. ч.	мн. ч.
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.		
1-е лицо	Je	mous	me	nous	me	nous	moi	nous
2-е лицо	Tu	vous	te	vous	te	vous	toi	vous
3-е лицо	il elle	ils elles	le la } se	les se	lui se	leur se	lui elle } soi	eux elles

Примечание: таблица заимствована из кн. [1].

Одной из особенностей склонения личных местоимений в латинском языке является то, что к форме аблятива присоединяется предлог *cum* и образует с ней единую словоформу: *tecum* «со мной», *tecum* «с тобой», *nobiscum* «с нами», *vobiscum* «с вами». Аналогичное явление наблюдается также в некоторых тюркских языках. Так, в казахском языке творительный падеж (қомектес) как существительных, так и местоимений образуется путем присоединения к их основам алломорфов *-мен/-бен/-пен* (от *менен* «с»): *менимен* «со мной», *сенимен* «с тобой», *бизбен* «с нами», *алармен* «с ними». Данные алломорфы восходят к союзам *мен, бен, пен* «и», служащим «для соединения двух слов в предложении, и образуются таким же образом, как и творительный падеж имени существительного» [2. С. 250].

Если грамматическую категорию понимать как тот или иной обобщенный семантический признак, репрезентируемый в языке системой морфологических средств, образующих словоизменительную парадигму, состоящую минимум из двух противопоставленных друг другу форм одного и того же слова, то личные формы глагола характеризуются в разных языках неодинаковой степенью последовательной выраженности. Сравнительно-сопоставительное изучение индоевропейских и тюркских языков приводит к выявлению следующей закономерности: употребление личных местоимений и личных форм глагола взаимосвязано; чем четче противопоставлены флексии словоформ, тем факультативнее употребление глаголов в сочетании с личными местоимениями, и, наоборот, чем больше омонимичных звеньев в парадигме, тем облигаторнее употребление личных местоимений [5]. Идеальная словоизменительная парадигма в системе спряжения глаголов характерна для латинского языка, презентных форм русского языка, а также личных форм для глаголов в тюркских языках; ср. *orño* «я украшаю» — *orñas* «ты украшаешь» — *ornat* «он украшает»; для латинского языка характерно отсутствие омонимии личных форм глагола во всех временных формах индикатива и конъюнктива (претерит: *ornabam* — *ornabas* — *ornabat* — *ornabamus* — *ornabatis* — *ornabant*; перфект: *ornavi* — *ornavis* — *ornavit* — *ornavimus* и т. п.; плюсквамперфект: *ornaveram* — *ornaveras* — *ornaverat* — *ornaveramus* и т. п.; *si tacuís ses*, «если бы ты молчал»). В русском языке форма прошедшего времени никак не указывает на лицо, совершающее то или иное действие: я /ты/он читал, мы/вы/они читали; в будущем вре-

мени русский глагол обладает словоизменительной парадигмой, члены которой последовательно противопоставлены друг другу как и в презентной парадигме: прочитаю — прочитаешь — прочитает и т. п.; будут читать — будешь читать — будет читать и т. п.

В немецком языке морфологические оппозиции в глагольной парадигматике в основном достаточно последовательны. Однако в ней появляются некоторые омонимичные звенья; ср. *ich mache* — *du machst* — *er macht*; *wir machen* — *ihr macht* — *sie machen*.

Английскому языку омонимия личных форм глагола свойственна в еще больших масштабах, чем русскому и немецкому. Презентная форма глагола представлена в нем лишь одним эксплицитным маркером, а остальные четыре формы омонимичны: *I/you/we/they write* : *he/she/it writes*. А в претеритальной форме (*past simple*) мы имеем полную омонимию всех личных форм, то есть нет ни одного морфологического маркера лица и числа, личные формы глагола представлены голой основой: *I/you/he/she/it/we/they wrote*. Подобное явление наблюдается также в формах будущего времени.

Особо выделяется в этом отношении французский язык, в котором в ед. ч. глагольные формы графически противопоставлены лишь частично, а именно: 1-е лицо и 2-е лицо ед. ч. являются омографами, которые графически противопоставлены 3-му лицу ед. ч.: *j'écris* «я пишу» — *tu écris* «ты пишешь», но *il/elle écrit*. Все три формы произносятся одинаково, то есть являются омофонами. Во мн. ч. формы всех трех лиц противопоставлены друг другу как графически, так и фонетически: *nous écrivons* — *vous écrivez* — *ils/elles écrivent*. Омофония свойственна формам ед. ч. также при образовании имперфекта (*imparfait*) индикатива и презенса условного наклонения (*conditionnel*): *je parlais* — *tu parlais* — *il parlait*; *je parlerais* — *tu parlerais* — *il/elle parlerait*.

Следовательно, в английском и французском языках личные формы глагола и личные местоимения образуют разновидность аналитических форм. То же самое явление наблюдается в парадигме прошедшего времени русского глагола.

Глагольная парадигматика в татарском языке резко противопоставлена парадигматическим рядам индоевропейских и прежде всего германских языков. Глагольные основы в татарском языке не подвержены каким-либо изменениям, а гласный варьирует в соответствии с законом сингармонизма, свойственным тюркским языкам.

Наиболее существенной отличительной чертой татарского глагола в плане структуры словоизменительных парадигм является четкая противопоставленность звеньев парадигматических рядов и отсутствие омонимии между синтетическими маркерами. Так, в личной парадигме презенса нет ни одного случая омонимии: мин алам «я беру», ул ала «он/она берет», без алабыз «мы берем», сез ала-сыз «вы берете», алар алалар «они берут». Такая же четкая морфологическая дифференциация личных форм наблюдается в формах прошедшего времени; ср. прошедшее определенное: мин алдым «я взял», ул алды «он/она взял (взяла)», без алдык «мы взяли», сез алдыгыз «вы взяли» и т. д.

Таким образом, парадигматические ряды глаголов в татарском, как и в других тюркских языках, характеризуются четкой противопоставленностью в формальном отношении, что обуславливает их относительную независимость от личных местоимений. О характере взаимодействия личных местоимений и личных окончаний башкирского глагола Н. К. Дмитриев писал: «Личные местоимения для башкирского (и для других тюркских) не является обязательной принадлежностью, так как лицо уже выражено аффиксом. Поэтому личное местоимение ставится перед соответствующими глагольными формами гораздо реже, чем в русском языке. Обычно это происходит тогда, когда на личных местоимениях стоит акцент, обусловленный их логическим противопоставлением» [4. С. 133].

Отсутствие личных местоимений в татарском и латинском языках во всех временных формах глагола и в личных формах настоящего времени в русском языке не создает какие-либо коммуникативные двусмысленности и помехи, в то время как в английском, немецком и французском языках отсутствие личных местоимений в качестве субъектов встречается редко; ср.:

• *рус.* — *Говорят*, что он... деньги будто бы получил за то, что так радушно принял у себя этого безумного философа.

— *Получит*, — тихонько поправил Пилата начальник тайной службы (Булгаков);

• *англ.* “*They say... that he is supposed to have been paid for the way he took that idiot home and made him so welcome*”.

“*Will be paid*”, corrected the visitor gently.

Ср. далее:

• *рус.* — Член правления Пятнажко? — спросил у сидящего вошедший (Булгаков);

• *англ.* “*Are you Pyatnazko of the management committee?*” said the stranger;

• *нем.* „*Leitungsmitglied Pjatnashko?*“ fragte der Eingetretene;

• *фр.* — *Pjatnajko, member du comité de gérance? demanda le nouveau venu...*

Итак, по степени факультативности употребления личных местоимений в сочетании с личными формами глагола языки могут быть расположены в такой последовательности:

• Латинский язык, в котором употребление личных местоимений является исключением и встречается только при их логическом противопоставлении: *Paene ille timore, ego risu corruí* (Он чуть не упал от страха, я — от смеха) [7. С. 128]; для латинского языка характерны предложения типа: *Cogito, ergo sum* (Мыслью, следовательно, я существую), *Discimus dum docēmus* (Мы учимся пока обучаем); *Dum spiro, spero* (Пока я дышу, я надеюсь), *Veni, vidi, vici ...* ([Я] Пришел, увидел, победил).

• Тюркские языки занимают в этом отношении промежуточное положение между латинским и другими индоевропейскими языками.

• В русском языке представлена разноречивая картина: в одних временных формах личные местоимения факультативны, в других — обязательны.

• В четвертой группе языков (английском, немецком и французском) личные местоимения и личные формы глагола следует рассматривать как аналитические формы.

В этом ряду латинский и французский языки образуют два противоположных полюса.

Личные местоимения могут входить в синонимические отношения как внутри одного разряда, так и с единицами других разрядов. Так, в определенных дискурсах, особенно в разговорной речи, вместо местоимений *ты, вы* в целях установления доверительных отношений с коммуникативным партнером употребляется местоимение 1-го лица мн. ч., что обычно наблюдается в обращении врача к больному, учителя к ученикам; ср. *рус.* Ну, как мы сегодня себя чувствуем? Что нас беспокоит?; *нем.* Nun, wie fühlen wir uns heute?; *англ.* How are we feeling this morning, Mrs. Shaw? (обращение к пациенту). Now, do we all have notebooks and pencils? (обращение учителя к ученикам) [17. С. 1686—1687]; *фр.* Comment allons nous? (Как наши дела? Как идут наши дела?)

К особым случаям следует отнести жанровую синонимию именно употребления местоимения мн. ч. «мы» вместо личного ед. ч. «я» в научных статьях, докладах, выступлениях, что принято называть *pluralis modestiae* «мн. ч. скромности», наоборот, употребление формы *мы* получившей название *pluralis majestatis* «королевское мы» (*the royal we, le plural de majesté*) [10].

Синонимия между местоимениями разных разрядов, как правило, контекстуально обусловлена; ср.:

- *рус.* О, нет! Это *кто* (неопределенное местоимение в значении кто-то, кое-кто) может подтвердить... чрезвычайно уверенно отозвался профессор... Дело в том... что я лично присутствовал при этом... (синонимы: *кто* и *я*) (Булгаков);

- *нем.* О, doch! Das kann *einer* (неопределенное местоимение) bestätigen! antwortete der Professor sehr überzeugt... Die Sache ist die... daß *ich* bei allem persönlich dabei war... (синонимы: *einer* и *ich*);

- *фр.* Oh si! *Quelqu'on* (кое-кто) peut confirmer! répliqua le professeur... Le fait est... que j'ai assisté personnellement à tout cela (синонимы: *quelqu'on* и *je*).

Список литературы

1. Бабаян М. А., Флерова Н. М. Практическая грамматика французского языка. М.: Внешторгиздат, 1964.
2. Бектурова А. Ш., Бектуров Ш. К. Казахский язык. Алматы, 2004.
3. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981.
4. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М., 1947.
5. Мурясов Р. З. Типология глагола в разноструктурных языках: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011.
6. Мурясов Р. З., Савельева Л. А. Периферийная зона системы частей речи (контрастивно-типологическое исследование): монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019.
7. Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. СПб., 1998.
8. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань, 1997.
9. Alexander L. G. Longman English Grammar. London; New York, 1999.
10. Collins. Robert French Dictionary. French-English. English-French Dictionary. Glasgow, 2010.
11. Dictionnaire de linguistique. Paris: Librairie Larousse, 1973.
12. Duden. Bd. 4. Die Grammatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2005.
13. Grammatik der deutschen Sprache in 3 Bänden. Berlin; New York, 1997.
14. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1981.
15. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Leipzig; Berlin; München; Wien; Zürich; New York: Langenscheidt. Verlag Enzyklopädie, 1996.
16. Longman. Grammar of Spoken and Written English. London, 2000.
17. Macmillan English Dictionary. London, 2006.

Источники

18. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М., 1973.
19. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. Paris, 2005.
20. Bulgakow M. Der Meister und Margarita. Aufbau-Verlag. Berlin und Weimar, 1983.
21. Bulgakov M. The Master and Margarita. London: The Harvill Press, 1996.

Сведения об авторе

Мурясов Рахим Закиевич — доктор филологических наук, профессор, кафедра немецкой и французской филологии факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета, Уфа, Россия. frgf@bsunet.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 81—87.*

PERSONAL PRONOUNS IN THE LANGUAGE SYSTEM

R. Z. Muryasov

Faculty of Romance and Germanic Philology, Bashkir State University, Ufa, Russia. frgf@bsunet.ru

The article analyzes the grammatical features of pronouns in some Indo-European (Latin, Russian, English, German, French) and Turkic (Bashkir, Tatar) languages. The author shows the inconsistency of the Latin term *pronomen*, which was borrowed by all Romance and Germanic languages and which in linguistic studies was considered unsuccessful and led to the emergence of new terms: *pro-forms* in English, *Pro-Formen*

and Pro-Wörter in German, etc. The article presents the paradigmatic characteristics of personal pronouns in each of the compared languages, reveals grammatical oppositions in the declinatory paradigm: direct case: indirect cases, direct object: indirect object, in the category of numbers, significant differences between languages in the formation of forms of plural from pronouns 1 and 2 persons, on the one hand, and 3 persons on the other. Special attention is paid to the use of personal pronouns with personal forms of the verb in different time paradigms, namely, to demonstrate the similarities and differences in their obligatory and facultative use. The author states that Latin and French form two extreme opposite poles. On the one hand, the verbal paradigms of English and French are dominated by homonymous forms, the attribution of which to a particular person can only be established in combination with a personal pronoun, unambiguous predictability of the personal pronoun by inflections of personal verb forms in Latin, on the other hand.

Keywords: *field structure of parts of speech, level status of pronouns, paradigmatics of pronouns, obligatoriness-electivity of personal pronouns.*

References

1. Babayan M. A., Flerova N. M. (1964) *Prakticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Practical grammar of French]. Moscow [in Russ.].
2. Bekturova A. Sh, Bekturov Sh. K. (2004) *Kazakhsky yazyk* [Kasakh Language]. Almaty [in Russ.].
3. (1981) *Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern literary Bashkir language]. Moscow [in Russ.].
4. Dmitriev N. K. (1947) *Grammatika bashkirskogo yazyka* [Grammar of Bashkir language]. Moscow [in Russ.].
5. Muryasov R. Z. (2011) *Tipologiya glagola v raznostrukturnykh yazykakh* [Verb typology in different structure languages]. Ufa [in Russ.].
6. Muryasov R. Z., Savelieva L. A. (2019) *Periferijnaya zona sistemy chastej rechi (kontrastivno-tipologicheskoe issledovanie)* [Periphery zone of parts of speech system] (contrastive and typological research). Ufa [in Russ.].
7. Sobolevsky S. I. (1998) *Grammatika latinskogo yazyka* [Latin grammar]. St. Petersburg [in Russ.].
8. (1997) *Tatarskaya grammatika. T. II. Morfologiya* [Tatar grammar. Vol. II. Morphology]. Kazan [in Russ.].
9. Alexander L. G. (1999) *Longman English Grammar*. London, New York.
10. (2010) Collins. *Robert French Dictionary. French-English. English-French Dictionary*. Glasgow.
11. (1973) *Dictionnaire de linguistique* [Linguistic dictionary]. Paris, Librairie Larousse [in French].
12. (2005) Duden. Bd. 4. *Die Grammatik* [Grammar]. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, Dudenverlag [in German].
13. (1997) *Grammatik der deutschen Sprache* [Grammar of German]. In 3 Bänden. Berlin, New York [in German].
14. (1981) *Grundzüge einer deutschen Grammatik* [Basics of German grammar]. Berlin, Akademie-Verlag [in German].
15. (1996) Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik* [German Grammar]. Leipzig, Berlin, München, Wien, Zürich, New York, Langenscheidt. Verlag Enzyklopädie [in German].
16. (2000) Longman. *Grammar of Spoken and Written English*. London.
17. (2006) Macmillan English Dictionary. London.

Sources of material

18. Bulgakov M. A. (1973) *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Moscow.
19. Boulgakov M. (2005) *Le Maître et Marguerite*. Paris.
20. Bulgakov M. (1983) *Der Meister und Margarita*. Aufbau-Verlag. Berlin und Weimar.
21. Bulgakov M. (1996) *The Master and Margarita*. London, The Harvill Press.

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОДУКТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ДЕТСКИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

С. И. Приходкина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются наиболее продуктивные словообразовательные способы возникновения лексем, самостоятельно сконструированных детьми. Выявляется доминирующая роль лексико-семантического и аффиксального способов словообразования в детском речевом поведении. Наряду с изданными словарями детских словообразовательных инноваций предлагается изучение специфики формирования продуктивных моделей детского речетворчества на авторских материалах родительских дневников.

Ключевые слова: *онтолингвистика, словообразовательные инновации, продуктивные словообразовательные способы, детская лексика.*

В начале XX в. на смену традиционным представлениям о воспитании детей приходят новаторские идеи индивидуального подхода к развитию ребенка и переосмысления отношения к его статусу, что в том числе обусловило возникновение и онтогенеза как отдельного лингвистического объекта. Исследователями детской речи (А. Н. Гвоздевым, С. Н. Цейтлин, В. К. Харченко, Т. А. Гридиной и др.) предприняты попытки фиксации актуальных детских «словообразовательных инноваций» как слов, «самостоятельно сконструированных детьми» [9. С. 3]. Данный термин получил активное распространение в современной онтолингвистике благодаря наиболее точному отражению семантики определения лингвистических явлений детского речетворчества.

Онтолингвистику, равно как и общее языкознание, обуславливает тесная корреляция социокультурных факторов и языковых преобразований на лексическом уровне. Отсутствие сформированной картины мира и реалии современной действительности играют определяющую роль в лексических и словообразовательных процессах детского речетворчества.

Учитывая специфику психофизического развития современных детей, можно предположить, что релевантными внеязыковыми факторами их речевого развития являются следующие.

Во-первых, внедрение цифровых технологий и современных технических достижений в повседневный быт (роботы-помощники, обилие бытовой техники, гаджеты и т. п.). Неспособность детей дошкольного возраста адекватно дифференцировать общение с живыми существами и искусственным интеллектом, а также осознавать специфику тех-

нических возможностей передачи информации обуславливают стремление к «одушевлению» условного собеседника. Так, вполне закономерно возникает ситуация, при которой ребенок отказывается отправлять письмо Деду Морозу в конверте, мотивируя свой отказ тем, что *Настоящее письмо из компьютера* (В., 4 г.). Стремление одушевить и очеловечить окружающие предметы проявляется и в присвоении им имен собственных. Так, робот-пылесос получает имя *Пинка* (К., 4 г.), общение с голосовыми помощниками Siri и Алисой отождествляется с реальными переговорами с людьми с использованием технических средств общения (*Сири, сколько тебе лет? Где ты живешь?* (К., 5 л.). *Алиса, кто твоя мама?* (В., 8 л.). Такое стремление может быть обусловлено попыткой детей соотнести собственные бытовые реалии с реалиями «их фантазийного (игрового) мира», попыткой смоделировать «некую квазиреальность, похожую на действительность» [5. С. 12].

При этом необходимость номинации окружающих технических средств, с одной стороны, и продуктивность некоторых словообразовательных способов, с другой, обуславливают возникновение актуальной омонимии детских окказионализмов. Так, частотность аффиксального словообразования при именовании предмета по его назначению приводит к употреблению словообразовательной инновации *печатка* в значении «печатная машинка» (С., 4 г.) в 1980-х гг. и в значении «калькулятор» [12. С. 368] через два десятилетия.

Во-вторых, неограниченное информационное поле как атрибут современной действительности обуславливает стремление родителей к постоянной верификации информации, тотальному кон-

тролю и безопасности. Так, формирование у детей навыков ознакомления с информацией о составе продуктов прослеживается в следующих речевых ситуациях: Кузьма внимательно читает состав продукта на упаковке: «*Массы нету: 7 гр. Это как?*» (К., 6 л.); Василиса читает надпись на обложке книги: «*Лучшее из классики — детям». Ну что ж, проверим*»; «*Сири, а у тебя только можно есть?*» (К., 5 л.) в значении «у тебя есть разрешенное детям». В свою очередь частотное употребление лексем, семантически связанных с объемами памяти: гигабайты, терабайты и др., — обуславливает появление в детской речи инноваций, семантически связанных с выражением значительного количества: *премиллиард* [Там же. С. 414], *огромнящий* (К., 4 г.), *многомакные блины* (В., 4 г.), *многовес* [Там же. С. 280], *гигантный* [9. С. 28].

В-третьих, тенденция к распространению представления о «клиповом сознании» детей XXI в. как отражение ускоренного темпа жизни определяет доминирующую роль видеоролика как преобладающего способа получения информации. Актуальность такого способа ярко прослеживается на примере популяризации сервиса TikTok, базирующегося на пятнадцатисекундных роликах и занимающего лидирующие позиции среди других видеохостингов. Мультимедийные средства обучения также формируют привычку просмотра *видево* (Вл., 2 г.) как наиболее современный способ получения информации.

Материалами данного исследования послужили записи детских словообразовательных инноваций А. Н. Гвоздева, С. Н. Цейтлин, В. К. Харченко, Т. А. Гридиной, а также родительские дневники (с 1983 г. по настоящее время), фиксирующие элементы речевого поведения пятерых детей в возрасте от 2 до 11 лет.

Детальный анализ данных вышеперечисленных источников позволяет констатировать превалирование лексико-семантического и морфологического, преимущественно аффиксального, способов словообразования как наиболее продуктивных для современного детского речетворчества.

Многочисленные примеры лексико-семантического способа словообразования зафиксированы во всех рассмотренных источниках: *подкашливать* в значении «кашлять медленнее, чем кто-то» [1. С. 131], *отравить* в значении «насиленно впахать траву» [Там же. С. 167], *телевизор* в значении «дисплей» («у компьютера дисплей не работает») [4. С. 186]; *оливье* в значении «салат из оливок» [Там же. С. 154], *безбрежный* в значении «неряш-

ливый, небрежный» [Там же. С. 49]; *водитель* в значении «ведет, например, экскурсию» [9. С. 23], *наличник* в значении «надевается на лицо» [Там же. С. 75], *необходимый* в значении «нельзя обойти» [Там же. С. 81]; *Забава Путятишина* — дочка Путина (В., 3 г.) *прожектор* в значении «фонарь» под глазом» (у меня под глазом прожектор; В., 5 л.), *окуроч* в значении «кожура» (*вы меня завалили окурками от фруктов*; В., 8 л.), *первобытная няня* в значении «первая» (*моя первобытная няня, которая раньше была*; В., 3 г.).

Также можно отметить и значительное количество детских инноваций, созданных путем аффиксального способа словообразования: *соник* (плохой сон) [1. С. 71], *детунчик* (ребенок, от слова «дети»), *цыпленчик* (цыпленок) [Там же. С. 72], *аэрофлотчик*, *бабушник* — «тот, кто любит бабушку» [9. С. 12], *грозливый* — прил. к «гроза» [Там же. С. 33], *наряжуха* — любительница наряжаться [Там же. С. 97]; *водителка* — женщина-водитель [4. С. 101], *мухлевалыщик* [Там же. С. 145], *убиральник* — тот, кто убирает [Там же. С. 190]; *педагогница* (В., 4 г.), *лордыня* — жен. от «лорд» (В., 7 л.), *свинятина* (К., 3 г.), *кожевые сандали* (К., 5 л.), *восковаться* в значении «набирать воск» (К., 5 л.), *цыплиная кость* в значении «кость от цыпленка» (К., 6 л.).

С. Н. Цейтлин утверждает, что «в основе формирования языковой системы ребенка лежит взаимодействие индивидуального ментального лексикона и индивидуальной ментальной грамматики» [13. С. 2]. Специфика психологического развития и формирования картины мира детей обуславливает частотность появления детских инноваций в определенных сферах. Анализ детских словообразовательных инноваций позволяет установить корреляцию данных сфер с наиболее продуктивными способами словообразования следующим образом:

1. Морфологический способ словообразования

1.1. Аффиксальный способ (наиболее частотный)

• **Именование лиц по роду деятельности:** *педагогница* (В., 4 г.), *учительники* — *есть учитель и есть учительники* (С., 4 г.), *напартник* — сосед по парте (В., 7 л.), *умерельник* — тот, кто умер (К., 4 г.; В., 9 л.), *негротянин* (В., 5 л.), *возильщик* (В., 6 л.), *новостерша* — диктор новостей, жен. р., (В., 11 л.), *колдуница* (С., 3 г.), *собираельница* (С., 5 л.), *подушница* — та, кто раскладывает подушки (С., 5 л.), *домостройщик* [9. С. 47], *ездник* —

тот, кто ездит [9. С. 51], *изворотень* [Там же. С. 56], *рисульщица* [Там же. С. 167], *смеюн* — тот, кто смеется [Там же. С. 179], *безработница* [4. С. 50], *беремуха* в значении «беременная» [Там же. С. 53], *невун* [Там же. С. 81], *распутница* — та, кто распутывает, *пазлист* — любитель пазлов [Там же. С. 157], *ползук* в значении «червяк» [14. С. 7], *лошадист* в значении «извозчик» [Там же. С. 83].

• **Именование детенышей:** *пингвиник* (В., 3 г.), *хрюшонок* (В., 2 г.), *баранёнок* (В., 5 л.), *пчелёнок* — (К., 3 г.), *фламиножек* (К., 3 г.), *птищёныш* (К., 3 г.), *птищёнок* (К., 3 г.), *крокодилёныш* (К., 3 г.), *обезьяник*, *олёнок* — детеныш оленя, *божий коровенок*, *лошаденок*, *рыбёнок* — детеныш рыбы, *филиненок*, *мухёнок* — детеныш мухи (К., 6 л.), *ишшенята* — детеныши шишки [Там же. С. 3], *огонята* от «огонь» [14. С. 3], *коровенок* [12. С. 226], *змеёнок* [Там же. С. 183], *кабанёнок* [Там же. С. 199], *снегиренок* [9. С. 180], *стеклёнок* — маленький кусок стекла [Там же. С. 186], *ведьмеженок* — детеныш ведьмы [9. С. 24], *кактусёнок*, *кактусёночек* [Там же. С. 60], *капустенок* [Там же. С. 60], *выдренята* [Там же. С. 31], *квакёныш* — детеныш лягушки [Там же. С. 52], *колесёнок* [Там же. С. 65], *конёнок* [Там же. С. 67], *носорожка* — детеныш носорога [Там же. С. 105], *овчарик* — детеныш овчарки [Там же. С. 111], *овчата* — детеныши овцы [Там же], *принцессята* — дети принца и принцессы [4. С. 166], *кошонки* — котята [Там же. С. 73], *рыбёнок* — детеныш рыбы [Там же. С. 86], *голубчик* — птенец голубя [Там же. С. 107], *гусик* — *гусенок* [Там же. С. 111], *ежонки* [Там же. С. 117], *иголята* — иголки на елке [Там же. С. 126], *курята* — цыплята [Там же. С. 136], *медвежонки* [Там же. С. 141], *облачата* Гридина [4. С. 152], *овёнок* — ягненок [Там же. С. 153], *червячонок* [Там же. С. 196].

• **Именование с уменьшительно-ласкательным значением:** *козляточка* [9. С. 64], *колесёнок* — маленькое колесо [Там же. С. 65], *гондолки* — от «гондолы» (В., 4 г.), *книгушка* (В., 5 л.), *вкуснятка* [4. С. 101], *дождешишка* [Там же. С. 114], *досочки* — трамвайные рельсы, *дудузик* — паровозик [Там же. С. 115], *звезданька* — звездочка [Там же. С. 124], *зеркалинка* — осколок зеркала [Там же. С. 125], *каплинка* — капля [Там же. С. 129], *лизунчик* — леденец на палочке [Там же. С. 138], *мышонка* — мышка, *мяжушка* — мягкая игрушка, *мяуська* — кошка [Там же. С. 146], *помидорок* — от «помидор» [4. С. 162], *понишка* — от «пони» [Там же. С. 163], *собачурка* [Там же. С. 178], *стольчик* [Там же. С. 183], *кивчик* — от «киви» [9. С. 62], *жирафеночек* [Там же. С. 54], *ногтик* — от «ноготь»

[Там же. С. 105], *окнышко* — от «окно» [Там же. С. 112], *книгушка* (В., 3 г.), *правенькая нога* (К., 3 г.), *смеленький* (К., 3 г.), *волосенок* (С., 4 г.).

1.2. Создание родовой пары к узуальному употреблению

Дворница [9. С. 43], *дженгельменка* [Там же. С. 45], *докторка*, *доктрица* [Там же. С. 46], *дружница* — жен. р. к «друг» [Там же. С. 349], *злюк* — муж. р. к «злюка» [Там же. С. 55], *жучница* — жен. р. к «жук» [Там же. С. 54], *скворица* [Там же. С. 175], *псица* жен. р. к «пес» [4. С. 167], *бегемотенок* [Там же. С. 148], *белк* Гридина [Там же. С. 51], *баранка* — жен. р. к «баран» [Там же. С. 44], *клоуниха* [Там же. С. 71], *лошатец* — конь [Там же. С. 75], *колготка* [Там же. С. 132], *ножница* [Там же. С. 151], *подруг* [Там же. С. 159], *свинец* — самец свиньи [Там же. С. 174], *снегирка* [Там же. С. 178], *снеговиха* [Там же. С. 167], *фей* [Там же. С. 192], *гусица* — гусыня (К., 4 г.), *гусеница* (В., 5 л.), *пингвиница* (В., 3 г.), *колдуница* (С., 3 г.), *совица* (В., 5 л.), *обезьян* (В., 5 л.), *педагогница* (В., 5 л.), *негритьянин* — муж. р. к «негритьянка» (В., 7 л.), *пеленочек* — муж. р. к «пеленочка» (В., 5 л.), *поросиха*, *кенгуриха*, *тигриха*, *пингвиниха* (Вл., 3 г.), *один дел*, *этот дров* (К., 3 г.), *совица* (К., 4 г.).

1.3. Создание числовой пары к узуальному употреблению

Бровья [4. С. 97], *шортик* — от «шортики» [Там же. С. 198], *бровинка* — один волос бровей [9. С. 22], *брюк*, *шортина* (В., 4 г.), *колготок* (В., 4 г.), *два труса*, *дров* — от «дрова», *остался один дел* — от «дела», *вниз тормашкой* от «вверх тормашками» (В., 3 г.), *эти зеленки* — от «зелёнка», *включи светы* в значении «свет в разных помещениях» (С., 3 г.), *сливка от молока* — от «сливки» (К., 3 г.), *два мозга* (К., 4 г.).

1.4. Образование компаративных форм

Мама красивущая (К., 4 г.), *жижее* — от жидкий, *мокрее*, *сухее* (В., 4 г.), *знакомее* (В., 5 л.), *огромнее* (К., 3 г.), *хорошее* (К., 4 г.), *последнюющий* (К., 5 л.), *грязнее*, *вонее* (К., 6 л.).

2. Лексико-семантический способ словообразования

2.1. Описание актуальных состояний, признаков: *бестапковый* (В., 8 л.), *бемозговый* (К., 4 г.), *нокать* в значении «говорить “но”» [9. С. 105], *статьить* в значении «писать статью» (В., 4 г.), *трататакать* — петть «тра-та-та» (С., 3 г.), *недавайка* (К., 3 г.), *роняйка* (В., 3 г.), *натетрадилась* в зна-

чении «закончила проверять тетради» (С., 4 г.), *обглухела* (К., 4 г.; В., 9 л.), *тихота* [9. С. 193], *гостевать* — «приехать в гости» (К., 3 г.), *перекривил* в значении «сдвинул с места» (К., 5 л.), *береза зебриного цвета* (К., 6 л.), *игластая елка, кругчатый, треугольчатый* в значении «состоящий из этих фигур» (В., 11 л.).

2.2. Номинативные ряды, созданные на основе узуального словообразования единичной лексемы: *избежный* — от «неизбежный» [9. С. 56], *малиновая ежка, банановая ежка, семечковая ежка, хлебная ежка* — по аналогии со «сладко-ежка» (В., 3 г.); *рыбятина, свинятина, скатятина* от «скат» по аналогии с «телятина» (В., 4 г.), *белток* по аналогии с «желток» [4. С. 52], *рукавина* по аналогии с «штанина» (В., 5 л.), *едина* (*едины почти не бывает*) сущ. от «наедине», *купаиньки* по аналогии с «баиньки» (К., 4 г.), *триограмм* в значении «призма» от параллелограмм (К., 6 л.), *Китаник* («назвали бы так, не утонул бы») от «Титаник» (К., 6 л.), *злорадостная опухоль* по аналогии со «злокачественная» (В., 9 л.), *швея-материстка* по аналогии со «швея-мото-ристка» — *шьет и ругается* (В., 11 л.).

2.3. Именование предмета по его назначению или местонахождению: *домовой* в значении «домашний» [9. С. 47], *покуришка* в значении «папироска» [1. С. 70], *первобытный ученый* (о Пифагоре) в значении «древний» (В., 11 л.), *отшлепка* в значении «мухобойка» (К., 3 г.), *Верхняя Америка* (К., 5 л.), *Изумрудник волшебного города* (К., 6 л.), *сказка «Сестра и мачеха»* о сказке «Госпожа Метелица» (К., 5 л.), *Белая Снежка* о сказке «Белоснежка» [4. С. 49], *звонилка* в значении «телефон», *печатка* в значении «печатная машинка», *прыгалка* в значении «скакалка», *отмерятель* в значении «линейка» (С., 4 г.), *девочная комната* в значении «комната девочек», *учная книжка* в значении «учебник» (В., 5 л.), *играйка* в значении «музыкальный инструмент», *солонка* (С., 4 г.).

2.4. Создание антонимичных пар: *сбираться* — ант. к «разбираться» [9. С. 170], *свестись* — ант. к «развестись» [Там же. С. 171], *сдомный* — ант. к «бездомный» [Там же. С. 172], *слепиться* — ант. к «прилепиться» (*пластырь уже слепился*) [Там же. С. 177], *учаливать* — ант. к «причаливать» [Там же. С. 193], *выстегнуть* — ант. к «застегнуть» [Там же. С. 35], *вытыкнуть* — ант. к «воткнуть» [Там же. С. 36], *гритенок* — ант. к «негритенок» [Там же. С. 41], *едобный* — ант. к «несъедоб-

ный» [Там же. С. 51], *множко* — ант. к «немножко» [Там же. С. 85], *притонула* и *вытонула* — ант. парал. «нырнула» и «вынырнула» [14. С. 7], *расплющился* — ант. к «сплющился» (В., 4 г.), *остаться в мертвых* — ант. к «остаться в живых» (В., 5 л.), *размерзну* — ант. к «замерзну» (В., 5 л.), *расскучилась* — ант. к «соскучилась» (В., 9 л.), *дикая вермишель* — ант. к «домашняя лапша» (К., 5 л.), *растроиться* — ант. к «построиться» (С., 4 г.).

2.5. Формирование отвлеченно-обобщенных представлений: *больнота* [9. С. 20], *жаркота* [Там же. С. 52], *тихота, нежнота* [Там же. С. 102], *толстота* [Там же. С. 193], *тяжеленность* [Там же. С. 196], *толстость* [4. С. 198], *твердота* (В., 5 л.), *смехота* (В., 6 л.), *мелкота* (В., 10 л.), *меньшота* [12. С. 273], *грязнота* [4. С. 110], *смеяние* [Там же. С. 178], *потение* (В., 3 г.).

2.6. Экспрессивная лексика: *дохлая зябля, какулист, писебас, какупис, беляш из таракана, кудрявая коза, дырявая гармошка с крокодилом* (К., 5—6 л.), *предматериинные слова* (К., 6 л.), *кидалка* (С., 3 г.), *нюфтя* (С., 5 л.), *щипучка* (С., 3 г.), *супер-девочка* [9. С. 189].

3. Лексико-синтаксический способ словообразования

3.1. Усечение: *утёк* — от «наутек» [9. С. 197] (Вл., 3 г.), *тыль* — от «тыльная сторона руки» (В., 4 г.), *заразь* — от «зараза», *болезнь, топ* — от «топать» [Там же. С. 194], *тих* — от «тишина» — *был такой тих* [Там же. С. 193], *суч* — от «сучок» [Там же. С. 189], *стриж* — от «стрижка» — *начинается самый ужасный стриж* [Там же. С. 188], *слыш* — от «слышать» — *это у меня такой слыш* [Там же. С. 178].

3.2. Сложение корней: *дроворуб* — *дровосек, многомакные блины* (В., 9 л.), *мозгопопый* (В., 10 л.), *двуногий шестиркук* — *осьминог* (В., 11 л.), *колорех* (орехокол) (Вл., 2 г.), *вислопузый* [4. С. 64].

В ходе данного исследования было отмечено употребление одинаковых словообразовательных инноваций детьми, не контактирующими друг с другом, зачастую являющимися представителями различных поколений: *кусарики* [4. С. 74] (К., 4 г.), *белток* [4. С. 52; 12. С. 31] (В., 4 г.), *негритянин* [9. С. 101] (В., 5 л.), *рыбятина* [9. С. 169] (В., 4 г.), *сгибнуть* [9. С. 172] (К., В., 3 г.), *брюк, брюка* [4. С. 97] (В., 4 г.; К., 5 л.), *захолодеть* [4. С. 124] (В., 5 л.), *кивия* [4. С. 130] (Вл., 3 г.), *пошлѐпка/отилѐпка* [4. С. 164] (К., 3 г.), *нолятый* [4. С. 105] (В., 4 г.), *обглухеть* (В., 4 г.), *оглухеть* [9. С. 112], *недавалка, незналка* (С., 4 г.),

недавйка (К., 3 г.). С. Н. Цейтлин также отмечает инвариантность некоторых речевых моделей, что позволяет исследовать их не как окказиональные, а как системные явления родного языка [13].

Таким образом, специфика формирования продуктивных моделей детских словообразовательных инноваций оказывается в значительной степени связанной с внеязыковыми

факторами: решением прагмалингвистических задач, особенностями психоэмоционального состояния, условиями окружающей действительности. Тем не менее продуктивность, воспроизводимость и актуальность употребления некоторых моделей детского речевого творчества позволяет рассматривать детские словообразовательные инновации как системные речевые явления.

Список сокращений

В. — Василиса
Вл. — Влада

К. — Кузьма
С. — Света

Список литературы

1. Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. 323 с.
2. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-Пресс; М.: Сфера, 2007. 470 с.
3. Гридина И. Н. О роли иерархических пар гипероним + гипоним в формировании родо-видовых отношений: на материале речи детей 1,5—4,5 лет // Проблемы онтолингвистики 2009: материалы междунар. конф. (17—19 июня 2009 г., С.-Петербург). СПб.: Златоуст. С. 268—275.
4. Гридина Т. А. Объяснительный словарь детских инноваций. Екатеринбург, 2012. 202 с.
5. Гридина Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 177 с.
6. Цейтлин С. Н. Детские инновации: к истории изучения // Лингвистика креатива-2: коллектив. моногр. / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 49—63.
7. Месеняшина Л. А. Инициативное письменное творчество детей и младших подростков как лингвистический источник // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 56—62.
8. Гридина Т. А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива-2: коллектив. моногр. / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 33—49.
9. Словарь детских словообразовательных инноваций / авт.-сост. С. Н. Цейтлин. 2-е изд. СПб.: Златоуст, 2006. 201 с.
10. Сохин Ф. А. Психолого-педагогические основы развития речи дошкольников. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та. Воронеж: Модекс, 2002. 224 с.
11. Ушакова О. С. Развитие речи дошкольников. М.: Изд-во ин-та психотерапии, 2001. 240 с.
12. Харченко В. К. Словарь современного детского языка. М.: Астрель, 2005. 637 с.
13. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
14. Чуковский К. И. От двух до пяти: Книга для родителей. М.: Педагогика, 1990. 384 с.

Сведения об авторе

Приходкина Светлана Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. Svetla-pr@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 88—93.*

THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF PRODUCTIVE MODELS OF CHILDREN'S WORD-FORMING INNOVATIONS

S. I. Prikhodkina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Svetla-pr@yandex.ru

The article considers the most productive word-forming ways of occurrence of lexemes, independently constructed by children. The dominant role of lexical-semantic and affixal ways of word formation in children's speech behavior is revealed. Along with the published dictionaries of children's word-forming innovations, it is proposed to study the specifics of the formation of productive models of children's speech creation on the author's materials of parent diaries. The correlation of the formation of productive models of children's word-forming innovations and extra-linguistic factors, with the solution of pragmalinguistic problems, with the peculiarities of the psychoemotional state, with the conditions of the surrounding reality is investigated.

Keywords: *ontolinguistics, word-forming innovations, productive word-forming methods, children's vocabulary.*

References

1. Gvozdev A. N. (1981) *Ot pervyh slov do pervogo klassa: Dnevnik nauchnyh nabljudenij* [From the first words to the first class: A diary of scientific observations]. Saratov. 323 p. [in Russ.].
2. Gvozdev A. N. (2007) *Voprosy izuchenija detskoj rechi* [Questions of studying children's speech]. St. Petersburg, Detstvo-Press; Moscow, Sfera. 470 p. [in Russ.].
3. Gridina I. N. (2009) *O roli ierarhicheskikh par giperonim+giponim v formirovanii rodo-vidovyh otnoshenij: na materiale rechi detej 1,5—4,5 let* [On the role of hierarchical hyperonym+hyponym pairs in the formation of genus-species relations: based on the speech of children 1.5—4.5 years old]. *Problemy ontolinguistiki* [Problems of ontolinguistics]. St. Petersburg, Zlatoust. Pp. 268—275 [in Russ.].
4. Gridina T. A. (2012) *Ob'jasnitel'nyj slovar' detskih innovacij* [Explanatory dictionary of children's innovations]. Ekaterinburg. 202 p. [in Russ.].
5. Gridina T. A. (2015) *“Svoja igra”: rebenok v mire jazyka* [“Own game”: a child in the world of language]. Ekaterinburg. 177 p. [in Russ.].
6. Cejtlin S. N. (2012) *Detskie innovacii: k istorii izuchenija* [Children's innovations: towards the history of learning]. *T. A. Gridina (ed.). Lingvistika kreativa-2*. Ekaterinburg. Pp. 49—63 [in Russ.].
8. Mesenjashina L. A. (2016) *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 56—62 [in Russ.].
7. Gridina T. A. (2012) *Logika jazykovogo paradoksa v detskoj rechi* [The logic of the language paradox in children's speech]. *Lingvistika kreativa-2*. Ekaterinburg. Pp. 33—49 [in Russ.].
9. Cejtlin S. N. (author-compiler) (2006) *Slovar' detskih slovoobrazovatel'nyh innovacij* [Dictionary of children's word-formation innovations]. St. Petersburg, Zlatoust. 201 p. [in Russ.].
10. Sohlin F. A. (2002) *Psihologo-pedagogicheskie osnovy razvitija rechi doshkol'nikov* [Psychological and pedagogical bases of speech development of preschool children]. Moscow, Voronezh. 224 p. [in Russ.].
11. Ushakova O. S. (2001) *Razvitie rechi doshkol'nikov* [Speech development of preschoolers]. Moscow, Publishing House of the Institute of Psychotherapy. 240 p. [in Russ.].
12. Harchenko V. K. (2005) *Slovar' sovremennogo detskogo jazyka* [Dictionary of modern children's language]. Moscow, Astrel. 637 p. [in Russ.].
13. Cejtlin S. N. (2009) *Oчерки po slovoobrazovaniju i formoobrazovaniju v detskoj rechi* [Essays on word formation and form formation in children's speech]. Moscow, Sign. 592 p. [in Russ.].
14. Chukovskij K. I. (1990) *Ot dvuh do pjati: Kniga dlja roditelej* [From two to five: A book for parents]. Moscow, Pedagogy. 384 p. [in Russ.].

РОЛЬ АВТОРСКОГО КОММЕНТАРИЯ, УСИЛИВАЮЩЕГО СУГГЕСТИВНО-МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЯВЛЕНИЙ В МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

О. П. Мотина, В. А. Саблукова

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Проанализированы национально-прецедентные феномены с точки зрения их суггестивно-манипулятивной направленности в текстах массовой информации. Описаны критерии идентификации прецедентных явлений, а также приведен обзор их классификаций. Определена роль авторского комментария, который может насыщать национально-детерминированные прецедентные феномены и их прототипы новыми смыслами.

Ключевые слова: национально-прецедентные феномены, суггестия, манипуляция, авторский комментарий, массмедийная коммуникация.

Несмотря на то что прецедентные явления остаются в поле зрения филологов не одно десятилетие, их суггестивно-манипулятивный аспект до сих пор не изучен. Прецедентные явления могут обнаруживать лакуны в другом лингвокультурном сообществе, в частности национально-детерминированные прецедентные феномены, поэтому СМИ часто прибегают к использованию авторского комментария, который помогает не только расшифровывать значение прецедентного явления, но также способен внушить ту или иную информацию. Все сказанное определяет актуальность данного исследования.

Научная новизна данной работы обусловлена тем, что впервые национально-культурные прецедентные явления рассматриваются с точки зрения их смысловой нагрузки, что позволяет установить суггестивно-манипулятивную составляющую их использования в дискурсе массмедиа и выявить основные механизмы их речевого воздействия.

Материалом исследования послужили публикации из качественной британской прессы *The Guardian*.

Прецедентные феномены являются объектом изучения выдающихся лингвистов на протяжении многих десятилетий (Д. В. Багаева, С. В. Банникова, Н. Д. Бурвикова, Г. Д. Гудков, И. В. Захаренко, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, Е. А. Нахимова, Г. Г. Слышкин и др.). Все они сходятся во мнении, что подобным явлениям свойственна мультифункциональность. Традиционно в отечественной лингвистике различают следующие функции прецедентных феноменов:

1) номинативная функция, которая выражается в вычленении фрагментов действительности и формировании понятий о них;

2) персуазивная функция (прецедентное явление используется для убеждения реципиента в своей точке зрения);

3) людическая функция, которая проявляется в использовании своего рода языковых игр. Использование языковой игры привлекает внимание читателя (реципиента) к форме текста и делает его менее формальным. Например, в трансформации заголовка *Cosa Putina* легко узнается прецедентное имя *Cosa Nostra*);

4) парольная функция — распознавание «своих» и «чужих», «плохих» и «хороших», когда прецедентный текст используется в качестве «пароля» для передачи определенного «кода» [11. С. 10];

5) смыслопорождающая функция, направленная на создание новых смыслов [1. С. 12].

Следует отметить, что наиболее релевантными функциями для прецедентных явлений в медиадискурсе являются смыслопорождающая, персуазивная и парольная функции.

На данный момент существует целый ряд классификаций прецедентных явлений: по объему (прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентная ситуация, прецедентный текст) [7. С. 64], по масштабности и известности прототипов (социумно-прецедентные явления, национально-культурные прецедентные явления, универсально-прецедентные явления) [Там же], по форме (вербальные и невербальные) [6. С. 87], по синтаксическому принципу

(однословные, словосочетания, предложения) [10]. Национально-прецедентные явления являются мощным инструментом смыслопорождения в медиакоммуникации. Под национально-культурными прецедентными явлениями понимают группу вербальных и вербализуемых феноменов, которые известны любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества, входят в когнитивную базу сообщества, характеризуются эталонностью, общностью знаний и представлений о них [2. С. 48]. Под средним представителем мы подразумеваем некоего обобщенного человека, обладающего достаточными знаниями для интерпретации актуализируемой прецедентной информации. Национально-культурные прецедентные явления в медиакоммуникации тесно переплетаются с категорией «чужое», преобразовываясь в прецедентные ксеноявления. Коннотации национально-культурных прецедентных феноменов насыщаются новыми контекстуальными смыслами под влиянием субъективизации, варьирующимися в достаточно широком диапазоне и усиливающими их речевое воздействие. Под субъективизацией мы понимаем направленность на выражение личностного отношения к сообщаемому [4. С. 72].

Национально-культурные прецедентные явления подвергаются смысловым трансформациям в дискурсе не только в силу субъективных причин, связанных с неполным владением автором публикации прецедентной информацией, закрепленной в культуре их порождения, а также с неточным представлением о ксеноэлементах иной культуры, но и вследствие установки на оказание целенаправленного суггестивно-манипулятивного воздействия на реципиента в целевой культуре.

С помощью авторского комментария на реципиента может быть оказано речевое воздействие. На протяжении многих десятилетий к изучению вопроса речевого воздействия обращались такие известные психологи, как А. Н. Баранов, П. Б. Паршин, И. А. Стернин, Е. Ф. Тарасов, Р. Блакар, Р. Дилтс, Ю. Хабермас и др. Под речевым воздействием понимают воздействие на аудиторию, подразумевающее достижение определенной цели, результатом которой может послужить определенная реакция или стимул, направленный на совершение какого-либо действия. Массовая коммуникация обладает целым арсеналом техник и приемов речевого воздействия на адресатов: от простого информирования до внушения, манипулирования и убеждения.

В массмедийной коммуникации, как правило, зачастую прибегают к использованию суггестии и манипуляции как к формам речевого воздействия, которое оказывается сознательно и целенаправленно. С. Г. Кара-Мурза под термином «манипуляция» подразумевает взаимодействие между адресатом и адресантом, то есть «если человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели и начинает действовать по новой программе — манипуляция состоялась» [5. С. 56]. Исследователь М. Р. Желтухина определяет суггестивность в тестах массовой информации как «процесс воздействия на психику адресата, на его чувства, волю и разум, связанный со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации» [3. С. 10]. В массовой коммуникации манипулирование сознанием достигается через форму внушения, то есть, внушая ту или иную информацию, манипулятор может изменить установки манипулируемого и совершить то или иное действие.

Авторский комментарий способен усилить воздействие на читателя, передать (навязать) определенные установки. В рамках медиатекста он может давать фактуальную информацию, выражать оценку, создавать метафорические образы. Используя национально-культурные прецедентные феномены, под которыми понимают единицы, знакомые любому представителю определенного этнолингвокультурного сообщества [8. С. 178], журналист может исказить информацию, выдавая ее за действительную, создавать ложный образ политических и иных деятелей, исказить метафорические образы, изменять смысловую нагрузку прецедентных явлений [9. С. 151]. В процессе изучения ценностно-культурных смыслов были использованы следующие процедуры:

- 1) метод смысловой интерпретации с применением лингвокультурологических приемов;
- 2) контекстуальный анализ, нацеленный на определение смысловых трансформаций прецедентных феноменов.

Рассмотрим следующие примеры:

1. Создание ложного образа политических и иных персонажей

Пример 1

“Prince Usupov is a suspect in the mysterious death of **Rasputin**, the notoriously evil Russian monk who greatly influenced the Tsarina” [URL: <https://www.theguardian.com/theguardian/2013/jan/03/>]

rasputin-killed-russia-1917-archive]. [«Князь Юсупов подозревается в загадочной смерти Распутина, печально известного злобного русского монаха, который оказал большое влияние на царицу»].

В исследуемом примере содержится прецедентное имя *Rasputin*. Комментарий в данном случае вплетен в текст, из которого мы можем узнать, что данное имя употребляется отчасти с отрицательной коннотацией (*notoriously evil*), что, несомненно, сказывается на внушаемой оценке прецедентного имени (*notorious — known for something bad*). В приведенном отрывке также используется ложная пресуппозиция *Rasputin greatly influences the Tsarina*.

2. Изменение смысловой нагрузки прецедентных явлений

Пример 2

“Neither Truscott nor Jack uses the word, but if there is such a thing as **Putinism**, it revolves around the notion of **derzhavnost**: the concept that the state has some quasi-mystical entity, to which every citizen must be bounden. This concept, says the Russian writer Sergei Kovalev, ‘corresponds to the political thinking of the former KGB agent who became head of state thanks to political intrigues involving the bloody war in Chechnya’” [URL: <https://www.theguardian.com/books/2004/mar/14/biography.politics>]. [«Ни Траскотт, ни Джек не используют это слово, но если существует такое явление, как путинизм, то оно вращается вокруг понятия державности: концепции, согласно которой у государства есть некая квазимистическая сущность, с которой должен быть связан каждый гражданин. Эта концепция, по словам российского писателя Сергея Ковалева, “соответствует политическим убеждениям бывшего агента КГБ, занявшего пост главы государства вследствие политических интриг в кровопролитной войны в Чечне”»].

В данном примере используются два прецедентных феномена: *Putinism* и *derzhavnost*. Журналист проводит аналогию между двумя явлениями, которые передают обвинительный тон. В первом случае это происходит за счет навешивания оскорбительных ярлыков (*Putinism*), а во втором — обвинительный, возможно, даже саркастический элемент содержится в лингвокультурологическом комментарии (*quasi-mystical entity*), в то время как в толковом словаре С. И. Ожегова слово державность определяется как: 1) см. «державный»; 2) утверждение роли своей страны как великой и единой державы [13]. Также в данном примере суггестив-

ный эффект прецедентного явления *derzhavnost* достигается за счет апелляции к авторитету *Sergei Kovalev*, который связывает прецедентные феномены *Putinism* и *derzhavnost* с нечестными методами (*bloody war in Chechnya*).

3. Искажение фактуальной информации

Пример 3

“**Gorbachev** allowed human rights dissident Andrei Sakharov to return to Moscow in 1986 from his forced internal exile in a move that showed the world that the regime had changed. It would be unthinkable for **Medvedev** to make such a move as long as Putin remains sitting on his shoulder as the all-powerful prime minister” [URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/aug/16/gorbachev-guardian-interview>]. [«Горбачев позволил диссиденту по правам человека Андрею Сахарову вернуться в Москву в 1986 году из вынужденной ссылки, что продемонстрировало всему миру, что режим изменился. Для Медведева было бы невысказано пойти на такой шаг, пока Путин сидит на его плече в качестве всемогущего премьер-министра»].

Приведенный фрагмент содержит три прецедентных ксеноэлемента (*Andrei Sakharov*, *Gorbachev*, *Putin*).

В российском менталитете имя А. Сахарова первоначально ассоциируется с великим физиком, создателем водородной бомбы (Сахаров Андрей Дмитриевич (1921—1989) — советский физик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы. Впоследствии — общественный деятель, диссидент и правозащитник; народный депутат СССР [12], а не с человеком, борющимся за права человека (гуманистом). Прецедентное ксеноимя Сахаров для британского лингвокультурного сообщества отождествляется с гуманистом и диссидентом и имеет эмоционально-оценочный компонент, сигнализирующий неодобрение политикой властей по отношению к ученому, связанное с неоправданной ссылкой А. Сахарова (*forced internal exile*). Автор данного отрывка выставляет Д. А. Медведева не как президента, способного принимать решения, а как человека, подчиняющегося воле премьер-министра В. В. Путина (2008—2012) (*sitting on his shoulder as the all-powerful prime minister, unthinkable for Medvedev to make such a move*), тем самым искажая действительную информацию и дискредитируя Д. А. Медведева. Аналогичный эмоционально-оценочный компонент прослеживается и в следующем источнике:

Пример 4

“Putin ‘returned’ as president in 2012. Medvedev went back to his former role as obedient prime minister... The anecdote was cruel, but it illustrated a truth understood by ordinary Russians and the Kremlin elite on Wednesday: that during a long and largely undistinguished political career, Medvedev never managed to escape from Putin’s shadow. Another confidential US dispatch describes him as playing ‘**Robin** to Putin’s **Batman**’. That, too, was accurate” [URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jan/15/dmitry-medvedev-the-rise-and-fall-of-the-robin-to-putins-batman>]. [«Путин “вернулся” на пост президента в 2012 году. Медведев вернулся к своей прежней роли послушного премьер-министра... Этот анекдот был жестоким, но он проиллюстрировал истину, которую в среду поняли простые россияне и кремлевская элита: за долгую и во многом ничем не примечательную политическую карьеру Медведеву так и не удалось вырваться из тени Путина. Другая конфиденциальная депеша из США описывает его как играющего роль “Робина в Бэтмена Путина”. Это тоже было правильно»].

В данной статье журналист намеренно наводит читателей на мысль о том, что бывший премьер-министр Д. Медведев якобы никогда не управлял страной и всегда оставался в тени

президента В. Путина (obedient prime minister, never managed to escape from Putin’s shadow, largely undistinguished political career). В приведенном фрагменте также используются два прецедентных имени — Robin и Batman, которые относятся к англо-американской лингвокультуре. Автор сравнивает Д. Медведева с персонажем американских комиксов Robin (Робин (англ. Robin) — супергерой, напарник Бэтмена, вместе с ним борющийся с преступностью в Готэм Сити), а В. Путина с персонажем Batman (Robin to Putin’s Batman) [URL: <https://batman.fandom.com/ru/wiki/Робин>].

Таким образом, сопоставляя ценностно-культурные смыслы, которыми наделены прецедентные явления в культуре их порождения (для этой цели мы использовали информацию, отраженную в лингвокультурологических словарях русского языка), и коннотации, актуализируемые в авторском комментарии, можно выявить смысловые преобразования, которым подверглись прецедентные феномены. Рассматривая прецедентные явления с позиции категории «чужого» в разных ипостасях, было выявлено, что прецедентные феномены выполняют роль единиц смыслопорождения, подчиненного авторской установке на оказание суггестивно-манипулятивного воздействия.

Список литературы

1. Аникина Э. М. Лингвокультурная специфика реализации интертекстуальности в дискурсе СМИ (на материале англо-американской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 22 с.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
3. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 47 с.
4. Иванова С. В., Сподарец О. О. Реализация стратегии субъективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 3 (33). С. 71—75.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 216 с.
7. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 62—75.
8. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
9. Саблукова В. А. Суггестивно-манипулятивное использование национально-культурных прецедентных феноменов при описании явлений ксенокультуры (на материале англоязычных статей о России): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, БашГУ, 2016. 198 с.
10. Сереброва С. Б. Стилистические особенности использования ПФ в заголовках региональной прессы Донбасса. URL: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/8_93921.doc.htm (дата обращения 08.04.2020).
11. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Akademia, 2000. 353 с.

12. Словарь персоналий. URL: <https://trojden.com/books/russian-history/russian-history-10-class-part-3-gorinov-2016/17> (дата обращения 09.06.2020).

13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.com/words/6923.shtml> (дата обращения 05.06.2020).

Сведения об авторах

Мотина Ольга Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, Уфа, Россия. lelikka@mail.ru

Саблукова Валентина Алексеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, Уфа, Россия. mis-valya@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 94—99.*

THE ROLE OF THE AUTHOR'S COMMENTARY ENHANCING THE SUGGESTIVE-MANIPULATIVE POTENTIAL OF NATIONAL-CULTURAL PRECEDENT PHENOMENA IN MEDIA COMMUNICATION

O. P. Motina

Bashkir State University, Ufa, Russia. lelikka@mail.ru

V. A. Sablukova

Bashkir State University, Ufa, Russia. mis-valya@yandex.ru

The article investigates the tendency of the author's commentary to enhance the impact on the reader. With the help of the commentary a speech effect can be exerted on the recipient. Mass media communication uses suggestion and manipulation as forms of speech impact to impose certain attitudes. The author's commentary of precedent phenomena in English-language media communication does not always convey precise semantic associations when describing Russian events and personalities. Precedent phenomena can reveal gaps in another linguocultural community, in particular, nationally determined precedent phenomena, therefore a linguocultural commentary that helps to decipher the meaning of the precedent phenomenon is included in the texts of mass media. A few examples how the author's commentary can impose a particular attitude are also illustrated in the article.

Keywords: *national precedent phenomena, suggestion, manipulation, author's commentary, mass media communication.*

References

1. Anikina E. M. (2004) *Lingvokul'turnaya specifik realizacii intertekstual'nosti v diskurse SMI (na materiale anglo-amerikanskoj pressy)* [Linguistic and cultural specifics of intertextuality implementation in the media discourse (based on the material of the Anglo-American press). Abstract of thesis]. Ufa. 22 p. [in Russ.].
2. Gudkov D. B. (2003) *Teoriya i praktika mezhkulturnoi kommunikacii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow, Gnosis. 288 p. [in Russ.].
3. Zheltuhina M. R. (2004) *Specifika rechevogo vozdejstviya tropov v yazyke SMI* [Specifics of speech impact of tropes in the language of mass media. Abstract of thesis]. Moscow. 47 p. [in Russ.].
4. Ivanova S. V., Spodarec O. O. (2010) *Politicheskaya lingvistika*, iss. 3 (33), pp. 71—75 [in Russ.].
5. Kara-Murza S. G. (2005) *Manipulyaciya soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow, Eksmo. 832 p. [in Russ.].
6. Karaulov Yu. N. (1987) *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow, Nauka. 216 p. [in Russ.].

7. Krasnyh V. V., Gudkov D. B., Zaharenko I. V., Bagaeva D. V. (1997) *Vestnik Moskovskogo universiteta*, no. 3. Series 9, pp. 62—75 [in Russ.].
8. Krasnyh V. V. (2003) “Svoj” среди “chuzhih”: mif ili real’nost’? [Domestic among foreigners: myth or reality?]. Moscow, Gnosis. 375 p. [in Russ.].
9. Sablukova V. A. (2016) Suggestivno-manipulyativnoe ispol’zovanie nacional’no-kul’turnyh precedentnyh fenomenov pri opisanii yavlenij ksenokul’tury (na materiale angloyazychnyh statej o Rossii) [Suggestive-manipulative use of national-cultural precedent phenomena in the description of xenoculture phenomena. Thesis]. Ufa, BSU Publ. 198 p. [in Russ.].
10. Serebrova S. B. Stilisticheskie osobennosti ispol’zovaniya PF v zagolovkah regional’noj pressy Donbassa [Stylistic features of the use of PF in the headlines of the regional press of Donbass]. Available at: http://www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Philologia/8_93921.doc.htm, accessed 08.04.2020 [in Ukrainian].
11. Slyshkin G. G. (2000) Ot teksta k simvolu: lingvokul’turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskuse [From text to symbol: linguistic and cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow, Academy Publ. 353 p. [in Russ.].
12. Slovar’ personalij [Dictionary of personalities]. Available at: URL: <https://trojden.com/books/russian-history/russian-history-10-class-part-3-gorinov-2016/17>, accessed 09.06.2020 [in Russ.].
13. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar’ russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: URL: <http://www.ozhegov.com/words/6923.shtml>, accessed 05.06.2020 [in Russ.].

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЕННО-ХИМИЧЕСКИХ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ

В. С. Позвонкова

*Институт филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия;
ФГБУ «33ЦНИИИ» Минобороны России, Вольск-18, Россия*

Проводится структурно-семантический анализ многокомпонентных терминов военно-химической терминологии. В результате анализа выведены закономерности появления многокомпонентных терминов и определены локации уточняюще-определяющих лексем в их составе. В ходе анализа выявлены: исходные терминологические единицы, используемые для последующего усложнения терминологического комплекса; процентное соотношение содержания лексем в терминологических словосочетаниях анализируемой тематической группы.

Ключевые слова: *структурно-семантический анализ, военно-химическая терминология, многокомпонентный термин.*

Первое применение оружия массового поражения (ОМП) относится к началу XX в., когда немецкие войска применили отравляющий газ близ бельгийского города Ипр. С этого момента разработка средств защиты от ОМП находится в процессе непрерывного развития и совершенствования. В настоящее время наряду с защитой от лазерного и гиперзвукового оружия разработка средств защиты от ОМП играет важную роль в военной сфере. Поступающие на вооружение новые образцы защиты обуславливают появление новых понятий и терминов, что расширяет границы военно-химической терминологии (ВХТ). В связи с этим ВХТ представляет большой интерес для исследования. Не все новые, возникающие понятия зафиксированы в словарях, и это дает право утверждать, что терминологический массив изучен не в полной мере. Последние десятилетия наблюдается тенденция структурного усложнения специальных научных терминологических единиц с одновременным вытеснением одноклассовых терминов. Лингвисты-терминологи отмечают насыщенность современных научно-технических текстов многокомпонентными терминами (МКТ) [4; 9]; исключением не является и ВХТ. В связи с этим актуальным представляется проведение структурно-семантического анализа ВХТ, в частности ее наиболее обширной тематической группы «Средства индивидуальной и коллективной защиты».

Новизна исследования заключается в том, что ранее ВХТ и ее составляющие тематические группы не подвергались лингвистическому анализу. Цель настоящего исследования — проведение структурно-семантического анализа тематической группы ВХТ «Средства индивидуальной и коллективной защиты». Объектом исследования являются общедоступные русскоязычные МКТ. Под термином «многокомпонентный термин» мы понимаем терминологический комплекс, представленный сочетанием нескольких знаменательных слов, внутри которого присутствуют семантические и синтаксические связи [4; 5; 9; 10]. Материалом для исследования послужили 200 специальных терминов, отобранных методом сплошной выборки из научно-технической литературы.

Тематическая группа ВХТ «Средства индивидуальной и коллективной защиты» наиболее ранняя по времени формирования, вследствие чего включает наибольшее количество понятий и обозначающих их терминологических единиц. В группе насчитывается свыше 250 терминов. Часть из них образована на местах пересечения ВХТ с терминологиями других научно-технических областей. Для нашего исследования интерес представляют профильные единицы анализируемой тематической группы:

Радиационная, химическая, биологическая защита
 Противохимическая защита
 Средство защиты
 Средство защиты комплексное
 Средство индивидуальной защиты
 Средство индивидуальной защиты органов дыхания
 Средство индивидуальной защиты органов дыхания фильтрующего типа
 Средство индивидуальной защиты органов дыхания изолирующего типа
 Средство индивидуальной защиты кожи
 Средство индивидуальной защиты кожи фильтрующего типа
 Средство индивидуальной защиты кожи изолирующего типа
 Средство индивидуальной защиты органов дыхания комбинированного типа
 Средство индивидуальной защиты глаз
 Средство защиты ног
 Средства защиты рук
 Защитные перчатки
 Защитные чулки
 Защитная одежда
 Защитный комплект
 Общебойковой защитный комплект
 Комплект средств индивидуальной защиты
 Радиационная, химическая, биологическая защитная одежда
 Легкая защитная одежда
 Одноразовая легкая защитная одежда
 Защитная одежда многократного применения
 Противохимический костюм
 Газонепроницаемый защитный костюм
 Костюм защитный пленочный
 Костюм защитный с вентилируемым пространством
 Комплект защитной фильтрующей одежды
 Боевая экипировка
 Индивидуальная экипировка
 Базовый индивидуальный комплект экипировки
 Специальный индивидуальный комплект экипировки
 Групповой комплект боевой экипировки
 Система индивидуальной защиты боевой экипировки военнослужащего
 Система принудительной подачи воздуха
 Дыхательный аппарат
 Изолирующий дыхательный аппарат
 Изолирующе-фильтрующий дыхательный аппарат
 Фильтровентиляционная установка
 Фильтровентиляционная установка контейнерная
 Фильтровентиляционная установка коллекторная

Фильтровентиляционная установка стационарная
 Фильтровентиляционная установка для танка
 Фильтровентиляционная установка автомобильная

Корпус терминов тематической группы ВХТ «Средства индивидуальной и коллективной защиты» включает в себя двух-, трех-, четырех-, пяти-, шести-, семикомпонентные термины. В результате анализа выявлен ряд наиболее продуктивных моделей образования нескольких словосочетаний, структуру которых можно представить следующим образом:

— двухкомпонентные: $A + N$ — вентиляционный клапан, боевая экипировка; $N + N$ — система защиты, клапан вдоха;

— трехкомпонентные: $N + A + N$ — средства индивидуальной защиты; $A + A + N$ — газонепроницаемый защитный костюм; $N + N + N$ — система изоляции и транспортировки;

— четырехкомпонентные: $A + A + N + N$ — специальный индивидуальный комплект экипировки; $A + N + A + N$ — групповой комплект боевой экипировки;

— пятикомпонентные: $N + A + N + N + N$ — средства индивидуальной защиты органов дыхания;

— шестикомпонентные: $N + A + N + A + N$ — средство коллективной защиты для подвижных объектов; $N + A + N + N + A + N$ — средство индивидуальной защиты кожи фильтрующего типа;

— семикомпонентные: $N + A + N + N + N + A + N$ — средство индивидуальной защиты органов дыхания комбинированного типа.

Все вышепредставленные МКТ появились в процессе сращивания нескольких самостоятельных двухкомпонентных терминологических комплексов в единую структуру; внесения уточняющих одиночных элементов в функционирующее двухкомпонентное терминологическое словосочетание.

Терминологический массив представлен в большинстве своем многокомпонентными терминологическими единицами, построенными на основе двухкомпонентных терминологических словосочетаний с атрибутивными (противогазовая маска, воздушный фильтр, защитные перчатки, индивидуальная экипировка, защитный клапан, респираторная маска, защитный комплект, переговорное устройство, защитное действие) либо объективными синтаксическими отношениями (средства защиты, клапан вдоха/выдоха, подача воздуха, сопротивление воздуха, сопротивление

дыханию). Атрибутивный компонент чаще выражен именем прилагательным, а определяемый объект — существительным. В объектных отношениях фиксируются словосочетания высокой степени семантической слитности имен существительных.

Насыщенность состава терминологических комплексов именами существительными и прилагательными обуславливает наличие определенных синтаксических связей между компонентами словосочетания. Так, чаще фиксируется согласование: *защитное убежище, общевоисковой противогаз, индивидуальная экипировка, приточный вентилятор, воздушный фильтр* — и именное управление: *средство защиты, комплект экипировки*.

Рассматривая вопрос понятийной соотносительности в многокомпонентных терминах, целесообразно полагать, что образование термина-словосочетания не происходит путем механического сочетания значений его элементов, как и каждое научно-техническое понятие нельзя рассматривать как механическое сочетание двух или нескольких научно-технических понятий [6]. В процессе научно-технического прогресса и в результате разработки новых средств защиты с последующим их внедрением в стационарные и подвижные объекты границы терминологической группы расширяются путем включения терминологических единиц неродственных научно-технических областей для обозначения вновь появившегося понятия:

Система защиты органов дыхания для экипажей истребителей

Система защиты органов дыхания для экипажей вертолетов

Система защиты органов дыхания для экипажей бронетанковой техники

Средство коллективной защиты для подвижных объектов

Средство коллективной защиты для стационарных объектов

Средство коллективной защиты для боевой машины

Фильтровентиляционная установка для танка

Фильтровентиляционное устройство для бункеров

Сгенерированные МКТ включают две составляющие: стержневой (ядерный) терминологический комплекс и дополняющий однолексемный или несколькословный термин, указывающий на возможность использования средства защиты в конкретных целях. Ядерная терминологическая еди-

ница находится в препозиции, второстепенная — в постпозиции, трансформируясь не в полном объеме, в котором она функционирует в иной научно-технической области, а в качестве определяюще-уточняющего компонента. Выражение отношения ядерной части к определяющей происходит посредством родительного падежа с употреблением предлога «для». Формирование терминов такого структурного представления и содержания в анализируемой группе выражается общей схемой: (понятие ВХТ) *для* (понятие научно-технической области «Вооружение и военная техника»).

В конструкции терминологических словосочетаний из трех и более компонентов могут присутствовать несколько уточняюще-определяющих элементов, которые по отношению к определяемому равнозначны или разностатусны — сущностны или второстепенны.

Наличие в структуре МКТ сущностных и второстепенных признаков:

Детский фильтрующий противогаз

Общевоисковой фильтрующий противогаз

Летный фильтрующий противогаз

Быстровозводимое медицинское убежище

Легкая одноразовая защитная одежда

Сущностный признак является основным уточняющим компонентом, локация которого строго зафиксирована в МКТ — непосредственно перед определяемым: *детский фильтрующий противогаз, быстровозводимое медицинское убежище, легкая защитная одежда*.

Рассмотрим несколько примеров:

- *Быстровозводимое медицинское убежище*. Компонент, расположенный в препозиции, является второстепенным признаком; компонент, стоящий непосредственно перед определяемым объектом, — сущностным, что возможно представить в виде схемы: *быстровозводимое* → (*медицинское убежище*). В анализируемом терминологическом словосочетании «*медицинское убежище*» функционирует семантически неразделимой терминологической единицей.

- В следующем термине — *общевоисковой фильтрующий противогаз* — сущностный признак располагается непосредственно перед определяемым объектом и выражает его основное отличие от других средств защиты (изолирующих, комбинированных). Лексема «*общевоисковой*» определяет круг лиц, использующих рассматриваемое защитное средство, но не вносит существенных коррективов в принцип и этапы его разработки и последующего использования. При опущении

данного уточнения произойдет несущественный семантический сдвиг терминологической единицы в пределах анализируемой группы, но смысловая корневая составляющая останется прежней.

• Рассмотрим другой пример, терминологический комплекс «*легкая одноразовая защитная одежда*». Поскольку первоочередная задача одежды/формы — защита, определяем ядерное словосочетание «*защитная одежда*»; лексемы, стоящие в препозиции, являются второстепенными и одноуровневыми по отношению друг к другу: *легкая + одноразовая* → (*защитная одежда*). Примечательно, что в терминологических справочниках второстепенные признаки зачастую располагаются в постпозиции: *защитная одежда легкая одноразовая; фильтр-поглотитель танковый; фильтровентиляционная установка стационарная*.

На этапе формирования МКТ в его конструкции могут присутствовать два и более (реже) существенных одноуровневых уточняющих компонента, имеющих равнозначное отношение к определяемому объекту: (*фильтрующая + поглощающая*) → *коробка*. В процессе функционирования структура такого типа МКТ минимизируется в лексемном отношении с параллельным сохранением исходного объема понятия: (*фильтрующая + поглощающая*) → *коробка* → *фильтрующе-поглощающая коробка*; (*фильтрующая + вентиляционная*) → *установка* → *фильтровентиляционная установка*.

Минимизация уточняюще-определяющих компонентов осуществляется двумя способами, первый из которых — полуслитное (дефисное) написание признаков объекта. Дефис является дополнительным средством выражения опосредованной связи между компонентами сочетания, образующим единую смыслоразличительную группу в структуре термина [3. С. 36]. Второй — слияние компонентов, характеризующих определяемое, в многокорневое слово.

Проводить дифференциацию существенных и второстепенных признаков в составе терминологического словосочетания необходимо для определения путей дальнейшего терминообразования. Существенный (основной) признак всегда располагается в препозиции (перед определяемым объектом). В роли исходной единицы рассматривается терминологическое словосочетание, в структуре которого содержатся основной признак и определяемый объект: *фильтровентиляционная установка* → *коллекторная фильтровентиляционная установка*; *дыхательный аппарат* → *портатив-*

ный дыхательный аппарат, изолирующий дыхательный аппарат; фильтрующий противогаз → *летный фильтрующий противогаз, общевойсковой фильтрующий противогаз*.

Значительный терминологический пласт анализируемой группы занимают аббревиационные модели. Терминологическая аббревиация как процесс имеет выраженную прогрессирующую тенденцию и развивается очень активно [8. С. 34]. Это связано со статусом терминологических аббревиатур, выражающих в краткой, сжатой, кодифицированной форме актуальные научные понятия [1. С. 157].

В ВХТ в процессе функционирования в устной и письменной речи сложноорганизованные МКТ также трансформируются в аббревиатуры: *БИКБЭ* — *базовый индивидуальный комплект экипировки*, *СпИК* — *специальный индивидуальный комплект экипировки*, *СИЗ-БЭВ* — *система индивидуальной защиты боевой экипировки военнослужащего*, *СКЗ* — *средство коллективной защиты*.

В аббревиационные сокращения чаще переходят МКТ, состоящие из трех и более знаменательных слов; из трех: *СИТ* — *система искусственной терморегуляции*, *СИТ* — *система изоляции и транспортировки*, *СКЗ* — *средство коллективной защиты*, *ФВУ* — *фильтровентиляционная установка*, *СОВ* — *средство очистки воздуха*, *ФПК* — *фильтрующе-поглощающая коробка*; из четырех: *КЗВП* — *костюм защитный с вентилируемым пространством*, *КСИЗ* — *комплект средств индивидуальной защиты*, *УОПВ* — *узел очистки и подачи воздуха*; из пяти: *СИЗОД* — *средство индивидуальной защиты органов дыхания*.

Образование аббревиатур на основе МКТ, включающих шесть и более лексем, в пределах группы не обнаружено. В военной сфере находит применение принцип коммуникативной экономии — достижение конечной цели с минимальной затратой усилий [2], что может непосредственно сказаться на выполнении письменных предписаний, приказов, команд и полностью изменить ход военных действий. В этом случае наиболее целесообразно употреблять короткие буквенные сокращения — чаще акронимы, реже — инициализмы, структура которых представлена наличием не более пяти звуков в составе. Нарушение требования количества звуков в составе аббревиатуры затрудняет ее воспроизведение. Терминологические словосочетания из шести и более компонентов не сокращаются, а служат основой для создания краткой емкой терминологической единицы. В ВХТ также встречаются акронимы на основе двухкомпонентных

терминословосочетаний: *СЗ* — средство защиты, *ТХ* — токсичный химикат, *ЯО* — ядерное оружие, *ХО* — химическое оружие.

Терминологические единицы анализируемой группы обладают высокой частотностью. Мы рассмотрели на предмет частотности основообразующие ядерные термины и их производные МКТ в сети Интернет с использованием поисковой системы Bing (см. таблицу).

Распространенность основообразующих ядерных терминов и их производных МКТ в сети Интернет (с использованием поисковой системы Bing)

Термин	Частота употребления (сайты)
1. Средства защиты	2 730 000
Средства индивидуальной защиты	3 090 000
Средства коллективной защиты	4 420 000
2. Средства индивидуальной защиты органов дыхания	687 000
Средства индивидуальной защиты органов дыхания фильтрующего типа	1 480 000
Средства индивидуальной защиты органов дыхания изолирующего типа	1 470 000
3. Защитная одежда	312 000
Легкая защитная одежда	963 000
Защитная одежда многократного применения	623 000
Одноразовая легкая защитная одежда	1 180 000

Из данных, приведенных в таблице, очевидно, что упоминания о производных МКТ встречаются чаще, в то время как частотность обозначенных нами основообразующих терминологических словосочетаний на порядок ниже. Данное наблюдение дает нам право предположить, что МКТ, промаркированные уточняющими элементами, среди специалистов востребованы больше.

Таким образом, в результате анализа терминологической тематической группы «Средства индивидуальной и коллективной защиты» выявлено следующее.

На современном этапе в рассматриваемой терминологической ветви появляются МКТ, со-

стоящие из трех и более компонентов. Включение новых лексем происходит для обозначения видовых отличий. Как следствие, в ряде случаев в содержании термина отражено уже не одно, а несколько специальных понятий.

Двухкомпонентные терминословосочетания являются исходной единицей для создания МКТ, что объясняется их способностью к передаче основного объема содержания понятия. Тенденция разрастания терминословосочетаний обусловлена стремлением к точности понятия. Увеличение количества компонентов в терминологическом словосочетании ведет к сокращению их общего количества в тексте [7. С. 59].

В рассматриваемой группе ВХТ прослеживаются две противоположные тенденции в образовании МКТ: процесс последовательного усложнения терминологического словосочетания, заключающийся в спецификации новых возникающих понятий; постепенное усечение или сворачивание номинации путем замены существующих терминологических отростков наиболее содержательной лексемой или союзом лексем.

С точки зрения частеречной принадлежности компонентов в структуре МКТ присутствуют имена существительные и прилагательные, вступающие в атрибутивные и объектные отношения. Употребление падежных конструкций с предлогами происходит редко — для выражения принадлежности или цели использования определяемого объекта. В исследуемой терминологической ветви наблюдается тенденция нанизывания падежа — расположение цепочкой с последовательным подчинением нескольких аналогичных падежных форм. Наличие в группе МКТ с именами прилагательными и существительными объясняет синтаксическую связь между компонентами МКТ — согласование и именное управление.

Многокомпонентные термины по количеству знаменательных слов в конструкции распределяются следующим образом: из двух — 30%, из трех — 26%, из четырех — 18%, из пяти — 17%, из шести — 5%, из семи — 4%. Анализируемая группа отличается большим количественным показателем инициальных аббревиатур и акронимов. Усечение МКТ из пяти и более компонентов до аббревиационных моделей фиксируется редко, что объясняется последующей сложностью их передачи в процессе устной коммуникации.

Список литературы

1. Буянова Л. Ю. Термин как единица логоса: монография. Краснодар, 2002. 185 с.
2. Головач О. А. Принцип экономии в лингвистике // Вектор науки ТГУ. 2011. № 3 (17). С. 137—139.
3. Дегтяренко К. А. Структурно-семантические особенности и способы перевода терминологической лексики военного дискурса (на материале англоязычных периодических изданий) // Научный диалог. 2017. № 5. С. 33—43.
4. Егоршина Н. В. Несколькословные термины в военном подъязыке (ономасиологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 23 с.
5. Комиссарова О. В., Липина Я. Е. Особенности перевода многокомпонентных терминов в сфере автомобилестроения (на материале английского и русского языков) // Молодой ученый. 2018. № 18. С. 467—470.
6. Коршунов С. И., Самбурава Г. Г. Построение научно-технических терминов // Краткие формы научно-технических терминов / Д. С. Лотте. М.: Наука, 1971. С. 3—8.
7. Кудинова Т. А. К вопросу о природе многокомпонентного термина (на примере английского подъязыка биотехнологий) // Вестник Пермского университета. 2011. № 2. С. 58—62.
8. Миронова М. Н. Аббревиация как способ терминообразования (на материале английского и русского языков) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2008. № 5. С. 34—37.
9. Терещенко В. В. Лексико-грамматические особенности образования многокомпонентных военных и военно-технических терминов в арабском языке: в сопоставлении с русским языком: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 22 с.
10. Шевчук В. Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 20 с.

Сведения об авторе

Позвонкова Валентина Сергеевна — соискатель кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского; младший научный сотрудник ФГБУ «33 Центральный научно-исследовательский испытательный институт» Министерства обороны Российской Федерации, Вольск-18, Россия. pozvonkova90@inbox.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 4 (450). Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 100—106.

STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF MILITARY-CHEMICAL MULTICOMPONENTIAL TERMS

V. S. Pozvonkova

*The Institute of Philology and Journalism of the Saratov National Research State University
named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia
FSBI “33rd Central Research Test Institute” of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Volsk-18, Russia, pozvonkova90@inbox.ru*

There is a structural and semantic analysis of multicomponent terms of military-chemical terminology of the thematic group “Individual and collective protection equipment” in the article. The origin of multicomponent terms and the location of components in a terminological phrase had been deduced by the author. As a result of the analysis, the locations of defining lexemes in multicomponent terms had been determined. The syntactic relations, that exist between lexemes in a terminological phrase, had been defined by the author. Based on the results of the analysis, the following had been identified: the initial terminological units used for further complication of the terminological complex; the percentage of the content of lexemes in the terminological phrases of the analyzed thematic group.

Keywords: *structural-semantic analysis, military-chemical terminology, multicomponent term.*

References

1. Buyanova L. Yu. (2002) *Termin kak edinita logosa* [Term as a unit of logos]. Krasnodar. 185 p. [in Russ.].
2. Golovach O. A. (2011) *Vektor nauki TGU*, no. 3 (17), pp. 137—139 [in Russ.].
3. Degtyarenko K. A. (2017) *Nauchnyj dialog*, no. 5, pp. 33—43 [in Russ.].
4. Egorshina N. V. (1995) *Neskol'koslovnye terminy v voennom pod'yazyke (onomasiologicheskij aspekt)* [Several-word terms in the military sublanguage (onomasiological aspect). Abstract of thesis]. Moscow [in Russ.].
5. Komissarova O. V., Lipina Ya. E. (2018) *Molodoj uchenyj*, no. 18, pp. 467—470 [in Russ.].
6. Korshunov S. I., Samburova G. G. (1971) *Postroenie nauchno-tehnicheskikh terminov* [The design of scientific and technical terms]. Lotte D. S. *Kratkie formy nauchno-tehnicheskikh terminov* [The short forms of scientific and technical terms]. Moscow, Nauka Publ. Pp. 3—8 [in Russ.].
7. Kudinova T. A. (2011) *Vestnik Permskogo Universiteta*, no. 2, pp. 58—62 [in Russ.].
8. Mironova M. N. (2008) *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5, pp. 34—37 [in Russ.].
9. Tereshhenko V. V. (2001) *Leksiko-grammaticheskie osobennosti obrazovaniya mnogokomponentnykh voennykh i voenno-tehnicheskikh terminov v arabskom yazyke: v sopostavlenii s russkim yazykom* [Lexical and grammatical features of the formation of multicomponent military and military-technical terms in Arabic: in comparison with the Russian language. Abstract of thesis]. Moscow [in Russ.].
10. Shevchuk V. N. (1985) *Voенно-terminologicheskaya sistema v statike i dinamike* [Military terminology system in statics and dynamics. Abstract of thesis]. Moscow [in Russ.].

АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ ПЕРЕДАЧИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В НЕМЕЦКО-УЗБЕКСКИХ СЛОВАРЯХ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИХ УЛУЧШЕНИЮ

З. И. Санакулов

Национальный университет Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

Представлены результаты анализа отражения производных слов в немецко-узбекских словарях. Цели исследования: анализ действующих принципов введения производных слов в словари; изучение в существующих немецко-узбекских словарях способов отражения композита и деривата, определение частичных недостатков и выявление их причины. Также представлены «образцовые статьи», составленные в процессе исследования с учетом лексических пробелов, на основе научных выводов ведущих лексикографов и лексикографических принципов.

Ключевые слова: словарь, словообразование, производное слово (комполит, дериват), лексикографический принцип, лемма, словарная статья.

Введение

В обучении иностранным языкам неоспорима роль лексикографических источников. В них наряду со словарным богатством того или иного языка отражаются и его языковые особенности. В частности, в этих работах в распоряжение пользователей передаются грамматические, морфологические, лексические, морфемные, словообразовательные данные. История узбекской лексикографии свидетельствует о том, что такие произведения, как «Девону луғатит турк» (1073—1074 гг.), «Муқаддмат-ул адаб» (1137 г.), «Китоб ул-идрок ли лисанул атрак» (учебное пособие по грамматике языка мамлюкских кыпчаков, 1312 г.), «Аттухфатуз закияту фил луғатит туркия» (XIII в.), были написаны на арабском языке и в традициях арабского языкознания, тем не менее в них нашли свое отражение древнетюркский язык и лексика древнетюркского языка. Лексикографические произведения, созданные за последнее столетие при участии узбекского языка, вывели наш родной язык на новый этап развития. Ускоренное создание безупречных двуязычных учебных словарей на основе лексикографических принципов продиктовано возрастающим в наше время вниманием к поддержке культурных, экономических, социальных и политических связей с разными странами, а также особым вниманием, которое уделяется обучению иностранным языкам. По этой причине разработка теоретических предпосылок, которые могут стать основой для создания такой литературы, стала приоритетной задачей лингвистики, в частности лексикографии.

Основная часть

Создание словаря требует не только кропотливой работы, но и знаний, опыта и навыков, связанных с этой сферой деятельности. Плодом подобной кропотливой работы является лексикографический источник в виде книги.

Ein abgeschlossener lexikographischer Prozeß... ist die Menge derjenigen prozeßzugehörigen Tätigkeiten, welche ausgeführt wurden, damit ein bestimmtes Wörterbuch entsteht... er ist kalkulierbar, zerlegbar, kontrollierbar, reglementierbar, lehrbar und prüfbar [7. S. 134]. (Завершенный лексикографический процесс... это совокупность действий/усилий, связанных с деятельностью, осуществляемой для создания издаваемого словаря... Его можно будет рассчитать, разделить на части, проконтролировать, строго определить (регламентировать), изучить и проверить.) (*пер. З. С.*)

Процесс создания словаря включает в себя следующие общепринятые этапы:

- 1) проектирование и концептуализация словаря;
- 2) создание основы и построение необходимой инфраструктуры (рабочая группа, техническая поддержка, предварительные ресурсы);
- 3) леммаселекция и лексикографическая визуализация;
- 4) обработка результатов работы;
- 5) публикация «товарного бренда» или нескольких экземпляров товара;
- 6) дальнейшее развитие и отшлифовка лексических субстанций [7].

Среди вышеперечисленных этапов важную роль играет процесс леммаселекции. В немецкой

лексикографии под леммаселекцией понимается идентификация и выбор языковых единиц, которые, как ожидается, будут предметом лексического образа. К числу языковых единиц, которые воспринимаются как леммы, следует отнести и языковые единицы, которые не могут быть леммами, в частности словосочетания и устойчивые сочетания. Этот процесс может длиться довольно долго.

Общеизвестно, что леммаселекция должна охватывать Grundwortschatz (основной словарный состав), то есть «основные, первичные единицы» словарного запаса. Существуют также некоторые спорные единицы, которые называются единицами спорного круга (Randbereiche) и которые требуют особого внимания:

- переход научных терминов к общим лексическим единицам;
- единицы, принадлежащие методическим лексическим пластам;
- периодически ограниченные единицы (неологизмы, архаизмы и др.);
- регионально (территориально) ограниченные слова;
- имена собственные;
- сокращенные слова: вызывают трудности, которые возникают при выборе из ряда бесчисленных сокращений. При этом удобны корпуса;
- аффиксы: спорные единицы, стоящие ниже уровня слова, — считаются средством создания продуктивного слова.

В спорные единицы в первую очередь входят префиксы и суффиксы (ab-, miß-, -bar, -heit и др.). Если первая группа словообразовательных единиц входит в ряд лемм, где ограничений на выбор лемм больше, чем в одноязычных толковых словарях, то, по крайней мере в учебных словарях, они не включаются в словарь из-за экономии места, что создает легкость для понимания пользователем/читателем остальных производных (сложных) слов [12. S. 248].

Поэтому лексикографы подчеркивают, что включение словообразовательных единиц в учебные словари играет важную роль. В этой связи весьма актуальны выводы, высказанные русским лексикографом В. Д. Девкиным (2005): «Поскольку словарь содержит слова во всей их полноте и сложности, такая важная часть лексической структуры, как словообразование, играет в нем очень существенную роль» [4. С. 61].

Немецкие лексикографы С. Энгельберг и Л. Лемницер (2009) отмечают, что словообразование может быть дано в словарях. Это связь между словарными статьями и словарной грамматикой, то есть

для взаимодействия важно, чтобы не только слова, но и словообразовательные средства могли быть включены в словари: в грамматическом разделе словаря общее словообразовательное законодательство, в том числе в немецком языке, кроме приставочных глаголов, правая часть сложного слова (второй компонент) определяет грамматические категории слова: деривационный аффикс всегда соединяется со словообразовательной основой, не путать композит и словосочетание и т. д. Как пишут авторы, в качестве словообразовательных средств, которые могут быть включены в словари, можно указать следующие:

- префиксы и суффиксы, в особенности такие продуктивные аффиксы, как un-, -chen, -heit, -in;
- аффиксоиды, которые нельзя употреблять отдельно в значении композиции [7. S. 2];
- соединительные средства наподобие -s- или -er-, употребляемые при образовании сложных слов.

Следовательно, единицы словообразовательной единицы композита и дериваты, а также аффиксы включены в словарь как отдельная лемма. Исходя из вышеназванных фактов мы обратили наше внимание на переводные словари, созданные для немецкого и узбекского языков, а также проанализировали, на каких лексических принципах словообразования, точнее композиции, деривации и аффиксов, они основаны. Количество словарей, созданных местными лексикографами (германистами) для немецкого и узбекского языков, было довольно большим, поэтому в ходе исследования невозможно было затронуть каждую из этих работ, и в процессе анализа необходимо было охватить только немецко-узбекские переводные словари. Поэтому нижеперечисленные словари были определены в качестве наиболее значимых в следующей последовательности:

1. Юсуф Исмоилов, Шавкат Каримов. Немецко-узбекский, узбекско-немецкий словарь. Изд. 3-е, доп. и испр. Ташкент: Академиздание, 2020.

В ходе анализа данный словарь упоминается как «Исмоилов/Каримов (2020)». Он включает около 50 000 слов и фраз. Но в процессе анализа нами будет учитываться только немецко-узбекская часть словаря. Поэтому считается, что размер словаря составляет почти 25 000 лемм. Если кратко остановиться на истории словаря, то тот факт, что этот словарь был издан в 2019 г. во втором издании тиражом 3000 экземпляров, не позднее чем через год в третьем издании тиражом еще 3000 экземпляров, свидетельствует о его ценности и востребованности. Кроме того, этот словарь был издан тиражом 6000 экземпляров в течение двух

лет, что подтверждает большую потребность в нем и то, что он является «бестселлером». Не будет преувеличением сказать, что именно этот словарь как номер один будет считаться достойным анализа. Действительно, ни один другой немецко-узбекский словарь в последующие годы не издавался в таком количестве.

2. Абдужаббор Эшкобилович Бойматов, Урал Ахмедович Иномов, Гулжахон Журабековна Умрзакова, Розигул Мирзабековна Каршиева, Абдулазиз Абдужабборович Бойматов. Немецко-узбекский словарь. Ташкент: Китоб, 2016.

Данный словарь в процессе анализа будет упоминаться как «Бойматов и др. (2016)». Он включает около 30 000 слов и фраз. Это самый большой по объему среди анализируемых словарей.

3. Якуб Рахмоннович Беньяминов, Сано Саидов. Немецко-узбекский учебный словарь. Ташкент: Ўқитувчи, 1991.

Данный словарь в процессе анализа будет упоминаться как Беньяминов/Саидов (1991). Он содержит около 16 000 слов и фраз, из которых более 60 % связаны с жизнью и деятельностью школ и университетов, чтением и обучением, общественными организациями в них и т. д. Он был издан тиражом 14 000 экземпляров и находится в распоряжении учащихся на многих библиотечных полках нашей республики.

Анализ

В соответствии с выводами А. Клоза, «ein Wörterbuch... das sich besonders als Lernerwörterbuch versteht... auch die sprachlichen Einheiten als Stichwörter aufnehmen [sollte], die in so hohem Maße am Ausbau des Wortschatzes beteiligt sind wie die verschiedenen Wortbildungselemente» [10. P. 210], то есть в первую очередь в словари, считающиеся учебными, в большом количестве должны вноситься языковые единицы, например, словообразовательные элементы основы слова/леммы, участвующие в построении словарного состава. Как пишет автор, вместе с передачей лемм в качестве словообразовательных элементов также стало теперь традицией отражение в словарях других их возможностей. Например, состав и производные, образованные из леммы в словарной статье, должны быть интегрированы в эту лемму. Для тех, кто изучает тот же немецкий язык как иностранный, подробная информация, данная производным словам, образованным из основы леммы, обогащает его смысл, выделяет его, кроме того, показывает, что данные производные слова пригодны для употреб-

ления и входят в «состав фундаментального словаря». Наряду с этим они позволяют сознательно (с пониманием) изучать смысл определенных производных слов и, таким образом, в качестве альтернативы, являются помощниками и поддержкой в изучении языка. Исходя из этих научных выводов, мы рассмотрели «вопрос об интегрировании композитов и дериватов в словарной статье, образованных из определенной леммы, в эту лемму» на примере анализируемых словарей.

Исмоилов/Каримов (2020): на букву L включены 624 леммы, из которых 214, то есть 34 %, — лексем, составленные композиционным методом, из чего видно, что каждая третья лемма образует композит. Интересно то, что, хотя эти 214 единиц лемм являются однокоренными словами, образованными из нескольких десятков основ (слов), каждая из них дана как отдельная лемма. К числу этих однокоренных слов можно отнести еще много дериватов, то есть лексем, составленных из одной и той же основы (слова) с помощью определенных аффиксов: labberig, labial, Laborant, lächerlich, Ladefähigkeit, Lader, Ladung, Lagerung... lustig, Lustigkeit (154).

Если к сумме этих композиций добавить количество лексем, образованных с помощью аффиксов — 154 единицы (25 %) лексем, то увидим, что почти 60 % общей лексики словарной статьи составляют слова, производные по композиции и деривации. Эти дериваты, так же как и композиты, вводятся в качестве отдельной леммы.

Обратим внимание на подобное состояние в другом словаре (Бойматов и др., 2016): labend, Laboratorium, labil, lächerlich, lachhaft, Landung, lakonisch... luxuriöz, lyrisch (173). Здесь из 617 лемм, начинающихся с буквы L, 227 (36 %) лемм образованы композиционным способом, 173 (28 %) — аффиксационным. Таким образом, в этом словаре количество композитов и дериватов составляет почти 65 %, и каждое из всех производных слов дается как отдельная лемма.

В очередном анализируемом словаре — Беньяминов/Саидов (1991) — мы видим, что в части предисловия представлены композиты и дериваты, которые были образованы от заголовочного слова с помощью словообразовательных элементов. Количество представленных лексем на букву L — около 60. Обратим внимание на микроструктуру этих единиц. В разделе «Структура словаря и порядок его использования» в п. 4 указано, что «в иллюстративных материалах внутри словарной статьи знак ~ (тильда) заменяется заголовочным

словом», что актуально для всех случаев. Но это стало причиной некоторой путаницы (о которой мы поговорим позже). Другой информации об образовании производных слов от заголовочного слова не встречается. Как мы упомянули ранее, среди анализируемых словарей только у Беньяминова/Саидова (1991) в статью леммы включены также производные слова. Например, в статью леммы **Lohn** включены производные слова, образованные с ее помощью, и соблюдены принципы отображения производных слов в словарях указанных выше лексикографов (табл. 1).

Таблица 1

Представление лемм **Lohn** *m* в словаре «Беньяминов/Саидов (1991)»

Lohn <i>m</i>	ойлик, маош
~ tag <i>m</i>	ойлик (маош) бериладиган кун
~ zettel <i>m</i>	хисоб дафтарчаси
~ erhöhung <i>f</i>	иш ҳақини ошириш
~ forderung <i>f</i>	иш ҳақини оширишни талаб қилиш
~ frage <i>f</i>	иш ҳақи масаласи
~ herabsetzung <i>f</i>	иш ҳақининг камайиши
~ zuschlag <i>m</i>	иш ҳақиға қўшимча

Однако по некоторым неизвестным причинам в этом процессе допущен ряд пробелов:

1. Поскольку двуязычные словари формируются преимущественно в алфавитном порядке, в статью леммы вводятся лексемы, являющиеся первым компонентом образованного от нее производного слова, причем лемма часто заменяется знаком ~ (тильда) (подобная ситуация прослеживается и в данном словаре). Однако мы можем быть свидетелями того, что в «Беньяминов/Саидов (1991)» внесены сложные слова, являющиеся вторым компонентом производной леммы. Это явилось причиной нарушения «алфавитного порядка» (табл. 2).

Таблица 2

Представление лемм **Lager** *n*, **Laterne** *f*, **Läufer** *m*, **Literatur** *f* в «Беньяминов/Саидов (1991)»

1	Lager <i>n</i>	лагерь; омбор
	Das Pionier ~	пионерлар лагери
2	Laterne <i>f</i>	фонус, фонарь
	Hand ~ <i>f</i>	қўл фонуси
3	Läufer <i>m</i>	чопқир, чопагон одам, югурувчи ярим химоячи (<i>футболда</i>)
	Schach ~	фил (<i>шахмат ўйинида</i>)
4	Literatur <i>f</i>	... адабиёт
	die Sowjet ~	совет адабиёти

Существуют два пути устранения недостатков, указанных в табл. 2: представление слова **Lager** в статье леммы **Pionier**, слова **Laterne** в статье

леммы **Hand**, слова **Läufer** в статье леммы **Schach**, слова **Literatur** в статье леммы **Sowjet** или, как это передается в немецких одноязычных словарях, представление с помощью специального знака, то есть после знака || -К.: Например:

Lager <i>n</i>	лагерь; омбор
-К: Pionierlager <i>n</i>	пионерлар лагери
Laterne <i>f</i>	фонус, фонарь
-К: Handlaterne <i>f</i>	қўл фонари ва шу к.
ПС*: Lager <i>n</i> , Laterne <i>f</i> — образцовые статьи лемм	

*ПС = проектная статья.

2. Орфография немецкого языка своеобразна, все существительные всегда пишутся с прописной буквы. Это тоже должно найти свое отражение в словарях. При создании имени существительного из слов других частей речи необходимо, чтобы в словарях лемма писалась с большой буквы, или, наоборот, при составлении лексем других частей речи из имен существительных они должны писаться с маленькой буквы. Для этого, как правило, вместо леммозамещающего знака ~ (тильда) используется ~ (крайстильда). В «Беньяминов/Саидов (1991)» допущена грубая орфографическая ошибка по причине того, что пренебрегли также и этим положением. В частности, существительные, образованные от первого компонента лемм **luft/leer**, должны были быть написаны с большой буквы и обязательно должны были быть выражены посредством знака ~ вместо ~ (табл. 3).

Таблица 3

Представление леммы **luft/leer** *adj.* в Беньяминов/Саидов (1991)

luft/leer <i>adj.</i>	хавосиз
~ er Raum	хавосиз бўшлиқ
~ loch <i>n</i>	хонанинг хавосини тортадиган тешик, мўри, туйнук
~ post <i>f</i>	авиа почта
~ raum <i>m</i>	фазо, бўшлиқ
~ schiff <i>n</i>	дирижабль
~ streitkräfte <i>f</i>	харбий ҳаво кучлари

Из структуры этой статьи понятно, что композиты **luftpost**, **luftraum**, **luftschiff**, **luftstreitkräfte**, образованные от слова **luft**, написаны способом, противоречащим орфографическим правилам, то есть со строчных (маленьких) букв. Если бы вместо знака ~ (тильда) был использован знак ~ (крайстильда), этих недостатков можно было бы избежать. Выражение данной леммы следующим образом соответствует принципам лексикографии:

luft leer <i>adj</i> хавосиз; ~ er Raum хавосиз бўшлик; ~ loch <i>n</i> хонанинг хавосини тортадиган тешик, мўри, туйнук; ~ post <i>f</i> авиа почта; ~ raum <i>m</i> фазо, бўшлик; ~ schiff <i>n</i> дирижабль; ~ streitkräfte <i>f</i> ҳарбий ҳаво кучлари
ПС*-2: образцовая статья леммы luft leer <i>adj</i> .

*ПС = проектная статья.

3. Как указано выше, знак ~ (тильда) используется вместо заголовочного слова с целью экономии места. Если лемма является производным словом, то знак ~ ставится после заменяемой части, чтобы обозначить, какую часть леммы необходимо заменить. Обычно для этого применяется знак «|». Эту функцию в «Беньяминов/Саидов (1991)» выполняет знак «/». Например, в нижеследующей статье знак ~ ставится вместо леммы **Lohn** (см. табл. 1). Но ошибки, допущенные в данном словаре и в этом отношении, также приводят к неверному приобретению знаний пользователями-читателями и, как следствие, становятся причиной их неграмотности. В качестве примера см. табл. 4.

Таблица 4

Представление леммы Lampenlicht *n*
в «Беньяминов/Саидов (1991)»

Lampenlicht <i>n</i>	чироқ нури
~ schirm <i>m</i>	абажур, лампа қалпоғи

В этой лемме знак «/» должен быть расположен после **Lampen** (в форме **Lampen/licht**), потому что знак ~ заменяет целую лемму, и образуется производное слово **Lampenlichtschirm**. Подобной лексемы нет. Существует слово **Lampenschirm** (табл. 5).

Таблица 5

Представление леммы Laufbahn *f*
в «Беньяминов/Саидов (1991)»

Laufbahn <i>f sport.</i>	пойга йўли, чопиш йўли
~ band <i>n tech.</i>	кочвейер

В вышеупомянутой статье также знак «/» следовало поставить после слова **Lauf** (в форме **Lauf/bahn**).

Таблица 6

Представление леммы Lehfach *n*
в «Беньяминов/Саидов (1991)»

Lehfach <i>n</i>	фан
ein interessantes ~	кизик (фан)
~ gang	ўқув жараёни, ўқитиш жараёни

В вышеупомянутой статье также знак «/» следовало поставить после слова **Lehr** (в форме **Lehr/fach**). Каждый знак / информация, включенная в микроструктуру словарной статьи, имеет важное значение. Игнорирование вышеуказанного становится причиной последующих грубых ошибок.

4. Как мы уже упоминали, одна из важнейших целей, которая ожидается от введения производных слов (компонитов и дериватов), образованных от заголовочной статьи, — это достижение «экономии места». В отличие от других немецко-узбекских словарей, в «Беньяминов/Саидов (1991)» в статье заголовочного слова допускались определенные недостатки в охвате всех подчиненных лексем, то есть некоторые производные слова игнорировались и включались в качестве отдельной леммы (примеры — в табл. 7).

Таблица 7

Представление леммы Landesaufnahme *f*
в «Беньяминов/Саидов (1991)»

Landes/aufnahme <i>f</i>	топография
~ fahne	давлат байроғи
Landeskunde <i>f</i>	география, ўлкашунослик, мамлакатшунослик
Landesgebiet <i>n</i>	давлат (мамлакат) территорияси
Landestracht <i>f</i>	миллий кийим
Landes/verrat <i>m</i>	давлатга хиёнат
~ verteidigung <i>f</i>	давлат мудофааси

Из вышеуказанного примера (в табл. 7) видно, что в статью леммы **Landes/aufnahme** отдельно внесено ~**fahne**, а в лемме **Landes/verrat** — ~**verteidigung**, однако по неизвестной причине и с непонятной целью образованные от той же леммы слова **Landeskunde**, **Landesgebiet**, **Landestracht** представлены как отдельные леммы. Целесообразнее было бы, если бы они были даны в следующей форме (см. ПС-3):

Landes/aufnahme <i>f, -; -n</i> ; топография; ~ fahne <i>f</i> давлат байроғи; ~ gebiet <i>n</i> давлат (мамлакат) территорияси; ~ kunde <i>f</i> география, ўлкашунослик, мамлакатшунослик; ~ tracht <i>f</i> миллий кийим; ~ verrat <i>m</i> давлатга хиёнат; ~ verteidigung <i>f</i> давлат мудофааси.
ПС*-3: образцовая статья леммы Landes/aufnahme

*ПС = проектная статья.

Подобных недостатков можно встретить немало (примеры — в табл. 8 и 9).

Таблица 8

Представление леммы Last
в «Беньяминов/Саидов (1991)»

Last <i>f</i>	юк
eine schwere ~	оғир юк
die ~ heben	юкни кўтармоқ
Lastauto <i>n</i>	юк машинаси, юк ташийдиган автомобиль
Last/kahn <i>m</i>	баржа (юк кемаси)
~ kraftwagen <i>m</i>	юк машинаси
~ schiff <i>n</i>	юк кемаси

Опираясь на научные выводы лексикографов, было бы целесообразно выразить их следующим образом:

Last *f*, -; -*en*; юк; **eine schwere** ~ оғир юк; **die** ~ **heben** юкни кўратмок; **~auto** *n* юк машинаси, юк ташийдиган

автомобиль; **~kahn** *m* баржа (ю кемаси); **~kraftwagen** *m* юк машинаси; **~schiff** *n* юк кемаси

ПС-4: проектная статья леммы **Last** *f*.

Таблица 9

Представление лемм **Lehrer, Lehr|fach**
в «Беньяминов/Саидов (1991)»

Lehrer <i>m</i>	ўқитувчи
ein erfahrener ~	тажрибали ўқитувчи
ein gebildeter ~	маълумотли ўқитувчи
Er ist ~ an unserer Schule.	У бизнинг мактабимиз ўқитувчиси
~ für Englisch (Mathematik).	инглиз тили (математика) ўқитувчиси
Dieser ~ unterrichtet uns in Russisch.	Бу ўқитувчи бизларга рус тилидан дарс беради
Lehrerin <i>f</i>	ўқитувчи аёл, муаллима
Lehrerschaft <i>f</i>	ўқитувчилар коллективи
Lehrfach <i>n</i>	фан
ein interessantes ~	қизиқ фан
~gang	ўқув жараёни, ўқитиш жараёни
den ~durchführen	ўқитиш жараёнини бошқармок
den ~ organisieren	ўқитиш жараёнини ташкил этмок
Lehrgeld <i>n</i>	ўқиш учун пул
Lehrling <i>m</i>	шогирд, издош
Lehrmittel <i>n</i>	ўқув куроли
ein ~ anwenden	ўқув куролини ишлатмок
ein ~ausnutzen	қув куролидан фойдаланмок
lehrreich <i>adj</i>	ибратли, сабоқ бўладиган
eine ~e Begebenheit	сабоқ бўладиган воқеа
ein ~ es Buch	ибратли китоб
Lehrplan <i>m</i>	ўқув плани
Lehr/saal <i>m</i>	удитория, ўқув хонаси
~satz <i>m</i>	асосий қоида, асосий фикр
~stoff <i>m</i>	ўқув материали

Однокорневые лексемы, представленные в табл. 9, можно было бы дать следующим образом:

Lehrer *m*, -*s*; -; ўқитувчи; **ein erfahrener** ~ тажрибали ўқитувчи; **ein gebildeter** ~ маълумотли ўқитувчи; **Er ist ~ an unserer Schule** У бизнинг матабимиз ўқитувчиси; **~ für Englisch (Mathematik)** инглиз тили (математика) ўқитувчиси; **Dieser ~ unterrichtet uns in Russisch** Бу ўқитувчи бизларга рус тилидан дарс беради; **~in** *f* ўқитувчи аёл, муаллима; **~schaft** *f* ўқитувчилар коллективи;

Lehr|fach *n*, -(*e*); *Fächer*; фан; **ein interessantes** ~ қизиқ фан; **~gang** *m* ўқув жараёни, ўқитиш жараёни; **den ~durchführen** ўқитиш жараёнини бошқармок; **den ~ organisieren** ўқув жараёнини ташкил этмок; **~geld** *n* ўқиш учун пул; **~ling** *m* шогирд, издош; **~mittel** *n* ўқув куроли: **ein ~ anwenden** ўқув куролини ишлатмок; **ein ~ ausnutzen** ўқув куролидан фойдаланмок; **~reich** *adj* ибратли, сабоқ бўладиган; **eine ~e Begebenheit** сабоқ бўладиган воқеа: **ein ~es Buch** ибратли китоб

ПС-5: образцовые статьи лемм **Lehrer, Lehr|fach**.

В результате анализа вышеназванных словарей выявлен недостаток в соблюдении одного из основных принципов печатного словаря — «максимум информация на минимуме места» [12. Р. 4].

Заключение

В словари наряду с лексикой конкретного языка на основе определенных принципов вводятся его языковые образования, в том числе производные и составные слова. Аффиксы также вводятся как отдельная лемма или как отдельная статья заголовочного слова. В результате пользователь легко может понять производные (сложные) слова, которые не включены в печатные словари из-за «экономии места». А для тех, кто изучает немецкий язык как иностранный, подробная информация, данная производным словам, образованным из основы леммы, обогащает их значение, выделяет его. Кроме того, она указывает на то, что данные производные слова

пригодны для употребления и входят в «состав фундаментального словаря». Наряду с этим они позволяют формулировать производные слова, сознательно изучать и, таким образом, являются подспорьем и способствуют изучению языка.

В проанализированном словаре «Исмоилов/Каримов (2020)» из общего числа лемм, приведенных на букву L и вошедших в отдельную лемму, количество производных лексем (624) составляет почти 60 %. Такая же ситуация наблюдается в «Бойматов и др. (2016)». Отрадно, что в букве L в «Беньяминов/Саидов (1991)» количество производных слов, входящих в заголовочную словарную статью, приближается к 60 единицам. Но по неизвестным причинам в этом процессе был допущен ряд недостатков. Например:

а) (по мнению автора, неверно) особое выражение леммы как явления второго компонента композитов;

б) игнорирование лексикографами правил написания производных слов, включенных в статью;

с) неверное толкование сложных слов, приведенных в виде леммы;

д) внесение не всех лексем, принадлежащих заголовочной статье.

«Примерные статьи» лемм, приведенные нами в данном исследовании, были созданы на основе соблюдения лексикографических принципов словообразования. Рекомендуются использовать «примерные статьи» в будущей лексикологической практике.

Таким образом, исследование показывает, что в немецко-узбекских словарях имеются недостатки, а именно в представлении сложных и производных слов. Выводы, сделанные в нашем исследовании, могут быть полезными в устранении этих недостатков.

Список литературы

1. Беньяминов Я. Р., Саидов С. С. Ўзбекча-немисча ўқув луғати. Ташкент: Ўқитувчи, 1992. 396 с.
2. Берков В. П. Двухязычная лексикография. Минск: Транзиткнига, 2004. 711 с.
3. Бойматов А., Иномов У., Умрзакова Г., Қаршиева Р. Немисча-ўзбекча луғат. Ташкент: Китоб, 2016. С. 232—253.
4. Девкин В. Д. Немецкая лексикография: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2005. 669 с.
5. Исмоилов Ю., Каримов Ш. Немисча-ўзбекча, ўзбекча-немисча луғат. 3-нашр. Ташкент: Академнашр, 2020. 734 с.
6. Санакулов З. И. Немис ва ўзбек тилларида сўз яшаш бирликларининг лингвистик таснифи: чоғиштирма аспекти // ЎЗМУ хабарлари. Мирзо Улугбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети илмий журнали. 2020. № 1/4. С. 181—186.
7. Engilberg S., Lemnetzer L. Lexikographie und Wörterbuchbenutzung. Tübingen: Stauffenburg, 2009. 134 S.
8. Gauws R. H. Compounds in Dictionaries. New York: EURALEX, 1988.
9. Großes Wörterbuch Englisch: Englisch-Deutsch, Deutsch-Englisch. München: Axel Juncker Verlag GmbH, 2001. 620 P.
10. Klosa A. Zur Optimierung von Wortbildungsangaben in DaF-Wörterbüchern auf der Basis systematischer Korpusuntersuchungen // Deutsch als Fremdsprache 45.4. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts. 2008. Vol. 4. P. 208—215.
11. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Neubearbeitung / Hg. von D. Götz, G. Haensch, H. Wellmann. Berlin: Langenscheidt, 2008. 1308 P.
12. Mugdan J. Grammatik im Wörterbuch: Wortbildung // Sn L. Germanistische Linguistik. Deutschland, 1984. P. 237—308.

Сведения об авторе

Санакулов Зайниддин Ибодуллаевич — базовый докторант Национального университета Узбекистана, Ташкент, Узбекистан. sainiddinBek@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 4 (450). Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 107—114.

ANALYSIS OF THE PRINCIPLES OF ENTERING OF DERIVATIVE WORDS IN GERMAN-UZBEK DICTIONARIES AND RECOMMENDATIONS FOR THEIR IMPROVEMENT

Z. I. Sanakulov

National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan. sainiddinbek@mail.ru

This article is devoted to the analysis of the representation of derivative words in German-Uzbek dictionaries. The main goals expected from the research: to analyze the current principles for the introduction of derivative words into dictionaries; to study the ways of representation of complex (composite) and derivatives (derivative) words in the existing “German-Uzbek dictionaries”, as well as to determine the partial deficiencies in this process and identify their causes. In order to eliminate the identified shortcomings and fill (at least partially) the existing lexical gaps, “sample articles” were compiled based on scientific conclusions of leading lexicographers and lexicographic principles. It is recommended to use them in German-Uzbek dictionaries that will be created in the future.

Keywords: *dictionary, word formation, derivative word (composite, derivative), lexicographic principle, lemma, dictionary entry.*

References

1. Ben'jaminov J. R., Saidov S. S. (1992) *Nemischa-uzbekcha uquv lugati* [German-Uzbek educational dictionary]. Tashkent, Teacher Publ. 396 p. [in Uzbek].
2. Berkov V. P. (2004) *Dvujazychnaja leksikografija* [Bilingual lexicography]. Minsk, Tranzitkniga Publ. 711 p. [in Russ.].
3. Bojmatov A., Inomov U., Umrzakova G., Qarshieva R. (2016) *Nemischa-uzbekcha lugat* [German-Uzbek dictionary]. Tashkent, Book Publ. Pp. 232—253 [in Uzbek].
4. Devkin V. D. (2004) *Nemeckaja leksikografija* [German lexicography]. Moscow, High School Publ. 669 p. [in Russ.].
5. Ismoilov Ju., Karimov Sh. (2020) *Nemischa-uzbekcha, uzbekcha-nemischa lugat* [German-Uzbek, Uzbek-German dictionary]. Tashkent, Teacher Publ. 734 p. [in Uzbek].
6. Sanakulov Z. I. (2020) *UzMU xabarlari*, no 1/4, pp. 181—186 [in Uzbek].
7. Engilberg S., Lemnetzer L. (2009) *Lexikographie und Wörterbuchbenutzung*. [Lexicography and dictionary use]. Tübingen, Stauffenburg Publ. 134 p. [in German].
8. Gauws R. H. (1988) *Compounds in Dictionaries*. New York, EURALEX Publ.
9. (2001) *Großes Wörterbuch Englisch: Englisch-Deutsch, Deutsch-Englisch* [Large English dictionary: English-German, German-English]. Munich, Axel Juncker Publ. 620 p. [in German].
10. Klosa A. (2008) *German as a foreign language 45.4. Journal of Theory and Practice of German Teaching*, no. 4, pp. 208—215 [in German].
11. Götz D., Haensch G., Wellmann H. (eds.) (2008) *Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Neubearbeitung* [Langenscheidt large dictionary of German as a foreign language. Revision]. Berlin, Langenscheidt. 1308 p. [in German].
12. Mugdan J. (1984) *Grammatik im Wörterbuch: Wortbildung* [Grammar in the dictionary: Word-formation]. Sn L. German Linguistics, Germany. Pp. 237—308 [in German].

ЛИНГВОДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИГРОВОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1970-Х ГГ.

Ал. А. Селютин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена медиалингвистическому анализу отечественной игровой журналистики советской эпохи. В качестве материала исследования послужили статьи о видеоиграх в журналах «Наука и жизнь» и «Знание-сила» середины 1970-х гг. прошлого столетия. Автор работы отмечает наличие ряда общих характерных лингвистических и экстралингвистических признаков, а также подчеркивает важность политико-идеологической и культурно-просветительской установок того времени для изучения анализируемых медиатекстов.

Ключевые слова: *медиадискурс, игровая журналистика, медиалингвистический анализ, стиль, СССР, видеоигра.*

Введение

В сложившейся на текущий момент научной парадигме знаний подвергается изучению в основном современное состояние отечественной игровой журналистики и ее функционирование в Интернете (например, труды Р. П. Баканова [1], Е. О. Кудряшовой [6], В. И. Тармаевой [10], А. В. Федорова [11]). Однако следует отметить, что опыт отечественной игровой журналистики гораздо шире и берет свое начало в середине 1970-х гг. с момента отдельных публикаций, посвященных компьютерным играм, в журналах общего профиля («Радио», «Знание-сила», «Микропроцессорные средства и системы», «Техника — молодежи», «Наука и жизнь» и др.). При этом социальные, экономические, политические, культурные и иные факторы советской эпохи оказали свое влияние не только на содержание статей, но и на лингвистические и экстралингвистические особенности их написания.

Цель и задачи

Перед современным исследователем журналистского дискурса стоит очень непростая, но интересная задача: на примере популярных журналов СССР 1975—1991 гг., посвященных проблемам науки и техники, необходимо исследовать лингвистический аспект отечественной игровой журналистики того времени, обращая особое внимание на различные уровни существования языка и дискурса: морфологический, лексический, синтаксический. Особенно важным нам видятся образы автора и читателя, структурно-семантическое устройство статей, стилистическая принадлежность и жанровое разнообразие. Помимо этого, требуется

осознание причин использования конкретных языковых средств с учетом существовавших в то время социально-политических факторов.

Теоретико-методологический обзор

Несмотря на то что медиалингвистика как раздел общей теории языка существует в отечественной науке более 15 лет, являясь своего рода правопреемницей тематических исследований языка СМИ, дискурс отечественной игровой журналистики остается за рамками систематических изысканий, что обуславливает *актуальность* изучения данной области. При этом западные изыскания значительно опережают труды отечественных ученых: помимо научных журналов, посвященных теме видеоигр (Game Studies), — например, американское издание *Journal of Games Criticism*, публикующее научные статьи и обзоры по видеоиграм и околоигровой тематике, — издается существенное количество научных трудов (в форме книг, монографий и пр.), как исследующих современное состояние видеоигр и игровой журналистики (включая медиадискурс), так и рассматривающих их исторические аспекты (например, аналитические работы D. Amrich [13], K. Gillen [14], D. Tennant [16]).

Отдельные статьи посвящены научным обзорам истории компьютерных игр в России (например, историческая хронология А. В. Федорова, которая практически не затрагивает советский период существования видеоигр, упоминая лишь «Тетрис» [11]), ряд исследований сосредоточены на развитии игровой журналистики в России (например, работа А. А. Ивановой, охватывающая период 1990-х гг. [4]), наблюдаются труды, рассуждающие

о тенденциях и перспективах современного и потенциального функционирования игровой журналистики (например, статья Е. О. Кудряшовой [6]). Широко и подробно тема видеоигр и игровой журналистики освещается в трудах психологов, социологов и культурологов, которые одними из первых обратили внимание на видеоигры как на объект исследования (например, труды Д. В. Галкина [2], О. Е. Гришина [3], О. А. Насыровой, О. А. Петровой [9]).

Наряду с этим возрастает роль лингвистических исследований, посвященных языку видеоигр (например, труды П. Е. Кондрашова [5], А. А. Лузакова и Н. В. Омельченко [8], П. В. Часовского [12]), а также заметны попытки собственно медиалингвистических исследований игровой журналистики (в частности, статья Т. П. Курановой [7]).

Однако существующие на данный момент векторы изучения игровой журналистики, а самое главное — языка игровой журналистики, лишены системности и унифицированности, позволяющих комплексно рассмотреть объект и предмет исследования на междисциплинарном уровне. Медиалингвистическое исследование игровой журналистики как раз и обладает необходимым междисциплинарным характером, который позволяет проанализировать дискурс игровых СМИ с учетом как внутрилингвистических, так и внешнелингвистических факторов.

Следует обратить внимание на то, что проблема языка игровых СМИ лишь косвенно затрагивается в уже опубликованных трудах и абсолютно не освещен советский период функционирования отечественной игровой журналистики, хотя мы полагаем, что ряд лингвистических традиций (и не только) написания игровых журналистских текстов в отечественных массмедиа были заложены именно в этот период.

Материал исследования

В нашем исследовании мы сосредоточились на изучении первых попыток описания компьютерных игр в научных журналах середины 1970-х гг. В качестве примера рассмотрим две статьи: «Четыре победы Каиссы» гроссмейстера Ю. Авербаха в журнале «Знание-сила» № 1 от 1975 г. (одна из самых первых статей, описывающих игровой функционал компьютера), посвященную первому международному чемпионату по шахматам среди электронно-вычислительных машин (ЭВМ), и «Два-ноль в пользу телевизора» специального корреспондента Р. А. Свореня в журнале «Наука и жизнь» № 4 от 1978 г., повествующую о первых отечественных игровых приставках.

Методы исследования

В связи с тем что любое медиалингвистическое исследование является междисциплинарным, наша работа оперирует комплексными методами, направленными на всестороннее изучение медиатекста. Для выявления и анализа отдельных элементов текста на всех уровнях языковой организации в рамках единого текстуального комплекса нами применяется структурно-семантический метод. Дискурсивный анализ поможет рассмотреть взаимосвязь между лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Метод критической лингвистики необходим, поскольку мы рассматриваем анализируемые медиатексты на фоне политико-идеологической установки периода СССР. Наконец, комплексное изучение всех составляющих медиатекста требует использования медиалингвистического анализа.

Лингводискурсивный анализ статьи Ю. Авербаха «Четыре победы Каиссы»¹

Автор статьи, международный гроссмейстер Юрий Авербах, не является профессиональным журналистом. Однако его компетентность как мастера слова не вызывает сомнений, поскольку он воспитывался в семье преподавателя русского языка и литературы, много читал в детстве (как зарубежную литературу, так и отечественную), в молодости переводил с английского языка научную литературу по газодинамике. Колоссальное влияние на молодого Авербаха оказал российский и советский профессор лингвистики М. Н. Петерсон. Таким образом, мы наблюдаем, что вся жизнь титулованного гроссмейстера была пропитана языком и литературой, что привило ему необходимые для писательской деятельности навыки без получения классического филологического образования. Совершенно не случайно Юрий Авербах является автором около 30 книг, некоторые из них написаны на иностранных языках, а также ряда публикаций в научно-популярных журналах (например, «Наука и жизнь»).

При написании статьи «Четыре победы Каиссы» перед автором стояла сложная задача, заключающаяся в поливалентности описания. С одной стороны, от него требовался спортивный (шахматный) аналитический комментарий международного соревнования по шахматам между ЭВМ различных стран. С другой стороны, статья должна быть научно-популярной, отражающей последние тенденции мирового научно-технического прогресса. Кроме того,

¹ Авербах Ю. Четыре победы «Каиссы» // Знание-сила. 1975. № 1. С. 30—32.

описание происходящих событий на международном чемпионате в Стокгольме должно было соответствовать жанру очерка. Наконец, статья должна была отражать политические и идеологические установки СССР того времени (включая международные отношения).

На наш взгляд, Ю. Авербах успешно справляется с нелегким заданием, используя весь доступный ему спектр медиаэстетических средств организации журналистского продукта. Несмотря на достаточно тяжеловесный новостной повод (технический прогресс на международном уровне), статья обладает легким слогом и местами иронична. Органично сочетание компонентов статьи (описание происходящего, анализ шахматных ходов, сравнительная оценка ЭВМ разных стран), приводящее к общей целостности и связности текста. Изложение материала, пусть и обладающее периодическими отсылками к торжеству научной советской мысли над буржуазным техническим прогрессом, тем не менее демократично, доступно широкому кругу читателей и не ставит пропаганду советских ценностей в качестве самоцели, а скорее проводит своеобразный экскурс, предлагая потребителю контента делать выводы самостоятельно.

Для лучшего понимания лингвистических особенностей статьи необходимо понять особенности того времени, в рамках которого она появилась. Страна переживала эпоху развитого социализма с присущей ему коммунистической идеологией, при этом особое внимание уделялось научно-техническому прогрессу как показателю успешности страны на международной арене. Развитие науки и техники шло соревновательным путем, при этом состязательность прослеживалась как на внутреннем уровне (внутри страны), так и на внешнем (в рамках международных отношений). ЭВМ (слово «компьютер» на тот момент не являлось обиходным и не использовалось в деловой и публицистической речи) уже находилась на службе человека в качестве профессионального (но не развлекательного) инструмента и была частью гражданско-оборонного комплекса. Другими словами, использование ЭВМ носило производственный характер, а сами машины не были доступны рядовому обывателю в домашних условиях. Популяризация научно-технического прогресса находила свое отражение в литературе жанра научно-популярной фантастики с образами роботов и искусственного интеллекта, при этом ЭВМ описывается как неотъемлемая часть производственного цикла (например, роман братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу»,

в котором главный герой Александр Привалов, от чьего лица ведется повествование, является штатным программистом НИИЧАВО, работающим на электронно-вычислительной машине «Алдан»). Взаимоотношения с другими странами переживали период разрядки — внешнеполитический курс генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, ориентированный на установление теплых, дружеских отношений с капиталистическими странами для взаимного обмена научным, техническим, культурным, экономическим и прочим опытом.

Игровая журналистика в СССР на тот период как таковая не существовала, поскольку все статьи, затрагивающие ЭВМ, носили научно-популярный характер и описывали научные достижения в части разработки аппаратов, сосредоточиваясь в основном на теоретическом аспекте, а не на прикладном. При этом от журналиста требовалось четкое следование правилам идеологического описания, хотя можно наблюдать робкие попытки выйти за грань «рекомендуемого». Использование ЭВМ как производственного инструмента не допускало его развлекательного применения, именно поэтому статью Ю. Авербаха «Четыре победы Каиссы» можно считать новаторской, поскольку процесс, в котором принимает участие советская машина «Каисса», носит явно развлекательный характер.

Особо важную роль в статье играет антропоцентрическая парадигма описания ЭВМ. Автор сам объясняет, что «при рассказе об игре машин буду относиться к ним, как будто это играют существа одушевленные». «Поведение» электронно-вычислительных машин постоянно сравнивается с поведенческими реакциями людей. Так, например, Ю. Авербах описывает этап состязания, когда «Каисса» ставит мат в два хода вместо очевидного одного, то есть допускает логическую ошибку. Это объясняется тем, что ЭВМ нашла двухходовое решение первым и перестала проводить дальнейший анализ. «А разве такое не бывает с людьми?!» — задается вопросом автор и вспоминает аналогичную ситуацию из своей биографии, когда он объявил мат в пять ходов, а соперник заинтересовался, почему не был замечен более эффективный вариант в три хода. Еще один риторический вопрос-сравнение «А разве у людей-шахматистов не то же самое?» звучит в качестве комментария к другой ситуации, характеризуя поведение американской ЭВМ «Хаос».

Автор подчеркивает, что у каждой машины есть свое собственное имя: посредством перечисления в начале статьи и в дальнейшем постоянно упоминая эти имена в качестве имен собственных.

В некоторых местах мы даже видим анализ поведенческой реакции машины в зависимости от присвоенного ей имени:

...а не хотели ли своим кодовым названием авторы программы «Хаос» подчеркнуть, что мышление их детища носит хаотический характер?

Олицетворение становится излюбленным приемом автора при описании шахматных турниров, которые изобилуют глаголами-действиями, собственными одушевленному персонажу: «Каисса» комбинирует; «Каисса» нашла и рассчитала эту красивую комбинацию; «Каисса» сыграла; «Каисса» объявила последний, четвертый мат и пр. Автор не просто описывает машину, он приписывает ей человеческие качества, воспринимает ее как живое существо, подчеркивает схожесть и равенство человека и машины. Другими словами, посредством художественно-стилистических средств Ю. Авербах доводит до читателя мысль о значительном научно-техническом прогрессе мировой и советской науки, позволяющем неодушевленному предмету (ЭВМ) действовать и поступать подобно человеческому существу.

Статья изобилует ссылками на знаменитые шахматные этюды, а также подробно освещает процесс работы ЭВМ во время проведения международного чемпионата (описывается работа по введению информации при помощи перфорированных карточек, а также проводится перспективный анализ возможностей памяти ЭВМ). Но с этой, довольно серьезной и вдумчивой, технической частью соперничает развлекательный компонент статьи (теймент-технология). С одной стороны, мы наблюдаем внутреннее противоречие между пользой техники и ее развлекательным потенциалом: Ю. Авербах постоянно стремится подчеркнуть мысль о том, что машины стоят на службе человечества и необходимы как вспомогательный инструмент продуктивности («если машина сможет хорошо играть в шахматы, она окажется в силах решать и другие важные жизненные задачи»). С другой стороны, искренняя увлеченность автора статьи развлекательным моментом (игрой в шахматы и, самое главное, возможностью машин делать это) прослеживается на протяжении всего текста и создает атмосферу непринужденности, легкости, наслаждения процессом.

При этом идеологические установки того времени заставляют автора постоянно апеллировать к мысли о том, что международный шахматный турнир ЭВМ — это не только развлечение и спорт, но и победа социализма над капитализмом. Так, например, Ю. Авербах цитирует одного из авто-

ров программы «Каисса» В. Арлазарова: «Когда “Каисса” объявила последний, четвертый мат, а было это уже на рассвете четвертой ночи, В. Арлазаров устало улыбнулся и, кажется, неожиданно для себя произнес: “Советское — значит отличное!”». Продемонстрированная лозунговость выполнена в характерной советской стилистике, присущей культурно-просветительской и политико-идеологической сфере того времени.

Несмотря на внешнюю релаксацию международной политической обстановки и ставку на укрепление взаимоотношений между ведущими мировыми державами, статья тяготеет к демонстрации противопоставления, скрыто и явно существовавшего между двумя сверхдержавами той эпохи — США и СССР. В связи с тем что новостным поводом послужила работа ЭВМ и победа советской программы «Каисса» в чемпионате, противопоставление рассматривается на уровне научно-технического прогресса с негативной оценочностью усилий американских ученых: «Американские программисты обескуражены неудачей. Ведь “Каисса” опередила все четыре американские программы». Интересно отметить, что Ю. Авербах приводит справочную информацию о том, что в международном чемпионате по шахматам среди ЭВМ принимали участие 13 программ из восьми стран (то есть не только СССР и США), при этом штаб соревнований находился в столице Швеции Стокгольме. Тем не менее подчеркнутое противостояние затрагивает только две страны из восьми потенциально возможных.

В свете подобных рассуждений само название статьи становится говорящим, поскольку превосходство «Каиссы» над четырьмя американскими машинами и завоевание первого места в международном чемпионате и есть «Четыре победы Каиссы». Заголовок статьи косвенно подчеркивает превосходство советской кибернетики над американскими исследованиями даже в развлекательном мероприятии.

Ярко выраженный оптимистичный настрой статьи проявляется в первую очередь через радужную перспективу будущего, которая детально описывается автором в последнем абзаце статьи: «...Наши удивительный двадцатый век удивит нас и матчем XX столетия — поединком за мировое первенство на шахматной доске между машиной и человеком». Кажущийся стилистический недочет — тавтологии «удивительный» и «удивит», а также «двадцатый век» и «XX столетие» — на самом деле приковывает внимание читателя к тому, что настоящее (двадцатый век) уже само по себе чудесно, и заставляет задуматься о том, каковым же может быть еще бо-

лее блестящее будущее, когда машина сможет интеллектуально сравняться с человеком. При этом Ю. Авербах не замалчивает существующие недостатки технического прогресса, подытоженные им в послесловии (*«уровень игры не очень высок», «невысок оказался и уровень игры участников первого чемпионата мира среди машин», «машина переняла многие свойственные людям слабости и недостатки»*), однако при этом автор верит в перспективность данного направления и возможность значительно улучшения технического качества (*«Однако она [машина] также должна овладеть и всеми их достоинствами. Учат-то компьютеры люди!»*).

Подобные рассуждения автора являются чрезвычайно смелыми, поскольку представляют собой, по сути, «предсказания», схожие по духу с высказываниями канадского социолога М. Маклюэна [15]: как «пророк Интернета» предсказывал превращение всего мира в «глобальную деревню», так и Ю. Авербах «предсказал» использование технического потенциала машины как теймент-инструмента для развлекательного взаимодействия с человеком. При этом следует отметить, что общая восторженность и пафосность, экспрессивно продемонстрированные в заключительной части статьи, являются характерной чертой всего произведения.

Невербальный (иконический, инфографический) компонент статьи весьма ограничен и представлен схематическими зарисовками разыгрываемых шахматных комбинаций. Для автора и читателя неважна эстетическая составляющая рисунка, для них важен логически-смысловой компонент, позволяющий наглядно проследить описание процесса шахматной партии. Таким образом, невербальный компонент носит строго выдержанный прагматический характер и не является самостоятельным без пояснений автора статьи.

Лингводискурсивный анализ статьи

Р. Свореня «Два-ноль в пользу телевизора»¹

Статья опубликована в журнале «Наука и жизнь» № 4 за 1978 г. и написана легендарным советским и российским журналистом, педагогом, писателем и радиоинженером Рудольфом Анатольевичем Своренем. Автор работал специальным корреспондентом в журналах «Радио» и «Наука и жизнь», при этом в последнем он сделал профессиональную карьеру, став заведующим отделом, а потом и заместителем главного редактора. Рудольф Анатольевич активно популяризировал электронику, написал

13 книг по радиотехнике и электронике (в том числе для подрастающего поколения), принимал участие в освещении значимых событий в жизни человечества (например, запуск первого космического спутника). Неудивительно, что в качестве авангардного журналиста, стремящегося ко всему новому и необычному, он заинтересовался и появлением игровых приставок первого поколения в СССР.

Особую роль в анализируемой статье играет заголовок «Два-ноль в пользу телевизора», отличающийся полисемичной герменевтикой. С одной стороны, стандартное клише для спортивного репортажа настраивает читателя на описываемое соревнование содержание; с другой стороны, упоминание телевизора в качестве одного из соперников вызывает у читателя недоумение, при этом любое толкование подчеркивает игровое начало, о котором и пойдет речь в самой статье. Кроме того, заголовок подчеркивает растущую популярность телеигр, являющихся новостным инфоповодом, при этом всеобъемлющее понимание заголовка становится доступным только после полного прочтения статьи.

Тональность заголовка влияет на нарратив самой статьи: она легко сопоставима со спортивным репортажем, где журналист описывает происходящее в ходе соревнований. Значительное влияние на данный факт оказывает и тематика видеоигры — теннис, которая обеспечивает появление определенных спортивных терминов в статье, таких как мяч, ракетка, счет, противник, площадка. Не случайно автор статьи начинает повествование, сравнивая телеигру и различные виды спортивных состязаний: *«...Это развлечение чем-то напоминает настоящий теннис или настоящий хоккей»*. При этом синтаксически текст напоминает речь спортивного комментатора, изобилуя экспрессивной восклицательностью: *«Ура!.. Но что это?..»*

Однако структура статьи более глобальна и может быть условно поделена на две части: первая — «спортивный репортаж», описание личного игрового опыта журналиста; вторая — технический доклад об особенностях функционирования видеоигр и видеоприставок. При этом пропорционально техническая информация занимает около 65% всей статьи, что неудивительно: просветительская функция журнала, стремление не просто описать, но и объяснить механизмы обеспечивает такое пристальное внимание к теоретическим техническим постулатам. К тому же вектор государственного развития того времени был направлен на соревновательный прогресс науки и техники, а развлечения воспринимались как вторичные, несущественные практики.

¹ Сворень Р. Два-ноль в пользу телевизора // Наука и жизнь. 1978. № 4. С. 108—113.

Существенная доля технических описаний обуславливает наличие большого количества специальной терминологии: *гетеродин, электрод, осциллограф, электрон, генератор импульсов, тактовый импульс, триггер, конденсатор, транзистор, резистор, диод, интегральная схема*. Предполагается, что читатель знаком с данными терминами, поскольку они дополнительно не поясняются, то есть уровень знаний читателя в области радиофизики достаточен для абсолютно полного понимания текста (при этом журнал носит научно-популярный характер!).

Некоторые термины, используемые автором в статье, были в дальнейшем вытеснены другими: например, термин *телеигра* в настоящее время не используется и заменен *видеоигрой*, а термин *ЭВМ*, активно использовавшийся в советское время, полностью уступил место *компьютеру*. Подобное вполне объяснимо социально-культурными факторами: на момент написания статьи слово «видео» и производные от него «видеомагнитофон», «видеопроектор», «видеокассета», «видеоплеер», «видеосалон» и прочие не использовались в силу практически полного отсутствия данных приборов в среднестатистических семьях. Это также верно и по отношению к компьютеру, который был атрибутом производственного цикла, но не бытового, причем термин *ЭВМ* был распространен, использовался достаточно широко и применялся по отношению к любому электронно-вычислительному устройству, включая калькулятор.

Используемая в статье инфографика полностью соответствует повествованию и представляет собой упрощенные блок-схемы функционирующих в игровых приставках и телевизоре радиоэлектронных процессов. Таким образом, мы наблюдаем серьезное доминирование прагматического аспекта инфографики (невербального компонента) над эстетическим.

В целом статья носит восторженный, эмоциональный характер, экспрессия которого вызвана техническим прогрессом в области радиотехники. При этом необходимость преобразования развлекательного потенциала в сугубо прагматический, обусловленная существующей на тот момент идеологией государства, заставляет автора использовать рефрен, напоминающий читателю, что развлекательная машина способна помочь и в случае неразвлекательной техники: *А попутно заметим: в телевизионных играх электроника использует свои классические методы и схемы, знакомство с ними может пригодиться при встрече с техникой, далекой от развлечений.*

При этом для статьи характерна некоторая ностальгичность: автор стремится привлечь внимание читателей и на отрицательные стороны подобного развлекательного времяпрепровождения. Статья заканчивается следующими строками: *«Судя по всему, отечественная промышленность уже намечает выпуск этой веселой продукции, так что вскоре, видимо, каждый из нас сможет приобщиться к домашнему телевизионному спорту. И, хочется верить, не в ущерб настоящему теннису или волейболу, не в ущерб общению с природой и друг с другом. Натуральному общению, без участия электроники...»* Автор как будто предвидит ту опасность видеоигр, которая активно обсуждается в наши дни в СМИ: электронная коммуникация и видеоразвлечения выступают серьезными конкурентами полноценному реальному общению и формируют определенную угрозу ухода от реальности в виртуальность.

Заключение

Советский период отечественной игровой журналистики в целом и отечественная журналистика середины 1970-х гг. в частности являются уникальными как для мировой игровой журналистики, так и для российской журналистской практики, поскольку на формирование опыта данной деятельности оказали значительное влияние политическое и социальное устройство общества, контролируемый государством технический прогресс, плановое экономическое развитие, идеолого-культурное основание общественной мысли. Данные факторы нашли отражение в языке и речи, в дискурсивной практике текста, являющегося продуктом журналистской деятельности. Все уровни языка, образ автора и читателя, структурное устройство статьи обладают определенной маркированностью, позволяющей через призму игровой журналистики рассмотреть жизнь общества того времени в целом. Необходимость соблюдения негласных и общеизвестных социальных правил (в том числе законов), с одной стороны, попытка следования требуемому изданием стилю и соблюдение традиционных для советской печати жанровых канонов, с другой, и, наконец, внутренняя потребность в свободном обсуждении технологического прорыва и сравнении его с западными достижениями формируют интересный текстуальный комплекс, выходящий за рамки обычной журналистской практики как социально, так и лингвистически.

Среди общих характерных черт, присущих анализируемым статьям о видеоиграх середины 1970-х гг.,

можно отметить следующие: особая «развлекательная» роль заголовка с обязательным подтекстом, нотационная лозунговость в духе советской стилистики и с элементами предвидения, просветительский характер контента, попытки осмысления развлекательного потенциала электронной машины на фоне политико-идеологической установки на соревновательный научно-технический прогресс, общая пафосность и восторженность нарратива, прагматическая роль невербального компонента текста с минимальной долей эстетизации, активное

использование художественно-изобразительных средств (тропов, тематических терминов, риторических вопросов, восклицаний) в соответствии с общей векторностью написания медиатекста.

Итак, мы наблюдаем, что уже в советскую эпоху формируется определенный вектор медиалингвистического описания видеоигр, представленный совокупностью статей в советских научно-популярных журналах и формирующий некую традицию, которая потенциально оказала влияние на дискурс отечественной игровой журналистики в дальнейшем.

Список литературы

1. Баканов Р. П. Игровая журналистика в современном российском медиапространстве: проблематика и функциональное разнообразие // Вестник ВУиТ. 2018. № 2. С. 166—176.
2. Галкин Д. В. Компьютерные игры как феномен современной культуры: опыт междисциплинарного исследования // Гуманитарная информатика. 2007. № 3. С. 54—72.
3. Гришин О. Е. Компьютерные игры как элемент массовой политической культуры и коммуникации // PolitBook. 2015. № 1. С. 127—145.
4. Иванова А. А. Просветительский потенциал ранней игровой журналистики // Культура и технологии. 2019. № 3. С. 130—139.
5. Кондрашов П. Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 189 с.
6. Кудряшова Е. О. Тенденции развития отечественной игровой журналистики // Литературоведение, лингвистика и коммуникативистика. Направления и тенденции современных исследований: материалы Всерос. (с междунар. участием) заоч. науч. конф. Уфа, 2017. С. 123—124.
7. Куранова Т. П. Многократный повтор как способ создания комического эффекта в игровой журналистике // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogorazovyy-povtor-kak-sposob-sozdaniya-komicheskogo-effekta-v-igrovoy-zhurnalistike> (дата обращения 01.02.2020).
8. Лузаков А. А., Омельченко Н. В. Семантическое пространство компьютерных игр: опыт реконструкции // Научный журнал КубГАУ. 2012. № 78. С. 1—10.
9. Насырова О. А., Петрова О. А. Социопсихологические аспекты компьютерных игр // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2014. № 10. С. 250—251.
10. Тармаева В. И. Компьютерные игры и игровая журналистика // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). С. 343—350.
11. Федоров А. В. Краткая история компьютерных игр в России // Медиаобразование. 2013. № 4. С. 137—149.
12. Часовский П. В. Семиотика «Easter eggs», или Игровое начало в компьютерных играх // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 36 (290). С. 63—66.
13. Amrich D. Critical Path: How to Review Video Games for a Living. Los Angeles: TrippleTorch. 2012.
14. Gillen K. The New Games Journalism. URL: http://gillen.cream.org/wordpress_html/assorted-essays/the-new-games-journalism/ (дата обращения 02.02.2020).
15. McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man. NY: Gingko Press, 2003.
16. Tennant D. Analyzing Games Journalism. URL: https://web.wpi.edu/Pubs/E-project/Available/E-project-042809-215841/unrestricted/Tennant_Report_Final.pdf (дата обращения 02.02.2020).

Сведения об авторе

Селюгин Александр Анатольевич — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией Цифровых гуманитарных исследований, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. alexsell@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 4 (450). Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 115—122.

LINGUISTIC DISCURSIVE ASPECTS OF RUSSIAN GAME JOURNALISM IN 1970S

Al. A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alexsell@mail.ru

The article concerns the media linguistic analysis of the Russian game journalism in the Soviet Union. The material of the research includes the articles about videogames in journals “Science and Life” and “Knowledge is Power” published in the mid-70s of the last century. The author of the work notices a number of common distinguished linguistic and extra-linguistic features as well as stresses the importance of political, ideological, cultural and educational vectors of that time for studying the texts under analysis. The author underlines that all the components of the text on various levels of the textual structure act to show the great entertaining potential of video games as well as the developing scientific and technical progress of the USSR. The analysis of the published articles demonstrates the unity of stylistic and semantic elements meant to reach the announced purposes. The author believes that this period of the Soviet game journalism formed the narrative traditions for further development of game journalism in the USSR and Russia.

Keywords: *media discourse, game journalism, media linguistic analysis, style, the USSR, video game.*

References

1. Bakanov R. P. (2018) *Vestnik VUiT*, no. 2, pp. 166—176 [in Russ.].
2. Galkin D. V. (2007) *Gumanitarnaya informatika*, no. 3, pp. 54—72 [in Russ.].
3. Grishin O. E. (2015) *PolitBook*, no. 1, pp. 127—145 [in Russ.].
4. Ivanova A. A. (2019) *Kultura i tekhnologii*, no. 3, pp. 130—139 [in Russ.].
5. Kondrashov P. E. (2009) *Kompyuterny diskurs: sotsiolingvistikichesky aspekt* [Computer discourse: social and linguistic aspect. Thesis]. Krasnodar. 189 p. [in Russ.].
6. Kudryashova E. O. (2017) *Tendentsii razvitiya otechestvennoy igrovoy zhurnalistiki* [Tendencies of development of the Russian game journalism]. *Literaturovedenie, lingvistika i kommunikativistika. Napravleniia i tendentsii sovremennykh issledovaniy* [Literature, linguistics and communicative. Directions and Trends of Modern Research]. Ufa. Pp. 123—124 [in Russ.].
7. Kuranova T. P. (2011) *Yaroslavsky pedagogichesky vestnik*, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogorazovyy-povtor-kak-sposob-sozdaniya-komicheskogo-effekta-v-igrovoy-zhurnalistike>, accessed 01.02.2021 [in Russ.].
8. Luzakov A. A., Omelchenko N. V. (2014) *Nauchny zhurnal KubGAU*, no. 78, pp. 1—10 [in Russ.].
9. Nasyrova O. A., Petrova O. A. (2014) *Aktualnye problemy aviatsii i kosmonavтики*, no. 10, pp. 250—251 [in Russ.].
10. Tarmaeva V. I. (2015) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5 (360), pp. 343—350 [in Russ.].
11. Fedorov A. V. (2013) *Mediaobrazovanie*, no. 4, pp. 137—149 [in Russ.].
12. Chasovsky P. V. (2012) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 36 (290), pp. 63—66 [in Russ.].
13. Amrich D. (2012) *Critical Path: How to Review Video Games for a Living*. Los Angeles: TrippleTorch.
14. Gillen K. *The New Games Journalism*. Available at: http://gillen.cream.org/wordpress_html/assorted-essays/the-new-games-journalism/, accessed 02.02.2020.
15. McLuhan M. (2003) *Understanding Media: The Extensions of Man*. NY: Gingko Press.
16. Tennant D. *Analyzing Games Journalism*. Available at: https://web.wpi.edu/Pubs/E-project/Available/E-project-042809-215841/unrestricted/Tennant_Report_Final.pdf, accessed 02.02.2020.

МНЕМИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ВЕРБАТИМ-ТЕКСТОВ)

Е. А. Селютина¹, А. А. Субботина²

¹Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена исследованию мнемического нарратива в структуре вербатима. Автор приходит к выводу, что анализ вербатим-нарратива показателен в контексте проблемы способов исследования идентичности в современной гуманитаристике. Идентичность является и ретранслятором событийного опыта индивида, и фактом апелляции к коллективному опыту, конструированию коллективной памяти за счет включения его в контекст художественного драматического текста.

Ключевые слова: мнемический нарратив, нарратив личного опыта, малый нарратив, нарратор, нарратор, вербатим, современная российская драматургия.

Интерес к исследованию нарративов различного типа в последние годы неуклонно возрастает. Возможности нарративного подхода обеспечивают результаты в философских, социологических, психологических, литературоведческих, лингвистических и иных научных сферах. Общий «нарратологический поворот» (У. Брокмейер, Й. Харре [3. С. 29]) в гуманитарном знании показал возможности интерпретации интердискурсивности и интермедиальности. В силу тяготения к методологической универсальности анализ нарратива является адекватным путем постижения инновационных форм художественной словесности, показательных для динамики форм современной культуры вообще. В частности, мы полагаем, что именно нарративный подход является релевантным для анализа форм современной драматургии, которая в эпоху постдраматического театра отличается широтой жанровых форм и техник создания текста.

Настоящее исследование посвящено анализу вербатим-проекта «Театр.Net», материалы которого опубликованы в сборнике трудов семинара «Современный российский театр: грани — театр вербатим» (результатом его работы стали два спектакля, поставленных на сценах театров Челябинска режиссером Е. Калужских: вербатим «Смешанные чувства» был особо отмечен жюри фестиваля молодой драматургии «Любимовка» (Москва, 2013), а спектакль «Театра. Нет» в 2014 г. был награжден лауреатским дипломом «Лучший спектакль» международного фестиваля «Европейские встречи-2014» (Лион, Франция, 2014)) [10]. Специфика анализируемого материала заключается в особой

жанровой природе пьес вербатим. В конце XX — начале XXI в. в современной российской драматургии необычайно популярной и востребованной стала техника создания драматического текста вербатим. И, хотя на сегодняшний день можно наблюдать угасание данной тенденции в искусстве, интерес к ней исследователей стабилен [См. об этом: 5; 7—9]. Теоретики драмы, определяя границы жанра вербатим, выделили ряд черт, свойственных такого рода драматическим текстам: принцип документальности (правдивости), опора на нарративное интервью как метод сбора данных текста (вербатим создается из серии интервью с определенной тематической направленностью или же как результат работы с представителями социальных групп), особый принцип театрального воплощения текста (актеры должны быть одного возраста с теми, чьи истории они представляют на сцене, обязательно отсутствие сценического оформления — декораций, музыки и т. п.) [См. об этом: 5; 8].

Главная особенность вербатима — это иное понимание «события»: если в классической драматургии или «новой драме» модерна событие было дано «здесь и сейчас» в действующих лицах, то в новейшей драме вербатим представление события становится не перформативным, а нарративным, что и позволяет анализировать тексты такого рода в нарративном ключе [9]. В текстах вербатим важна установка на непридуманность, которая обеспечивает своеобразный прорыв к зрителю, апелляцию к его персональному жизненному опыту, преодоление отчуждения человека от высокого искусства. На наш взгляд, нарратив в контексте вербатима

необходимо понимать, вслед за У. Лабовом, не только как повествование в общем смысле (событие в жизни человека, изложение которого можно считать частью дискурса), но и как схему организации опыта, имеющую определенную структуру, которую можно описать через ряд операций [20]. Фигура повествователя, нарратора в этом жанре занимает центральное место. По мнению В. Тюпы, наррация представляет собой не что иное, как расчленение диегетического (повествуемого) мира на подробности и сцепление этих подробностей в единства трех уровней: нарративные кадры — эпизоды — историю. Ядром последней служит событие (иногда череда событий), без которого рассказать «историю» просто невозможно [14. С. 65]. В стилистическом отношении в вербатиме важно сохранить все персональные особенности наррации, в том числе речевые ошибки и паузы, на это исследователи особо указывают при описании понятия: вербатим может быть прямым подражанием речи представителей различных социальных слоев или субкультур, стилизацией или пародией, а также отражать речевую специфику выбранных героев на всех уровнях текста (от фонетики до композиции) [См. об этом: 5. С. 81]. То есть, во-первых, это письменный нарратив (зафиксированная речь), который необходимо анализировать как устный в силу его художественной специфики, а во-вторых, это фикциональный текст, принципиально позиционирующий себя как афикциональный, «естественный».

Напомним, что нарратология не так давно включила драматургию в сферу своих интересов (см. обзоры работы по «неестественной нарратологии» и «нарратологической экспансии», напр.: [1], [2]), так как ранее полагали, что в драматургия не может быть проанализирована через повествовательную инстанцию, опосредующую историю (по выражению раннего немецкого нарратолога К. Фридеманн — «опосредованную фикциональность») [16. С. 38]. На пути определения формально-содержательных особенностей вербатима проделана большая исследовательская работа, которая позволяет поставить новые вопросы и решить их с помощью нарратологии. В данном случае наша цель — нарративный анализ нарратива личного опыта (по классификации Лабова) в серии картин указанного вербатима (картины «Игорёша», «Элеонора», «Дед Мороза — нет», «Бабочка»), то есть исследование структурно-семантического и коммуникативного аспектов данного нарратива (интенции моделирования нарратива, его композиционная структура, коммуникативные задачи, анализ фигур нарратора и наррататора), что

будет показательно в контексте широкой проблемы способов исследования идентичности в современном гуманитарном знании, в данном случае ставшей не просто ретранслятором событийного опыта индивида (то есть объективной внехудожественной реальности), но фактом апелляции к коллективному опыту, конструированию коллективной памяти за счет включения его в контекст художественного драматического текста.

Методологической базой нашей работы являются труды отечественных и зарубежных нарратологов: для нас важна типология нарративов М. Бамберга, И. Тивьяевой, Е. Труфановой; структурный подход к нарративу У. Лабова; понимание уровней наррации, представленное в работах В. Шмида, С. Лансар, В. Тюпы, Б. Успенского; исследования о взаимодействии нарратива и мышления Г. Карри, Г. П. Макадамса, Д. Деннета.

Мы анализируем четыре картины-нарратива вербатим-проекта: «Игорёша», «Элеонора», «Бабочка», «Дед Мороза — нет». Каждая из них представляет собой автономный мнемический нарратив (самостоятельный законченный текст); малый нарратив (один рассказ о событии) (по типологии М. Бамберга [17]). По мнению немецкого нарратолога В. Шмида, основное свойство нарратива — линеаризация, то есть сложное сочетание отобранных и неотобранных (подразумеваемых) элементов для передачи информации, когда нарратор должен сделать стилевой и ценностный выбор [16. С. 88]. В. Шмид предложил типологию нарраторов, учитывающую вовлеченность повествователя в мир истории и события. Указанные картины принадлежат одному нарратору, формальная характеристика которого сводится к возрасту и имени (Маша, 28 лет). Рекуррентным свойством этих нарративов является двойная «точка зрения» внутри одного нарратива (взрослый человек и маленькая девочка примерно шести лет), а также тип композиционного построения и интриги (интрига, по типологии В. Тюпы, энигматическая [14. С. 88]). Маша рассказывает четыре эпизода жизни, в которых произошел какой-то поворот, открытие в ее мировоззренческой позиции (например, кризис самоидентификации в картине «Бабочка» или потеря веры в чудо в картине «Дед Мороза — нет»). Несмотря на то что в вербатиме мы имеем дело с естественным повествованием (транскриптом истории), необходимо понимать, что нарратив вербатима внутри драматического текста приобретает свойство фикционального текста. Поэтому мы определяем тип нарратора в данных картинах как

эксплицитный, первичный, сильно выявленный, диегетический (нарратор одновременно участник истории и ее транслятор), антропоморфный, интроспективный, чья нарративная компетентность — всеведение. Важно, что мы имеем дело с «профессиональным» нарратором, способным выстроить историю с опорой на понимание нарратором (воспринимающим сознанием) ее смешанного пафоса: «Я не могла понять вообще, какое это предательство, мне казалось, что мы практически одна семья (*смех*), а что ему еще надо? Я молодая и красивая, мне 4, ему 18, какая вообще маленькая разница» [10. С. 184].

Эту мысль также можно подтвердить, анализируя «точку зрения» нарратора на языковом уровне. Во-первых, можно выделить глоссализацию как специфическую черту текста, то есть насыщенность текста речевыми маркерами — *глоссами*, необычными, характерными речевыми формами (исследователи указывают, что среди них могут быть, например, архаизмы, варваризмы, неологизмы и т. п.) [13. С. 65]. С одной стороны, Маша использует высокую лексику. Например, в картине «Бабочка»: «...Она не увидела во мне индивидуальность, она меня этим очень глубоко оскорбила. Меня. Четырехлетнюю женщину» [10. С. 125]; «...и во мне вот это вот ликовало, такая победа индивидуальности над массой и толпой» [Там же]. Ярким примером может также стать фраза из картины «Игорёша»: «Страдания закалили мою душу и состарили мое лицо» [Там же. С. 184]. Приведенные выше слова придают наррации чуть ли не драматический пафос, что говорит не столько о силе переживаний ребенка, сколько о желании нарратора оформить историю в соответствии с художественной задачей. С другой стороны, Маша использует просторечную лексику, и в достаточно большом объеме: картина «Элеонора»: «У нас была такая мерзкая вообще воспитка. Как-то ее, там, Элеонора, ну типо, что-то, Михайловна, например» [Там же. С. 125].

Во-вторых, специфика наррации Маши — в нарочитой фиксации языковых погрешностей, перебивов, обилие эмоционально маркированных частей речи, например междометий, которые зафиксированы в тексте: «Ну, тогда же было еще советское время и поэтому был ээ дефицит с тканями иии, в общем, с разнообразием костюмов. Иии я помню, что вот в этот год ээ тете дали зарплату ээ марлевкой, ну таким вот рулоном ткани, ну вы, наверное, не знаете, как это выглядит... ну такая марля обычная...» [Там же. С. 150]. Именно этот

прием создает одну из главных черт верbatimа как жанра — непридуманность, документальность, «правдивость» истории. В текст нарратора также проникают элементы детской речи. На наш взгляд, вслед за Шевченко, эту особенность данных картин необходимо определить как интерференцию дискурсов — мир взрослый и мир детский в данном мнемическом нарративе взаимопроникают друг в друга, создавая колебания «точки зрения» в плане идеологии [15. С. 12]. Картинам верbatimа свойственна гетероглоссия: аргументы маленького ребенка в пределах одной фразы сталкиваются с дискурсом взрослого человека. Проиллюстрируем это примером из картины «Бабочка»: «Ну вот, и я так сильно обрадовалась, потому что я из этого рулона уже себе мысленно пошила столько костюмов, там, костюм для собачки, я, для нашей домашней, для кукол и, в общем, всё, я была очень рада. ...А до этого на всех этих новогодних утренниках у нас все девочки были Снежинки, потому что у всех дома были белые простыни, и можно из них было сшить костюм Снежинки» [10. С. 124].

С одной стороны, в этих текстах очевиден иронический пафос, с другой — фокализация в плане идеологии отражает точку зрения ребенка, для которого все эти происшествия более чем серьезны, драматичны. Фокализация проявляет мену аксиологического статуса малого нарратива: незначительный эпизод (малый нарратив) представлен как важное событие в жизни уже не маленького человека, а взрослой женщины (то есть это большой нарратив), которая оказалась способна детскую трагедию превратить в комическую историю, переосмыслив травмирующий опыт и транслируя его в обращении к нарратору.

По Шмиду, нарратор — это та инстанция, которой нарратор адресует свой рассказ [16. С. 54]. В текстах, анализируемых нами, дан имплицитный нарратор, которого мы можем описать по индициальным знакам. Нарратор и нарратор неотделимы, так как, по Шмиду, фиктивный адресат (то есть нарратор) является всегда проекцией нарратора. Важнейшим компонентом индициальности является апелляция («апелляция — это чаще всего имплицитно выраженный призыв к адресату занять определенную позицию по отношению к нарратору, к его рассказу, к повествуемому миру или отдельным его персонажам» [Там же. С. 57]). Нарратор (Маша) использует импрессивную функцию апелляции — она хочет произвести впечатление на нарратора, хочет рассказать забавную историю о своем «полном огорчений» детстве.

Самоиронически называет себя «четырёхлетней женщиной» в «Бабочке» и «Игорёше», в тексте «Деда Мороза — нет» иронически обыгрывает одно из важнейших детских открытий: «Но, как ни странно, из этого мой папа нашел положительный выход. Он обрадовался не тому, даже, где-то, что меня избили, а тому, что я в 4 года поняла, что Дед Мороза не существует, и можно сэкономить на подарке от него» [10. С. 146]. Ирония проявляет сумму оценок героини социумом, что в итоге повлияло на ее идентификацию (и как женщины тоже):

- «Бабочка»: «Она не увидела во мне индивидуальность, она меня этим очень глубоко оскорбила» [Там же. С. 151]; «Элеонора»: «она меня назвала Коровай» [Там же]; «Дед Мороза — нет»: «Просто я помню, что в этот период я себя ощущала абсолютно прекрасной, гениальной, талантливой. Эта идея поддерживалась моими родственниками — мамой, тетей, бабушкой и так далее. Это, наверно, был период, такого, вообще, тотального счастья. Я себя в детстве считала просто, не знаю, блестящей, там, актрисой, певицей» [Там же. С. 145];

- «Игорёша»: «Аа тут в душу плюнули — предательство такое, меня вот как раз удивляло, как он мог мне не сказать, то есть, как он мог так меня бросить и уйти» [Там же. С. 184].

Рефлексивная драматизация частного эпизода жизни и жизненного кризиса, переживаемого героиней, в той части рассказа, которая по схеме наррации У. Лабова называется «разрешением события» [20. С. 19], подкрепляется символическим травматическим воздействием окружающего мира на героиню:

- «Игорёша»: «Я туда села, и я просто ревела без остановки очень долго» [10. С. 184]; «Меня вы-

гнали из старшей группы танцевального кружка в доме пионеров, потому что я им показалась недостаточно грациозной (смех)... Они вообще, как сказать, да я была толстой, но очень эмоциональной (смех), но они выбрали ХУДОБУ» [Там же. С. 182];

- «Деда Мороза — нет»: «И, в общем, так получилось, что у него в левой руке был посох, и я как раз в это время подошла, и он мне этим посохом разбил левую часть лица. Вот... Зубы выпали, губы разбил, нос... Моя кровь испортила мне весь костюм, вот, я помню, просто, этот момент хорошо!» [Там же. С. 146].

Нарратор конструирует некое пространство памяти, апеллирующее к опыту пребывания в советском детском саду и различных «кружках» (в системе дополнительного образования) у имплицитного нарратора:

- «Игорёша»: «У нас была такая вот машинка металлическая, вот в этом вот дворике, в детском саду» [Там же. С. 184];

- в картине «Элеонора» она говорит, что в детстве всех детей одевали в одинаковые тулупы из овчины и валенки;

- в картине «Деда Мороза — нет» Маша, как и все девочки, надевает мамину одежду и поет перед зеркалом.

Таким образом, мы можем говорить, что нарративный подход помогает исследовать не только сферу собственно повествования, но и коммуникативный аспект художественной словесности, то есть ориентированность на определенный тип нарратора. Мнемический нарратив, включенный в структуру эстетического высказывания приобретает специфические черты, позволяющие рассматривать его как факт обобщения некоего коллективного социального опыта.

Список литературы

1. Барышникова Д. Беспорядок дискурса (обзор работ по «неестественной нарратологии») // Новое литературное обозрение. 2014. № 6 (130). С. 325—332.
2. Барышникова Д., Якобидзе-Гитман А. Трансмедиальная поэтика и дух структурализма (обзор книг по нарратологии) // Новое литературное обозрение. 2010. № 6 (106). С. 308—320.
3. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / пер. с англ. Е. А. Мамчур // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29—42.
4. Брунер Дж. Жизнь как нарратив / пер. с англ. М. В. Соколовой под ред. А. М. Корбута // Постнеклассическая психология. 2005. № 1 (2). С. 9—29.
5. Болотян И. Вербатим // Новый филологический вестник. 2011. № 2 (17). С. 81—88.
6. Деннет Д. Почему каждый из нас является новеллистом / пер. с англ. Н. С. Юлиной // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 121—130.

7. Журчева О. В. Верbatim как механизм создания «новой документальности» в новейшей русской драме // Филология и культура. 2016. № 3 (45). С. 84—89.
8. Забалуев В., Зензинов А. Verbatim. Вместо введения: британская история с русским продолжением // Октябрь. 2006. № 10. URL: <http://mag.russ.ru:8080/october/2005/10/za7.html> (дата обращения 20.01.2021).
9. Липовецкий М. Перформансы насилия: «Новая драма» и границы литературоведения // Новое литературное обозрение. 2008. № 1 (89). С. 192—200.
10. Современный российский театр: грани — театр верbatim: сб. материалов науч.-творч. семинара (Челябинск, 2—3 марта, 2012 г.) / отв. ред. Е. А. Селютина. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 192 с.
11. Тивьяева И. В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 303—314.
12. Труфанова Е. О. Я-нарратив и его автор // Философия науки. 2010. Вып. 15. Эпистемология: актуальные проблемы. С. 183—194.
13. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2009. 336 с.
14. Тюпа В. И. Введение в сравнительную нарратологию. М.: Intrada, 2016. 145 с.
15. Шевченко В. Д. Введение в теорию интерференции дискурсов. Самара: СамГУПС, 2008. 203 с.
16. Шмид, В. Нарратология. М.: Языки славян. культуры, 2003. 312 с.
17. Bamberg M. Biographic-Narrative Research, Quo Vadis. A Critical Review of “Big Stories” from the Perspective of “Small Stories” // Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts. Univ. of Huddersfield, 2006. P. 63—79. URL: <http://eprints.hud.ac.uk/id/eprint/4902/> (дата обращения 20.01.2021).
18. Currie G. Narratives and narrators: a Philosophy of Stories. Oxford: Oxford University Press, 2010. 264 p.
19. McAdams D. P. Narrative identity // Handbook of Identity Theory and Research / ed. by S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. New York: Springer, 2011. P. 99—115.
20. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society / ed. by J. Helm. Seattle: Univ. of Washington Press, 1966. P. 12—44.

Сведения об авторах

Елена Александровна Селютина — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры литературы и русского языка Челябинского государственного института культуры, Челябинск, Россия. L22502@yandex.ru

Александра Андреевна Субботина — магистрантка специальности «Прикладная филология» Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. alexandrasubbotina07@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 4 (450). Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 123—128.

MNEMIC NARRATIVE IN THE STRUCTURE OF A LITERARY TEXT (BY THE EXAMPLE OF VERBATIM TEXTS)

E. A. Selyutina

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia. L22502@yandex.ru

A. A. Subbotina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alexandrasubbotina07@yandex.ru

The article is aimed at the research of structural-semantic and communicative aspects of mnemonic narrative (personal experience narrative) within drama text verbatim. The authors come to the conclusion that the verbatim-narrative analysis is applicable in the context of identity research means in modern humanitarian knowledge which is a retranslator of individual eventful experience (i. e. objective non-fiction reality) and also a reference to collective experience, formation of collective memory in favor of its inclusion into a literary drama text context. Within the framework of one narrative, the change of the axiological status of a small

narrative is interesting: an insignificant episode (small narrative) is presented as an important event in the life of a woman (a large narrative), who was able to turn a childhood tragedy into a comic story, rethinking the traumatic experience and transmitting it to society.

Keywords: *mnemonic narrative, personal experience narrative, small narrative, narrator, verbatim, modern Russian drama.*

References

1. Baryshnikova D. (2014) *Novoe literaturnoe obozrenie*, iss. 6 (130), pp. 325—332 [in Russ.].
2. Baryshnikova D., Yakobidze-Gitman A. (2010) *Novoe literaturnoe obozrenie*, iss. 6 (106), pp. 308—320 [in Russ.].
3. Brokmejer J., Harre R. (2000) *Voprosy filosofii*, iss. 3, pp. 29—42 [in Russ.].
4. Bruner J. (2005) *Postneklassicheskaja psihologija*, iss. 1 (2), pp. 9—29 [in Russ.].
5. Bolotyan I. (2011) *Novyy filologicheskij vestnik*, no. 2 (17), pp. 81—88.
6. Dennet D. (2003) *Voprosy filosofii*, iss. 2, pp. 121—130 [in Russ.].
7. Zhurcheva O. (2016) *Filologiya i kul'tura*, iss. 3 (45), pp. 84—89 [in Russ.].
8. Zabaluev V., Zenzinov A. (2006) *Oktyabr'*, iss. 10. Available at: <http://mag.russ.ru:8080/october/2005/10/za7.html>, accessed 20.01.2021 [in Russ.].
9. Lipoveckij M. (2008) *Novoe literaturnoe obozrenie*, iss. 1 (89), pp. 192—200 [in Russ.].
10. Selyutina E. A. (ed.). (2012) *Sovremennyy rossijskij teatr: grani — teatr verbatim: sbornik materialov nauchno-tvorcheskogo seminar (Chelyabinsk, 2—3 marta, 2012 g.)* [Modern Russian theater: grani — theater verbatim: collection of materials of the scientific and creative seminar (Chelyabinsk, March 2—3, 2012)]. Chelyabinsk, Encyclopedia. 192 p. [in Russ.].
11. Tiv'jaeva I. V. (2020) *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, iss. 1, pp. 303—314 [in Russ.].
12. Trufanova E. O. (2010) *Filosofija nauki*, iss. 15, pp. 183—194 [in Russ.].
13. Tyupa V. I. (2009) *Analiz hudozhestvennogo teksta* [Analysis of a literary text]. Moscow, Academy. 336 p. [in Russ.].
14. Tyupa V. I. (2016) *Vvedenie v sravnitel'nyu narratologiyu* [Introduction to Comparative Narratology]. Moscow, Intrada. 145 p. [in Russ.].
15. Shevchenko V. D. (2008) *Vvedenie v teoriyu interferencii diskursov* [Introduction to the theory of discourse interference]. Samara. 203 p. [in Russ.].
16. Schmid V. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Languages of Slavic culture. 312 p. [in Russ.].
17. Bamberg M. (2006) *Biographic-Narrative Research, Quo Vadis. A Critical Review of "Big Stories" from the Perspective of "Small Stories"*. *Narrative, Memory & Knowledge: Representations, Aesthetics, Contexts*. University of Huddersfield Press. Pp. 63—79. Available at: <http://eprints.hud.ac.uk/id/eprint/4902/>, accessed 29.08.2020.
18. Currie G. (2010) *Narratives and narrators: a Philosophy of Stories*. Oxford, Oxford University Press. 264 p.
19. McAdams D. P. (2011) *Narrative identity*. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. (eds.) *Handbook of Identity Theory and Research*. New York, Springer Press. Pp. 99—115.
20. Labov W., Waletzky J. (1966) *Narrative analysis: Oral versions of personal experience*. *Helm J. (ed.) Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society*. Seattle, University of Washington Press. Pp. 12—44.

ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ГЕРОЕВ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОРАХ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ДЖЕЙН ЭЙР» Ш. БРОНТЕ)

Ш. Ш. Улугова

Самаркандский государственный институт иностранных языков, Самарканд, Узбекистан

Рассматривается употребление метафор в тексте художественных произведений. В частности, на материале романа Ш. Бронте «Джейн Эйр», при помощи концептуальных метафор, отражающих психическое состояние человека, раскрывается внутренний мир, мировосприятие, мировоззрение и отношение к жизни главных персонажей произведения, таких как Джейн, Рочестер и Джон, показаны сходства и различия их характеров.

Ключевые слова: *концептуальная метафора, мировоззрение, концептуализация, интерпретация текста.*

Человек издревле стремился познать окружающую действительность и постичь свой внутренний мир. Метафорический образ мира является средством реализации подобных стремлений. Человечество всегда находится на пути к упорядочению, систематизации и классификации картины мира, а также к воплощению ее в реальность, насколько это необходимо для практических нужд. У человека, почувствовавшего возможность обобщения знаний в некой концептуальной сфере и коммуницирования их с помощью понятий другой, более конкретной концептуальной сферы, — несомненно, возникает интерес к процессу метафоризации.

Традиция трактовки метафоры как украшения художественного выражения, речевого переноса, стилистического средства берет начало еще в древности. Последователи Аристотеля понимают понятие «метафора» (греч. «изменение», «перенос») как замену одного слова другим. Подобное толкование данного явления занимает важное место в словарях. Ср.: «метафора — один из широко распространенных видов переноса смысла, вид переноса, основанного на сходстве между событиями и явлениями. Будучи скрытым сравнением, метафора выражает смысл сравниваемой вещи, не упоминая ее, через вещь, с которой она сравнивается (то есть выражающее ее слово)» [8. С. 170]. В словарях на английском языке метафора описывается как способ украшения речи [9. Р. 137].

Известно, что сравнительный подход к анализу метафоры долгое время сохранял свое господство без каких-либо изменений. Не следует забывать, что первые «ростки» метафоры как многоаспектного явления начали появляться еще во времена Аристотеля и Платона. К сожалению, упадок, охвативший пред-

мет риторике в последующие века, повлек также застой теории метафоры. Кроме того, на метафору смотрели как на игрушку, утеху и интерпретировали ее не как одну из основных форм языка, а как дополнительный механизм [5. С. 45].

В последующих исследованиях особая значимость придавалась роли метафоры в формировании языковой картины мира, и она получила статус средства размышления о мире. Известно, что существует концептуальная система человека, формирующая деятельность, направленную на образование личного смысла [4. С. 91]. Значит, принцип концептуализации усваиваемого знания занимает значимую позицию в актуализации гносеологической задачи. Соответственно, метафора остается стилистическим тропом и наделяется статусом модели действительности, выявляемой в процессе человеческого мышления [Там же. С. 108].

Сущность задач, выполняемых метафорой, стала переосмысливаться только к 1960-м гг. В этот период в научном исследовании метафоры начали появляться новые подходы. К изучению явления метафоры в непосредственной связи с теорией научного познания одним из первых приступил американский логик М. Блэк, внедривший в теорию метафоры термины *focus* и *frame*. М. Блэк, частично воспользовавшись выводами А. Ричардса, разработал метод анализа с подходом к ней как интеракции (взаимодействию) — *interaction approach*. В рамках данного подхода было доказано, что метафора проявляет свою активность не на уровне сочетания слов, а на внутреннем уровне, расположенном более глубоко. Кроме того, автор считает, что метафора появляется в результате взаимосвязи концептуальных структур, лежащих в основе словарных единиц [2. С. 153—172].

В качестве примера М. Блэк проанализировал предложение: *The chairman plowed through the discussion* (букв.: Председатель пропахивал дискуссию) — и отметил, что только одно слово *plow* (пахать) употреблено в метафорическом значении, а остальные — в прямом. По мнению ученого, именно форма *plowed* является центром метафоры (*focus*), а остальные слова составляют ее рамку (*frame*).

Сходство на основе метафорических переносов было отражено еще в определении Аристотеля: метафора — это имя, перенесенное на основе сходства от рода к виду, или от вида к роду, или от вида к виду [1. С. 669]. Данное определение греческого философа поддерживают большинство ученых. Некоторые предпочитают употреблять определение метафоры в качестве «сокращенного сравнения» (А. Потеня), другие (например, польский ученый Я. Касьянь) — предупреждать о наличии двусторонних отношений между метафорой и сравнением: если проверить происхождение, то, несомненно, можно будет выяснить, что та или иная метафора развивается из некоего сходства. Однако на этом основании можно сделать и противоположный вывод: многие сравнения произошли от метафор [7. С. 41].

Согласно интерпретации Н. Махмудова, аналогия основывается на сходстве свойств, признаков или отношений различных объектов, и, согласно этому сходству, информация об одном объекте переносится на другой объект. Значит, данный когнитивный процесс, несомненно, представляет собой сущность явления метафоры [6. С. 8].

М. Блэк убежден в том, что интеракционный подход к сущности явления метафоры, лишенный явных недостатков предыдущих, то есть субституционального и сравнительного подходов, дает возможность понимания истинной сущности явления метафоры и принципов актуализации. М. Блэк отмечает, что интеракционный подход основывается на следующих понятиях [2. С. 167—68]:

1. Метафорическое мнение обладает двумя субъектами: один из них является основным, а второй — вспомогательным.

2. Данные субъекты следует рассматривать как системы.

3. Механизм метафоры состоит в добавлении к основному субъекту ассоциаций, связанных со вспомогательным субъектом.

4. Данные добавления обычно образуют ассоциации, имеющиеся в сознании говорящего, однако они иногда могут возникнуть и в чрезвычайных случаях.

5. В метафоре наблюдаются случаи имплицитного переноса мнения об основном субъекте к вспомогательному субъекту.

6. Вышеупомянутый случай приводит к переносу значения слов в системе, к которой относится метафорическое выражение. Некоторые из этих переносов приобретают метафорический оттенок (однако выразительное воздействие возникших таким образом вторичных метафор будет слабее).

7. В целом отсутствуют какие-либо правила, контролирующие перенос такого значения. Всегда очень сложно прокомментировать, почему не нужен переход со стадии переноса значения отдельных метафор при образовании других метафор.

Вместе с тем следует напомнить, что другие ученые также утверждали наличие двух мыслей в метафорическом выражении. А. Ричардс также применял слова *tenor* (смысл) и *vehicle* (оболочка, образ) для выражения «двух мыслей, действующих совместно» [5. С. 48]. Однако опора на «двойное мышление» может затруднить задачу определения природы метафорического явления. Если применять только семь перечисленных понятий, то иные аспекты данного явления могут остаться в стороне.

Таким образом, основная идея концептуальной теории состоит в доказательстве роли метафор в мышлении, в понимании новых концептов. Метафора, применяемая в качестве языкового явления и риторического средства, является вторичным семантическим образованием по отношению к продукту мышления. Проще говоря, сначала — когнитивная метафора, а затем — языковая метафора.

В статье главную позицию занимает вопрос степени отображения лиц-концептуализаторов, воспринимающих картину мира в метафорах. Это дает возможность изучения проблемы и сбора информации о персонажах произведения Ш. Бронте «Джейн Эйр», в том числе о когнитивной деятельности Джейн Эйр.

Отчетливо видно, что речь главных персонажей произведения Джейн Эйр, Рочестера и Сент-Джона изобилует метафорами. В основе данных метафорических структур, с первого взгляда кажущихся далекими друг от друга, находятся взаимосвязанные концептуальные метафоры, в которых отражается мировоззрение персонажей, основанное на определенных ценностях. По этой причине сравнительный анализ языковых и концептуальных метафор может раскрыть основную идею романа «Джейн Эйр», а также дать возможность наблюдения стадий психологического, эмоционального, морального, интеллектуального развития Джейн Эйр, главной героини данного феминистского произведения.

Известно, что обладающие своеобразными качествами персонажи, такие как Джейн Эйр, Рочестер и священник Джон, занимают ведущее место в создании идейной темы романа. В том числе жизнь Джейн, осиротевшей в раннем детстве, протекает в борьбе, девочка вынуждена постоянно защищать себя. Образованная Джейн поступает на работу в Торнфильд в качестве воспитательницы. Ей нравится бурная жизнь, но в то же время она скромна и воспитанна. Рочестер, обжегшись на первом браке, кажется холодным и насмешливым, но в глубине души он сердечен и искренен. Священнику Джону, представителю духовенства, нравится Джейн, но он оказывается ее двоюродным братом. Он строг, упрям, чувствителен, является сторонником благородных действий с проявлением твердости духа, всегда готов оказать помощь бедным.

Отношение Джейн к жизни в основном отражается в структурах, образованных на основе концептуальной метафоры *life is a journey*, изменяющихся в структурном отношении на протяжении всего романа. Джейн постоянно расширяет границы и изменяет формы понятия *journey* — «путешествие» в составе концептуальной метафоры.

Джейн уезжает в Торнфильд для работы гувернанткой. Восемь лет, проведенных в Ловуде, совершенно отлучили ее от окружающего мира. Теперь она желает «вздыхнуть полной грудью», но в то же время у нее отсутствует полноценное представление ее перспектив. Такое недоверие к будущему отражается в концептуальной метафоре *life is a journey*. Точнее говоря, такие слова и выражения, как *cut a drift* (плыть по течению), *port* (порт), указывают на путь, путешествие к морю. Из мыслей человека, попавшего в течение, улетучиваются направление и цель, он свободно плывет по течению. В любом случае вскоре чувство свободы сменяется страхом заблудиться в пути. Связь с внешним миром теряется, и надежда на достижение цели уменьшается. Вместе с тем путешествие уже началось, и назад дороги нет.

Таким образом, здесь семантическим источником является понятие «путешествие», которое достигает понятия «жизнь» и сопоставляется с ним.

По мнению Джейн, жизнь сродни морскому путешествию, которое проходит в одиночестве в окружении недоверия. Однако ею уже было принято решение уехать из Ловуда, увидеть другой мир и встретиться с людьми, а возвращение назад уже не представляется возможным.

Очевидно, что здесь концептуальная метафора полностью демонстрирует взгляды Джейн на жизнь. В силу своей молодости и неопытности она пред-

ставляет жизнь одинокой и бесцельной. Этот же смысл находит свое выражение в другой метафоре: *Alas, this isolation — this banishment from my kind! Not only the anchor of hope, but the footing of fortitude was gone* [10. P. 321].

По прибытии в Торнфильд Джейн встречают домработница госпожа Фейрфакс и будущая ученица новой гувернантки француженка Адель. Джейн характеризует свою работу так: *I was now at last in safe heaven* [Ibid. P. 90]. Это выражение также основано на концептуальной метафоре *life is a journey*. Тем не менее беззаботная и легкая жизнь не удовлетворяет Джейн:

To spend the long winter evening with her, and her only, was to quell wholly the faint excitement wakened by my walk, — to slip again over my faculties the viewless fetters of an uniform and too still existence; of an existence whose very privileges of security and ease I was becoming incapable of appreciating. What good it would have done me at that time to have been tossed in the storms of an uncertain struggling life, and to have been taught by rough and bitter experience to long for the calm amidst which I now repined! [Ibid. P. 108].

В данном фрагменте снова актуализируется вышеуказанная концептуальная метафора, заключающая в себе морское путешествие. Фрейм метафоры расширяется за счет добавления деталей: «небольшая лодка» (*small boat*), неблагоприятные погодные условия (*tossed, storm*). Джейн, уставшая от легкой жизни и спокойствия Торнфильда, интерпретирует эту жизнь как оковы, сковавшие ноги. Вместе с тем она не забывает о том, что нужно ценить этот покой. Поскольку пребывание в непостоянной среде, столкновение лодочки с бурей в условиях путешествия по морю (Джейн представляет себя так) и поиск путей избавления от бед тоже не очень-то приятны.

Месяц ухаживаний позади, и вскоре Джейн станет женой Рочестера. В отсутствие Рочестера, отправившегося посетить мелкие фермерские хозяйства, Джейн беспокоится и волнуется по поводу ожидаемых изменений в жизни. Она гуляет по саду, мечтая о Рочестере. Джейн, сравнивая свою жизнь с жизнью Рочестера, уподобляет жизненный путь реке. При этом направления метафорического мышления принимают следующий вид:

1. *Depth of sea to which the brook runs → the depth of Rochester's life.*

2. *Shallows of strait channel → the shallowness of Jane's life.*

3. *Expansive and stirring → rich life experience, exciting life experience.*

Если в концептуальной основе метафоры жизнь Рочестера сопоставляется с небольшой горной речкой, устремившейся к морю, то жизнь Джейн сравнивается с отмелями в течении канала. Это качество демонстрирует метафорическое противоречие: с одной стороны, показываются глубокое уважение и страсть Джейн к Рочестеру, а с другой — ее скромность. Подобная метафора свидетельствует о неизбежности размышлений.

Однако достижение желаний не всегда протекает гладко. Узнав о том, что у Рочестера имеется другая жена, сумасшедшая, которую он содержит на чердаке третьего этажа, Джейн покидает Торнфильд. Оказавшись в соседней области Виткрос, без средств к существованию, испытывая голод и усталость, Джейн не впадает в отчаяние. Напротив, она верит в Бога и ждет от него спасения.

В метафорической мыслительной деятельности Рочестера находит свое отражение жесткая, суровая жизнь. В молодости он полюбил Берту Мейсон, женился на ней, и это становится причиной недовольства жизнью Рочестера. В результате он привык относиться к другим холодно, насмешливо, сетовать на несправедливость жизни и судьбы. Такая жизнь, бесспорно, никому не будет по нраву. Психическая травма воздействует на настроение, деятельность, мировоззрение человека, на то, как он себя позиционирует. Примером тому может послужить содержание метафор, определяющих отношение Рочестера к жизни:

I started, or rather (for like other defaulters, I like to lay half the blame on ill fortune and adverse circumstances) was thrust on to a wrong tack at the age of one-and-twenty, and have never recovered the right course since... [10. P. 126].

Приведенные строки заимствованы из беседы Рочестера и Джейн. Рочестер в ответ на иронию Джейн признаёт, что в ее характере отсутствуют недостатки. В своей ответной реплике Рочестер, комментируя свой жизненный опыт, подчеркивает, что жизненный путь не зависит от выбора человека, он предопределен Богом (ill fortune). Известно, что жизненный путь, состоящий из триады «источник — направление — цель», ведет к хорошим результатам. Для достижения цели нужно выбрать правильное направление. Значит, использованная Рочестером метафора *life is a journey forced on a wrong track* имеет значение «путешествие, направившее жизнь по неверному пути».

Рочестера можно отнести к трагическим персонажам. Его первый брак повлек за собой трагедию. Произведение не предоставляет читателю

подробной информации о его предыдущей жизни, однако из беседы с Джейн можно понять, насколько депрессивно его жизненное восприятие. Такое отношение к жизни и мировоззрение проявляется в следующих метафорических выражениях:

а) Воспоминания Рочестера о постыдных отношениях с французской танцовщицей Селин:

I had not, it seems, the originality to chalk out a new road to shame and destruction, but trod the old track with stupid exactness not to deviate an inch from the beaten centre [Ibid. P. 132].

В данных строках он снова уподобляет свою жизнь путешествию в этом направлении. Эта тропинка уже привела его к Берте Мейсон, но все окончилось позором и недовольством.

б) Признание Рочестера, ставшее причиной отъезда Джейн:

Divine justice pursued its course; disasters came thick on me: I was forced to pass through the valley of the shadow of death. His chastisements are mighty; and one smote me which has humbled me forever [Ibid. P. 430].

В описанной ситуации жизнь без Джейн сравнивается с последующей катастрофой. Это, в свою очередь, с помощью аллюзии, подразумевает наказание за содеянное. В попытке спасти сумасшедшую жену, устроившую поджог дома, он был сильно ранен.

Нет никаких сомнений в том, что в основе всех приведенных метафор находится концептуальная метафора *life is a journey*. Как сказано ранее, в путешествии имеются начальный, средний и конечный пункты. Некоторые направления оказываются верными, остальные — неверными.

Рочестер стал «добычей» метафоры, его жизнь полностью управляема судьбой. По этой причине он подчеркивает опасности и преграды на жизненном пути, словно в реке из применяемых им метафор. Все это свидетельствует о депрессивном настроении, отчаявшемся мировоззрении Рочестера:

To live, for me, Jane, is to stand on a crater-crust which may crack and spue fire any day [Ibid. P. 205].

В данной речевой структуре актуализирована своеобразная метафора отношения к жизни: источник метафоры из ответа Джейн — жерло вулкана (crater-crust). Причина появления такого источника заключается в том, что Берта несколько дней назад подожгла ее комнату. Лексема crater (кратер) имеет словарное значение «шарообразное отверстие вулкана», тогда как crust подразумевает «остатки пепла после извержения вулкана». Значит, содержание вышеуказанной метафоры

связано с пожаром, произошедшим одним днем ранее, так как слово «кратер» ассоциируется с искрящейся скалой, пожаром, дымом. В результате данная метафора напоминает нам ад. Кроме того, обращение к понятию «кратер» наталкивает нас на мысль о драконе, изображаемом в фольклоре многих народов как «страшное животное, изрыгающее огонь». В мыслях Рочестера его жена ассоциируется с такими существами, и пребывание рядом с подобным вулканом представляет постоянную угрозу для супруга.

Рочестер продолжает описывать свою много-страдальную жизнь:

Well then, Jane, call to aid your fancy:—suppose you were no longer a girl well reared and disciplined, but a wild boy indulged from childhood upwards; imagine yourself in a remote foreign land; conceive that you there commit a capital error, no matter of what nature or from what motives, but one whose consequences must follow you through life and taint all your existence. Mind, I don't say a crime; I am not speaking of shedding of blood or any other guilty act, which might make the perpetrator amenable to the law: my word is error. The results of what you have done become in time to you utterly insupportable; you take measures to obtain relief: unusual measures, but neither unlawful nor culpable. Still you are miserable; for hope has quitted you on the very confines of life: your sun at noon darkens in an eclipse, which you feel will not leave it till the time of setting... [Ibid. P. 206].

В вышеуказанном фрагменте Рочестер рассказывает Джейн о своих бедах в молодости. Конечно, трудно раскрыть секреты, хранящиеся в душе. Поэтому посредством метафоры в качестве способа стилистического выражения, персонаж пытается воссоздать свое нелегкое прошлое. Здесь задействована концептуальная метафора *a life is a day*. Всем известно, что полдень является самым светлым и жарким временем суток, тогда как ночь — самое холодное и темное время, а закат солнца свидетельствует о начале ночи. В содержание метафоры *a life time is a day* Рочестер включает также понятие «сумерки», так как день завершается после наступления сумерек. Сменяющиеся времена суток сравниваются с жизненными стадиями. Значит, в данном случае метафорическая концептуализация состоит из следующих стадий:

- Солнце (Sun) → источник света и свободы.
- Ночь (Noon) → высшая точка жизни.
- Закат солнца → смерть.
- Темнота → травма, препятствующая ощущению свободы.

Депрессивное отношение Рочестера к жизни вербализуется посредством этой метафоры, рана, нанесенная его сердцу в молодости, преследует его на протяжении всей жизни. В результате он отдаляет себя от ярких страниц жизни. Указанная метафора не только отражает его отношение к жизни, но и воздействует на его мысли и поступки.

Мысли о жизни священника Джона связаны с его деятельностью, духовным саном. Этот амбициозный и заносчивый человек, отправляясь в путь в качестве миссионера, избрал Джейн своей женой. Получив от Джейн отказ, Сент-Джон Риверс сильно огорчается и по прибытии в Индию остается там до конца своих дней. По этой причине его отношение к жизни отличается от восприятия Джейн и Рочестера.

У священника иное представление о жизни. Его метафорическое выражение можно изобразить посредством метафоры *life is a journey with obstacles*. В отличие от Рочестера он верит в Бога и считает, что любую трудность можно преодолеть с Божьей помощью. В его жизненном сценарии имеются препятствия, с которыми вынужден столкнуться каждый человек, в том числе люди, ступившие на тропу жизни без их желания, обречены пройти ее до конца, и это их раздражает. Что же нужно делать? По мнению священника, следует не впадать в отчаяние, а искать правильный путь и верить, что волею судьбы этот путь будет гладким и приведет к цели.

Согласно интерпретации когнитологов, метафора, возникшая в чрезвычайных обстоятельствах, обладает скрытой силой, формирующей и отражающей наш опыт. Такой метафорический выбор оказывает быстрое воздействие на сознание слушателя (читателя). В метафоре, примененной Джоном Риверсом, присутствует именно такой подтекст, его своеобразное отношение к жизни. Поскольку жизнь представляет собой сложный путь, но если человек будет сильным, целеустремленным и будет действовать планомерно, то, несомненно, он достойно пройдет этот путь и достигнет своих целей. Именно такое мнение подразумевается в его заключении:

It is just what I want. And there are obstacles in the way: they must be hewn down [Ibid. P. 392].

В следующей нарративной структуре мы также можем наблюдать утверждение «жизнь — долгий путь»:

I am the servant of an infallible Master. I am not going out under human guidance, subject to the defective laws and erring control of my feeble fellow-worms: my king, my lawgiver, my captain, is the All-perfect.

It seems strange to me that all round me do not burn to enlist under the same banner, — to join in the same enterprise. All have not your powers, and it would be folly for the feeble to wish to march with the strong [10. P. 386].

Гордость от отбытия в миссионерское путешествие в Индию выражается в таких фразах, как: *infal- lible Master; not... human guidance; defective laws and erring control... feeble fellow-worms*. Священник уподобляет свою будущую миссионерскую жизнь великой деятельности под покровительством Создателя, применяя языковые единицы высокого стиля *banner, join in, march*. Все эти единицы направлены на то, чтобы побудить Джейн уехать с ним.

Таким образом, в метафорах, встречающихся в речи основных персонажей произведения, выражено их отношение к жизни, но эти отношения неодинаковы. Данные различия обладают разными смысловыми коннотациями. Общее количество метафор, отражающих отношение к жизни в романе, составляет 36. Их распределение по содержанию можно увидеть в таблице:

Метафоры, отражающие отношение к жизни, в речи персонажей романа

Метафоры отношения к жизни (общее кол-во 36)	Джейн Эйр (14)	Эдвард Рочестер (12)	Сент-Джон Риверс (10)
Journey — «путь, путешествие» (без цели и контроля)	8	2	0
Journey — «путь, путешествие» (опасное)	0	2	0
Journey — «путь, путешествие» (вперед или назад)	2	0	1
Journey — «путь, путешествие» (в верном или неверном направлении)	0	3	0
Journey — «путь, путешествие» (с трудностями)	0	1	4
Journey — «путь, путешествие» (бесцельное)	0	0	5
Journey — «путь, путешествие» (борьба)	1	1	0
Journey — «путь, путешествие» (преследование)	1	2	0
Life is a book — «жизнь-книга»	1	0	0
Life is a river — «жизнь-река»	1	0	0
Life is a day — «жизнь-день»	0	1	0

Из таблицы ясно, что в метафорах отношения к жизни в речи Джейн чаще всего встречаются метафоры с содержанием «жизнь — бесцельное и неконтролируемое путешествие». Однако большинство этих метафор вербализованы в первой части романа, то есть при изображении горестной жизни Джейн в сиротском приюте.

Метафоры отношения к жизни в речи Рочестера делятся на три типа: а) «жизнь — бесцельное путешествие»; б) «жизнь — путешествие в неверном направлении»; в) «жизнь — преследование». Священник Джон описывает свою жизнь как «бесцельное путешествие» и «жизненный путь, усеянный сложностями».

Метафоры о жизни Джейн изложены более подробно, чем о жизни других персонажей, в них образно отражаются различные аспекты, стадии, этапы. Это в первую очередь свидетельствует о желании рассказчика, говорящего о жизни (Джейн), проникнуть в суть своих душевных переживаний и его большей серьезности по отношению к остальным. Во-вторых, это намекает на оптимизм говорящего. Метафоры, применяемые после взросления Джейн, имеют разнообразные формы, что говорит об увеличении жизненного опыта Джейн. Теперь она предпочитает метафоры в виде: *tossed in the storms of an uncertain struggling life* [Ibid. P. 108].

...felt as a wanderer on the face of the earth [Ibid. P. 216].

I felt degraded. I doubted I had taken a step which sank instead of raising me in the scale of social existence [Ibid. P. 344].

Метафоры о жизни Рочестера также основываются на его опыте, но в этих метафорических структурах выражается депрессивное состояние говорящего, ограниченность возможностей планирования своей жизни. По мнению Рочестера, жизнь представляет собой опасное путешествие:

...no sooner have you got settled in a pleasant resting-place, than a voice calls out to you to rise and move on, for the hour of repose is expired [Ibid. P. 237].

Подобные метафоры являются результатом негативного жизненного опыта.

Речь Сент-Джона Риверса не столь богата метафорами, они в основном состоят из изложения стадий бесцельной жизни и сложностей, с которыми может столкнуться человек. Метафоры, к которым обращается Джон, обладают концептуальным содержанием «жизнь — бесцельное путешествие», но они в отличие от метафор Рочестера свидетельствуют о том, что говорящий, будучи в курсе име-

ющихся препятствий, не потерял надежду на их преодоление.

Специалисты отмечают, что нарративное изложение имеет три типа, включающие в себя стабильность (*stability*), развитие (*progressive*) и снижение (*regressive*) [11. P. 99—119]. События, происходящие в стабильном изложении взаимосвязаны настолько, что при этом цель или результат остаются без изменений. В развивающемся изложении отражается оптимистический взгляд на жизнь. Понятно, что снижающееся изложение свидетельствует о продолжении депрессивного состояния и отсутствии душевного подъема. В таком изложении преобладает цель привлечения внимания слушателя, пробуждения в нем чувство жалости.

Касательно классификации вышеперечисленных видов нарратива стиль изложения Джейн относится к развивающемуся типу, а стиль изложения Рочестера — к снижающемуся. Стиль изложения Джона имеет стабильное выражение. Действительно, в речи Джейн ощущается вера в жизнь, готовность поделиться своими успехами с остальными и тем самым завоевать уважение. Единственным желанием Рочестера является пробуждение у Джейн чувства жалости, поэтому его отношение к жизни выражается депрессивно. Наконец, речь Джона отражает его верность религиозным обязательствам.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в исследованном литературном

произведении высока частотность употребления метафоры. Многообразие метафорических образов позволяет автору произведения шире раскрыть внутренний мир персонажей. В частности, расширение смыслового объема метафорических выражений, употребленных Джейн, является продуктом развития ее когнитивных способностей и возможностей, основанных на увеличении жизненного опыта.

Метафоры дают возможность читателю глубже проникнуть в мысли литературных героев, понять мотивы их поступков. В ходе анализа произведения Ш. Бронте мы пришли к выводу о несомненной значимости концептуальной метафоры для литературного повествования, поскольку с ее помощью произведение может не только заиграть яркими красками, но и показать разнообразие художественных образов, созданных писателем.

В частности, анализ концептуальной метафоры *life is a journey* показал, что эта метафора с различным содержанием наиболее отчетливо характеризует жизненные установки и моральные принципы героев произведения. Подобный анализ может быть продолжен на основе других произведений, а также с привлечением других метафор. Также впоследствии интересно было бы провести сравнительно-сопоставительное исследование метафор в произведениях авторов — носителей разных языков, свойственные определенной культуре.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153—172.
3. Гюлумянц К. М. Образное употребление названий животных в сравнениях и метафорах // Труды СамГУ. 1971. Вып. 217. Вопросы фразеологии. IV. С. 109—119.
4. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта, 2003. 318 с.
5. Ричардс А. А. Философия риторики // Теория метафоры. М.: Наука, 1990. С. 44—67.
6. Махмудов Н., Одилов Ё. Сўз маъно тараққиётида зиддият. Ташкент: Академ нашр, 2014. 288 б.
7. Қобулжонова Г. Метафора ва унинг табиатида қарашлар // Ўзбек тили ва адабиёти, 2017. № 2. Б. 40—46.
8. Куронов Д., Мамажонов З., Шералиева М. Адабиётшунослик терминлари. Ташкент: Академ нашр, 2013. 408 б.
9. Allot N. Key terms in pragmatics. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2010. 289 p.
10. Bronte Ch. Jane Eyre. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. 530 p.
11. Gergen K. J. Narrative, Moral Identity and Historical Consciousness: A Social Construction Account // Narration, Identity and Historical Consciousness / ed. by J. Straub. Berghahn Books, 2005. P. 99—119.

Сведения об авторе

Улгуова Шохид Шохруховна — докторант Самаркандского государственного института иностранных языков, Самарканд, Узбекистан. fruzahalimova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 4 (450). Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 129—136.

THE CHARACTERS' OUTLOOK AS REVEALED THROUGH CONCEPTUAL METAPHORS IN THE IMAGINATIVE TEXT

Sh. Sh. Ulugova

Samarkand State Institute of Foreign Languages, Samarkand, Uzbekistan. firuzahlimova@mail.ru

This article examines the use of metaphors in the text of imaginative prose. In particular, based on the material of the novel by Charlotte Bronte “Jane Eyre”, we explore the use of conceptual metaphors that reflect the mental state of a person, the inner world, worldview, and attitude to life of the main characters of the work, such as Jane, Rochester and John. The similarities and differences of their personalities are shown. We focus on the representations produced by representation of individuals as conceptualizers who perceive the world picture in metaphors. This makes it possible to collect information about the characters, including the cognitive activity of Jane Eyre. Ultimately, the analysis of metaphors, actualized in the speech of the protagonists of the novel, reveals that these expressions, along with the reflection of the characters’ attitude to life, point to the further development of their personalities. In particular, the expansion of the semantic scope of metaphorical expressions used by Jane is a product of the development of her cognitive abilities and capabilities based on the enhancing life experience.

Keywords: *conceptual metaphor, ideology, conceptualization, interpretation of the text.*

References

1. Aristotel (1983). *Sochineniya* [Essays]. Moscow. 830 p. [in Russ.].
2. Blek M. (1990) *Metafora* [Metaphor]. *Teoriya metafori* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress. Pp. 153—172 [in Russ.].
3. Gyulumyans K. M. (1971) *Trudy SamGU*, no. 17. *Voprosy frazeologii*. Pp. 109—119 [in Russ.].
4. Nelyubin L. L. (2003) *Tolkovyy perevodcheskiy slovar'* [Explanatory translation dictionary]. Moscow, Flinta. 318 p. [in Russ.].
5. Richards A. A. *Filosofiya ritoriki* [Philosophy of Rhetorics]. *Teoriya metafori* [Theory of Metaphor]. Moscow, Nauka, 1990. Pp. 44—67 [in Russ.].
6. Mahmudov N., Odilov Yo. (2014) *So'z ma'no taraqqiyotida ziddiyat* [Conflict in the development of the word meaning]. Tashkent, Akadem Publ. 288 p. [in Uzbek].
7. Qobuljonova G. (2017) *O'zbek tili va adabiyoti*, no. 2, pp. 40—46 [in Uzbek].
8. Quronov D., Mamajonov Z., Sheraliyeva M. (2013) *Adabiyotshunoslik terminlari* [Literary Terms]. Tashkent, Akadem Publ. 408 p. [in Uzbek].
9. Allot N. (2010) *Key terms in pragmatics*. Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press. 289 p.
10. Bronte Ch. (1996) *Jane Eyre*. Cambridge, Cambridge University Press. 530 p.
11. Gergen K. J. (2005) *Narrative, Moral Identity and Historical Consciousness: A Social Construction Account*. Straub J. (ed.) *Narration, Identity and Historical Consciousness*. Berghahn Books. P. 99—119.

СЕМЕЙНЫЙ РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ТИМОФЕЕВЫХ (ШАДРИНСК, XX В.)

В. П. Федорова

Курганский государственный университет, Курган, Россия

На материале 479 писем Тимофеевых, «Автобиографического очерка» Павлина Дмитриевича Тимофеева (127 страниц школьных тетрадей) и двух словарей исследуется своеобразие речевого портрета трехпоколенного семейства шадринцев (XX в.). Репрезентативность выводов вытекает из продуктивной методологии исследования, предусматривающей связь духовной культуры с историческими, географическими условиями. Это позволило раскрыть свободное владение шадринцами словом как семейной ценностью.

Ключевые слова: слово, семья, связь поколений, письма, диалект, двоеверие, традиция, речение, сакральность.

Носители языка

По наблюдениям А. Н. Афанасьева, в народе принят синонимический ряд обозначения речи. Бытуют как однозначные глаголы: баять, вещать, говорить, мыслить, думать, пенять, петь, чародействовать, заклинать и лечить (прогонять нечистую силу болезней вещим сном и чарами), оговорить и т. д. [1. С. 335—337]. В письмах Тимофеевых тоже принято многообразное толкование термина «слово». Понимая, что речь шире слова, примем, характеризуя «наречие» семьи Тимофеевых, их терминологию.

Отметим своеобразную раскованность Тимофеевых в подходе к возможностям использования слова: неожиданная лексика, свободное обращение с синтаксисом и с «чужим словом», мастерское владение диалектом. Эта особенность речи Тимофеевых — отражение менталитета шадринцев, сформировавшегося в специфических социальных, исторических и географических условиях. О смелости сибиряков в речевом обращении с людьми разных классов писал декабрист Н. В. Басаргин, отбывавший ссылку в землях за Уралом, в том числе в Кургане. Сравнивая речь сибиряков и жителей своего имения во Владимирской губернии, декабрист связывал способ выражаться с особенностями социального положения людей. Свободные от крепостного права сибиряки свободно разговаривают с бариним. Другое дело — закрепощенный люд: «Не мог я тоже привыкнуть к их образу выражаться и говорить со мной... Например, господская рука была не рука, а ручка, не нога, а ножка, господин не ходит, не ест, не пьет, а изволит ходить, изволит кушать, изволит забавлять-

ся, изволил занемочь и т. д. Как-то раз я заметил одной женщине, что ее выражения неправильны, что ручка только у детей и что слово “изволил” не идет к такому действию, которое совершилось против желания, например: упасть и ушибиться. Она с удивлением посмотрела на меня и отвечала, что я, конечно, изволю шутить, что рука у просто-народия, а у господина — ручка и что нельзя про них говорить иначе, как с прибавлением изволил ко всему, что они делают и что с ними случается» [2. С. 298—299]. Кстати, и бытовую чистоплотность сибиряков связывал Н. В. Басаргин с их свободой [Там же. С. 297].

Эта характеристика речи сибиряков относится и к Тимофеевым — жителям Шадринского уезда, который был своеобразными воротами в Сибирь. Уезд оказался одним из центров северного торгового пути, что требовало от населения смелости, риска, грамотности, деловитости, контактности. Торговля априори предполагает яркую, образную речь. Не случайно в языке утвердилось наблюдение: «Не похвалишь, не продашь». Хвалили и продавали привозной и свой товар на Крестовской ярмарке — третьей в России по товарообороту — после Нижегородской и Ирбитской. Это формировало не только характер шадринцев, но и их речь. В. П. Бирюков отмечал влияние на нее смешения диалектов, вынесенных из тех мест, откуда выходил тот или иной переселенческий поток. В Зауралье перемалывались наречия разных регионов России. Преимущественно влиял Русский Север. Значительным был приток населения из северных краев Урала, особенно из верховий Камы. Так, семья матери В. П. Тимофеева (в девичестве

Теплохова) переселилась за Урал из Усоля-Камского. В их деревне было много Усольцевых, что стало основанием переименования ее названия: прежняя Сукина стала называться Усольцевой [11. С. 4]. Темпоральные границы бытования речевого комплекса семьи Тимофеевых — XX в. Старшее поколение впитывало его еще в начале XX в., судя по датам рождения (конец XIX в.).

Семейно-биографическое повествование о Тимофеевых открывается характеристикой матери родного гнезда — Евдокии Михайловны как начала речевой жизни семьи. Родившаяся в 1896 г., она напиталась «речением» предыдущих поколений и передала его детям, о чем свидетельствуют отметины в их письмах: «Мама говорила».

Почти постоянное проживание Евдокии Михайловны в одном локусе позволяет рассматривать ее речь как традиционную для этих мест с учетом талантливости знатока слова. К сожалению, не сохранились ее письма мужу на фронт, написанные под диктовку подростком-сыном. Своеобразную, яркую речь Евдокии Михайловны высоко оценил ее внук Игорь Вячеславович, филолог по образованию: «Пока я жил один день, так она меня засыпала разными пословицами да поговорками, я поздно додумался записать, но кое-что успел все-таки: “Деньги есть, дак Иван Петрович, денег нет, дак Ванька шкет”, “Экот бы смех да на всех, я бы всю голову расхотала” (значит сильнее вас бы хохотала). ...А какая у бабушки речь образная» [Там же. С. 6].

Характерные особенности речи Евдокии Михайловны отражены в «Словаре диалектной личности» [10].

Речь старшего поколения представляют 114 писем и «Автобиографический очерк» Павлина Дмитриевича, 1899 г. р., уроженца села Сладчанки Шадринского района. Павлин Дмитриевич много читал и писал. Начальное образование получил в деревенской школе, интерес к слову открыл зауральцу мир литературы. Естественны в его письмах и очерке аллюзии к произведениям А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, Н. А. Некрасова и др. По свидетельству сына, он знал многое наизусть: «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о попе и его работнике Балде», басни Крылова, стихи Кольцова [11. С. 42]. Все это переплетено с диалектизмами и новой лексикой, продиктованной социальными и политическими сдвигами в стране: «Руководящий состав диктовали», «Целевой денежный оклад», «Бурная коллективизация» и т. д.

Сплав речи родного гнезда и фольклора пронизывает 20 писем Матрены Дмитриевны, уехавшей в Забайкалье в 1930-х гг. В смешении речевых потоков в далеком от родных мест регионе она сохранила шадринский говор. «Насквозь фольклорная», Матрена Дмитриевна сообщила брату в 1950 г. о смерти своей дочери в форме похоронного плача:

Пишу я вам письмо не от радости
И не от веселия,
А я со горя, я со великого.
Со печалюшки со великой
Во слезах-то я во горячих:
Схоронила я свою любимую доченьку
Октябрину и Александровну.
Оставила она меня
Со своими малыми детоньками
На чужой сторонушке.
И вот взята у меня была надеюшка
На нее, на свою милую доченьку.
Не с кем теперь мне думушку подумать
И не с кем слово тайное молвить

[Там же. С. 37].

Четырнадцать сохранившихся писем Георгия Дмитриевича (1907 г. р.), фронтовика, работавшего в коллективах Читинской области, отразили разрушение шадринского речения в новых условиях без подпитки родного слова.

Речь второго поколения характеризуют 310 писем (1948—1958) Татьяны Павлиновны. Рожденная в 1923 г., в юном возрасте вошедшая в войну, подростком вынужденная зарабатывать на хлеб, она не получила достойного образования: окончила девять классов Мехонской средней школы крестьянской молодежи. Тяжелые условия жизни не убили ее живую душу и свежий, яркий язык. «Таня — натура художественная, она играет на балалайке, поступила накануне войны в Челябинское музыкальное училище, но не получилось, знает и поет, читает газеты, гостеприимна, радушна ко всем родным, знакомым, заботливая, искренняя», — пишет о ней брат [Там же. С. 38]. Триста десять писем — «летопись ее души, ее семьи, это и жизнь...» [Там же].

Итак, объем исследуемого материала репрезентативен: 479 писем, два словаря и автобиографический очерк.

Рассмотрим, как в этом большом речевом комплексе отразился коллективный портрет семейного речения.

Сакральность слова

Первое, что надо отметить, — представление о сакральности слова. В мировоззренческом отношении слово в письмах Тимофеевых представит в параметрах двоеверия: переплетении язычества и христианства. Оно наделяется всемогуществом: «Слово — не стрела, а хуже стрелы» [Там же. С. 155], поэтому со словом следует обращаться разумно, не пускать его на ветер: «Слово — серебро, а молчание — золото» [Там же]. Слово воспринимается как вещь, наделенное тайнами. Татьяна Павлиновна неоднократно напоминает о родной речи, которую должны понимать только все родные. В одном письме к брату она напоминает о необходимости хранить тайну, заключенную в слове: «Ты понял мой язык? Все точно. Ни звука. Своя рубашка ближе к телу. Не озабочивай свою душу, не думай своей головушкой» (21.II.1988).

Таким образом, шадринские Тимофеевы сохранили древний взгляд на слово как сакральную сущность, о чем писал А. Н. Афанасьев: «...Слову человеческому была присвоена та же всемогущая сила, какую обладают сближаемые с ним божественные стихии» [1. С. 334]. Речь Тимофеевых в этом отношении близка к заговорной [12. С. 9].

Слово репрезентируется как вместилище многих смыслов: «Одним словом» [11. С. 131]. Смысловое наполнение слова отмечают словари, с чем соотносимы суждения Тимофеевых: единица речи, самая речь, разговор, беседа, устное публичное выступление, текст к песне и т. д. [7. С. 674]. Наделяется слово организующим началом: «Надо встать да голос дать» [11. С. 114]. В речи шадринцев слово обладает могущественной силой. Основание силы слова — предметность. По языческим воззрениям, оно персонифицируется, поэтому не всегда зависит от воли человека, а проявляет свою самостоятельность: «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь» [Там же. С. 155]. В одном из писем Татьяна Павлиновна напоминает о том, что слово самостоятельно: «Все же ты человек большой с богатым наречием, слово человека убьет» (09.10.1977). В другом письме она беспокоится о том, что пожелание плохого сбудется, хочет этот сказавший тяжелое слово или нет: «Вот грех станься, от слова не доспейся, если умрет, дак куда вы ее повезете?» [Там же. С. 134]. Оно способно преодолевать пространство: «Слух идет» [Там же. С. 155]. В письмах Тимофеевых слово предстает как некая амбивалентная сущность, способная приносить одновременно и добро и зло. Это соотносится с представлением о превращении, характерном для тотемов — ля-

гушки, белки, зайца и т. д. Словом можно обогреть [Там же], словом можно убить: «Слово — не стрела, а хуже стрелы» [Там же].

Из языческих далей через множество поколений дошло до лексикона Тимофеевых верование о связи жизни и слова, что реализуется через мотив нити. В одном из писем, от 07.07.1985, Татьяна Павлиновна идентифицирует слово и нить — символ жизни, что широко представлено в разных жанрах фольклора: «Ой, что чо я? Размотала клубок на четвертую страницу. Это, Веня, тебе интересно» [11. С. 146]. Эта мысль дублируется в другом письме: «Развязала язык» [Там же. С. 146].

В восприятии Тимофеевых сила слова задана не только его Божественным началом, но и материальностью. Еще А. Н. Афанасьев, исследуя поэтические воззрения славян на природу, отмечал древние представления о материальности слова: «Слово человеческое вылетает из-за городьбы зубов, как быстрая птичка, и уязвляет ненависть врагов, как острая стрела, почему Гомер дает ему эпитет крылатого» [1. С. 334].

Материальная земная основа рассматривается Тимофеевыми как возможность давать ту или иную характеристику содержанию слова. Так, грубость словом передается через образы отрицательного содержания и соответствующий звукообраз: «Лязгать зубами» — ругаться [11. С. 110]. Грубая речь характеризуется через грубые физиологические отправления: «пялить рот» — кричать [Там же. С. 145]; «разинуть глотку» — кричать [Там же. С. 146]; «рвать горло» — кричать [Там же. С. 147]; «распелить рот (хайло)» — грубо кричать [Там же. С. 147]; «пошел городить» — неправду говорить [Там же. С. 142]; «пошел собирать» — склочничать [Там же]; «языком болтать» — говорить неправду [11. С. 174]; «тянуть за язык» — заставить что-то сказать [Там же. С. 164].

Тимофеевы приняли метафоры, в которых слово можно разносить, его можно молоть, им можно резать: «мели, Омеля, твоя неделя» [Там же. С. 181]; «с три короба наговорить» [Там же. С. 161]; «резать правду-матку в глаза» [Там же. С. 147].

Вместе с тем слово призывает христианские силы на помощь человеку: «Бог с тобой», «Бог на помощь», «Христос с тобой» [Там же. С. 65]; «дай Бог здоровья доброй земле», «дай Бог памяти» [Там же. С. 83].

Сакральность слова, по языческим представлениям, проявляется его способностью объединять и разъединять людей: отсутствие слова, общения лишают человека главного его видового показателя.

Немота неестественна для людей, разрушает их. В этом отношении показательно письмо Татьяны Павлиновны брату по поводу тяжелого положения племянника Игоря, который должен проходить воинскую службу в Заполярье. По ее представлению, там по-русски не говорят. Трагедия племянника видится ей в глухом одиночестве, возможной потере человеческого начала, вызванного отсутствием своего языка. Скромная, воспитанная, она считает позволительным в этих условиях прибегать к ненормативной лексике, которая, по ее наблюдениям, легко усваивается разными этносами. Что называется, и смех и грех: «Я со страхом представляю, какой ужас он испытал, когда их посадили в самолет и куда они приехали с тепла в холод. Нет кругом своего, близкого человека, кто бы тебя словом обогрел. Хоть бы матом есть с кем было перемолвиться, и то бы легче было» [11. С. 42]. Слово как сакральную сущность шадринцы связывают с мифологизированным предметом — дорогой: «Язык до Киева доведет» [12. С. 174].

Слово наделяется более значительной силой, чем действие: «Научись колдовать, а потом воровать» [11. С. 138]. Сила слова видится в его всепроникающей способности. Оно дает о себе знать там, где бессильно зрение. «Не увидеть, так можно услышать» — узнать о том, что:

Боля хитрый, боля мудрый,
Каждо девку осмеёт,
Не увидим, дак услышим,
Кака женка попадет [Там же. С. 126].

Сакрализация слова поставила его на высшую ступень аксиологии. Оно — великое благо и средство оценки человека. Получает высокую оценку логичная, грамотно построенная, яркая речь. Она именуется красной. Устами, владеющими таким словом, «да мед пить» [Там же. С. 162]. Добрая веселая речь вызывает восторг и удивление. Татьяна Павлиновна, сама бойкая на язык, восторгается речью одной из родных: «Откуда чо берет! Женька как начнет отчиличивать, дак откуда чо и берет!» [Там же. С. 133].

Представлением о сакральности слова вызывает осуждение и непризнание как косноязычия, так и болтливости: «чья бы корова мычала, а твоя бы молчала», «не тебе бы говорить, не мне бы слушать» — не наше дело [11. С. 126]; «у Федорки всегда отговорки» — о человеке, который постоянно отговаривается [Там же. С. 166]; «ври, да знай меру» — не слишком завирайся [Там же. С. 75]; «одна была у волка песня, и ту отобрали

(отняли)» [Там же. С. 130]; «с три короба наговорить, наплести» — много говорить, наврать [Там же. С. 161]; «во весь рот молвить» — говорить громко, во весь голос [Там же. С. 72]; «языком почесать» — попусту говорить [Там же. С. 174]; «болтать языком» — попусту разговаривать [Там же. С. 166]; «язык без костей» — много говорить [Там же. С. 174].

С представлением о сакральности слова и его ролью в мироздании как человеческой черте связано неприятие молчания, немоты, что часто выражается в иронии: «Нашел — молчит, потерял — молчит» [Там же. С. 118]. Георгий Дмитриевич пишет 05.12.1936: «Чем чаще пишешь письма, тем больше находится слов писать, а то мы один другого не знаем, кто как живет. Как говорится, что сошлись и поговорить нечего» [Там же. С. 157].

Татьяна Павлиновна сетует на вынужденную немоту, отчего и последовало многословие, равное немоте. Эти полюса речевого параметра идентифицируются.

Татьяна Павлиновна в письме от 23.04.1973 сетует на то, что ее многословие — результат длительного молчания: «Вот, Вено, от немоты-то размочила языню, так что, пошла и пошла моя языня трепать, всю куделю растрепала, все рассказала» [Там же. С. 142].

За рамками данной статьи осталась проблема «чужого слова» в письмах семьи Тимофеевых. Она выведет на связь слова зауральской семьи с мировой культурой.

Заключение

Эмпирическая база исследования позволила сделать объективные выводы о своеобразии семейного речевого портрета Тимофеевых (Шадринск, XX в.). Отношение к слову шадринцев как черте менталитета семьи вызвано социальными, историческими условиями края: отсутствием крепостной зависимости, развитостью промыслов и торговли. Все это сформировало свободное обращение со словом как семейным достоянием, понятным всем членам семьи как хранителям тайн поколений, основы их сплоченности и доверия друг другу.

Примечательная черта семейного речевого портрета — представление о сакральности и амбивалентности слова: оно способно возвысить и убить. В рамках языческих воззрений сохранилось в семье Тимофеевых отношение к слову как аналогу дороги и нити, то есть самой жизни. При этом слово

раскрывается как основа социальной связи людей, как примета человеческого бытия. Приметой речевого портрета Тимофеевых является сплав христианства и язычества с преобладанием архаических воззрений.

В условиях свободы от крепостной зависимости утвердилось в семье Тимофеевых свободное владение различными аспектами русского языка: разговорная речь, фольклор, литературные произведения, диалекты.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово: монография. М.: Совет. Россия, 1988. 512 с.
2. Басаргин Н. В. Рассказы, воспоминания, статьи: сборник. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1988. 541 с.
3. Даль В. Пословицы русского народа: сборник. М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1957. 991 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1994. 1782 с.
5. Мифы народов мира: в 2 т. Т. 2. М.: Совет. энцикл., 1992. 719 с.
6. Новый Наутилус. Собрания крестьянина Д. М. Торопова: краеведч. изд.: сборник / ред., вступ. ст., коммент. А. А. Зыкова. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2018. 336 с.
7. Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов; под общ. ред. акад. С. П. Обнорского. Изд. 3-е. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. языков, 1953. 848 с.
8. Пословицы и поговорки Шадринского уезда (Записаны местными уроженцами и краеведом А. Н. Зыряновым 14.05.1950) // Авангард (Шадринск). 1992. 8 июля.
9. Тимофеев В. П. Словарь диалектной личности. Шадринск: Шадринский гос. пед. ин-т, 1971. 414 с.
10. Тимофеев В. П. Фразеология диалектной личности: словарь. Шадринск: Шадрин. гос. пед. ин-т, 2003. 176 с.
11. Федорова В. П. Человек и слово в заговорах: Южное Зауралье. Конец XX в.: монография. Курган: Курган. гос. ун-т, 2003. 288 с.
12. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX—XX вв.: монография. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Сведения об авторе

Федорова Валентина Павловна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Гуманитарного института Курганского государственного университета, Курган, Россия. filfak@kgsu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 137—142.*

SPEECH PORTRAIT OF THE TIMOTHEEV FAMILY (SHADRINSK, XX CENTURY)

V. P. Fedorova

Kurgan State University, Kurgan, Russia. filfak@kgsu.ru

The article examines the peculiarities of the speech portrait of a three-generation family from Shadrinsk (embracing the span of the 20th century) on the material of 479 letters, The Autobiographical Essay by Pavlin Dmitrievich Timofeev (127 pages of school notebooks) and two dictionaries. The representativeness of our conclusions derives from the research methodology, revealing the connection of spiritual culture with historical and geographical conditions. We show that the free wielding of the word was viewed by the Timofeevs as the family value, which is a feature of the mentality of the residents of Siberia, already noted by the Decembrist N. V. Basargin, who was sent to Kurgan. Also, the Timofeevs' treatment of the word as a sacred entity is determined by the stability of the archaic culture of the places of exodus of migratory flows (the Russian North and the Ural-Vyatka region), its conservation in the closed world of the Trans-Urals. In the letters and the essay, the word appears as an ambivalent, independently living phenomenon, the mystery of which is opening up to its users.

Keywords: *word, family, connection between generations, letters, dialect, double-faith, tradition, speech, sacrality.*

References

1. Afanas'ev A. N. (1988) *Zhivaya voda i veshchee slovo* [Living water and the word]. Moscow, Soviet Russia. 512 p. [in Russ.].
2. Basargin N. V. (1988) *Rasskazy, vospominaniya, stat'i* [Stories, memories, articles]. Irkutsk, East Siberian Book Publ. 541 p. [in Russ.].
3. Dal' V. I. (1957) *Posloviy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, State Publishing House of Fiction. 991 p. [in Russ.].
4. Dal' V. I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka v 4 t. T. 3* [Interpretive dictionary of the Great Russian language in 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Progress Publ. 1782 p. [in Russ.].
5. (1992) *Mify narodov mira v 2 t. T. 2* [Myths of the world's peoples in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Soviet Encyclopedia. 719 p. [in Russ.].
6. (2018) *Novyj Nautilus. Sobraniya krest'yanina D. M. Toropova* [New Nautilus. Essays of the peasant D. M. Toropov]. Kurgan, Kurgan State University Publ. 336 p. [in Russ.].
7. Ozhegov S. I., S. Obnorsky (ed.) (1953) *Slovar' russkogoyazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Languages. 848 p. [in Russ.].
8. (1992) *Posloviy i pogovorki Shadrinskogo uezda (Zapisany mestnymi urozhencami i kraevedom A. N. Zyryanovym 14.05.1950)* [Proverbs and proverbs of Shadrinsk district (Recorded by local natives and local historian A. N. Zyryanov 14.05.1950)]. *Avangard (Shadrinsk)*, July 8.
9. Timofeev V. P. (1972) *Slovar' dialektnojlichnosti* [Dictionary of dialect personality]. Shadrinsk, Shadrinsk State Ped. Institute Publ. 414 p. [in Russ.].
10. Timofeev V. P. (2003) *Frazeologiya dialektnoj lichnosti: slovar'* [Phraseology of dialect personality: dictionary]. Shadrinsk, Shadrinsk State Ped. Institute Publ. 176 p. [in Russ.].
11. Fedorova V. P. (2003) *Chelovek i slovo v zagovorah: Yuzhnoe Zaural'e. Konec XX v.* [Man and word in conspiracies: Southern Trans-Urals. End of XX century]. Kurgan, Kurgan State University Publ. 288 p. [in Russ.].
12. Shechepanskaya T. B. (2003) *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy tradicii XIX — XX vv.* [Culture of the road in the Russian myphorital tradition of the XIX — XX century]. Moscow, Indrik Publ. 528 p. [in Russ.].

ВВЕДЕНИЕ В КОНЦЕПЦИЮ ЯЗЫКОВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА¹

Р. Филлипсон

Копенгагенская школа бизнеса, Копенгаген, Дания

Направление социолингвистики, названное языковым, или лингвистическим империализмом, проясняет такой важный вопрос, как роль языковой политики в многонациональных государствах, в особенности привнесение экзоглоссии в языковой ландшафт страны, когда внешний язык становится официальным, государственным языком или повсеместным лингва франка. Концепция языкового империализма обосновывает практику продолжающегося использования европейских языков, принесенных колониальной политикой в Африку и Азию, в качестве средств коммуникации после избавления от прямой колониальной зависимости; роль государственной экзоглоссии в новообразованных национальных государствах и использование ее для проведения западных интересов; маргинализацию национальных субъектов, не владеющих языком метрополии; продолжение эксплуатации бывших колоний через элиту, подвергшуюся аккумуляции и пр.

Ключевые слова: *языковой империализм, глобальный английский, экзоглоссия, язык науки, лингвистид.*

Введение

Наиболее важными объектами изучения в рамках направления языкового империализма (ЯИ) представляются вопросы глобального языка и вопросы существования и процветания полиэтнических и многонациональных государств. Центральным понятием ЯИ является понятие «лингва франка», языка, который используют представители разных национальностей для общения. ЯИ исследует, насколько справедливо и экологично складывается языковая обстановка в результате использования лингва франка, представляет ли он из себя простой инструмент передачи личностных и национальных смыслов или орудие навязывания инокультурных идеологий и средство иерархического социального структурирования общества. Ответы на эти базовые вопросы влекут за собой ответы на актуальные для современности политические вопросы. Является ли в глобализирующемся мире английский язык нейтральным инструментом общения разных народов или инструментом обслуживания англо-американских интересов? Можно ли трактовать корпоративное и военное мировое господство США и возглавляемую ими глобальную неолиберальную экономику как новую форму империи, консолидируемую единым имперским языком и соответствующим понятийным аппаратом? Можно ли рассматривать подавление таких языков, как курдский в Турции или тибетский и уйгурский в Китае, проявлением языкового империализма? Начнется ли с ростом значения Китая

в мире активное продвижение китайского языка на международном уровне и примет ли это новую форму языкового империализма? На эти и другие вопросы позволяет ответить изучение сущности и проявлений языкового империализма.

Термин «империализм» происходит от лат. *imperiū*, что означает «военный и политический контроль доминирующей власти над подчиненными народами и территориями». Панорамная история империй показывает богатое разнообразие ролей, которые язык метрополии может выполнять в покорении народов [16]. В период глобального европейского господства сочетание военной, коммерческой и христианской миссионерской деятельности способствовало трансплантации западных культурных и образовательных норм и языков в культуру других народов [4; 14; 27]. Использование таких терминов, как империализм, вызывает споры, потому что «характеристика чего-либо как имперского или колониального сегодня почти всегда подразумевает враждебность, рассматривается как аморальное и незаконное по сути» [6. Р. 9], хотя у элит, как правило, нет иллюзий по поводу механизма работы империи.

Стратегию Римской империи, захватившей большую часть Европы и Северной Африки, в отношении кооптации покоренных народов глубоко проанализировал Тацит две тысячи лет тому назад: «На смену отвращению к латинскому языку пришло страстное желание овладеть им. Точно так же стала популярной наша национальная одежда — повсюду можно видеть мужчин, одетых в тогу. Британцев постепенно приучили к удобствам, которые делают

¹Перевод авторского текста Р. Филлипсона — Е. В. Шелестюк.

порок приятным, — к аркадам, баням и роскошным банкетам. Они называют такие новшества «цивилизацией», хотя на самом деле эти предметы являются признаком порабощения» [34. Р. 72].

Значение языка в деле колонизации было хорошо известно и в других империях. В 1492 г. королеве Испании Изабелле был представлен план учреждения кастильского языка в качестве основного в королевстве, чтобы использовать его «как инструмент для заморских завоеваний и оружие подавления речи простолюдинов внутри страны». Согласно автору этого плана Антонио де Небриху, «язык всегда был верным супругом империи и навеки останется ее спутником» [7. Р. 34—35]. Во всех империях язык метрополии становился стандартом в системе образования, средством общественного контроля, инструментом выполнения колониальной миссии.

Когда в Европе языком для светских целей стал французский, широко распространилась убежденность во внутреннем превосходстве этого языка. В 1782 г. Берлинская академия провела конкурс на тему, почему французский является «универсальным языком». В победившем эссе утверждалось, что языки, которые не соответствуют синтаксису французского, нелогичны и невняты.

Поддержание лингвистической иерархии, как правило, подразумевает стигматизацию подчиненных языков (в качестве «диалектов», «просторечий»), превознесение доминирующего языка (прославление его превосходства, логической ясности, более богатого словарного запаса) и рационализацию отношений между языками, обосновывающую выгоду от овладения доминирующим языком (доступ к высшей культуре и «прогрессу»). Древние греки с презрением называли людей, не говорящих по-гречески, словом «варвары», то есть иностранцы, бормочущие на чужом языке. Термин «валлийский» (*Welsh*) использовался носителями английского языка для обозначения людей, называющих себя «каймри» (*Cymry*). «Валлийский» на древнеанглийском языке означает «иностранный» или «незнакомый», что является стигматизирующей категоризацией с позиции главенствующей группы и ее языка. Доминирующий язык преподносится как сакральный, язык религии, Бога (санскрит, арабский в исламском мире, голландский в Южной Африке); язык разума, логики и прав человека (французский в период до и после Французской революции); язык высшей этнонациональной группы (немецкий в нацистской идеологии); язык прогресса, модерна и национального единения (английский в большинстве постколониальных дискурсов). Другие языки в по-

добных дискурсах явно или неявно лишаются таких функций и качеств.

Колониальные правительства проводили политику лингвицида, способствующую искоренению исконных языков благодаря систематическому предпочтению им европейских языков в «высоких» функциональных сферах коммуникации — законодательстве, образовании, церковных службах и проповедях, науке и т. д.

Лингвистическая иерархизация наряду с расизмом сыграла важную роль в легитимации колониализма [17]. В настоящее время она продолжается в аргументах тех исследователей, которые в восторженном или хвалебном тоне обсуждают доминирование английского языка в мировом масштабе [2].

Лингвистический геноцид в том виде, как он определяется в дополнении к Конвенции Организации Объединенных Наций о геноциде — насильственная ассимиляция подчиненных этносов этносу с доминирующей культурой и языком, — все еще широко практикуется в современном мире [30]; такую политику также можно рассматривать как преступление против человечности [31].

Экспансия через языковой империализм

Экспансия английского языка, исконной территорией которого была Англия, началась с его распространения на все Британские острова. Акт 1536 г. об унии с Уэльсом повлек за собой подчинение Уэльса «правам, законам, обычаям и речи Англии» [цит. по: 8. Р. 132]. На Британских островах распространялась одноязычная идеология с разрушительными последствиями, труднопреодолимыми, даже несмотря на то, что некоторые кельтские языки сохранились и в настоящее время предпринимаются попытки их возродить. Продолжающаяся маргинализация ирландского языка жестов является еще одним примером языкового империализма [29].

Британская одноязычная идеология была экспортирована в колонии поселенцев в Северной Америке, Австралии и Океании. Президент Теодор Рузвельт писал в 1919 г.: «В нашей стране есть место только для одного языка, и это английский язык». Более дифференцированная политика требовалась в так называемых «эксплуатационных колониях»¹, где климат не позволял заселяться европейцам, таких как Индийский субконтинент и большинство африканских колоний [27].

¹ Эксплуатационный колониализм — это национальная экономическая политика завоевания страны с целью эксплуатации ее населения в качестве рабочей силы, а природных ресурсов — в качестве сырья.

Сегодняшнее влияние английского, французского, испанского и португальского языков в Северной и Южной Америке, Африке, Азии, Австралии, Океании и Тихоокеанском регионе является прямым следствием последовательных волн колонизации и результатов военных конфликтов между соперничающими европейскими державами. За период массовой эмиграции 1815—1914 гг. более 21 млн британцев и ирландцев уехали в колонии: больше всего в США, а также в Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку. Подобное, хотя и менее массовое, демографическое движение также было предпринято голландцами, французами, португальцами и испанцами. Массовая миграция в колонии подразумевала право оккупировать территории, как если бы они были незанятыми, необитаемыми. Появился миф о *terra nullius*, который предполагал, что аборигены не имеют права собственности на землю. Целью мигрантов было создание в новых землях точных копий европейских стран, так появились Новый Амстердам (позже Нью-Йорк), Новая Англия, Новая Зеландия, Новая Шотландия, Испания и т. д. Языком *terra nullius* по умолчанию становился язык колонизатора — *lingua nullius*. Любопытно, что и в настоящее время английский язык мошенническим образом «продается» как *lingua nullius*, универсальный мировой язык, уникальный и полезный инструмент для внедрения в образование других стран, поскольку он якобы одинаково хорошо обслуживает все без исключения этносы и нации [24].

Первоначально в миссионерской работе и обучении языки коренных американцев еще использовались. Со временем усилилась конкуренция за территории и ресурсы, участились конфликты между поселенцами и коренными народами, и в образовании утвердился принцип: «единственный шанс преуспеть в деле обучения туземцев обеспечивается тем, чтобы забирать их детей в школы-интернаты и делать из них “англичан по языку, цивилизованных по манерам, христиан по религии”» [33. Р. 152]. В результате такой политики сохранилось очень мало языков, изначально присутствовавших в США, Канаде и Австралии. Это яркие примеры языкового империализма по отношению к языкам меньшинств.

Образование в американских колониях функционировало аналогичным образом. На Филиппинах с 1898 по 1940 г. в школах использовался исключительно английский язык: «государственное образование, особенно обучение языку и литературе, было разработано для прямой поддержки американского колониализма. Объединенная сила канона, учебной программы и педагогики лежала в основе

идеологических стратегий рационализации, натурализации и узаконивания мифов о колониальных отношениях и реалиях» [11. Р. 210].

Французская и Британская империи по-разному формулировали цели колониальной политики, однако их объединяло то, что доминируемые языки имели в них низкий статус, независимо от того, игнорировались они совсем или использовались в первые годы обучения. Анализ связи между языковой политикой во Франции и продвижением французской колонизации свидетельствует о том, что колонизаторы «поглощали» другие языки в процессе своеобразного лингвистического каннибализма, «глотофагии» [1]. Очень малая часть населения получала формальное образование после младших классов. Местные традиции в области образования игнорировались, образование в целом было неадекватным, неподходящим для местных условий, зато четко проявлялась политика «цивилизаторства» туземцев, причем именно языку колонизаторов приписывались основные цивилизаторские свойства [19. Р. 127—128]. Эти обобщения верны для французской языковой политики, даже если на практике она целенаправленно разрабатывалась *ad hoc* для самых разных ситуаций. Во французских колониях преследовалась цель создания «черной элиты», воспитанной в культурных канонах метрополии, что обусловило использование содержания и методов обучения во французских школах. В Британской же империи языковая политика была еще более однозначна: «английский язык был официальным орудием и волшебной формулой для того, чтобы местные представители могли войти в колониальные элиты» [15. Р. 115].

В СССР в целом, особенно в ранние десятилетия, был демократичный подход к языкам меньшинств, создавались алфавиты и поощрялась письменность, проводилась коренизация управления, образования, печати и литературы на национальных языках. Однако введенное И. В. Сталиным в 1930-х гг. обязательное двуязычное образование считается рядом исследователей шагом к переходу народов СССР к моноязычию на русском языке [26].

В настоящее время политика Всемирного банка, играющего решающую роль в финансировании образования в «развивающихся» странах, демонстрирует языковой империализм колониального и постколониального типов: «В реальности позиция Всемирного банка... способствует укреплению в Африке языков бывших метрополий. ... Похоже, этот орган не считает лингвистическую африканизацию начального образования предприятием, заслуживающим внимания и усилия. Что же

касается высшего образования, то в публикации о стратегиях Всемирного банка по достижению стабилизации и возрождения университетов совершенно не упоминается о месте этнических языков в университетском образовании» [12. С. 39].

В книге «Английский язык в постимперском обществе» под редакцией Дж. Фишмана, А. Конрада и А. Рубала-Лопеса [5] содержится множество эмпирических описаний функций английского языка в разных контекстах: 29 авторов сборника исследовали языковые ситуации в разных странах с тем, чтобы оценить проявление языкового империализма в тех странах, за исследования в которых они отвечали. Все авторы указали на преобладание английского языка в высоких функциональных сферах социальной коммуникации, хотя и не пытались теоретически обосновать это преобладание.

Ученые, которые скептически относятся к языковому империализму как объяснительной модели укрепления позиций английского языка во всем мире, склонны анализировать вопросы так, как будто бы существовал строгий выбор между а) активным продвижением английского языка по миру со стороны США и Великобритании при поддержке ряда лингвистов и политиков национальных государств, выступающих в качестве проводников влияния англоязычного мира и отдающих этому языку первенство перед другими языками, и б) тем, что многие люди из бывших колоний и доминируемых стран сами активно желают изучать английский язык из-за экономических, социальных, политических и культурных привилегий, который дает его знание, из-за «дверей, которые он открывает». Суть подытоживается так, как если бы: а) подразумевало навязывание, тогда как б) предполагало «свободный» выбор [См., напр.: 9. Р. 35—37]. Это ложная дихотомия: ни навязывание, ни желанный выбор не свободны от контекста. Языковому империализму способствует как фактор давления, так и фактор притяжения последний фактор обусловлен преклонением перед мощью и фасцинирующим воздействием культуры.

Неолиберализм и глобализация, в которых доминирует Запад, укрепили позиции английского языка [25], но равным образом их укрепило и расширение НАТО [35]. Действительно, всякий раз, когда возникает риск для «жизненно важных интересов» англосаксонского мира, вмешиваются американские военные. Очевидно, что, несмотря на финансовый и экономический кризис 2008 г., который выявил нестабильность Запада, а также возросшее влияние Китая, английский язык до сих пор служит для консолидации интересов сильных мира

сего в глобальном масштабе и на местном уровне. Вместе с тем он служит для поддержания эксплуататорского мирового порядка, который во многом лишает гражданских прав носителей других языков.

В настоящее время сильные позиции англичан в бывших колониях представляют собой продолжение их политики колониальных времен. Эта политика упрочила класс элиты, в результате чего в Индии «за годы после обретения независимости английский язык стал единственным и наиболее важным фактором социально-экономической мобильности... В условиях глобализации экономики английское образование увеличивает разрыв между социальными классами» [13. Р. 268—269].

США и Великобритания активно координировали усилия по продвижению английского как «глобального» языка начиная с 1950-х гг. При этом языковая педагогика, пропагандируемая британцами и американцами, строится на пяти принципах, каждый из которых представляет собой ложный силлогизм: ошибка предпочтительного изучения только одного второго/иностранного языка («ошибка одноязычия»), ошибка необходимости носителя языка в качестве учителя («ошибка носителя языка»), ошибка раннего начала обучения английскому языку («ошибка раннего начала»), ошибка максимального погружения в языковую среду («ошибка максимального погружения») и ошибка, связанная с отказом использования родного и других языков на уроках английского, поскольку это якобы снижает овладение стандартом английского языка («ошибка субтрактивности») [19. С. 183—218]. Эти принципы по-прежнему лежат в основе прибыльного глобального бизнеса по преподаванию английского языка и приводят к отправке множества малоквалифицированных его носителей преподавать английский язык в Азии [22].

Сопrotивление языковому империализму

Вышеизложенная концепция может служить основой для более глубокого изучения вопросов, поднятых изначально в данной статье. Анализ может быть дополнен документами об опыте применения способов противодействия языковому империализму с помощью специально разработанных схем языкового образования [2; 3]. Некоторые критики анализа языкового империализма фактически искажают саму концепцию (например, Blommaert [См.: 12]). Обвинения в том, что этот анализ игнорирует свободу действий языковых субъектов, выступает за чрезмерно структуралистское (грамматико-переводное) обучение второму/иностран-

ному языку и подразумевает, что системы образования не должны формировать компетентных пользователей английского языка [18], являются ложными [20. P. 15—18]. Также подчеркнем, что изучение языкового империализма не выступает за отдельные языки или против них. Оно стремится проанализировать, как языковой империализм функционирует в тех или иных контекстах, дабы выявить несправедливость или дискриминацию и обеспечить основу для исправления этих следствий империалистической лингвополитики.

Вполне логично, что люди во многих странах хотят развить навыки владения английским языком, однако во многих постколониальных странах это влечет за собой субтрактивное обучение национальным и этническим языкам. Например, следствием того, что образование в Сингапуре осуществляется исключительно на английском языке, является то, что более половины населения в настоящее время использует английский в качестве домашнего языка. Такой эффект может иметь обучение на английском языке, при котором не учитывается необходимость уделять приоритетное внимание родным языкам.

Одним из факторов, способствующих формированию глобальной элиты, является быстрое распространение по всему миру и увеличение числа международных школ, где языком обучения является английский (в 2017 г. таких школ было 8000, в том числе 550 — в Объединенных Арабских Эмиратах и Китае [36]). Большинство выпускников этих школ продолжают обучение в университетах англоязычных стран. Очевидно, что для них укорененность в родных языках и культурах будет слабее, чем идентификация с глобальной экономикой и международной мобильностью.

Что касается стран Северной Европы, то после десятилетий массивного влияния английского языка на высшие и повседневно-разговорные функциональные сферы коммуникации, их правительства пришли к мнению, что повышение уровня владения английским никоим образом не должно снижать роль национальных языков. Этот принцип закреплен в Декларации о североевропейской языковой политике, доступной на восьми скандинавских языках и английском (www.norden.org). Однако принимаемые скандинавскими странами меры носят компромиссный и половинчатый характер, что свидетельствует о фактическом признании англоязычной гегемонии и смирении с ней. Многие университеты Финляндии и Швеции сформулировали языковую политику, направленную на обе-

спечение того, чтобы их выпускники и сотрудники фактически были двуязычными. Будучи учреждениями, финансируемыми государством, университеты несут ответственность за продвижение национальных языков, а как участники международного профессионального сообщества — за продвижение английского и других международных языков, в которых выпускники нуждаются для работы. Однако это хотя бы свидетельствует о том, что указанные правительства осознают опасность негативного воздействия языкового империализма и принимают меры по противодействию ему.

Наконец, кратко остановимся на языковой политике Европейского Союза. Управление многоязычием, осуществляемое в его учреждениях, исключительно сложно. Рыночные силы укрепляют позиции английского языка в государствах-членах, а также в системе администрирования ЕС. Следовательно, существует риск того, что другие языки лишатся своего лингвистического капитала. В этой связи ряд политологов считают Европейский Союз наднациональной структурой имперского типа, языковую политику которой фактически составляет языковой империализм с английским языком на вершине языковой иерархии [23].

Огромный объем научных публикаций на английском языке также служит закреплению его на вершине иерархии языков. Например, ученым из испаноязычного мира, притом что испанский язык занимает одно из ведущих мест в мире по числу говорящих, все чаще приходится публиковаться на английском языке [10], то же касается и исследователей — носителей других мировых языков.

Заключение

В заключение суммируем признаки, свойства и закономерности языкового империализма, которые следует учитывать, производя эмпирический анализ языковой ситуации [19; 20]:

- ЯИ переплетается с другими *системно-структурными проявлениями империализма* — в культуре, образовании, средствах массовой информации и коммуникации, экономике, политике и т. д.
- Следствием ЯИ являются *эксплуатация*, несправедливость, неравенство и иерархия, дающая привилегии тем, кто может использовать доминирующий язык, и ограничивающая возможности тех, кто его использовать не может.
- ЯИ носит *структурный* характер: доминирующему языку предоставляется больше материальных ресурсов и инфраструктурных средств, чем другим языкам.

- ЯИ идеологичен: убеждения (верования), отношения (аттитюды) и образы прославляют доминирующий язык, стигматизируют другой язык (языки) и рационализируют лингвистическую иерархию.
 - Доминирование носит *гегемонистский* характер: оно интериоризируется и рационализируется (naturalized) как «нормальное».
 - Доминирование влечет за собой *неравные права* для носителей разных языков.
 - Использование языка часто бывает *субтрактивным*, владение имперским языком и его изучение в образовании предполагает его закрепление за счет других языков.
 - ЯИ — это форма *лингвицизма*, предпочтение одного языка другим, подобное структурированию общества через расизм, сексизм и классовое разделение. Лингвицизм обеспечивает привилегии носителям стандартных форм доминирующего языка, который становится конвертируемым лингвистическим капиталом.
 - ЯИ неизменно вызывает *споры и сопротивление*.
- Итак, языковой империализм — это реальность, которая проявляется по всему миру в разных контекстах. Для обзора языковых прав во всем мире см. четырехтомник, составленный Т. Скютнабб-Кангас и Р. Филлипсоном в 2017 г. [32].

Список литературы

1. Calvet L.-J. Linguistique et colonialisme: Petit traité de glottophagie. Paris, France: Payot, 1974.
2. Why English? Confronting the Hydra / ed. by P. Bunce, R. Phillipson, V. Rapatahana, R. F. Tupas. Bristol: Multilingual Matters, 2016.
3. Canagarajah S. A. Resisting linguistic imperialism in English teaching. Oxford, England: Oxford Univ. Press, 1999.
4. Fanon F. Peau noire masques blancs. Paris, France: Éditions du Seuil, 1952.
5. Post-imperial English. Status change in former British and American colonies, 1940—1990 / ed. by Fishman J. A., Conrad A. W., & Rubal-Lopez A. Berlin, Germany: De Gruyter, 1996.
6. Howe S. Empire, a very short introduction. Oxford, England: Oxford Univ. Press, 2002.
7. Illich I. Shadow work. Boston, MA: Marion Boyars, 1981.
8. Jenkins G. H. A concise history of Wales. Cambridge, England: Cambridge Univ. Press, 2007.
9. Kirkpatrick A. World Englishes. Implications for international communication and English Language Teaching. Cambridge, England: Cambridge Univ. Press, 2007.
10. Mar-Molinero C. // The handbook of language and globalization / ed. by N. Coupland. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. P. 162—181.
11. Martin I. P. // Englishes in Asia: Communication, identity, power and education / ed. by A. Kirkpatrick. Melbourne, Australia: Language Australia, 2002. P. 201—211.
12. Mazrui A. A. // Race and Class. 1997. No. 38 (3). P. 35—48.
13. Mohanty A. // Imagining multilingual schools. Languages in education and globalization / ed. by O. García, T. Skutnabb-Kangas, & M. E. Torres-Guzmán. Clevedon, England: Multilingual Matters, 2006. Pp. 262—283.
14. Mühlhäusler P. Linguistic ecology. Language change and linguistic imperialism in the Pacific region. London, England: Routledge, 1996.
15. Ngũgĩ wa Thiong'o // New Left Review. 1985. April/June. P. 109—127.
16. Ostler N. Empires of the word. A language history of the world. London: HarperCollins, 2005.
17. Pennycook A. English and the Discourses of Colonialism. New York, NY: Routledge, 1998.
18. Pennycook A. Critical applied linguistics: A critical introduction. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2001.
19. Phillipson R. Linguistic imperialism. Oxford, England: Oxford Univ. Press, 1992.
20. Phillipson R. Linguistic imperialism continued. New York, NY: Routledge, 2009.
21. Phillipson R. The sociolinguistics of globalization by Jan Blommaert. Critical Discourse Studies. 2012. No. 9 (4). Pp. 407—414.
22. Phillipson R. // Journal of Critical Education Policy Studies. 2016. Vol. 14, no. 3 (December). Pp. 80—96.
23. Phillipson R. // Revisiting the European Union as an empire / ed. by H. Behr, J. Stivachtis. London: Routledge, 2016. Pp. 134—163.
24. Phillipson R. // Language Policy. 2017. No. 16/3. P. 313—331.
25. Piller I., Cho J. H. // Language in Society. 2013. No. 42. P. 23—44.

26. Rannut M. // Linguistic human rights: Overcoming linguistic discrimination / ed. by T. Skutnabb-Kangas, R. Phillipson. Berlin, Germany: De Gruyter, 1994. Pp. 179—208.
27. Rassool N. Global issues in language, education and development. Perspectives from postcolonial countries. Clevedon, England: Multilingual Matters, 2007.
28. Roosevelt T. Letter to R. K. Hurd, January 3. Retrieved August 10, 2011. URL: http://urbanlegends.about.com/library/bl_roosevelt_on_immigrants.htm.
29. Rose H., Conama J. B. // Language policy. 2017. September.
30. Skutnabb-Kangas T. Linguistic genocide in education — or worldwide diversity and human rights? Mahwah, NJ: Erlbaum, 2000.
31. Skutnabb-Kangas T., Dunbar R. Indigenous children's education as linguistic genocide and a crime against humanity? A global view. Guovdageaidnu/Kautokeino, Norway: Galdu, Resource Centre for the Rights of Indigenous Peoples, 2010.
32. Language Rights in 4 vol. / ed. by T. Skutnabb-Kangas, R. Phillipson. London: Routledge, New York, 2017. (Critical Concepts in Language Studies.)
33. Spring J. The cultural transformation of a Native American family and its tribe 1763—1995. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996.
34. Tacitus. Tacitus on Britain and Germany: A new translation of the Agricola and the Germania / trans. H. Mattingly. West Drayton, England: Penguin, 1948.
35. Templer B. The English Hydra as invader on the post-communist 'new periphery' in Bulgaria / ed. by Bunce [et al.]. 2016. P. 129—141.
36. Wechsler A. The International School Surge // The Atlantic. 2017. no. 5, June. URL: <https://www.theatlantic.com/education/archive/2017/06/the-international-school-surge/528792/>.

Рекомендуемая литература

37. English-medium instruction in higher education in Europe / ed. by S. Dimova, A. K. Hultgren, C. Jensen. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.
38. (Re-)locating TESOL in an age of empire / ed. by J. Edge. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan, 2006.
39. Harvey D. The new imperialism. Oxford, England: Oxford Univ. Press, 2005.
40. Macedo D., Dendrinos B., Gounari P. The hegemony of English. Boulder, CO: Paradigm, 2003.
41. Mazrui A. A. English in Africa after the cold war. Clevedon, England: Multilingual Matters, 2004.
42. Phillipson R. English-only Europe? Challenging language policy. London: Routledge, 2003.
43. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. // The handbook of language and globalization / ed. by N. Coupland. Oxford, England: Wiley-Blackwell, 2010. P. 77—100.

Сведения об авторе

Филлипсон Роберт — доктор философии, почетный профессор Копенгагенской школы бизнеса (факультет английского языка), Копенгаген, Дания. rp.msc@cbs.dk

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 143—151.*

INTRODUCTION TO THE CONCEPT OF LANGUAGE IMPERIALISM

R. Phillipson

Copenhagen Business School, Department of English, Copenhagen, Denmark. rp.msc@cbs.dk

The branch of sociolinguistics, called linguistic imperialism, focuses on the ways of and reasons for the dominance of certain languages at the international level and tries to substantiate this dominance theoretically. This branch clarifies such important issues as the role of language policy in empires and states of the imperial type, the implantation of the languages of the metropolises on other continents (as a rule, at the expense of local languages); the continuation of the use of European languages, brought by colonial policy to Africa

and Asia, as a means of communication after getting rid of the direct colonial dependence; the role of the state exoglossia in ensuring national unity within the former colonies or hindering such unity; using exoglossia as a springboard for pursuing Western interests; marginalization of national citizens who do not speak the language of the metropolis; the continuation of the exploitation of the former colonies through their elites, subjected to acculturation etc.

Keywords: *linguistic imperialism, global English, exoglossia, language of science, linguicide.*

References

1. Calvet L.-J. (1974) *Linguistique et colonialisme: Petit traité de glottophagie*. Paris, France, Payot.
2. Bunce P., Phillipson R., Rapatahana V., Tupas, R. F. (eds.) (2016). *Why English? Confronting the Hydra*. Bristol, Multilingual Matters.
3. Canagarajah S. A. (1999) *Resisting linguistic imperialism in English teaching*. Oxford, England, Oxford University Press.
4. Fanon F. (1952) *Peau noire masques blancs*. Paris, France, Éditions du Seuil.
5. Fishman J. A., Conrad A. W., Rubal-Lopez A. (eds.) (1996) *Post-imperial English. Status change in former British and American colonies, 1940—1990*. Berlin, Germany, De Gruyter.
6. Howe S. (2002) *Empire, a very short introduction*. Oxford, England, Oxford University Press.
7. Illich I. (1981) *Shadow work*. Boston, MA, Marion Boyars.
8. Jenkins G. H. (2007) *A concise history of Wales*. Cambridge, England, Cambridge University Press.
9. Kirkpatrick A. (2007) *World Englishes. Implications for international communication and English Language Teaching*. Cambridge, England, Cambridge University Press.
10. Mar-Molinero C. (2010). Coupland N. (ed.) *The handbook of language and globalization*. Malden, MA, Wiley-Blackwell. Pp. 162—181.
11. Martin I. P. (2002) Kirkpatrick A. (ed.) *Englishes in Asia: Communication, identity, power and education*. Melbourne, Australia, Language Australia. Pp. 201—211.
12. Mazrui A. A. (1997) *Race and Class*, no. 38 (3), pp. 35—48.
13. Mohanty A. (2006) García O., Skutnabb-Kangas T., Torres-Guzmán M. E. (eds.) *Imagining multilingual schools. Languages in education and glocalization*. Clevedon, England, Multilingual Matters. Pp. 262—283
14. Mühlhäusler P. (1996) *Linguistic ecology. Language change and linguistic imperialism in the Pacific region*. London, England, Routledge.
15. Ngũgĩ wa Thiong'o. (1985) *New Left Review*, April/June, pp. 109—127.
16. Ostler N. (2005) *Empires of the word. A language history of the world*. London, HarperCollins.
17. Pennycook A. (1998) *English and the Discourses of Colonialism*. New York, NY: Routledge.
18. Pennycook A. (2001) *Critical applied linguistics: A critical introduction*. Mahwah, NJ, Erlbaum.
19. Phillipson R. (1992) *Linguistic imperialism*. Oxford, England, Oxford University Press.
20. Phillipson R. (2009) *Linguistic imperialism continued*. New York, NY: Routledge.
21. Phillipson R. (2012) The sociolinguistics of globalization by Jan Blommaert. *Critical Discourse Studies*, no. 9 (4), pp. 407—414.
22. Phillipson R. (2016) *Journal of Critical Education Policy Studies*, vol. 14, no. 3, pp. 80—96.
23. Phillipson R. (2016) Behr H., Stivachtis J. (eds.) *Revisiting the European Union as an empire*. London, Routledge. Pp. 134—163.
24. Phillipson R. (2017) *Language Policy*, no. 16/3, pp. 313—331.
25. Piller I. & Cho J. H. (2013) *Language in Society*, no. 42, pp. 23—44.
26. Rannut M. (1994), Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. (eds.) *Linguistic human rights: Overcoming linguistic discrimination*. Berlin, Germany, De Gruyter. Pp. 179—208.
27. Rassool N. (2007) *Global issues in language, education and development. Perspectives from postcolonial countries*. Clevedon, England, Multilingual Matters.
28. Roosevelt T. (2011) Letter to R. K. Hurd, January 3. Retrieved August 10. Available at: http://urbanlegends.about.com/library/bl_roosevelt_on_immigrants.htm.
29. Rose H. & Conama J. B. (2017) *Language policy*, September.

30. Skutnabb-Kangas T. (2000) *Linguistic genocide in education — or worldwide diversity and human rights?* Mahwah, NJ, Erlbaum.
31. Skutnabb-Kangas T., Dunbar R. (2010) *Indigenous children's education as linguistic genocide and a crime against humanity? A global view.* Guovdageaidnu/Kautokeino, Norway: Galdu, Resource Centre for the Rights of Indigenous Peoples.
32. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. (eds.) (2017) *Language Rights.* London, Routledge, New York. Series *Critical Concepts in Language Studies*, 4 vols.
33. Spring J. (1996) *The cultural transformation of a Native American family and its tribe 1763—1995.* Mahwah, NJ, Erlbaum.
34. (1948) Tacitus. *Tacitus on Britain and Germany: A new translation of the Agricola and the Germania* (H. Mattingly, Trans.). West Drayton, England: Penguin.
35. Templer B. (2016) Bunce [et al.] (eds.). *The English Hydra as invader on the post-communist 'new periphery' in Bulgaria.* Pp. 129—141.
36. Wechsler A. (2017) *The Atlantic*, June 5. Available at: <https://www.theatlantic.com/education/archive/2017/06/the-international-school-surge/528792/>.

Suggested Readings

37. Dimova S., Hultgren A. K. & Jensen C. (eds.) (2015) *English-medium instruction in higher education in Europe.* Berlin, Mouton de Gruyter.
38. Edge J. (ed.) (2006) *(Re-)locating TESOL in an age of empire.* Basingstoke, England, Palgrave Macmillan.
39. Harvey D. (2005) *The new imperialism.* Oxford, England, Oxford University Press.
40. Macedo D., Dendrinos B., & Gounari P. (2003) *The hegemony of English.* Boulder, CO, Paradigm.
41. Mazrui A. A. (2004) *English in Africa after the cold war.* Clevedon, England, Multilingual Matters.
42. Phillipson R. (2003) *English-only Europe? Challenging language policy.* London, Routledge.
43. Skutnabb-Kangas T., & Phillipson R. (2010) Coupland N. (ed.) *The handbook of language and globalization.* Oxford, England, Wiley-Blackwell. Pp. 77—100.

ДИАЛЕКТНЫЕ ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ РЕЧЕВОГО ПРОЦЕССА В ГОВОРАХ ЗАУРАЛЬЯ

Н. М. Харлова

Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия

Предмет статьи — глаголы со значением речевого процесса в говорах Зауралья. Целью статьи является анализ особенностей семантики и употребления глаголов речи. В результате выявлено, что в анализируемом диалектном материале в рамках одной лексико-семантической группы существуют особые семантические отношения; наблюдается полисемия; отмечается ряд грамматических особенностей. Материалы статьи могут быть использованы в комплексном описании диалектных особенностей говоров Зауралья.

Ключевые слова: *семантические группы глаголов со значением речевого процесса, говоры Зауралья, многозначность диалектных глаголов речи, грамматические особенности (вид, возвратность, способы глагольного действия), особенности мотивации.*

Введение

Глаголы со значением речевого процесса занимают особое место в общей системе глагола, так как обладают особой коммуникативной значимостью и широкой употребительностью. По подсчетам некоторых лингвистов, «в русском языке 335 глаголов речевой деятельности» [7]. Как следствие, глаголы со значением речевой деятельности в последние десятилетия стали предметом пристального внимания лингвистов.

Объектом исследования являются диалектные глаголы речи в говорах Зауралья. Источником послужили материалы Диалектного словаря личности В. П. Тимофеева, О. В. Тимофеевой [15], личная картотека автора, собранная в ходе бесед с диалектоносителями, жителями Зауралья (Курганской области).

Предметом исследования являются семантические и грамматические особенности диалектных глаголов со значением речевой деятельности, их способность к отражению мировосприятия носителей говоров Зауралья.

Цель исследования: анализ особенностей семантики диалектных глаголов со значением речевого процесса.

Глагол в русском языке относится к числу одной из самых распространенных частей речи и в то же время является самой сложной единицей лексической системы языка, характеризуется наличием большого числа лексико-семантических групп. Глагол «обозначает процессуальный признак предмета, то есть действие, состояние или отношение» [8. С. 198].

Научные работы последних лет затрагивают различные проблемы, связанные с системной организацией русской глагольной лексики. Этому посвящены теоретические (монографии, диссертации) [3], лексикографические [4] работы. Наиболее активно исследуются глагольные лексико-семантические группы (Л. Г. Бабенко, Н. А. Боровикова, Л. М. Васильев, Н. В. Золотарева, Г. А. Золотова, Ю. В. Казарин, Э. В. Кузнецова, А. М. Плотникова, Ю. И. Плотникова, Т. В. Попова и др.).

Это связано с тем, что глагол не только «образует глубоко разветвленный и обширный класс слов, именующих процесс, но и обнаруживает стремление к активному проникновению в сферы других классов, во многом диктуя им пути пополнения и внутренних перегруппировок» [18. С. 144].

Лексико-семантическая группа глаголов со значением речевого процесса давно привлекает внимание ученых. Еще с середины XX в. глаголы речи изучались в диахронии на материале старославянского, древнерусского и родственных языков (Ю. Д. Апресян, И. П. Бондарь, С. Д. Кацнельсон, В. И. Кодухов, А. А. Уфимцева, Н. Ю. Шведова, Д. Н. Шмелёв), на материале современного русского литературного языка (С. М. Антонова, В. П. Бахтина, Л. М. Васильев, Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, В. Н. Телия и др.). Активно изучаются глаголы речи современного русского литературного языка в сопоставительном аспекте (Н. В. Золотарёва, Н. М. Шишкина).

Глаголами речи принято называть глаголы, при помощи которых передается прямая или косвенная речь. В научных трудах анализируемая

группа глаголов получила различное терминологическое наименование: глаголы со значением речевого процесса, глаголы со значением речевой деятельности, глаголы речи, глаголы говорения. Наиболее широким, на наш взгляд, является термин «глаголы со значением речевого процесса», так как рассматриваемая группа диалектных глаголов включает обозначение не только собственно акта воспроизведения речи, но и различные характеристики этого процесса, характеризуют особенности речевого акта: внешние, или физиолого-акустические, и внутренние, или содержательно-смысловые: тихая — громкая речь, медленная — быстрая речь, четкая — невнятная речь, «внутренняя речь» и т. д.

По определению, данному в Лингвистическом энциклопедическом словаре, «речевая деятельность — это языковой материал, включающий сумму отдельных актов говорения и понимания» [9. С. 412].

Речевая деятельность предполагает говорящего, который обращает свою речь к слушающему, слушающего, который воспринимает говорящего, а также особенности речевого взаимодействия, особенности протекания речевого процесса, восприятия человеком определенных качеств речи.

Все глаголы со значением речевой деятельности с точки зрения семантико-стилистической подразделяются на несколько групп:

— нейтральные (лингвисты называют их «семантически недифференцированными»), просто передающие процесс речи, например: говорить, произнести, сказать;

— глаголы более широкого значения (глаголы с широкой семантикой), они не просто передают речь, но и имеют дополнительный оттенок, например: заметить, подчеркнуть, поправить;

— эмоционально окрашенные глаголы (эмотивные), например: крикнуть, проорать;

— стилистически окрашенные глаголы, например: глаголить, вещать, протрубить, прошипеть.

Актуальность темы обусловлена недостаточной изученностью глагольной лексики в русских говорах, в частности глаголов со значением речевого процесса; их лексико-семантических и грамматических характеристик. Опыт подобных описаний на сегодняшний день невелик.

Так, в диссертационном исследовании Ю. А. Бессоной «Семантика диалектных глаголов речи и отражение в ней мировосприятия их носителей» [3] рассматривается, как сельский житель относится к миру, через процесс говорения, с чем

связывается в сознании носителя говора различное отношение к окружающим.

Следует отметить диссертационную работу С. А. Никишиной «Глагол в орловских говорах (в семасиологическом и морфологическом освещении)» [11], в которой в рамках одной алфавитной группы выделена подгруппа глаголов речевой деятельности (например: взголоситься, вищать, всчуриканиться), рассмотрены их грамматические особенности, способы образования и особенности мотивации.

Глаголы со значением речевого процесса в зауральских говорах (говорах Курганской области) не были предметом специального исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Как показал анализ диалектного материала, глаголы со значением речевого процесса в говорах Зауралья представлены в количественном отношении достаточно широко: наша картотека насчитывает около 250 единиц (не включаем в это число видовые пары). В основном подобные глаголы являются собственно лексическими диалектизмами: *сутьрить*, *ватолить*, *ханькать*, *мьргать*.

Однако, по нашим наблюдениям, активно используются и лексико-семантические диалектизмы: *молоть*, *боронить*, *брякать*, *городить*, *прогрэхать*, *скрякать*, *стонать*, *собирать*, *строчить*, *трепать*, *тянуть*, *крестить*.

Например: *боронить* — *разрыхлять бороной*. *Боронить поле* [13. С. 56].

Боронить — 1. Разрыхлять бороной. *Боронить огород*. 2. Говорить глупости, вздор, чепуху. *Не борони неково-то* [15. С. 78].

Городить — *ставить забор, ограду где-нибудь* [13. С. 138].

Городить — 1. Возводить изгородь. 2. Болтать. — *Да ково она городит?* [15. С. 125].

Строчить — 1. Шить сплошным швом. *Строчить рукава*. 2. Перен. Быстро, наскоро писать. *Строчить письмо*. 3. Перен. Стрелять. *Строчить из автомата*. [13. С. 760—761].

Строчить — *ругать*. *Сано Силин вытаскивает ему в пудовке, но не полну, тогда поп его зачал строчить* [15. С. 474].

Лексико-семантическая группа глаголов со значением речевой деятельности в говорах Зауралья может быть охарактеризована с точки зрения различий в оттенках семантики.

Существуют различные классификации. Например, известный исследователь семантики русского глагола Л. М. Васильев [5; 6] в русском

литературном языке выделяет шесть классов глаголов со значением речевой деятельности:

«1. Глаголы, характеризующие внешнюю (акустико-физиологическую и графическую) сторону речи (*сообщать, передавать, информировать, докладывать, доносить, уведомлять, извещать, оповещать, доводить до сведения, ставить в известность*).

2. Глаголы, характеризующие содержание мысли, выражаемой посредством речи (*разговаривать, договариваться, спорить и обсуждать*).

3. Глаголы, характеризующие коммуникативную сторону устной речи.

4. Глаголы со значением речевого взаимодействия и контакта.

5. Глаголы со значением побуждения, выражаемого посредством устной речи.

6. Глаголы со значением эмоционального отношения и оценки, выражаемых посредством устной речи» [6].

Классификация глаголов дана «с внешней стороны (произнесение, письмо, чтение и др.), со стороны содержания (высказывание, болтовня, шутка, остроловие, обман и др.), с коммуникативной стороны (сообщение, обещание, совет, объяснение и др.), со стороны речевого взаимодействия и контакта (разговор, договор, спор, обсуждение, вопрос, ответ, отрицание и др.), со стороны побуждения к речевой деятельности (приказание, поручение, просьба, приглашение, разрешение, запрещение и др.) и со стороны выражения эмоционального отношения и оценки» — с разделением этих позиций на положительные и отрицательные» [17].

Автор Большого толкового словаря русских глаголов Л. Г. Бабенко [4] выделяет следующие группы глаголов со значением речевой деятельности:

«1. Глаголы характеризованной речевой деятельности.

2. Глаголы речевого сообщения.

3. Глаголы речевого общения.

4. Глаголы обращения.

5. Глаголы речевого воздействия» [Там же].

В говорах Зауралья глаголы со значением речевой деятельности не просто передают процесс речи, они всегда эмоционально окрашены, имеют дополнительные оттенки значения.

В результате проведенного нами анализа данные глаголы классифицируются в следующие группы:

1. Глаголы, выражающие критику речевого высказывания:

1.1. Глаголы с общей семой «говорить чушь»: *бурхвостить, боронить, бутфрить, буровить,*

городить, кулемесить, собирать, выкомуривать, барабошить, гоноробстить, колобродить.

Гоноробстить — говорить невпопад. Сиди давай, не *гоноробсти*. Не про это счас говорят.

1.2. Глаголы с общей семой «пустословить»: *трепать, балякать, рассусоливать, балясничать, ватолить, городить, балаболить.*

Балясничать — вести пустые разговоры. Вечером сидим это на лавке, *балясничам*.

Глаголы групп 1.1 и 1.2 отличаются оттенками значения: глаголы группы 1.1 оценивают речь как бессмыслицу, чушь, как речь, сказанную не ко времени (*городить, собирать*). Глаголы же группы 1.2 указывают на факт пустословия (*балаболить, балякать*).

1.3. Глаголы с общей семой «наговорить напрасно, зря»: *наревёт, набоктать, набрять, навякать, наблажить, нахаять, набаять, набарабошить.*

Набаять — наговорить неправды, напраслины.

Про меня наговорили,

Про меня *набаяли*,

Понапрасные слова,

Как бедый снег, растаяли.

Знаю, знаю, кто *набаял*,

Знаю, кто наговорил.

Знаю, знаю, кто с миленком

Навеки разлучил.

2. Глаголы, выражающие спор, недовольство:

2.1. Глаголы с общей семой «ругать, бранить кого-либо, что-либо»: *чихвостить, честить, чихонастить, штурмить, шпиговать, страмить, строполить, хаять, сугонять, сutfрить, торить, песочить.*

Ощеряться — грубить, дразниться, высмеивать, возражать.

Мне такого болю надо,

Чтобы я боялася,

Чтобы с каждым не стояла

И не *ощерялася*.

2.2. Глаголы с общей семой «ругаться, браниться с кем-либо»: *хамкаться, лаяться, трыщиться, фркаться, сцениться, счиниться.*

Сцениться — начать ссориться, ругаться. *Сценились* соседи как собаки.

Как показал анализ, глаголы речи первой и второй лексико-семантических групп оказались наиболее представленными в говорах Зауралья.

3. Глаголы, выражающие обиду, жалобу и осуждение:

3.1. Глаголы с общей семой «жаловаться»: *стонать, жалобиться, ханькать.*

Ханькать (хинькать) — жаловаться на что-либо. Он даже не *ханькал*, все вытерпел.

3.2. Глаголы с общей семей «хныкать, плакать»: *сы́мкать, ня́вгать, тяну́ть, у́росить, вёньгать*.

Уросить — капризничать, кричать, плакать. Малой все утро *у́росит*, то ли болит чо.

3.3. Глаголы с общей семей «осуждать»: *судíть, наговáривать, хáять*.

Нахáять — наговорить о ком-либо, чем-либо плохое.

4. Глаголы, выражающие просьбу: *творóжить, каню́чить, кля́нчить, стона́ть, припрáшивать, кёрно́сить, справля́ть*.

5. Глаголы с общей семей «врать»: *омма́нывать, туру́сить, трепáть, хлопáть*.

6. Глаголы с общей семей «громко говорить, кричать»: *алала́кать, хайла́ть, базóнить, базла́ть, горлопа́нить, хайла́ть, паздира́ть, криче́ть*.

7. Глаголы с общей семей «говорить невнятно»: *тару́сить, гундо́сить, лепета́ть, мя́млить, бутóрить, мурмо́чить, мýргать, мя́вкать*.

8. Глаголы с общей семей «вести неторопливый разговор»: *суда́чить, токова́ть, покуда́кать, куля́стать*.

9. Глаголы, предающие издаваемые звуки по сходству со звуками, издаваемыми птицами, насекомыми, животными: *токова́ть, мя́вкать, отга́вкать, ла́яться, скря́кать, сча́вкать, цокота́ть*.

10. К глаголам со значением речевой деятельности мы отнесли и глаголы с общей семей «смеяться»: *гогота́ть, прыска́ть, подфигу́ривать, гы́гать*.

Гы́гать — хохотать, смеяться, подсмеиваться. Нечо *гы́гать*, все правильно он делает.

Итак, в количественном отношении наиболее представлены глаголы 1-й группы (глаголы, выражающие критику речевого высказывания) и 2-й группы (глаголы, выражающие спор, недовольство). Глаголы, выражающие обиду, жалобу и осуждение, наиболее разнообразны с точки зрения наличия семантических оттенков. В основном глаголы речи имеют ярко выраженный оценочный характер (отрицательная коннотация). Собранный материал практически не имеет примеров глаголов, обозначающих похвалу, одобрение, благодарность, совет, пожелание. Глаголы *петь (воспева́ть)* — беззаботно петь, радоваться, *навели́чить* — назвать по имени-отчеству, обратиться с уважением — являются редким исключением.

Чо ты, милка, приуныла,
Не слышать твоих речей?

Раньше *пела-воспевала*,
Как во саде соловей.

Мой папка уж всегда всех *навеличивал*, никому плохого слова не сказал. Этот факт объясняется особенностями мировосприятия носителей зауральских говоров. Семейно-бытовой уклад, тяжелый физический труд диктовали определенный тип поведения, тип отношений между людьми.

По классификации Л. М. Васильева, наиболее представленными оказались глаголы 1-й и 6-й групп. По классификации Л. Г. Бабенко — глаголы 1-й группы. Некоторые глаголы могут быть отнесены к различным группам, так как в говорах Зауралья являются многозначными глаголами со значением речевой деятельности. Приведем некоторые примеры:

Ту(а)ру́сить — 1. Разговаривать во сне. Набегатся вечером-то, а ночью *тару́сит-тару́сит*. 2. Врать, болтать. Да *не туру́сь* ты неково-то, вовсе их там не бывало.

Ня́вгать — 1. Плакать, хныкать, ныть, издавать жалобный крик. Хватит *ня́вгать*, давай в школу собирайся. 2. Надоедливо просить, ворчать, сердито возражать. И даже *не ня́вгай*, все равно не дам денег. 3. Прибедняться. Ой, да чо ты *ня́вгаишь*, все у тя нормально. 4. Мявкать. Кошка вон *ня́вгат*, дай ей молока. 5. Говорить в нос. Говорила, одевайся, простынешь, вот и *заня́вгала*.

Хайла́ть — 1. Громко кричать. Чо ты *хайла́ишь*, с улицы слышно! 2. Сильно плакать. Ли-ко чо, *хайла́т*, давай, хватит.

Судíть — 1. Разговаривать, говорить. 2. Осуждать. Я иду, а бабы *судят*:

«Чья же это девушка?

Бела кофта, черна юбка

На груди изменушка».

Наговáривать — 1. Говорить напраслину о ком-либо. 2. Лечить заговором болезнь.

Дорогой, дорогой,

Вам *наговори́ли*,

Когда *ха́яли* меня,

Скажи, кого хвалили?

Другие многозначные глаголы выражают значение речевой деятельности лишь в одном из своих значений. Например:

То́лмить — 1. Понимать, соображать. Сама уж *не то́лмит*, ково делает. 2. Внушать, объяснять. Сколько можно *то́лмить* одно и то же. 3. Запоминать. Я говорю, а ты *то́лми*.

Рю́хать — 1. Хрюкать. Свинья *рю́хат*. 2. Ворчать. Давай *не рю́хай*, делай побыстрей.

Сгонорóстить — 1. Сделать что-нибудь нехорошее, поступить неправильно. Ты ково опять *сгонорóстила*? 2. Сказать не попад, ерунду. Да уж заговариватся, давеч опять ково-то *сгонорóстил*, не поймешь.

Справлять — 1. Организовывать что-либо, проводить. Свадьбу недавно *справили*. 2. Требовать. *Справля́т* с меня одно что литовку, а сам захрулил куда-то.

Цикотить — 1. Суетиться, спешить. Вот *заикотила-заикотила*. Куда торопишься? 2. Быстро говорить. Обожди, *не цикотí*, не могу ничего разобрать. 3. Беспокоиться, выражать недовольство. Чем недовольна, чо ты *цикотíшь*?

Страмить — 1. Пачкать, грязнить. В горнице-то *не страми́*, только вымыли. 2. Ругать, позорить. Всяко меня *выстрамила* перед народом, как счас в глаза всем глядеть, не знаю.

Отдельные глаголы речи не принадлежат к какой-либо группе. Например: *ма́мать*, *па́пать*, *та́нить* — глаголы обращения к лицу (маме, папе, Тане); *навели́чивать* — называть кого-либо по имени-отчеству.

Классификация глаголов речи с точки зрения лексико-семантической тесно связана с их грамматическими характеристиками.

Как и в литературном языке, в говорах Зауралья подобные глаголы способны образовывать видовые пары (несовершенный вид — совершенный вид): *ха́ять* — *поха́ять*, *балабо́лить* — *сбалабо́лить*, *собира́ть* — *собра́ть*, *справля́ть* — *спра́вить*, *хви́лить* — *расхви́лить*, *чихона́стить* — *очихона́стить*, *чихво́стить* — *начихво́стить*, *пéлить* (*хайло*) — *распéлить* (*хайло*), *обска́зывать* — *обсказа́ть*, *оговава́ривать* — *оговорíть*, *поа́ркивать* — *поа́ркать*, *навели́чивать* — *навелича́ть*, *балабо́лить* — *сбалабо́лить*, *бу́лькать* — *сбу́лькать*, *бу́рoвить* — *сбу́рoвить*, *взеда́ться* — *взе́сться*, *жа́лобиться* — *пожа́лобиться*.

Бу́рoвить — *сбу́рoвить* — говорить вздор, глупости. Язык-то придержи, а то *бу́рoвишь* ково-то. — *Сбу́рoвила*, а это вовсе не правда.

Образование видовых пар происходит в данном случае при помощи приставок (по-, с-, рас-, о-), мены суффиксов (-я/-и, -ыва (-ива)/-а), чередования согласных в основе.

К одновидовым относим глаголы несовершенного вида: *вато́лить*, *галде́ть*, *горо́дить*, *талды́чить*, *пи́нить*, *куля́стать*, *наа́хивать*, *паздира́ть*, *у́росить* и др.; глаголы совершенного вида: *бу́хнуть*, *взве́лича́ть*, *вы́страмить*, *вы́хайлатъ*, *доскы́ркаться*, *забарми́ть*, *замáмать*, *изо́хаться*, *набо́ктать*, *начихво́стить* и др.

Часть производных глаголов со значением речевого процесса конкретизируют этот процесс с какой-либо стороны, указывают на особенность протекания действия (количественные, временные характеристики). В говорах Зауралья употребляются такие одновидовые глаголы со следующими способами глагольного действия: начинательный (*гундо́сить* — *загундо́сить*, *вэ́ньгать* — *завэ́ньгать*, *горлопа́нить* — *загорлопа́нить*, *стонáть* — *застонáть*); длительно-ограничительный (*ке́рносить* — *проке́рносить*; *куреца́ть* — *покуреца́ть*, *ня́вгать* — *пoня́вгать*, *тры́циться* — *потры́циться*, *туру́сить* — *потуру́сить*, *шумáркать* — *пошумáркать*); многократный (*реве́ть* — *рэвливать*). Однократные действия обозначают глаголы: *уркнуть*, *ха́нькнуть*, *ги́кнуть*, *заикну́ться*, *прогро́хать*, *пры́снуть*, *сболтну́ть*, *сча́вкать*, *счуну́ть*.

Га́ркнуть — позвать кого-либо. Пойду *га́ркну* ее, она где-то в пригоне была.

В говорах Зауралья употребляются невозвратные и возвратные глаголы со значением речевого процесса: *наа́ркать* — *наа́ркаться*, *набазла́ть* — *набазла́ться*, *набала́кать* — *набала́каться*. Только возвратными глаголами являются непроизводные слова: *запина́ться*, *изо́хаться*, *исстонáться*, *расклякты́ться*, *сцепи́ться*, *счини́ться*. Постфикс -ся в данных глаголах словообразующих функций не выполняет. Данные глаголы не имеют соответствующих невозвратных глаголов. В других глаголах (*вя́кать* — *развя́каться*, *га́вкать* — *разга́вкаться*, *гы́гать* — *разгы́гаться*, *ке́ркать* — *раске́ркаться*, *у́росить* — *разу́роситься*, *пи́нить* — *распи́ниться*) соотносимые грамматические отношения выражаются не только при помощи -ся, но и при помощи приставок.

Не все глаголы со значением речевого процесса способны реализовывать полный набор грамматических форм. Отметим глаголы с ограничением функционирования: *приуши́питься*, *ру́зливать*, *сбормотáть*, *ха́ивать* — употребляются в говорах только в форме прошедшего времени; *бу́рoхво́стить*, *галде́ть*, *гoгoтáть*, *гундо́сить*, *заба́рмить*, *почихвостить*, *приуши́питься*, *страми́ть*, *страмоти́ть*, *суты́рить*, *сцепи́ться*, *схло́пать*, *счита́ться*, *то́лмить*, *сы́мкать*, *у́росить*, *ха́ивать*, *цокотáть*, *чести́ть* — не употребляются в форме 1-го лица ед. ч.; *смыча́ть* — не употребляется в форме 1-го и 2-го лица ед. ч.; *суты́рить* — в анализируемых говорах употребляется только в форме 3-го лица мн. ч.

Сь́мкать — 1-е и 2-е лицо не употребляется.
1. Издавать характерные звуки, пикать (о цыплятах). 2. Хныкать, плакать, пищать (о детях). *Сь́мккат да сь́мккат*, нездоровый видно.

Суперéчить — быть против, возражать.

Я любила, ты отбила,

Я не суперéчила.

Ненадолго ты отбила —

Только на три вечера.

Заключение

Таким образом, глаголы со значением речевого процесса достаточно широко представлены в го-

ворах Зауралья. В результате анализа мы выявили, что такие глаголы обладают сложной семантической структурой (в говорах чаще всего они реализуют несколько значений), имеют грамматические особенности. Анализируемые глаголы речи имеют ярко выраженный оценочный характер — отрицательную коннотацию. Этот факт объясняется особенностями мировосприятия носителей зауральских говоров. Присутствуют глаголы с ограничением функционирования: в говорах Зауралья не все глаголы со значением речевого процесса способны реализовывать полный набор грамматических форм.

Список литературы

1. Антонова С. М. Глаголы говорения динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации. Гродно: ГрГУ, 2003. 519 с.
2. Бессонова Ю. А. Диалектные глаголы речи в орловских говорах, отражающие ситуацию коммуникативного дискомфорта // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования 2005. СПб.: Наука, 2005. С. 122—126.
3. Бессонова Ю. А. Семантика диалектных глаголов речи и отражение в ней мировосприятия их носителей: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. 269 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/semantika-dialektnykh-glagolov-rechi-v-orlovskikh-govorakh-i-otrazhenie-v-nei-mirovospriyati>.
4. Большой толковый словарь русских глаголов: свыше 10 000 глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / [авт.-сост.: Л. Г. Бабенко и др.]; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-пресс, 2007. 573, [1] с.
5. Васильев Л. М. Семантика русского глагола (Глаголы речи, звучания и поведения): учеб. пособие. Уфа: Изд-во Башкир. гос. ун-та, 1981. 72 с.
6. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи // Очерки по семантике русского глагола: сб. науч. тр. Уфа, 1971. С. 213—266.
7. Золотарёва Н. В. Семантическое пространство глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 198 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/semanticheskoe-prostranstvo-glagolov-rechevoi-deyatelnosti-v-russkom-i-angliiskom-yazykakh>.
8. Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: ВШ, 1991. 383 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Совет. энцикл., 1990. 682 с.
10. Лютикова В. Д. Словарь диалектной личности. Тюмень: ТГУ, 2000.
11. Никишина С. А. Глагол в орловских говорах (в семасиологическом и морфологическом освещении): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1998. URL: <https://www.dissercat.com/content/glagol-v-orlovskikh-govorakh-v-semasiologicheskom-i-morfologicheskom-osveshchenii/read>.
12. Ночвин Н. П. Крестьянский словарь — или практическое разъяснение слов, употребляемых крестьянами Зауральского края Пермской губернии // Шадринская старина: альманах. Шадринск, 1993. С. 50—71.
13. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов, терминов и выражений: [нов. изд.] / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование, 2015. 1375, [1] с.
14. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1981. 270 с.
15. Тимофеев В. П., Тимофеева О. В. Диалектный словарь личности: около 11 500 слов / В. П. Тимофеев, О. В. Тимофеева. Изд. 2-е, доп. Шадринск: Шадрин. Дом печати, 2010. 595 с.
16. Харлова Н. М. Морфологические особенности современных говоров Зауралья // Русский язык в контексте национальной культуры. Саранск: Мордов. ун-т, 2012. С. 120—124.

17. Хемсакун Чанунпорн. Префиксальные парадигмы дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. URL: <http://net.knigi-x.ru/24filologiya/504635-1-paradigmi-derivatov-motivirovannih-glagolami-harakterizovannoy-rechevoy-deyatelnosti.php>.

18. Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта русской лексики // Филологический сборник: к 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова. М.: ИРЯ РАН, 1995.

19. Шишкина Н. М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 183 с. <https://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-spetsifika-polisemii-glagolov-rechevoi-deyatelnosti-v-russkom-i-angliiskom-yaz>.

Сведения об авторе

Харлова Надежда Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, кафедра филологии и социогуманитарных дисциплин Шадринского государственного педагогического университета, Шадринск, Россия. nkharlova@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 152—159.*

PECULIARITIES OF FORMATION AND USE OF DIALECTAL VERBS IN THE DIALECTS OF THE SHADRINSK DISTRICT

N. M. Kharlova

Shadrinsk state pedagogical University, Shadrinsk, Russia. nkharlova@bk.ru

The subject of the article are verbs with the meaning of the speech process in the dialects of the Trans-Urals. The purpose of the article is to analyze the features of semantics and usage of these speech verbs. Their activity in the Russian literary language is studied. Special semantic groups in the analyzed dialect material are identified, polysemy is discovered in their semantic structure; a number of grammatical features are noted. The analyzed verbs of speech have a pronounced evaluative, usually negative connotation. This fact is explained by the peculiarities of the world perception of the speakers of the Trans-Uralic dialects. They are verbs of limited functioning: not all of them are able to implement a full set of grammatical forms. The results of this work can be used in a comprehensive description of the dialects of the Trans-Ural region.

Keywords: *semantic groups of verbs of speech activity, dialects of the Trans-Ural region, system connections between verbs of speech, grammatical features (type, reversibility, methods of verbal action), methods of education and features of motivation.*

References

1. Antonova S. M. (2003) Verbs of speaking a dynamic model of the language picture of the world: experience of cognitive interpretation. Grodno. 519 p. [in Russ.].

2. Bessonova Yu. A. (2005) Dialect verbs of speech in Oryol dialects reflecting the situation of communicative discomfort. *Lexical Atlas of Russian folk dialects: materials and research 2005*. St. Petersburg, Nauka. P. 122—126 [in Russ.].

3. Bessonova Yu. A. (2001) Semantics of dialect verbs of speech and reflection in it of the world perception of their carriers. Thesis. Orel. 269 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/semantika-dialekt-nykh-glagolov-rechi-v-orlovskikh-govorakh-i-otrazhenie-v-nei-mirovospriyati> [in Russ.].

4. [L. G. Babenko et al. (ed.-comp.)] (2007) Large explanatory dictionary of Russian verbs: over 10,000 verbs. Ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents. Moscow, AST-press. 573, [1] p. [in Russ.].

5. Vasiliev L. M. (1981) Semantics of the Russian verb (Verbs of speech, sound and behavior). Ufa. 72 p. [in Russ.].

6. Vasiliev L. M. (1971) Semantic classes of verbs feelings, thoughts and speech. *Essays on the semantics of the Russian verb*. Ufa. Pp. 213—266 [in Russ.].

7. Zolotareva N. V. (1999) Semantic space of speech activity verbs in Russian and English. Yekaterinburg. 198 p. <https://www.dissercat.com/content/semanticheskoe-prostranstvo-glagolov-rechevoi-deyatelnosti-v-russkom-i-angliiskom-yazykakh> [in Russ.].
8. Kasatkin L. L., Klobukov E. V., Lekant P. A. (1991), Kasatkin L. L. (ed.) Brief reference on modern Russian language. Moscow. 383 p. [in Russ.].
9. Yartseva V. N. (ed.) (1990) Linguistic encyclopedia. Moscow. 682 p. [in Russ.].
10. Lyutikova V. D. (2000) Dictionary of dialect personality. Tyumen [in Russ.].
11. Nikishina S. A. (1998) The Verb in Oryol dialects (in semasiological and morphological coverage). Abstract of thesis. Orel. Available at: <https://www.dissercat.com/content/glagol-v-orlovskikh-govorakh-v-semasiologicheskoi-morfologicheskoi-osveshchenii/read> [in Russ.].
12. Nochvin N. P. (1993) Peasant dictionary — or practical explanation of words used by farmers of the Trans-Ural region of the Perm province. *Almanac "Shadrinskaya Starina"*. Shadrinsk. Pp. 50—71 [in Russ.].
13. Ozhegov S. I., Skvortsov L. I. (ed.) (2015) Explanatory dictionary of the Russian language: 100 000 words, terms and expressions: [new edition]. 28th ed. Moscow. 1375, [1] p. [in Russ.].
14. Shansky N. M., Tikhonov A. N. (1981) Modern Russian language. Moscow. 270 p. [in Russ.].
15. Timofeev V. P., Timofeeva O. V. (2010) Dialect dictionary of personality: about 11 500 words. Shadrinsk. 595 p. [in Russ.].
16. Kharlova N. M. (2012) Morphological features of modern dialects of the Trans-Ural region. *Russian language in the context of national culture*. Saransk. Pp. 120—124 [in Russ.].
17. Hemsakun Chanunporn. Prefixal paradigms of derivatives motivated by verbs of characterized speech activity. Thesis. Ekaterinburg. Available at: <http://net.knigi-x.ru/24filologiya/504635-1-paradigmi-derivatov-motivirovannih-glagolami-harakterizovannoy-rechevoy-deyatelnosti.php> [in Russ.].
18. Shvedova N. Yu. (1995) Verb as the dominant of the Russian lexicon. Philological collection: To the 100th anniversary of the birth of Acad. V. V. Vinogradov. Moscow [in Russ.].
19. Shishkina N. M. (2004) National specifics of polysemy of speech activity verbs in Russian and English languages. Voronezh. 183 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/natsionalnaya-spetsifika-polisemii-glagolov-rechevoi-deyatelnosti-v-russkom-i-angliiskom-yaz> [in Russ.].

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

О. А. Хо

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Эмотивная глагольная лексика китайского языка по-прежнему остается недостаточно изученной, в связи с чем актуальны исследования в области глагольной семантики. В данной статье делается обзор исследований глагольной эмотивной лексики китайского языка, проводятся семантический анализ эмотивных глаголов, их группировка в лексико-семантические группы (ЛСГ) с общими ядерными значениями с целью создания семантической классификации.

Ключевые слова: китайский язык, эмотивные глаголы, семантический анализ, семантическая классификация.

Глаголы китайского языка продолжают привлекать внимание лингвистов, занимающихся вопросами изучения особенностей функционирования данных лексических единиц, при этом особый интерес вызывают исследования специфики глаголов, связанных с психической деятельностью человека.

Разброс в терминологической классификации семантики эмотивных глаголов достаточно широк, в связи с чем существуют различные классификации и, соответственно, названия этой категории глаголов. Например, в русском языке можно встретить следующие наименования: «глаголы чувств» (Н. И. Шапилова, С. Е. Мыльникова, О. И. Аладьина); «глаголы психической деятельности», «глаголы чувства, мысли и речи» (Л. М. Васильев); «глаголы психического воздействия» (Ю. В. Фоменко); глаголы эмоционального воздействия (Е. Е. Жуковская); «глаголы внутреннего психического чувства» (И. Н. Шапилова); «эмотивные глаголы» или «глаголы эмоций» (в соответствии с понятием «эмотивная лексика» Л. Г. Бабенко) и др.

Особый интерес представляют исследования эмотивных глаголов в аспекте их семантической таксономии, он остается дискуссионным, поэтому нам представляется, что исследования, связанные с особенностями глаголов данной категории в рамках семантических полей и ЛСГ по-прежнему актуальны. Областью научных интересов автора является китайская филология, в связи с этим данная статья посвящена вопросам выявления семантических особенностей китайских глаголов, организующих эмотивную лексико-семантическую группу, а также вопросам их классификации.

В. И. Шаховский считает эмоциональность одной из характеристик психической деятельности человека, означающей его «чувствительность к эмоциональным ситуациям и эмоциональные (чувственные) реакции на них». Шаховский также полагает, что «эмотивность» является своего рода языковой категорией, так как эмоции выражаются посредством языка; таким образом, средства языка способны отражать субъективно-индивидуальные переживания человеком определенных эмоций [2; 3]. В языке эмоциональность трансформируется в лингвистическую категорию эмотивности. Л. Г. Бабенко называет эмотивным такое значение, в семной структуре которого содержится сема эмотивности; таким образом, глаголы, содержащие данную сему, выделяются в отдельную категорию эмотивной глагольной лексики [1. С. 16]. В данном исследовании автор использует термин «эмотивные глаголы» для обозначения глагольной эмотивной лексики.

В китайской лингвистике Ма Цзяньчжун (马建忠) в *Машивэньтун* (马氏文通, 1898) впервые выдвинул понятие эмотивных глаголов *心理动词* (синьли дунци) и дал следующее определение: *心理动词* — глаголы, связанные с психической деятельностью человека (букв. *心理* — психический, психологический; *动词* — глаголы). Данный термин и в настоящее время используется в китайской лингвистике [11. С. 4].

В китайском языке самые ранние исследования, касающиеся эмотивных глаголов, принадлежат Ма Цзяньчжуну (1898). Согласно его классификации все глаголы делятся на *显性* (сяньсин) — явные — и *隐性* (иньсин) — неявные (скрытые). Глаголы, обозначающие психическую, когнитивную, мыс-

лительную деятельность человека, определялись им как 隐性 (иньсин) — неявные, по причине того, что действия, которые они обозначают, «невидимы» [Там же].

В 1942 г. Люй Шусян (吕叔湘) в своей работе «Краткое изложение грамматики китайского языка» (中国语法要略) классифицировал глаголы китайского языка, разделив их на четыре основные группы:

- 1) 活动 — глаголы действия;
- 2) 心理活动 — глаголы психического/эмоционального действия;
- 3) 不很活动的活动 — глаголы неактивного действия;
- 4) 简直算不上活动 — глаголы, не обозначающие действия [9. С. 16].

Таким образом, Люй Шусян также выделял эмотивные глаголы в отдельную семантическую категорию.

Позднее вслед за более глубоким изучением глагольной лексики Люй Шусян в своей работе «Изучение грамматики» (语法学习) разделил глаголы уже на три категории:

- 1) 有形的活动 — видимые (конкретные) действия;
- 2) 心理的活动 — психические/эмоциональные действия;
- 3) 非活动的行为 — неактивные действия [10. С. 4].

В работе «Изучение грамматики» в категорию глаголов 心理的活动 — глаголы психического/эмоционального действия уже входило гораздо большее количество эмотивных глаголов, а такие глаголы, как 盼望 — надеяться, жажда, думать, беспокоиться, тосковать, 忍耐 — терпеть, выносить, выдерживать, которые в более ранней его работе «Краткое изложение грамматики китайского языка» входили в состав глаголов 不很活动的活动, то есть глаголов неактивного действия, здесь уже были отнесены к группе глаголов психического/эмоционального действия.

Объектом внимания Чэнь Гуанлэя (陈光磊, 1987) также являлись эмотивные глаголы, но в отличие от Люй Шусяна, классифицировавшего глаголы на основе их семантики, Чэнь Гуанлэй считал необходимым классифицировать глаголы не на основе семантики, а на основе их общих грамматических особенностей [4. С. 56]. Однако же в реальности в основу его классификации по-прежнему легли семантические особенности эмотивной глагольной лексики.

Ян Хуа (杨华, 1994) посчитал, что ранее изучаемые эмотивные глаголы не имели не только общих

смысловых, но и грамматических особенностей. Посчитав данные глаголы достаточно противоречивой категорией, Ян Хуа, в свою очередь, из ряда традиционно устоявшего класса эмотивов, выделил глаголы уже на основе «различных форм проявления внутреннего душевного состояния» (人或动物在内心表现出来的种种形态), а остальные объединил в класс «глаголов поведения» (行为动词) [14. С. 107].

Фэн Цзин (丰竞, 2003), основываясь на определении эмотивных глаголов Фань Сяо (范晓) 表示情感、意向、认知、感受等方面的心理状态或心理活动的动词都是心理动词 (глаголы психического состояния или психического действия, которые выражают чувство, желание, познание, ощущение и прочее, являются эмотивными глаголами), сделал семантическую классификацию глаголов, которая была представлена шестью категориями:

- 1) 感觉动词 — глаголы восприятия;
- 2) 意愿动词 — глаголы желания;
- 3) 思维动词 — глаголы мышления;
- 4) 情感动 — глаголы чувств;
- 5) 认知动词 — когнитивные глаголы;
- 6) 判断动词等 — глаголы суждения [Там же. С. 108].

Среди них глаголы желания и глаголы чувств были выделены в одну большую группу глаголов психического состояния, а остальные четыре — в группу глаголов психической деятельности.

В основе классификации эмотивных глаголов Чэнь Чанляя (陈昌来, 2002) легла валентность глаголов, автор выделил одновалентные и двухвалентные эмотивные глаголы. Субъект психологической деятельности именовался 经事 (цинши), объект — 感事 (ганьши) [4. С. 45].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в китайском языке существовали различные подходы к классификации эмотивных глаголов, однако в связи со спецификой китайского языка в основе классификации практически всегда лежала семантика. Это связано в первую очередь с тем, что китайский язык относится к изолирующему типу языков, где морфологическая форма глаголов неизменна.

В 1960-х гг. китайские лингвисты уже были знакомы с классификацией эмотивных глаголов Люй Шусяна (吕叔湘) и критериями, которые легли в ее основу. Во многих работах того времени среди всех глаголов в отдельную категорию стали выделяться 表示心理活动动词 (глаголы, обозначающие психическую деятельность), однако единого понимания и общих критериев

выделения данного класса эмотивной лексики не наблюдалось.

В трактатах по китайской грамматике и семантике того времени эмотивные глаголы только выделялись в небольшую лексическую группу, но семантическое содержание не получило должного освещения. Чуть дальше в этом плане продвинулся Дин Мянцзай (丁勉哉), который предложил детальную классификацию эмотивных глаголов с выделением ряда общих семантических признаков, взяв за основу грамматические характеристики данной глагольной группы.

К 1980-м гг. эмотивная глагольная лексика все больше вызвала интерес китайских лингвистов, в этот период Го Дафан (郭大方), Син Фуи (邢福义), Фань Сяо (范晓) и другие, в свою очередь, выделяли глаголы, выражающие желания (чаяния), чувства, познания и мышления и прочее, в отдельную категорию эмотивных глаголов, тем самым расширив область исследования и совершив определенный прорыв в области семантических исследований глагольной лексики в китайском языке. Данные исследования демонстрировали существенное различие между «психологическими» (эмотивными) и «непсихологическими» (неэмотивными) глаголами, которые, по мнению авторов, заключались в наличии или отсутствии так называемой внешней активности (心理动词与非心理动词的本质区别在于是否具有外在的活动性) [12. С. 15]. Эмотивные глаголы делились на две категории: глаголы эмоционального действия и глаголы эмоционального состояния (表示活动的心理动词和表示状态的心理活动) [Там же]. Под эмоциональной деятельностью подразумевалась психическая деятельность, а не внешняя поведенческая деятельность.

В изучении эмотивной глагольной лексики периодически наступал период стагнации в связи с неясностями, которые касались семантики глаголов данной категории. Например, Ху Юйшу (胡裕树) и Фань Сяо (范晓) считали, что глаголы, которые указывают на психическое действие или состояние, эмоции, намерения, познание, чувства, мышление и прочее, являются эмотивными глаголами [7. С. 243]. Юань Минцзюнь (袁明军) же считал, что глаголы, которые указывают на внутреннее психическое состояние человека являются эмотивными, однако глаголы, обозначающие мыслительные процессы все-таки к таковым не относятся [13. С. 139]. Ли Инчжэ (李英哲) и Чжэн Лянвэй (郑良伟) предложили более разветвленную (подробную) классификацию эмотивных глаголов, которая включала в себя глаголы говорения, воображения, глаголы,

обозначающие когнитивные процессы, глаголы выражения благодарности и др. [8. С. 150].

Автор, опираясь на опыт отечественной лингвистики (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, Л. М. Васильев, Ю. Д. Апресян, Л. Г. Бабенко и др.), принимая во внимание результаты вышеизложенных работ китайских лингвистов, а также учитывая тот факт, что ЛСГ в разных языках обладают национальной спецификой, с помощью сопоставительного семантического метода предпринимает попытку создания классификации китайской глагольной эмотивной лексики. Определить принадлежность глаголов к тому или иному семантическому классу помогут словари лексических значений: Словарь современного китайского языка 现代汉语词典; Большой русско-китайский словарь 大俄汉词典; Русско-китайский толковый словарь 俄汉详解大辞典; словарь Синьхуа 新华词典.

Утверждение о том, что лексика является упорядоченной системой со своими законами и своими внутренними отношениями, содержится в работах В. В. Виноградова, Ф. П. Филина, Н. М. Шанского и др. Наиболее полное выражение системные отношения в лексике находят в ЛСГ, которая является одной из основных форм группировки лексики. При обучении китайскому языку как иностранному очень важна организованность его словарного состава, так как подача лексического материала в ЛСГ может обеспечить усвоение не только значений лексических единиц, но и их семантических дифференциаций и отношений.

Изучив лексические значения эмотивных глаголов, автор разделил глаголы на лексико-семантические группы, входящие в семантическое поле ментальной деятельности человека. Каждая ЛСГ, в свою очередь, включает в себя синонимический ряд с определенным ядерным значением. В целом классификация эмотивной глагольной лексики представлена в таблице с примерами (с. 163).

Более подробно остановимся на ЛСГ глаголов психической деятельности. ЛСГ «глаголов желания» 意愿类, входящую в состав глаголов психического действия, образуют следующие лексические единицы: 祈求, 企求, 期求, 冀求, 希求, 期待, 期盼, 希望, 企望, 妄想, 梦想, 妄求, 神往, 向往, 憧憬, 不甘, 不图, 无意, 绝望, 失望 и др. Глаголами данной группы передаются такие значения, как жаждать, желать, устремляться, добиваться, мечтать, надеяться, уповать, хотеть, мечтать, чаять, разочаровываться, разувериться, отчаиваться и др. Количество глаголов ЛСГ «желания» составляет 60 единиц,

**Семантическая классификация
эмотивных глаголов (心理动词) китайского языка**

心理活动动词 Глаголы психического действия (переживания)			心理认知动词 Глаголы психического восприятия (когнитивные)		
状态类 состояния	态度类 отношения	意愿类 желания	感觉类 ощущения	思维类 мышления	判断类 суждения
吃惊 пугаться 费心 беспокоиться 发怒 сердиться 愤恨 негодовать	鄙视 презирать 原凉 прощать 佩服 восхищаться 尊崇 уважать	向往 мечтать 愿意 желать 希望 надеяться 企盼 жаждать	觉得 чувствовать 感到 испытывать 警觉 насторожиться 预感 предчувствовать	沉思 размышлять 理解 осмысливать 了解 уразуметь 想 думать	决断 решать 判断 судить 确定 определяться 以为 полагать

которые, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы:

- глаголы с положительным значением 积极类 (например: 希望 — надеяться, 梦想 — мечтать);
- глаголы с отрицательным значением 消极类 (например: 失望 — разочаровываться, 绝望 — отчаиваться).

Специфика глаголов китайского языка, относящаяся к ЛСГ «желания» с отрицательным значением, заключается в том, что некоторые из них в своей структуре имеют такие компоненты, как 不 (не -), 无 (не иметь -), и на русский язык переводятся сочетанием: не иметь желаний (无意: 没有做某种事的愿望); не стремиться (不图: 不追求); не хотеть (无意: 没有做某种事的愿望).

ЛСГ «глаголов психического состояния» 状态类 формируют 25 подгрупп, насчитывающих в общей сложности около 172 глаголов. Глаголы данной группы обозначают психическое состояние (включая эмоции и чувства). Ядерными значениями данных подгрупп являются: 喜爱 (любить 11), 怨恨 (ненавидеть 15), 珍惜 (дорожить 10), 怀念 (скучать 16), 后悔 (раскаиваться 11), 陶醉 (увлекаться 12), 同情 (сочувствовать 6), 害怕 (бояться 8), 欣赏 (наслаждаться 4), 开心 (радоваться 5), 担心 (опасаться 5), 费心 (беспокоиться 4), 发呆 (оцепенеть 4), 难为 (затрудняться 7), 忧虑 (тревожиться 11), 生气 (злиться 10), 遗憾 (сожалеть 3), 放心 (успокоиться 3), 悲痛 (скорбеть 3), 奇怪 (удивляться 3), 心动 (растрогаться 2), 惭愧 (стыдиться 2), 愤怒 (негодовать 8), 满足 (удовлетвориться 5), 关心 (заботиться 4).

Например, подгруппа с ядерным значением «любить» 喜爱 включает в себя такие глаголы, как 心爱 (любить всей душой 衷心喜爱), 心疼 (обожать, сильно любить 疼爱), 爱戴 (почитать 敬爱并且拥护), 喜爱 (любить, нравиться 对人或事物有兴趣), 爱 (любить, испытывать глубокое чувство 对人或事物有很深的

感情; 喜欢), 疼爱 (горячо любить о старших к младшим 关切喜爱), 钟爱 (сосредоточивать всю любовь (на ком-либо), 宠爱 (сильно любить, души не чаять в ком-то 喜爱, 骄纵偏爱), 宠 (обожать, питать пристрастие 宠爱, 偏爱), 爱好 (любить, иметь влечение к кому-либо, симпатизировать 对某种事物有浓厚的兴趣), 爱怜 (любить, относиться с нежностью 疼爱).

ЛСГ «глаголов отношения» 态度类 представлена 82 глаголами, которые были разделены на 6 подгрупп с ядерными значениями: 宽容 (проявлять снисхождение 13), 忍受 (терпеть/выносить 15), 尊敬 (уважать 13), 羡慕 (завидовать 7), 轻视 (пренебрегать 18), 重视 (придавать значение 16). Например, к глаголам с ядерным значением «уважать» относятся: 拜服 (почитать, уважать, преклоняться 敬辞, 佩服), 崇拜 (почитать, преклоняться, боготворить 尊敬钦佩), 崇敬 (уважать, чтить, благоговеть 推崇尊敬), 崇尚 (поклоняться, преклоняться, почитать 尊重, 推崇), 敬服 (преклоняться, преисполняться искренним уважением, с уважением подчиняться 敬重佩服), 敬佩 (восхищаться, преклоняться, почитать 敬重佩服), 敬重 (уважать, почитать 恭敬尊重), 佩服 (восхищаться, преклоняться перед кем/чем-либо 敬重佩服), 尊崇 (уважать, почитать 重视而且恭敬地对待), 尊重 (уважать, почитать, считаться (с кем-либо) 尊敬, 敬重).

ЛСГ глаголов «психического восприятия» 心理认知动词 могут обозначать то или иное ментальное состояние, мыслительную деятельность, обычно направленную на получение знания. В эту группу глаголов входят подгруппы с ядерными

значениями 思维 «мышления», 判断 «суждения», 感觉 «ощущения».

Глаголы «суждения» 判断类 означают какой-то результат мыслительного акта, к ним относятся 23 глагола: 认为, 决定, 决心, 确定, 确认, 以为 и др., — передающие значения: считать, полагать, определять, устанавливать, уточнять, убеждаться и др.

Глаголы «ощущения» 感觉类 обозначают некое психическое восприятие (не органами чувств, а ментально). Данная подгруппа представлена 11 глаголами: 察觉, 发觉, 感觉, 感到, 感受, 警觉, 觉察, 觉得, 意识, 预感, 自觉, — которые передают значения: почувствовать, заметить, обнаружить, учуять, ощутить, испытать, выявить, выяснить, уловить, воспринимать, предчувствовать, осознать и др.

Подгруппа глаголов 思维类 «мышления» включает в себя около 233 единиц. Глаголы «мышления», в свою очередь, можно разделить на следующие цепочки синонимов со значениями: 思索 (размышлять 43), 设想 (воображать 16), 推测 (догадываться 43), 知道 (понимать 52), 记忆 (помнить 27), 注意 (принимать во внимание/считаться 24), 相信 (доверять 19), 认可 (признавать 9). Глаголы 记忆类 с ядерным значением «помнить», в свою очередь, можно разделить на два вида:

- с положительным значением (记取, 记得, 牢记 — запомнить, держать в памяти, накрепко запомнить);

- с отрицательным значением (忘记, 忘却, 忘怀 — забыть, запамятовать, забыть и не думать ни о чем).

Например, подгруппу 推测 «догадываться» формирует синонимический ряд таких глаголов, как 猜 (怀疑, 推想, 推测), 猜测 (猜想, 推测), 猜度 (推测揣度), 猜想 (凭想象估计), 推理 (推究整理), 推算 (推演计算), 推想 (根据已知道的情况推测未知的情况), 推测 (根据已经知道的事情来想象不主导的事情), 预卜 (预先断定), 预测 (预先推测或测定), 预计 (预先计算, 推划或推测) и другие, которые передают значения: предполагать, предугадывать, догадываться, гадать, строить гипотезы, предсказывать, прогнозировать, заранее рассчитывать и др.

Таким образом, проведен семантический анализ 580 эмотивных глаголов китайского языка, была предпринята попытка их семантической классификации.

Ввиду того что в китайском языке, как и в других языках, существует явление полисемии (一词多义), некоторые глаголы могут относиться сразу к нескольким группам с разными ядерны-

ми значениями (想 1) думать, 2) скучать); кроме того, существуют глаголы, которые довольно сложно отнести к той или иной семантической группе (服从 — слушаться, повиноваться, смиряться).

В психологии и лингвистике принято разграничивать чувства и эмоции, однако в предложенной классификации чувства и эмоции представляют собой психические состояния, относящиеся к одной группе глаголов психического действия (переживания). В связи со спецификой китайского языка в данной работе, как и в других лингвистических исследованиях, снимается это разграничение.

В связи с отсутствием единого подхода к изучению достаточно специфической категории глаголов, несмотря на уже имеющиеся результаты исследований, а также результаты данного исследования, автор считает, что по-прежнему остается необходимость в более глубоком изучении глагольной эмотивной лексики.

Эмотивная глагольная лексика является результатом взаимодействия человека с миром и несет в себе информацию об этом окружающем мире. Один из эффективных способов анализа является объединение глагольной лексики в рамках поля.

В рамках данного семантического исследования выявляются национально-языковые особенности глаголов-эмотивов, обнаруживаются когнитивные предпосылки национально-специфического компонента в семантике этих глаголов.

Глагольная эмотивная лексика китайского языка склонна к взаимопереходам, ее семантика характеризуется антропоцентричностью, таким образом, семантическое поле эмотивных глаголов можно рассматривать как фрагмент когнитивной модели языка. Полученные результаты анализа подтверждают, что с точки зрения своей значимости, семантическое поле глаголов эмотивов является особым классом в лексическом составе языка.

В свете вышесказанного отметим, что чувства и эмоции являются важной составляющей языковой картины мира. Знание эмотивной лексики позволяет проникнуть во внутренний мир носителя языка, способствует адекватному восприятию сообщаемой им информации и тем самым служит эффективным средством коммуникации. Тем более что эмотивным глаголам присущи семантические дифференциации и каждая представленная в исследовании лексико-семантическая группа, выражает тончайшие оттенки смыслов,

связанных с психическими состояниями, ощущениями и т. д.

В целом полученные результаты исследования могут быть использованы не только для преподавания китайского языка как иностранного, в частности на курсах по грамматике и лексикологии

китайского языка, но и для решения теоретических и практических задач в области изучения особенностей эмотивной лексики китайского языка, а также дают возможность дальнейшего проведения сравнительного анализа эмотивных глаголов китайского и русского языков.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
2. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 191 с.
3. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
4. 陈昌来. 介词与介引功能. 安徽教育出版社, 2002.
5. 范晓, 杜高印, 陈光磊. 汉语动词概述. 上海: 上海教育出版社, 1987.
6. 丰竞. 现代汉语心理动词的语义分析. 淮北煤炭师范学院学报, 2003 (1).
7. 胡裕树, 范晓. 动词研究. 河南大学出版社, 1995.
8. 李英哲, 郑良伟. 使用汉语参考语法. 河南大学出版社, 1990.
9. 吕叔湘. 中国文法要略. 商务印书馆, 1982.
10. 吕叔湘. 语法学习. 北京: 中国青年出版社, 1953.
11. 马建忠. 马氏文通校注, 上册中华书局, 1954.
12. 邢福义. 现代汉语. 高等教育出版社, 1991.
13. 袁明军. 程度副词和动词的类. 北京语言学院出版社, 1995.
14. 杨华. 试论心理状态动词及其宾语类型. 汉语学习, 1994 (3).

Сведения об авторе

Хо Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия. khoolda@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 160—166.*

ON CLASSIFICATION OF PSYCHOLOGICAL (EMOTIVE) VERBS AS EXEMPLIFIED BY THE CHINESE LANGUAGE

O. A. Kho

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. khoolda@gmail.com

The verb is an important part of every language, and the research of psychological verbs has attracted more and more attention. There is still a gap in the study of psychological verbs in Chinese language, so here the author takes psychological verbs as a starting point for semantic study. The article briefly describes the definition of psychological verbs and researches related to the semantic classifications of psychological verbs in Chinese language. Author studies the synonyms than makes up lexical-semantic and determines the boundaries of lexical semantic fields groups for creating a semantic classification. Through a semantic study, this paper reveals the semantic characteristics and specificity of psychological verbs in Chinese language. It can provide theoretical and practical enlightenment for similar subjects in this field.

Keywords: *Chinese language, psychological verbs, semantic analysis, semantic classification.*

References

1. Babenko L. G. (1989) Leksicheskie sredstva oboznacheniya emocij v russkom yazyke [Lexical means of designating emotions in Russian]. Ekaterinburg [in Russ.].
2. Shahovski V. I. (1987) Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of the language]. Voronezh [in Russ.].
3. Shahovskij V. I. (2008) Lingvisticheskaya teoriya emocij [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis [in Russ.].
4. Chen Changlai. (2002) Jieci yu jieyin gongneng [Prepositions and Introduction Functions]. Anhui jiaoyu chubanshe [in Chinese].
5. Fan Xiao, Du Gaoyin, Chen Guanglei (1987). Hanyu dongci gaishu [An Overview of Chinese Verbs]. Shanghai jiaoyu chubanshe [in Chinese].
6. Feng Jing (2003). *HuaiBei meitan shifan xueyuanbao*, 1 [in Chinese].
7. Hu Yushu, Fan Xiao (1995). Dongci yanjiu [Verb Research]. Henan daxue chubanshe [in Chinese].
8. Li Yingzhe, Sheng Liangwei (1990). Shiyong hanyu cankao yufa [Using Chinese as a reference grammar]. Henan daxue chubanshe [in Chinese].
9. Lü Shuxiang (1982). Zhongguo wenfa yaolüe [An Outline of Chinese Grammar]. Shanwu yinshuguan [in Chinese].
10. Lü Shuxiang (1953). Yufa xuexi [Grammar Learning]. Beijing [in Chinese].
11. Ma Jianzhong (1965). Mashiwentong jiaozhu [Ma's Wentong proofreading]. *Shangce zhonghua shuju* [Volume 1 Zhonghua Book Company] [in Chinese].
12. Xing Fuyi (1991). Xiandai hanyu [Modern Chinese]. Gaodeng jiaoyu chubanshe [in Chinese].
13. Yuan Mingjun (1995). Chengdufuci he dongcidelei [Adverbs of degree and the class of verbs]. Beijing yuyanxueyuan chubanshe [in Chinese].
14. Yang Hua (1994). *Hanyu xuexiao*, 3 [in Chinese].

ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «МОЛЬБА» В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

М. Шафиги¹, А. И. Полищук²

¹ Университет им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран

² Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Исследуется речевой жанр «мольба и заклинание» как усиленная просьба с напряженной интонацией. Мольба в отличие от просьбы охватывает ситуации, невыносимые для говорящего, когда ему нужна помощь слушающего. Если «мольбу» предположить в одной стороне вектора, то на противоположной стороне вектора обязательно будет находиться «угроза».

Ключевые слова: речевой акт «просьба», жанр «мольба и заклинание», совет и клятва в роли мольбы, сравнительный анализ русского и персидского языков.

Введение. Речевой жанр «мольба»

По определению М. М. Бахтина, «речевой жанр» формулирует отдельное индивидуальное высказывание. В речевом жанре выделяются свои относительно устойчивые формулы данного речевого жанра. В любой определенной ситуации речевые жанры обладают своими характеристиками: в коротких репликах бытового диалога, военной команде, приказе, деловых документах, научных выступлениях и т. д. [2. С. 237—280, 250—251]. Речевой жанр можно рассматривать и внутри одного и того же социума (носителей одного и того же языка), и на межкультурном уровне, где говорящие относятся к разным культурным сообществам. Образ мышления каждого определенного народа образует такие языковые формулы, которые создают его собственные речевые жанры, неповторимые в ином культурном социуме. Жанровое мышление носителя языка есть нормальное продуцирование собственной речи и нормальное (правильное) восприятие речи коммуниканта [11. С. 235]. Современные концепции рассматривают речевые жанры с точки зрения лингвистики текста и с точки зрения коммуникативно-прагматического аспекта. Речевые жанры представляют собой коммуникативные формы текстов, где происходит систематизация моделей речевых актов [6. С. 155].

Понятие «речевой жанр» напоминает, скорее всего ситуации коммуникации, где происходит «диалог» [4. С. 640]. В речевом жанре «мольбы» Т. Г. Рабенко отметил жестово-мимические и фонационные знаки. В жестово-мимических знаках он выделяет: а) индивидуальные жесты, напр.: ползать на коленях при мольбе); б) индивидуально-взаимные жесты; в) мимические знаки (взгляд,

эмоциональное состояние и т. д.). В фонационных знаках — интонационные и тембровые модуляции; степень громкости и скорости речи, которые могут варьироваться [5. С. 202].

Экспрессивно-эмоциональные, напряженные, порой трагические ситуации в речевом акте «просьба» акцентируются и усиливаются в жанре «мольба». На формирование каждой формулы речевого акта «просьбы» воздействуют разные социально- и психолингвистические факторы. В речевом жанре «мольба» наиболее часто встречаются элементы фамильярности речи; при этом формулы близки к устной речи и, следовательно, к ситуациям диалога. Речевой акт «просьба» и речевой жанр «мольба» обладают императивным характером, но в них отсутствует значение «приказа». Адресатом мольбы может стать либо человек, либо бог, к которым говорящий обращается с просьбой, имеющей для него жизненно важное значение. В «мольбе» и «заклинании» нормы вежливости действуют в особой форме. При этом основная интенция ситуативного коммуниканта заключается в уговаривании и призыве к оказанию любезности. Так, «упрашивание» и «уговаривание» являются дополнительными языковыми стратегиями к речевому жанру мольбы» [Там же. С. 200]. Следовательно, при мольбе нарушается так называемая максима «количества» принципа кооперации Г. П. Грайса: речь говорящего становится длиннее принятой нормы при просьбе. По сравнению с просьбой мольба обогащается стратегиями уговаривания и упрашивания коммуниканта, что реже встречается или вообще не встречается при просьбе. При просьбе чувство самоуважения не позволяет говорящему унижаться выше некоей этической нормы в своей просьбе

перед ситуативным коммуникантом. Также при мольбе мимика и жесты выражаются энергичнее.

Речевой жанр «мольба» исходит из потребности говорящего в усиленной просьбе. Мольба находится в противоположной стороне вектора речевого жанра «угрозы»; первый содержит элементы вежливости, а при «угрозе» отсутствует чувство вежливости к коммуниканту, «угроза» как жанр имеет характер требования, приказа и способна привести к конфликтной ситуации общения. Речевой акт «угрозы» не является директивой. Требование, выраженное в речевом акте угрозы, представляет собой вид прескриптива, основанный на прагматической пресуппозиции нежелания адресата выполнить каузируемое действие. При угрозе говорящий присваивает приоритет, поскольку находится в позиции силы [3. С. 240—247].

«Просьба есть обращение к кому-либо, призывающее удовлетворить какие-либо нужды, желания. “Мольба” есть горячая, страстная просьба; требование — это настоятельная просьба, желание, выраженные в категорической форме; заклинание есть страстная мольба, просьба. Просьба, мольба и требование отличаются друг от друга способом воздействия на адресата. Просьба просто информирует о желании говорящего, чтобы слушающий произвел некоторое действие, мольба апеллирует к эмоциям слушающего, требование направлено на подавление его воли» [5. С. 199—200].

Формулы «мольбы»

Высококачественными формулами мольбы и заклинания в русском и персидском языках являются следующие:

Прошу!	(xāheš-mikonam) (1)	خواهش میکنم.
Умоляю!	(eltemās-mikonam) (2)	التماس میکنم.
	(Tamannā-mikonam) (3)	تمنّا میکنم.
	(Tamannā-dāram) (4)	تمنّا دارم.
	(estedā-dāram) (5)	استدعا دارم.

При сравнении указанных формул выделяется разнообразие существующих эквивалентов в персидском языке, что проявляется благодаря развитой системе тональности выражения вежливости через синонимику персидского языка и довольно суженный арсенал возможностей для выражения мольбы в современном русском языке. Высокая интенсивность «мольбы» в вышеуказанных формах может быть обеспечена добавлением наречия «убедительно» в русском языке и его эквивалента *مصراّنه* (moserrāneh «убедительно») в персидском языке:

Убедительно умоляю вас (тебя)...

(Moserrāneh azatun (azat) tamannā-dāram...)

Добавление вышеуказанного наречия показывает, насколько жизненно важно для говорящего выполнение его просьбы (мольбы) [11. С. 312]. Речевые жанры «мольба» и «заклинание» в большей степени относятся к условиям неофициального общения коммуникантов. Их использование в официальной среде общения может указывать на изменение уровня отношений между ситуативными коммуникантами, например, из-за испытываемых затруднений, нужды или даже плачевного положения дел, наличия кризисной ситуации для говорящего и его потребности в действии со стороны собеседника.

В русском языке при мольбе побуждение формируется с помощью добавления наречий «вдруг», «слезно», «коленопреклоненно», «униженно» и приставки «вс-/вз-» в глаголах «вскричать» и «взмолиться» и указывает на внезапность, резкость и интенсивность начинающегося действия: *Вдруг она вскричала! Вдруг она взмолилась!* [5. С. 201]. Данные языковые средства характерны для речи женщины. Наречие «вдруг» указывает на внезапное проявление мольбы. Наречия «слезно», «коленопреклоненно» и «униженно» дают речи тональность упрашивания. Все вышеуказанные наречия используются при описании ситуации мольбы, вне диалога: речь третьего лица в нарративной тональности.

Языковые средства «так и...» в русском языке и *اینطوری است که...!* (in-tori-st ke...) [так и] в персидском языке находятся в препозиции речевых формул мольбы:

Так и умоляю вас (тебя)

اینطوری است که از شما (از تو) التماس میکنم.

(in-tori-st ke az shomā (az to) eltemās mikonam.)

В обоих рассматриваемых языках указанное вводное выражение *так и* употребляется в диалоге, в речи умоляющего.

В русском языке указанный перформативный глагол часто сопровождается положительной или отрицательной формой инфинитива со значением каузируемого действия. В персидском языке после указанных перформативных форм используется форма аориста (настоящее — будущее время изъявительного наклонения), напр.:

Умоляю тебя надеть теплое пальто.

ازت التماس میکنم لباس گرم بپوشی.

В перформативной конструкции речевого жанра «мольба» возможно также использова-

ние вопросительного предложения с применением глагола во втором лице настоящего времени единственного числа с местоимением «ты» для введения коммуниканта в круг «своих». Данная форма типична для неофициальной среды общения. При этом конструкция «Умоляю тебя» идет в постпозиции к вопросительному предложению, содержащему просьбу говорящего, напр.:

Ты не придешь? Умоляю тебя. (Прошу!)

نمیآیی؟ التماسات میکنم (خواهش میکنم)!

(Nemiāi? Eltemāset (xāheš) mikonam)

«Мольба» в значении необходимости выполнения/ невыполнения какого-нибудь действия выражается при помощи слов, говорящих о «надобности»: «надо» باید (bāiād) / «не надо» نباید (nabāiād) в препозиции или постпозиции к формуле «Умоляю тебя», напр.:

Я тебя умоляю, надо! ازت التماس (تمنا) میکنم. باید این کار را انجام شه!

(Azat eltemās (tamannā) mikonam. bāiād in kār anjām bešeh.)

[*Я тебя умоляю, надо! (это дело должно быть сделано!)*]

Я тебя умоляю, не надо! ازت التماس (تمنا) میکنم. این کار نباید بشه!

(Azat eltemās (tamannā) mikonam. nabāiād in kār bešeh)

[*Я тебя умоляю, не надо! (это дело должно быть остановлено!)*]

В качестве синонима положительной конструкции указанной формулы в персидском языке для оформления просьбы может использоваться выражение لازم است (Lāzem-āst) (надо, необходимо): *Я тебя умоляю, надо!*

ازت التماس (تمنا) میکنم. لازم است این کار انجام بشه!

(Azat eltemās (tamannā) mikonam. Lāzem-āst in kār anjām bešeh.)

[*Я тебя умоляю, надо чтоб это дело сделано!*]

Дополнительно еще к двум перформативам, используемым в русской культурной среде, можно отнести формулы: а) «Заклинаю!» и б) «Молю!».

В четырехтомном «Словаре русского языка» АН СССР слово «заклинать» объясняется: 1. Суеверно стремиться воздействовать на кого-либо, что-либо, подчинить кого-либо, что-либо силой заклинаний; 2. Умолять кого-либо, настойчиво просить о чем-либо, во имя чего-либо высокого, святого; 3. Налагать заклятие на кого-либо, налагать запрет на что-либо» [7. С. 528]. И «заклинание» есть «страстная мольба, просьба» [4. С. 528]. При заклинании говорящий обращается к высшим силам Вселенной, призывает их в помощь [11. С. 312].

При этом в иранской культурной среде с большой частотой в ситуации мольбы употребляются языковые средства со значением «клятвы»: قسم میدهم (qasam-midaham) (заимствованное слово из арабского языка) «клянусь тебе» и синоним سوگند میدهم (sogand- midaham) (исконно персидское слово) «клянусь тебе». В данном языке речевой акт «клятва» приобретает значение «мольба». Данная форма явно обогащает значение уговаривания и упрашивания речи говорящего:

Заклинаю! (Qasam-at (midaham)!) قسمات (میدهم)!

Глагол «молю!» обозначает «просить», «умолять» [5. С. 290]. А. Г. Балакай перечисляет следующие конструкции в образовании формул заклинания при помощи перформативного глагола «молю!»: а) *Молю вас (тебя) (о чем-либо, сделать, сделай(те) что-либо; не делать, не делай(те) чего-либо)*; б) *Христом-Богом молю (умоляю, прошу)*; в) *Молю Бога (о... чтобы)* [1. С. 260]. Персидские ситуативные эквиваленты к указанным языковым конструкциям могут быть следующие:

а) *Молю Вас (тебя)!* ازتان (ازت) تمنا دارم!
(Azatān (azat) tamannā dāram!)

б) *Христом-Богом молю!* شما را به خدا قسم!
(Šomā rā be xodā qasam!)

в) *Молю Бога, что-бы...* از خداوند میخوام ت.
(Az xodāvand miḫām tā...)

Рассмотрим отношение речевого жанра «мольбы» к другим речевым актам.

Мольба и благодарность

Речевой акт «просьба» и речевой жанр «мольба», как правило, сопровождаются речевым актом «благодарность». При этом благодарность идет в препозиции к просьбе, имеет значение условия перед каузируемой просьбой и одновременно является обещанием и побудителем-предпосылкой к выполнению каузируемого действия:

Всю жизнь тебе благо- تمام عمر ممنونات / مدیونات خواهم بود!
дарна буду!

(Tamām-e omr mamnoonat / madioonat xāham bood.)

А. Г. Балакай указывает на оборот «детям и внукам закажу (накажу) молиться о вас!», выполняющий действие благодарности перед актом выполнения каузируемого действия [1. С. 260].

Слово «молиться» определено в «Словаре русского языка» АН СССР следующим образом: 1. Обращаться с мольбой, просьбой, благодарностью

к Богу, святым; произносить слова молитвы; 2. Преклоняться перед кем-либо, чем-либо [8. С. 290]. В персидской культурной среде часто в данной ситуации используют нижеследующий оборот как акт благодарности перед выполнением просьбы:

Всю жизнь буду молить- تمام عمر دعاگویتان خواهم
ся за вас! بود! (3)
(tamām-e omr doā-guietān xāham-bood.)

Мольба и клятва

Также к числу используемых побудителей в речевом жанре «мольбы и заклинания» можно отнести «клятву». Как правило, в русском языке клятва осуществляется при помощи формулы «Клянусь тебе!» и дополнительных предложных конструкций «ради кого?» и «ради чего?», напр.:

Клянусь тебе, больше قسمت میدهم دیگر این
так не делать! کار را انجام ندهی!

(Qasamat midaham digar in kār rā anjām nadahi!)

Мольба и совет

Если предполагаемый результат от каузируемого действия обращается к коммуниканту, то мольба в этом случае приобретает оттенок «совета», иными словами речевой акт «совет» формируется в виде «мольбы». Напр.:

Умоляю тебя быть осторожным ازت التماس میکنم احتیاط کنی

При этом «совет» может проявляться в виде остановки вредного действия для коммуниканта. Сравните следующие примеры в русском и персидском языках:

Умоляю вас, не живите ради детей.
ازتان التماس میکنم به خاطر بچهها زندگی نکنید.

Умоляю не курить.
خواهش میکنم سیگار نکشید.

В формировании речевого жанра «мольба» важно изучать невербальные средства, так как последние образуют паралингвистические и эмоционально-экспрессивные элементы речевого жанра «мольба». Сюда относятся жестово-мимические и фонетические знаки, которые «всегда вмонтированы в речь» [5. С. 202].

Мольба и молитва

Речевой жанр «мольба» находится в тесной связи с актом «молитвы». Молитва, как правило, охватывает просьбу получить что-нибудь у вышестоящего «внедиалогового» адресата — Бога. Он не отвечает на молитву, но одновременно мирянин

уверен в том, что Он его слышит и выполнит высказанную просьбу-молитву в Его адрес. Молитва, как правило, обладает тональностью мольбы и необходимостью обращения к вышестоящему Богу. В представлении мирянина тональность мольбы поможет ему в принятии адресатом его просьбы. При этом мольба означает неизбывную, непреходящую потребность мирянина в Вышестоящем Творителе Земли и Неба, утверждает его слабость перед Богом, поэтому тут просьба-молитва не характеризуется нейтральной, безразличной тональностью речи в выполнении его просьбы. Такой просительной тональностью речи мирянин утверждает: а) то, что «только» Бог может и в силах решить жизненную проблему мирянина, а также то, что мирянин считает себя бессильным в определенной жизненной ситуации, поэтому просит помощи «только» у Бога; б) чувство уважения к Богу — как Творителю Земли и Неба. В первом случае молитва охватывает ситуации с жизненными потребностями мирянина, а также связана с моральной позицией к другому миру: с просьбой прощения грехов, во втором случае она есть разговор мирянина с Богом.

Заключение

Речевые жанры «мольба» и «заклинание» относятся к диалогу, обладают спецификой фамильярности в общении и формой устной речи, вытекают из потребностей говорящего. Его коммуникант должен быть сильнее, следовательно, говорящий нуждается в побуждении коммуниканта относительно выполнения каузируемого действия. В противоположном векторе «мольбы» находится речевой акт «угроза», где говорящий «сильнее» своего ситуативного коммуниканта.

При актуализации потребностей просителя, а также с акцентуацией тона просьбы речевой акт «просьбы» легко способен приобрести оттенок «мольбы». Как правило, пользу, вытекающую из выполнения мольбы (просьбы), получает говорящий. Однако встречаются ситуации, где речевой жанр «мольба» можно использовать в качестве речевого акта «совет»: то есть польза и интерес от выполнения действия ориентированы на слушающего, а не на говорящего.

В обоих рассматриваемых языках речевой акт «мольба» часто сопровождается речевым актом «клятва». При этом клятва обогащает лексическое значение «мольбы». В персидском языке встречаются случаи, где речевой акт «клятва» используется в косвенном значении «мольбы».

Список литературы

1. Балакай А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М.: Астрель [и др.], 2004. 681 с.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. URL: <https://www.twirpx.com/file/122741/>.
3. Ерофеева Е. В. Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50).
4. Иркабаева М. В. Речевые акты и речевые жанры: соотношение понятий // Вестник Башкирского государственного университета. 2010. Т. 15, № 3.
5. Рабенко Т. Г. Жанр мольба и средства его языковой реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64), т. 4.
6. Сибирко Н. С. Проблема жанра в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1 (66).
7. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. А — Й / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981. 852 с.
8. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К — О / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1983. 736 с.
9. Фомина Ю. С. Роль речевого акта «мольба» в конфликтном тексте // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 5. С. 189—194.
10. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 478 с.
11. Шерстяных И. В. Речевые жанры в сознании носителей русского языка (на материале «русского ассоциативного словаря») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 3.

Сведения об авторах

Шафаги Марьям — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Университета им. Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран. shafaghi@atu.ac.ir, maryam.shafaghi@mail.ru

Полищук Александр Иванович — профессор, директор Центра персидского языка и культуры Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия. polyshuk20@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 167—172.*

SPEECH GENRE FORMULAS OF APPEAL IN THE RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES

M. Shafaghi

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran. shafaghi@atu.ac.ir, maryam.shafaghi@mail.ru

A. I. Polishchuk

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia. polyshuk20@mail.ru

In this scientific work, we study the speech genre “Appeal and pleading” as an intensified intense request. Appeal, contrary to the request, covers situations that are unbearable and intense for the speaker, and therefore he needs the help of the listener. If we suppose a “plea” on one side of one Vectra, then on the opposite side of the Vectra there is necessarily a “threat”. The border between these concepts is determined by force: in a plea, the strength for performing a causable action is in the hands of the listener; and when threatened, in the hands of the speaker. In the first case, a sense of need is observed, and in the second, feelings of violence. In the Russian language, the form of “Appeal” is limited: умоляю! Молю! Заклинаю! In Persian, the variety of formulas used is much wider. Here the expression of courtesy to a situational communicant play a large role in the formation of prayer formulas: میکنم خواهش! (xāhef-mikonam); میکنم التماس. (eltemās-mikonam); میکنم تمنا. (Tamannā-mikonam); دارم استدعا. (estedā-dāram). The tone of voice can easily turn a popular request formula into a plea: خواهش کنم می! (xāhef-mikonam) please! The speech genre “Appeal” can be used in the meaning of the speech act “council”. In the formation of prayer formulas in the Russian and Persian languages, speech acts “oath” and “gratitude” are often involved before performing a causable action. Keywords: Speech Act “Request”, Genre “Appeal and Pleading”, Advice and Swear in the Role of Appeal, Comparative Analysis of Russian and Persian Languages.

Keywords: *speech act “request”, genre “plea and incantation”, advice and oath in the role of plea, comparative analysis of the Russian and Persian languages.*

References

1. Balakay A. G. (2004) *Tolkovyj slovar' russkogo rechevogo jetiketa* [Explanatory dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow, Astrel [et al.]. 681 p. [in Russ.].
2. Bakhtin M. M. (1979) *Problema rechevyh zhanrov* [The problem of speech genres]. Aesthetics of verbal creativity. Moscow. 445 p. [in Russ.].
3. Erofeeva E. V. (2014) *Politicheskaia lingvistika*, no. 4 (50) [in Russ.].
4. Irkabaeva M. V. (2010) *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 15, no. 3 [in Russ.].
5. Rabenko T. G. (2015) *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (64), vol. 4 [in Russ.].
6. Sibirko N. S. (2016) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12-1 (66) [in Russ.].
7. Evgenieva A. P. (ed.) (1981) *Dictionary of the Russian language: in 4 vol. Vol. 1. A — Ы*. Moscow, Russian language. 852 p. [in Russ.].
8. Evgenieva A. P. (ed.) (1983) *Dictionary of the Russian language: in 4 vol. Vol. 2. K — O*. Moscow, Russian language. 736 p. [in Russ.].
9. Fomina Yu. S. (2016) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5, pp. 189—194 [in Russ.].
10. Formanovskaya N. I. (2007) *Rechevoe vzaimodejstvie: kommunikacija i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow, IKAR. 478 p. [in Russ.].
11. Sherstyanih I. V. (2019) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 12, iss. 3 [in Russ.].

СТОХАСТИЧНОСТЬ ТЕКСТА: СУЩНОСТЬ, СПОСОБЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

Е. В. Шелестюк, Е. А. Щетинкина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Обсуждается базовая категория, лежащая в основе информативности текста — стохастичность. Мы постулируем ведущую роль аналогического моделирования, порождающего новое знание на основе уже известного и обуславливающего стохастичность в тексте, представляющем это знание. Стохастичность знаменует появление непредсказуемых, случайных, новых смыслов, неожиданные повороты мысли (столкновение несочетающихся смыслов), а в лингвистическом плане она проявляется в том, что в тексте наблюдаются необычные употребления и сочетаемость слов. В данной статье дается перечень способов определения стохастичности и обозначается возможность ее автоматизированного исчисления. Также важной частью статьи является обсуждение специфических стилистических приемов, обеспечивающих стохастичность поэтического текста.

Ключевые слова: *аналогическая концептуализация, диафора, негемпликационные словосочетания, метафора, полумеченные структуры, стохастичность.*

Введение

Объектом исследования является текстовая категория стохастичности — непредсказуемости, неожиданности, случайности появления элементов в тексте и возникающий в результате этого эффект новизны, а предметом — реализация этой категории в поэзии. Цель статьи — описать явление стохастичности, в том числе на примере непредсказуемых, необычных тропеических словосочетаний в поэтическом тексте. Указанная цель обуславливает важные задачи: определить явление стохастичности, выявить его лингвистические признаки и способы оценки, рассмотреть компоненты поэтической речи (специфические стилистические приемы), характеризующиеся непредсказуемостью.

1. Аналогическое моделирование и стохастичность

Мысль и речь развиваются на основе прошлых моделей, либо слегка, либо сильно трансформируя предшествующую информацию. С помощью механизма наложения, пересечения или совмещения когнитивных сфер (доменов, фреймов) рождается новое знание, возникает новое понятие или конгломерат первичного и вторичного понятий (ср.: теории ментальных пространств Ж. Фоконье [15]¹, блендинга М. Тернера [20] и т. п.).

¹ Ментальные пространства — это временные структуры знания («концептуальные пакеты информации»), построенные на основе продолжающегося дискурса,

важно, что абстрактное знание, абстрактные понятия и концепции появляются по метафорической аналогии с конкретными понятиями (понятиями о конкретных, данных в ощущениях, объектах и явлениях) на основе конкретных фактуальных моделей (ср.: теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа [17]). В качестве одного из огромной массы примеров концептуальных метафор типа «конкретное > абстрактное» можно взять понятие, обсуждаемое в данной статье, и его употребление, которое демонстрирует аналогию с конкретными предметами: высокая/низкая, большая/маленькая, слабая/сильная вероятность.

Аналогическая концептуализация и концептуальное моделирование есть определение и осмысление когнитивных признаков нового, попавшего в поле зрения объекта или явления реального или воображаемого мира по аналогии с другими объектами или явлениями. Сравнение и различение по аналогии являются центральными когнитивными операциями концептуализации, объекты/явления познаются в сопоставлении, сличении с аналогичными объектами/явлениями. В основе же аналогии и аналогической концептуализации лежат «первотропы»: метафора (включая функциональный

которым свойствен ряд явлений, включая референциальную амбивалентность, альтернативность времени и вида, а также выбор эпистемической нейтральности и эпистемической дистанции (модальности).

перенос¹) и метонимия (включая синекдоху и гипо-гиперонимию).

На основе прошлых моделей также происходит развитие знаков в языке и в речи (литературе). Начало языковым изменениям в структуре значений слов закладывает необычное употребление, случаи которого повторяются, накапливаются и отбираются в речевом узусе. Формирование новых значений знака происходят по аналогии с первичными значениями при помощи сигнификации и денотации. Сигнификация предполагает постепенные семантические изменения, в результате нее создаются такие эффекты, как конкретизация, генерализация и сдвиг значения *внутри одной и той же понятийной сферы или в смежных понятийных областях*. Денотация предполагает радикальные и одномоментные именованья и изменения изначального значения слова, в результате происходит метафорический, функциональный, метонимический и синекдохальный перенос *с появлением двух разных денотатов и задействованием двух разных понятийных сфер, переход значения из сферы-источника в новую сферу* [13].

В речи, в ходе течения мысли также происходит аналогическое моделирование, которое позволяет получать новые знания об объекте и создавать новую реальность. Это происходит как в ходе логических рассуждений (научный дискурс), так и при сочетании рассуждений и образности, включая переносную образность (публицистический и художественный дискурсы). Развитие мысли и речи, их неожиданные повороты во многом обязаны аналогии и основанным на ней когнитивным процессам. В художественных дискурсах или дискурсах с элементами художественности необычное употребление порождает смыслы и значения, в норме языкового употребления несовместимые, относящиеся к разным семантическим полям. Речь, словесность косвенно влияют и на процессы лексических изменений, обогащая и модифицируя язык (прежде всего словарь), и концептуальные структуры, «ментальный лексикон» человека [2].

Особо отметим материал нашего исследования — поэзию, которую, вслед за И. Р. Гальпериным, многие лингвисты относят к специфическому подстилю художественного (беллетристического) стиля. Поэзия предоставляет человеку способ познания с помощью образно-символического типа мышления, облаченного в вербально-

¹ Например, нога человека — ножка стула, крыло птицы — крыло самолета.

символические и в той или иной степени фактуальные (предметно-логические) формы. В поэзии аналогическое моделирование чаще проявляется в необычных тропах, когнитивные сферы понятий близлежащих слов часто радикально далеки друг от друга.

Рассмотрим специфику моделирования знания в поэзии. Поэты замышляют произведения и вкладывают в них смыслы, исходя из интенций, мотивов, задумок, а также личного опыта, лингвокультурного и экстралингвистического фона. Текст, порожаемый поэтами, во многом отражает эти факторы — по сути своей аналогического характера — и вместе с тем развивается по правилу сигнифициции («игры означающих», порождению новых смыслов знаков в сочетании друг с другом), а также собственным синергичным законам. Кроме смыслов, в замысел поэтического произведения входит и форма. В наибольшей степени обогащают стихотворение и отличают его от других произведений те виды стилистических приемов и изобразительно-выразительных средств, фигур и тропов, которые создают необычность текста. Они помогают поэзии удивлять, поражать воображение своего читателя и слушателя, привлекать их новизной и оказывать эмоциональное воздействие (И. В. Арнольд, Э. МакКормак, А. Н. Мороховский, Ф. Уилрайт и др.)².

Итак, в моделировании нового знания в поэзии наибольшее значение имеет столкновение разных значений и смыслов. Необычность, случайность, непредсказуемость совместной встречаемости тех или иных лексических единиц текста называется *стохастичностью*. Мы выделяем стереотипность/стохастичность текста в качестве текстовой подкатегории, базовой для категорий информативности и информационной плотности. Стереотипность/стохастичность лежит в основе информационной избыточности/недостаточности, а эти критерии, в свою очередь, определяют информативность и информационную плотность.

Стохастические модели коммуникации и создания текста рассматривались в 1960-х гг. и позднее;

² Если говорить о моделировании текста со стороны читателя, то интерпретация произведения, его осмысление, при пересказе — смысловое развитие и рекомбинаторика семантических единиц оригинала со стороны читателя зависят от личного взгляда на окружающий мир, опыта и лингвокультурного и экстралингвистического фона последнего. Множество интерпретаций, нюансов, связанных с индивидуальными апперцепциями, опытом, установками, наблюдаются уже на уровне читателей той же культуры и национальности.

яркими представителями этого направления были Дж. Миллер и Н. Хомский. По их определению, множество элементов текста может быть представлено с помощью распределений вероятностей, причем коммуникативные процессы кодирования, передачи и декодирования заключаются в оперировании априорными и апостериорными вероятностями. Как поясняет А. А. Леонтьев, «каждый пятый элемент (слово) имеет вероятность появления, зависящую от появления четырех предыдущих: Road in the country was insane especially in dreary rooms where they have some books to buy for studying Greek [6]. Имея вероятностную связь с предшествующими и последующими элементами, каждый элемент этой модели имеет и собственную вероятностную характеристику (то, что мы назвали бы валентностями или типичными коллокациями/коллигациями). Можно также полагать единицей в такой модели не отдельный элемент (например, фонему или слово), а последовательность элементов, а именно цепочку из пяти слов. Моделируется вероятностная характеристика появления такой последовательности.

А. А. Леонтьев подчеркивает, что в чистом виде такая модель не способна обеспечить связную речь, применимы лишь ограниченные стохастические модели. Для объяснения связной речи к стохастической модели привлекаются иные модели: прежде всего модель непосредственных составляющих — грамматических зависимостей и отношений элементов текста как отражений реализации глубоких грамматических структур, а также модель комбинаторики «функциональных классов», или синтагм — словоформ с предлогами, послелогоми и целых семантически неразложимых фраз, приравняемых к одному слову, простейших элементов связной речи, отвечающих единым представлениям [Цит. по: 6].

А. Н. Мороховский, гипотезируя зависимость стохастичности от соотношения предсказуемых и непредсказуемых элементов в тексте, вводит переменную величину — коэффициент стохастичности, которая вычисляется по формуле $G = H : D$, где D — детерминированные, предсказуемые элементы текста, H — непредсказуемые, случайные, а G — коэффициент стохастичности [10]. В письменном тексте четыре бита из пяти являются избыточными, то есть содержат известную информацию, детерминированную системой, и один бит стохастичен, следовательно, $G = H : D = 1 : 4^1$. Коэффициент сто-

хастичности 0,25 — результат длительной эволюции языка, обеспечивающий достаточную информативность и одновременно целостность текста. Если бы количество непредсказуемых элементов стремилось к нулю, то язык стал бы полностью стереотипным, неинформативным, а если бы количество предсказуемых элементов стремилось к нулю, то текст был бы бессмысленным набором слов.

2. Способы исчисления стохастичности текста

Чтобы определить стохастичность текста, целесообразно исходить не из букв (хотя среднее соотношение необходимых и избыточных элементов текста было вычислено на основе смысловых различительных буквенных (или буквенно-вербальных) соотношений, см. выше о битах информации), но из *значимых, полнзначных слов как референциальных, концептуальных элементов текста, оценивая предсказуемость/непредсказуемость каждого последующих за каждым таким словом других четырех полнзначных слов.*

Детерминированные элементы определяются на основе норм и стандартов литературного языка. Обычно семантически избыточными являются традиционные, фольклорные произведения, где широко используются клишированные синтагмы типа «добрый молодец», «красна девица», «ясный сокол» и одна тема для всего произведения; коэффициент стохастичности в них ниже среднего. Тексты с малоизвестной терминологией, множественными иноязычными вкраплениями, поэзия символистского, формалистского и прочих типов являются семантически недостаточными, в них сталкиваются семантически не сочетающиеся в норме слова и синтагмы; в таких текстах коэффициент стохастичности выше среднего. Для определения коэффициента стохастичности текста важно учитывать контекст: микроконтекст реализуется в рамках предложения, макроконтекст — в рамках сверхфразового единства (сложного синтаксического целого), мегаконтекст — в рамках всего текста.

минус два и четыре плюс-минус один. Дж. Миллер [19] придерживается первой цифры, утверждая, что объем оперативной памяти человека — не более 7 ± 2 символа. Но экспериментально подтверждено число пять (4 ± 1), определенное на основе мнемонического исследования Н. Кована и экспериментов, посвященных способности удерживать определенные ментальные образы в памяти, с 1960-х по 2000-е гг. [14]. На наш взгляд, цифра 4 ± 1 слов является оптимальной для определения стохастичности.

¹ Вообще для определения стохастичности предложены две альтернативные формулы: семь плюс-

Итак, стохастичность — это непредсказуемость, случайность, необычность (атипичность) совместной встречаемости элементов текста.

Мы считаем, что категорию стохастичности как базовую подкатегорию информативности можно описывать на основе нескольких критериев: 1) валентность/дистрибуция/коллокации элементов текста (если валентность/дистрибуция/коллокации типичные, нормальные, то стохастичность низкая, если аномальные — высокая)¹; 2) повторяемость элементов, включая полные и синонимические повторы (если повторов много, то стохастичность низкая, и наоборот); 3) представленность тематических полей (чем меньше тематических полей, тем текст должен быть стереотипнее/понятнее, особенно низка стохастичность в тексте, где есть слова только одного тематического поля); 4) повторяющиеся когнитивно-коммуникативные модели (паттерны, фреймы, скрипты); 5) семантическая близость элементов текста.

Остановимся на критерии валентности/дистрибуция/коллокации и его потенциале для определения стохастичности в линейно развертываемых высказываниях. Именно валентность, точнее ее типичность/атипичность, позволяет выявлять, ожидаемым или неожиданным является каждый 3—5-й элемент (слово) высказывания и текста. Стереотипность и каноничность текстов, очевидно, во многом зависят от типичной сочетаемости составляющих его единиц, непредсказуемость и неканоничность — от атипичной сочетаемости.

Для того чтобы понять, как критерий валентности/дистрибуции/сочетаемости влияет на стохастичность, рассмотрим виды валентности. Традиционно ученые выделяют несколько типов валентностей: семантическую, определяемую семантическими признаками линейно связывающихся слов; лексическую, связанную с нормами и узусом сочетаемости слов; грамматическую, включая морфологическую (частеречевая и грамматикокатегориальная сочетаемость) и синтаксическую

¹ Заметим, что современные автоматизированные методы перевода текстов и создания текстов основаны на статистическом методе, при этом речь идет о статистике коллокаций слов (что в нашем случае должно быть эквивалентно статистике их валентностей). Аналогичным статистическим способом можно было бы рассчитывать и стохастичность (необычность), при этом оценивать типичность/необычность либо каждого последующего, либо каждого третьего/пятого (4 ± 1) полнозначного слова, но такой программы пока нет.

(совокупность потенциально возможных синтаксических связей слова). Традиционная лексикология также выделяет лексико-грамматическую валентность — сочетаемость слов, обусловленную общими лексико-грамматическими значениями слов (например, у существительных — конкретные/абстрактные, вещественные/объектные, одушевленные/неодушевленные, антропоморфные/анималистические и другие, у прилагательных — качественные/относительные, у глаголов — стальные/акциональные, предельные/непредельные и т. п.)².

Ряд лингвистов, например Ю. Д. Апресян, лексическую и лексико-грамматическую валентности не рассматривают. Признанными являются такие типы валентностей, как семантическая и грамматическая, причем семантическая валентность понимается достаточно узко: «значения субъекта, объекта, главы, контрагента, содержания, адресата, получателя всегда являются частью значения соответствующего предикатного слова; значения начальной точки, конечной точки, инструмента и средства являются чаще содержанием семантической валентности, чем чисто грамматической зависимости; все остальные значения чаще являются содержанием чисто грамматической зависимости, чем семантической валентности» [1. С. 127]. В трактовке И. А. Мельчука и ряда лингвистов, работающих в рамках концепции «Смысл ↔ Текст», валентности трактуются как набор «лексических функций» лексем, прежде всего предикатов, но также актантов и сиркостантов пропозиций [5].

Заметим, что, на наш взгляд, отвергать лексическую и лексико-грамматическую валентности нерационально, эти категории свидетельствуют о типичных, нормативных коллокациях, отступления от которых представляются аномальными. Лексическая валентность означает, что существуют синонимичные лексеммы, нормально и аномально сочетающиеся с данной лексеммой и отличающимися друг от друга лишь употреблением (иногда также тонкими нюансами значения).

Определение валентностей предполагает построение модели управления, или рамки валент-

² Примеры лексической валентности — *healthy man*, *no healthful food*, *salubrious climate*; грамматической — *to propose or suggest a plan/doing smth.*, *no to offer smth/to do smth.*; семантической — *the boy struck uphill*, *no he the house / the disabled man*; лексико-грамматической — *he rejoices*, *suffers*, *no discovers smth.*, *seems (to be) smth.* [16; 9].

ностей (англ. subcategorization frame)¹, отражающей семантические и синтаксические актанты и способы их морфосинтаксического оформления, то есть какие части речи слово может иметь в качестве зависимых и в каких формах они должны стоять. Выделяются активная и пассивная рамки валентностей, предполагающие относительно открытое множество сочетаний с той или иной лексемой. Первая определяется лексемами и синтаксическими структурами, которыми управляет лексема, вторая же — структурами, в которые лексема входит в качестве управляемого.

В поэзии встречается множество валентностных (коллокационных) аномалий, то есть не соблюдающихся ограничений на заполнение валентностей слов, атипичных дистрибуций, ранее не встречавшихся, ненормативных сочетаний слов. Такого рода аномалии можно было бы выявлять с помощью анализа активной и пассивной рамок валентностей. Производить инвентаризацию валентностей слов и приводить их к автоматизированному виду можно было бы, привлекая к этому корпусы языков, например Национальный корпус русского языка. Однако, к сожалению, инвентаризации словесных валентностей и приведения их к автоматизированному виду целенаправленно до сих пор не делалось. Как отметил в диалоге с авторами этой статьи один высокопоставленный представитель компьютерной лингвистики в России: «Насколько мне известно, автоматизацией поиска и классификации валентностей никто не занимается. Лично я считаю, что на этом пути можно добиться только массовых, а стало быть, научно неинтересных, результатов».

Однако некоторое подобие такой инвентаризации производится, это касается статистического метода, подсчитывающего коллокации и коллигации (то есть грамматические коллокации) слов и используемого в автоматизированном переводе и создании текстов. Перебор вариантов в этом методе основан фактически на учете статистики коллокаций и коллигаций (\approx валентностей) той или иной лексической единицы. Вероятно, статистическим же способом можно рассчитать и стохастичность, оценить типичность/необычность каждого последующего слова (здесь можно было бы учитывать все виды валентностей)

¹ Понятие модели управления было изначально введено в теории «Смысл \leftrightarrow Текст» [5]. Позднее оно получило применение в компьютерной лингвистике.

или каждого пятого слова (здесь учету доступна семантическая валентность).

В том же ключе, но в другой терминологии и несколько другом ракурсе можно исчислить типичную/атипичную дистрибуцию слова. Описан актуальный для нас автоматизированный дистрибутивно-статистический анализ (ДСА), подробное обсуждение дистрибуции и применимости ДСА осуществляется в [8]. Для нас подходит как дистрибутивный вариант ДСА, который опирается на сходство дистрибуций слов (возможных контекстов, в которых они встречаются), так и статистический вариант, связанный с числовыми характеристиками совместной встречаемости слов в контекстах. Отмечается, что число и сила парадигматических связей возрастает в прямой пропорции с возрастанием числа и силы синтагматических связей. При этом «с увеличением интервала текста качественное различие между синтагматическими и парадигматическими связями постепенно стирается» [Там же].

Несмотря на существование определенного инструментария, осуществить автоматизированный анализ нормальности/аномальности дистрибуций/валентностей/коллокаций авторам настоящей статьи пока не представляется возможным — у нас нет в наличии программы для измерения стереотипности/стохастичности ни каждого последующего элемента текста, ни каждого 5-го элемента. А следовательно, измерение стохастичности в микроконтексте в автоматизированном виде остается важной задачей на будущее.

Возможны и другие способы исчисления стохастичности текстов. Актуален обсчет тематических полей, поскольку положительная валентность, то есть сочетаемость слова с семантически или тематически близким словом, в том числе через метафорическое подобие или общее семантическое (тематическое) поле, обнаруживается дистантно, на расстоянии от непосредственно того или иного слова. В плане трудоемкости подсчет тематических полей в тексте менее обременителен, чем вычисление нормальности/аномальности совместной встречаемости каждого 5-го слова текста.

Обсчет тематических полей или тематических рядов для выявления стереотипности/стохастичности текста основывается на гипотезе, что чем больше тематических полей, тем выше стохастичность, и наоборот. Этот критерий, на наш взгляд, особо ценен для выявления стохастичности поэтического текста, поскольку семантическое сходство в поэзии чаще обычного обнаруживается у метафорически

пересекающихся, но дистантно расположенных единиц; оно проявляется в сцеплении (coupling)¹.

Автоматизация такого подсчета достижима (в том числе обсчет тематического сходства каждого 5-го элемента) и представляется достаточно перспективной в определении стохастичности поэзии. Возможно использование метода «Семограф», предназначенного для извлечения разнообразной информации о предметных областях из текстовых, словарных массивов и метаданных².

Из доступных нам методов следует также выделить подсчет повторов знаменательных слов, который даст вполне очевидную оценку частотности их употребления и позволит оценить стохастичность: чем больше повторов этих слов, тем выше стереотипность текста, а чем их меньше — тем выше его стохастичность. Этот показатель можно определять автоматизированно с помощью простых программ определения частотности употребления слов в тексте, например, SEO-анализа.

3. Особенности стохастичности в поэзии.

Речевые явления и стилистические приемы, повышающие стохастичность

В поэзии категория стохастичности имеет своеобразие. Кроме типичного правила 4 ± 1 для каждого нового элемента текста здесь важно учитывать следующую специфику. Во-первых, стохастичность здесь проявляется не только на стыках известного и нового, темы и ремы, но и в пределах одной единицы — речевой единицы (синтагмы) или стилистического приема, где соседствуют семантически и нормативно несопоставимые элементы. Стилистические приемы в поэзии весьма часты, и практически каждый из них несет предсказуемый и непредсказуемый элементы, поэтому стохастичность поэзии обычно высока. Во-вторых, предсказуемые элементы в поэзии обнаруживают сцепления, происходящие по типу ассоциативных рядов, семантически близких слов и образов, отстоящих друг от друга. В-третьих, в поэзии нередки нагромождения стилистических средств и образности в одном вербально-смысловом комплексе, так называемая конвергенция (термин М. Риффатера).

Опишем речевые явления (некоторые из которых рассматриваются как специфические стилистические приемы), совмещающие нормативно не сочетающиеся элементы и влияющие на стохастичность текста, обуславливающие ее.

Довольно распространенным является феномен «полуотмеченных структур» (термин Н. Хомского, сокращенно — ПС) — словосочетаний и фраз, демонстрирующих намеренные или ненамеренные аномалии грамматического и лексико-грамматического типа. ПС обладают семантической градацией от бессмысленных до значимых, такого рода фразы являются яркими, запоминающимися, они играют большую роль в образном обогащении поэтической речи.

Грамматические ПС демонстрируют нарушение грамматических связей между элементами и нередко кажутся бессмысленными, для их понимания читатель вынужден обращаться к фразе не один раз, например: *...and just so long / will being pay the rent of seem / and genius please the talentgang / and water most encourage flame...* (Е. Е. Cummings). Заметим, однако, что такого рода сугубо грамматические ПС встречаются нечасто. Гораздо чаще читатель сталкивается с лексико-грамматическими ПС — такими аномальными сочетаниями слов, которые демонстрируют нарушение лексико-грамматической нормы, когда содержащиеся в высказываниях лексемы друг с другом не сочетаются из-за разницы в семантике и нормативной сочетаемости. В лексико-грамматических ПС мы можем достаточно легко проследить логическую связь между компонентами фразы, их восприятие требует меньше аналитико-синтетических операций и рекурсий, чем восприятие сугубо грамматических ПС. Например: *Твои зубы смелы, в них усмешка ножа, и гудят как имели золотые глаза* (А. Вознесенский); *Gold-coloured fish paint the green gloom* (F. Funaroff); *He is dreadfully married* (A. Ward).

Родовой термин по отношению к полуотмеченной структуре — языковая игра. Он трактуется достаточно разносторонне: как особая форма лингвокреативной деятельности (Т. А. Гридина), реализация творческого потенциала (С. Ж. Нухов), словесная форма комического (В. З. Санников), проявление намеренной аномальности в речи (Ю. Д. Апресян) и т. п. Более развернуто языковая игра определяется как ненормативное использование семантических, прагматических или синтаксических ресурсов языка [5. С. 6]. Среди механизмов языковой игры следует отметить паронимию и паронوماзию, фразеологию и игру слов с ней связанную, словообразование, конверсию, перестановку компонентов и др. Среди функций языковой игры выделяем следующие: 1) намекающую — выражение амбивалентности, намек на скрытый смысл высказывания; 2) attentionальную — стремление к привлечению внимания

¹ Термин С. Левина [18].

² <https://semograph.com>.

и поражению воображения адресата; 3) со стороны писателя — самовыразительную, а также маркировочную, когда необычностью производится «зарубка», маркирование слова (словосочетания) для заострения собственного внимания на чем-либо; 3) развлекательную — стремление развлечь себя и собеседника/читателя; 4) языкотворческую — обогащение средств выражения мысли.

Когипонимом полуотмеченной структуры является каламбур, основанный на тех же механизмах (параномазия, паронимия, обыгрывание фразеологического оборота, реализация прямых и переносных значений его компонентов). Однако каламбур служит комическим, развлекательным целям, а ПС обладают иным набором функций, среди которых преобладают намекающая, аттенциональная, маркирующая и языкотворческая. Кроме того, полуотмеченные структуры — это вид языковой игры, который обязательно демонстрирует грамматические аномалии (морфологические, синтаксические): нарушения морфемного оформления частей речи и частеречного употребления, нарушения реализации грамматических категорий, функций и позиций членов предложения. В каламбуре нарушения грамматических норм не носят обязательного характера, не составляют обязательной части его сущности как феномена языка.

Следует также упомянуть такие явления художественного дискурса, способствующие повышенной стохастичности, как диафора и эффект обманутого ожидания. В концепции Ф. Уилрайта, главными видами метафоры являются эпифора (от гр. *epi* «на, над, сверх, при, после, рядом по времени и в пространстве + *pherein* «нести») и диафора (от гр. *dia* «через, между, в разных направлениях» + *pherein* «нести») [12]. Первая предполагает определенное сходство между агентом и референтом, она соответствует тому, что часто называют графаретными (стереотипными, конвенциональными) метафорами. Вторая предполагает столкновение семантики референта и агента, причем оба приобретают новый смысл в контексте друг друга. Иначе говоря, диафора сочетает ранее не сочетающиеся элементы, которые приобретают новые свойства и значения. По логике определения диафора должна означать радикальное обогащение поэтической образности. Впрочем, сам Уилрайт приводит в качестве примера диафоры вполне курьезный стихок: *My country 'tis of thee / Sweet land of liberty / Niggledy-piggledy my black hen* [Там же].

Несколько слов о явлении, которое Р. Якобсон назвал «эффектом обманутого ожидания» (*defeated*

expectancy) и полагал основным принципом любого вербального общения, обладающего той или иной прагматической целью [2; 10]. Вслед за Якобсоном, М. Риффатер подчеркивал, что причиной эффекта обманутого ожидания является контраст. Если в контексте возникает элемент, который характеризуется низкой предсказуемостью, то вместе с ним появляется особый стилистический эффект. Эффект обманутого ожидания может проявляться на всех языковых уровнях: морфологическом, фонетическом, синтагматическом, лексическом, сверхфразовом, текстовом; кроме того, он проявляется в межуровневых аспектах: стилистическом (когда при однообразном стилевом фоне появляются слова другого стиля) и логическом [7]. Однако чаще всего эффект обманутого ожидания ассоциируется с риторической фигурой батоса, антикульминации, когда имеется ряд контекстуальных синонимов с нарастающей экспрессивностью, в конце же появляется маловероятный элемент со сниженными экспрессивными и стилистическими коннотациями. Например: *The country gave Patience a widow's pension, as well as a touching inducement to marry again; she died of grief* (A. Coppard); *No comfortable feel in any member; / No shade, no shine, no butterflies, no bees, / No fruits, no flowers, no leaves, no birds. / November!* (Th. Hood).

Наиболее общим, емким, точным по внутренней форме и родовым для прочих упомянутых понятий является понятие «негиппликациональное сочетание». Автором этого термина и исследователем соответствующего понятия является выдающийся лингвист, исследователь лексической семантики М. В. Никитин. Помимо прочего, этот ученый стоял у истоков важного направления лексикологии и стилистики — комбинаторной семантики, изучающей закономерности сочетания смыслов синтагматически связанных лексем. Негиппликациональные сочетания в терминологии Никитина — это отрицательные, невозможные или маловероятные словосочетания, исходя из грамматической, семантической и лексической валентности входящих в них слов.

Ниже приведем классификацию негиппликациональных сочетаний, выведенную на основе модификаций типичной комбинаторики фраз, которые выявил М. В. Никитин. Типы негиппликациональных словосочетаний будем сопровождать примерами, в том числе из [11]:

1. Сочетания, возникшие на основе морфемных и морфологических аномалий — единицы речи, образованные в результате нарушения

морфемной и морфологической валентности, когда словообразовательные средства комбинируются ненормативным и неузуальным образом. Среди них тоже можно выделить два подтипа:

а) связанные с лексико-грамматической и грамматической несочетаемостью значимых и служебных морфем слова: *я лежу, как рассеконое; просебятина; Моё слепейшество глядит на озерко, / где ангел приводился (это — птица, / которой не почетно, а легко, / как ангелу, — без ряби приводиться)* (В. Кальпиди); *У друга твоего глаз цвета «веронезе», / в разрезе он слегка монголовит* (А. Парщикова); *И рушится трава, и птицы исчезают, / и дети голоса, и рушится трава, / и духа серебро торжественно пылает / в тисках несеребра* (В. Кальпиди); *I wonder what Adam and Eve / think of it by this time, / this firegilt steel / alive with goldenness* (M. Moore); *Fat Pierre with the hook gauche-main, / Thomas Larron 'Ear-the-less', / Tybalde and that armouress* (E. Pound);

б) связанные с аномальным, окказиональным словосложением: *Псевдовосьмистишие* (Е. Туренко); *и тьма, лежащая у глаз / на дне твердеющей росой, / обуглится в который раз / двояколюющей слезой* (В. Кальпиди); *lifelong the fishlipped lovers lie, kissing catastrophes* (S. Funaroff).

2. Сочетания, в основе которых лежат грамматические или лексико-грамматические метафоры — нарушения грамматической или лексико-грамматической валентности слов, например: *сладостное ла* (Е. Шварц); *скривилась правильная путь* (Д. Бобышев); *крикнешь несотворенное — тварью / вырастет и обрстет временем, временами* (А. Петрушкин); *Я промотал словарь — / остались: выдох, небо, / земля и в ней огонь / из Бога или хлеба* (А. Петрушкин); *...трепетал Грозный, / примиряя Ламарка с ящерами, / трепетал воздух, / примиряя нас с вакуумом, / Аввакума с Никоном, / валуны, словно клапаны, / трепетали. Как монокино проламывается в стерео* (А. Парщикова); *авось не произнести ни пользы ни эпохи* (Е. Туренко); *Истекут пылинки лет / или — неолит. / Относительно до нет / небо не болит; Чистую правду честно следить по лужам — / было бы с кем... / Якобы, воробей за себя сгодился* (Е. Туренко); *chips of when; a grief ago; little whos; when questioned, says, unenviously, / «I'm very won.» / Shorn of the batting crown, says, «We»; / robbed by a technicality* (M. Moore); *In the flash of gold heels on the hard pavement. / Now see I / That warmth's the very stuff of poesy* (Th. E. Hulme); *that shed snake-skin in the history of politeness / not to be returned*

to again — / that invaluable accident / exonerating Adam (M. Moore).

3. Сочетания, возникшие на основе семантико-синтаксических перестановок, метонимическое или метафоро-метонимическое переподчинение смыслов¹: *О мать революция! Нелегка! / Трехгранная откровенность штыка* (Э. Багрицкий) (< откровенность трехгранного штыка), ... *впадали в длинный воздух коридора* (Б. Ахмадулина); *There rises the hidden laughter / Of children in the foliage* (T. S. Eliot); *The huddled warmth of crowds / Begets and fosters hate* (E. Wylie); ... *the terrible white malice / Of waves high as cliffs* (J. Wain); ... *the bud's tipped rage* (T. Gunn); ... *in the lion's intolerant look* (W. H. Auden).

4. Сочетания, возникшие на основе семантико-синтаксической контракции, метонимические и метафоро-метонимические эллипсисы: а) адъективные: *белый пир* (И. Кашежева) (< веселье, забавы, пир на белом); *Идет-гудет Зеленый Шум, / Зеленый Шум, весенний шум!* (Н. Некрасов); *заланнный старик* (А. Преловский); *соленая работа, честный пот* (В. Коржииков); *белая страда, белый рейс, голубой патруль, зеленая жатва, быстрый лед; His form began its senseless change* (R. Eberhart); *How can those terrified vague fingers push / The feathered glory from her loosening thighs? / And how can body, laid in that white rush / But feel the strange heart beating where it lies?* (W. B. Yeats) (feathered glory < feathered god's glory, white rush < white bird's rush); б) глагольная²: *to blink about for smth, to curse through smth, to limp on, to wince out, to glister forward.*

5. Сочетания, возникшие на основе метафорического совмещения смыслов при наложении логико-семантически несовместимых компонентов: *Я рукопись сдала, когда в сугробах марта / Слабело и текло водою серебро* (Б. Ахмадулина), *Проклюнет снежные скорлупы / Трава* (И. Кашежева), *Покрытая шинелью жухлых трав, / Земля пропахла горем и махрою* (З. Вальшонок), *Я умчался туда, где за горным хребтом / Многогорбый старик-океан, / Разрыдавшись, багровые волны-горбы / Разбивает о лбы валунов* (Н. Рубцов), *И белый пир идет в снегах. / Здесь снег с земли не убирают, / Здесь белизны не убивают* (И. Кашежева); *sour cream wall, my blood stings, winds that knife*

¹О метафтонимии, единстве метафоры и метонимии интегрированного или кумулятивного вида, см. в том числе [4].

²Вид контракции, когда в английском глаголе «спрессовывается» значение действия и способа его исполнения.

us, with fingering stealth; the seeds, assuaged, peep from nested spray; ... Heaven's great lamps do dive / into their west and straight again revive: / But soon as once set / our little light, / Then must we sleep one ever-during night (Th. Campion), wept out the dark load of human love (R. Eberhart), The glacier knocks in the cupboard, / The desert sighs in the bed, / And the crack in the tea-cup opens / A lane to the land of the dead (W. H. Auden).

6. Сочетания, возникшие на основе синтаксико-смыслового переподчинения компонентов при сравнении (чаще всего метафорического): По лицу проносятся очи, / как буксующий мотоцикл (А. Вознесенский), Душа моя, мой звереныш, / Меж городских кулис / Щенком с обрывком веревки / Ты носишься и скулишь! (А. Вознесенский); the moon rattles like a fragment of angry candy; And his answer trickled through my head / Like water through a sieve (L. Carroll); The door still swinging to, and girls revive, / Aeronauts in the utmost altitudes / Of boredom fainting, dive / Into the bright oxygen of my nod (K. Amis); Down the road someone is practising scales, / The notes like little fishes vanish with a wink of tails (L. Mac Neice); What happens to a dream deferred? / Does it dry up / like a raisin in the sun? / Or fester like a soar — / and then run? / Or crust and sugar over — / like a syrupy sweet? / Maybe just sags / like a heavy load? / Or does it explode? (L. Hughes); Your hair / Wept round your face like a willow / Unstirring / Your eyes were dry (A. Alvarez); Their eyes sunk jellied in their holes / Were held up to the sun like begging bowls. / Their hands like rakes with finger-nails of rust / Scratched for a little kindness from the dust (St. Spender); Buba sits a wrinkled monument in Old Ladies Home (A. Ginzberg).

7. Семантико-синтаксические контрарные сочетания типа оксюморонов: Своих страстей свободный раб... / Своих страстей кабальный князь, / В рубаху лезу торопясь... / Слугой своих свобод. / Надежды вольные рабы, / Теперь помчимся кто куда (Дм. Сухарев); бесславный подвиг сотворения тени; беспечно мучилась душа (Б. Ахмадулина); авось не произнести ни пользы ни эпохи / сладка съестная соль ночного снегопада / подумаешь зима дела конечно плохи / но кажется теперь как в точности не надо (Е. Туренко); Pour the unhappiness out / From your too bitter heart, / Which grieving will not sweeten (W. Stevens); Beautiful tyrant! fiend angelical! / Dove-feather'd raven! wolfish-ravens lamb! / Despised substance of divinest show! / Just opposite to what thou justly seem'st; / A damned saint, an honourable villain! (W. Shakespeare. Romeo and

Juliet, act III, scene II); Yesterday's silences are much louder (D. Anderson); Dark, dark my light, and darker my desire (Th. Roethke); Shape without form, shade without color, / Paralysed force, gesture without motion (T. S. Eliot).

8. Семантико-синтаксические контрадикторные сочетания типа зевгм: переворачивает свет, как полынь и очки; ...дожди / в голых прохожих скручены — как часы или мгла; заросли глины и пара; висит, как фонарь и зренья отрез (А. Петрушкин); всё полней и тучнее качается камень, / словно узел, в который связали его, / тянет неба колосья, как плугом из раны, из звезды или пашины — тяжело и легко (А. Петрушкин); Оставишь комментарий и июнь, / оставишь берег, дым и даже почву / и выйдешь в утро, что тебе — июль / и тростников холодный позвончик (А. Петрушкин).

9. Фонетико-, графико- и морфосемантические сочетания типа игры слов, параномазии, каламбура, одновременной реализации фразеологического и свободного значения словосочетания: ...трепетал воздух, / примиряя нас с вакуумом, / Аввакума с Никоном, / валуны, словно клапаны, / трепетали (А. Парщиков); ...старый Адам — это только двери, это только звери с сосцами огня (А. Петрушкин); The force that through the green fuse drives the flower / Drives my green age; that blasts the roots of trees / Is my destroyer. / And I am dumb to tell the crooked rose / My youth is bent by the same wintry fever. / The force that drives the water through the rocks / Drives my red blood; that dries the mouthing streams / Turns mine to wax. / And I am dumb to mouth unto my veins / How at the mountain spring the same mouth sucks. / The hand that whirls the water in the pool / Stirs the quicksand; that ropes the blowing wind / Hauls my shroud sail. / And I am dumb to tell the hanging man / How of my clay is made the hangman's lime... (D. Thomas).

10. Смешанные: Closed like confessionals, they (ambulances) thread / Loud noons of cities ... (Ph. Larkin).

Заключение

Итак, в данной статье мы дали определение стохастичности, предложили методы ее определения (количественное исчисление стохастичности с использованием автоматизированных методов, которые, надеемся, будут применены или разработаны и применены в недалеком будущем), представили краткую классификацию языковых явлений, влияющих на стереотипность/стохастичность в поэзии (полуотмеченных структур, диафор, эффекта обманутого ожидания, языковой игры и негимпликационных словосочетаний).

В заключение стоит вспомнить рассуждение Л. В. Щербы о том, что авторы, не отступающие от нормы, скучны, — хотя отступления от нормы должны имплицировать знание этой нормы, быть обусловленными замыслом автора и содержательно-смысловой целостностью произведения [14]. На наш взгляд, это касается далеко не только развлекательной, аттенциональной и самовы-

разительной функций языковой игры. Нередко благодаря стохастичности, неожиданным столкновениям образов и смыслов, комбинаторным аномалиям мы можем проникнуть в глубинную суть описываемого явления, уловить его диалектические смыслы, осуществить смысловой синтез и обнаружить неожиданные связи отраженных в тексте предметов и явлений.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Шк. «Языки рус. культуры»: Вост. лит., 1995. 472 с.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: учеб. для вузов. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
3. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. 204 с.
4. Ковязина Е. Н. Роль комплексных метафорических и метонимических конструкций в вербализации антиномичных политических концептов // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. С. 81—90. DOI 10.47475/1994-2796-2020-10711.
5. Кравченко О. В. Явления языкового абсурда в художественных текстах. URL: <http://cheloveknauka.com/yavleniya-yazykovogo-absurda-v-hudozhestvennyh-tekstah> (дата обращения 13.02.2021).
6. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
7. Леонтьева Т. И. Способы создания эффекта обманутого ожидания в литературном произведении. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB0QFjAA&url=http%3A%2F%2Fportfolio.vvsu.ru%2Ffiles%2F6BC0B58B-98AF-46EB-A7A8-4690A8C22F79.pdf&ei=f2plVandLMnJsQHS3YDgCQ&usq=AFQjCNEhxVt-BFul_9L3r7s8BWtsDpZuEw&sig2=zJJ0pXy7rdODK8LDLMT3VA&bvm=bv.93990622,d.bGg&cad=rjt (дата обращения 14.01.21).
8. Максименко О. И. Внутренняя и внешняя детерминанты текста // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 1. С. 92—100.
9. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст»: семантика, синтаксис. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1999. 345 с. (Язык. Семиотика. Культура.)
10. Мороховский А. Н., Воробьева О. П., Лихошерст Н. И., Тимошенко З. В. Стилистика английского языка. Киев: Вища шк., 1984. 247 с.
11. Никитин М. В. Лексическое значение слова: (Структура и комбинаторика): [учеб. пособие для пед. ин-тов по специальности «Иностр. яз.». М.: Высш. шк., 1983. 127 с.
12. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 82—119.
13. Шелестюк Е. В. Семантические процессы и семантические изменения // Язык и культура: материалы регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2001. С. 88—91.
14. Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1945. Т. 4, вып. 5. С. 173—186.
15. Cowan N. The magical number 4 in short-term memory: a reconsideration of mental storage capacity // Behavioral and Brain Sciences. 2001. 24 (1). P. 87—185.
16. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.
17. Ginzburg R. S., Khidekel S. S., Knyazeva G. Y., Sankin A. A. A course in modern English lexicology. Moscow: Vyssaja Skola, 1979.
18. Lakoff G. The invariance hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. № 1—1. P. 39—74.
19. Levin S. Linguistic Structure in Poetry. The Hague: Mouton, 1964. 64 p.
20. Miller G. A. Mathematics and Psychology // Perspectives in Psychology. John Wiley & Sons, INC, 1965. P. 625—627.
21. Turner M., Steen F. Language, gesture, bodily stance: grammar as a multimodal system // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып. 89. С. 40—47.

Сведения об авторах

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. shelestiuk@yandex.ru

Щетинкина Екатерина Александровна — аспирантка Челябинского государственного университета. ekaterina8422@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 173—184.*

TEXT STOCHASTICITY: ESSENCE, METHODS OF RESEARCH, PHENOMENOLOGY

E. V. Shelestuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shelestiuk@yandex.ru

E. A. Shchetinkina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia ekaterina8422@yandex.ru

The article discusses the basic category underlying the information content of the text — stochasticity. We postulate the leading role of analogous modeling, which generates new knowledge based on already known and determines stochasticity in the text representing this knowledge. Stochasticity is the emergence of unpredictable, random, new meanings, collision of incongruous meanings, in linguistic terms, it manifests itself in the fact that unusual uses and combinations of words are observed in the text. This article describes the methods for determining stochasticity and indicates the possibility of its automated calculation. An important part of this article is devoted to specific stylistic devices that are likely to provide the stochasticity of a poetic text.

Keywords: *analogous conceptualization, diaphora, negative-implicational phrases, metaphor, semi-defined structures, stochasticity.*

References

1. Apresyan Yu. D. (1995) *Leksicheskaya semantika: 2nd ed.* Moscow. 472 p. [in Russ.].
2. Arnol'd I. V. (2002) *Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka: uchebnyk vuzov.* Moscow, Flinta, Nauka. 384 p. [in Russ.].
3. Zalevskaya A. A. (1990) *Vvedenie v psiholingvistiku.* Voronezh. 204 p. [in Russ.].
4. Kovyazina E. N. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (441). *Filologicheskie nauki*, iss. 121, pp. 81—90. DOI 10.47475/1994-2796-2020-10711 [in Russ.].
5. Kravchenko O. V. (2010) *Yavleniya yazykovogo absurda v hudozhestvennyh tekstah.* Available at: <http://cheloveknauka.com/yavleniya-yazykovogo-absurda-v-hudozhestvennyh-tekstah>, accessed 13.02.2021 [in Russ.].
6. Leont'ev A. A. (1997) *Osnovy psiholingvistiki.* Moscow, Smysl. 287 p. [in Russ.].
7. Leont'eva T. I. *Sposoby sozdaniya efekta obmanutogo ozhidaniya v literaturnom proizvedenii.* Available at: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB0QFjAA&url=http%3A%2F%2Fportfolio.vvsu.ru%2Ffiles%2F6BC0B58B-98AF-46EB-A7A8-4690A8C22F79.pdf&ei=f2plVandLMn-JsQHS3YDgCQ&usq=AFQjCNEnxVt-BFul_9L3r7s8BWtsDpZuEw&sig2=zJJ0pXy7rdODK8LDLMT3VA&bv=bv.93990622,d.bGg&cad=rjt, accessed 14. 01. 21 [in Russ.].
8. Maksimenko O. I. (2019) *Vestnik RUDN. Series: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 10, no. 1. P. 92—100 [in Russ.].
9. Mel'chuk I. A. (1999) *Opyt teorii lingvisticheskikh modelej "Smysl <=> Tekst": semantika, sintaksis.* Moscow. 345 p. [in Russ.].
10. Morohovskij A. N., Vorob'eva O. P., Lihosherst N. I., Timoshenko Z. V. (1984) *Stilistika anglijskogo yazyka.* Kiev: Vishcha shkola. 247 p. [in Russ.].
11. Nikitin M. V. (1983) *Leksicheskoe znachenie slova: (Struktura i kombinatorika).* Moscow. 127 p. [in Russ.].

12. Uilrajt F. (1990) *Teoriya metaforoy*. Moscow, Progress. Pp. 82—119 [in Russ.].
13. Shelestyuk E. V. (2001) *Yazyk i kul'tura*. Materials of regional scientific-practical conference. Ekaterinburg. Pp. 88—91 [in Russ.].
14. Shcherba L. V. (1945) *Izvestiia AN SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*, vol. 4, iss. 5, pp. 173—186 [in Russ.].
15. Cowan N. (2001) *Behavioral and Brain Sciences*, no. 24 (1), pp. 87—185.
16. Fauconnier Gilles (1997) *Mappings in Thought and Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Ginzburg R. S., Khidekel S. S., Knyazeva G. Y., Sankin A. A. (1979) *A course in modern English lexicology*. Moscow, Vyssaja Skola.
18. Lakoff George (1990) *Cognitive Linguistics*, no. 1—1, pp. 39—74.
19. Levin S. (1964) *Linguistic Structure in Poetry*. The Hague: Mouton.
20. Miller George A. (1965) *Perspectives in Psychology*. John Wiley & Sons, INC. Pp. 625—627.
21. Turner M., Steen F. (2014) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (336), pp. 40—47.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ ОНЛАЙН-ПЕРЕВОДОВ

Г. А. Шушарина, Ж. В. Петрунина

Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия

Рассмотрены переводы текстов, выполненных машинными переводчиками и системами с английского языка на русский язык. В ходе исследования выявлены лексические, грамматические ошибки, допускаемые в машинном переводе, предложен собственный вариант перевода. Исходя из выполненного анализа, делается вывод, что машинные переводчики способны донести общий смысл текста, но нуждаются в тщательной редакции.

Ключевые слова: *норма, перевод, эквивалентность, переводческая трансформация, машинный перевод, ручной перевод.*

В последнее время актуализировались размышления о будущем профессии переводчика, все чаще высказываются мнения, что с развитием машинного перевода эта профессия исчезнет [8]. Под машинным переводом будем понимать «процесс перевода текстов (письменных, а в идеале и устных) с одного естественного языка на другой с помощью специальной компьютерной программы» [2]. Действительно, для осуществления перевода есть различные виды лингвистического программного обеспечения, в частности электронные словари, системы машинного перевода. Появилась возможность воспользоваться услугами автоматических переводчиков непосредственно в Сети, например, сервисы Google и «Яндекс» предлагают подобные опции. В XXI в. мир переживает развитие новых технологий, цифровизацию многих процессов и явлений. С 2011 г. процессы, связанные с внедрением автоматизированного цифрового производства, управляемого интеллектуальными системами, принято называть «четвертая промышленная революция». Известный немецкий экономист, президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб отмечает, что «мы стоим у истоков революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение. По масштабу, объему и сложности это явление, которое я считаю четвертой промышленной революцией, не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества» [10]. Происходящие трансформации приводят к заметным коррективам основ, которые сложились в течение нескольких веков во многих профессиях, включая и работу, связанную с переводом.

Указанные технологии значительно облегчают процесс перевода в силу своей скорости, которую человек, занимающийся переводом, не сможет предложить. Достаточно актуальным для современности является и дешевизна подобных технологий, так как большинство онлайн-переводчиков бесплатны. Системы машинного перевода доступны, что означает возможность использовать такие сервисы в практически любой точке планеты и в любое время. Несомненным преимуществом таких технологий является и широта представленных языков, количество которых только увеличивается.

Нельзя не согласиться с мнением, что с непрерывным развитием информационной эпохи эффективное использование современных средств для устранения языковых барьеров между людьми стало общей задачей человечества. Перевод является ведущим средством преодоления языковых барьеров и представляет собой «процесс пере-выражения или перекодирования произведения на одном языке знаками другой языковой системы» [1. С. 5].

Однако из-за высокой стоимости и низкой скорости перевода традиционные методы ручного перевода не могут удовлетворить потребности рынка переводов, и машинный перевод значительно облегчает жизнь [13].

Тем не менее, несмотря на весь прогресс и успехи машинного перевода, его простоту и удобство в использовании, обыватели и специалисты указывают на имеющиеся ошибки в получаемых с помощью таких систем переводах. «В настоящее время его можно использовать только как вспомогательное средство ручного перевода» [Ibid.].

С теоретической точки зрения, исследование развития машинного перевода является актуальным, так как накопление исследованного материала позволит выработать системы оценки качества машинного перевода и соблюдение переводной нормы. В практическом аспекте исследование является актуальным, поскольку возрастает необходимость скоростного и качественного перевода текстов различных функциональных стилей с одного языка на другой язык.

Новизна исследования заключается в привлечении в качестве материала исследования текстов переводов различных функциональных стилей с целью выявления ошибок, допущенных онлайн-переводчиками.

Целью настоящей статьи является сопоставительное исследование текстов переводов, выполненных современными системами машинного перевода, и анализ допускаемых онлайн-переводчиками ошибок.

Практическая ценность настоящей статьи заключается в том, что пользователю систем машинного перевода могут быть интересны полученные в настоящей статье выводы в плане выбора оптимального онлайн-переводчика.

Проблема оценки качества перевода является одним из главных объектов внимания переводоведов. Исследователи выделяют определенный нормативный аспект, на который должен ориентироваться критик текста перевода. За четырехсотлетнюю историю сложились правила работы по переводу текстов, написанных на иностранных языках. Приступая к переводу текста, переводчик должен убедиться в достоверности документа и учесть специфику времени его появления. Для качественного перевода важно учитывать степень осведомленности переводчика о событиях и возможных мотивах написания текста. Всесторонний анализ иностранного текста позволяет сделать перевод, который наиболее точно может передать все нюансы оригинала, сохранить специфическую информацию, не допустив фальсификации. При использовании машинного перевода эти обязательные условия не могут быть учтены в полной мере, а, следовательно, это приводит к неточности перевода и порой к подмене смысла.

По утверждению В. Н. Комиссарова, норма определяет критерии, которым должен соответствовать перевод [4]. Переводоведы выделяют такие виды нормы в переводе, как: норма эквивалентности перевода; норма переводческой речи; жанрово-стилистическая норма; прагматическая норма пере-

вода; конвенциональная норма перевода [Там же]. Важно отметить, что в современной отечественной науке о переводе ключевым является комплексный подход к переводной норме, рассматривающий отдельные ее аспекты в целостности [6. С. 11].

Вопрос об оценке качества перевода — это вопрос об эквивалентности перевода, которая обозначает «наличие некоторой общности между текстом оригинала и перевода в условиях отсутствия их тождества и ставит перед теоретиками и практиками перевода вопрос о степени допустимости этой общности, варьируемой в зависимости от типа текста (художественного или технического) и стратегии выбранного перевода (буквального или вольного)» [9].

Существуют различные точки зрения на концепцию эквивалентности перевода.

Так, известный исследователь Ю. Найда подчеркивал, что совершенно точный перевод невозможен. На основе этого положения он создал теорию о двух типах эквивалентности при переводе: формальной и динамической. С позиции формальной эквивалентности переводчику необходимо добиться того, чтобы сообщение на языке перевода наиболее близко соответствовало разным элементам языка оригинала. Иными словами, переводчик буквально воспроизводит форму и содержание исходного языка. С позиции динамической эквивалентности переводчик должен основываться на принципе эквивалентного эффекта, создавая динамическую связь между сообщением и адресатом на переводящем языке, которая была бы примерно такой же, как и связь, существующая между сообщением и адресатом на языке оригинала. Ю. Найда считает, что такой перевод является «самым близким естественным эквивалентом исходного сообщения» [12. Р. 117].

Л. С. Бархударов поддерживает точку зрения Ю. Найды в том, что текст перевода не может являться абсолютным эквивалентом текста оригинала, поскольку в процессе перевода неизбежны потери: «Перевод, осуществляемый на уровне, необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм переводящего языка, является переводом эквивалентным» [3. С. 57].

Для достижения эквивалентности профессиональный переводчик обязан выбрать из арсенала переводческих трансформаций те приемы, которые позволили бы максимально точно передать заложенную в тексте оригинала информацию, не нарушая при этом нормы переводящего языка.

В основе данной статьи лежит классификация переводческих трансформаций, разработанная В. Н. Комиссаровым [5. С. 159]. Согласно его классификации, переводческие трансформации подразделяются на лексические, грамматические и лексико-грамматические. Стоит отметить, что и многие другие ученые-теоретики перевода имеют по этому вопросу схожую с В. Н. Комиссаровым точку зрения.

Современные условия развития информационного пространства и процесс глобализации обусловили развитие систем информационного обеспечения коммуникативной деятельности, в связи с чем переводчики сталкиваются с новыми задачами: объемы переводов возрастают, а сроки их выполнения сокращаются, при этом к качеству предъявляются все большие требования. Эквивалентность текста перевода оригинальному тексту является наиболее объективным критерием для оценки результата работы переводчика.

Для того чтобы оценить качество машинного перевода в соответствии с переводной нормой, мы использовали наиболее популярный онлайн-переводчик Google Translate и переводчик PROMT (PROgrammer's Machine Translation). Указанные системы машинного перевода относятся к гибридным, то есть к системам, которые объединяют «технологии машинного перевода на основе правил и на основе статистических моделей, выполняют лингвистический анализ входного предложения, порождение вариантов перевода, использование статистических технологий, оценку и выбор лучшего варианта перевода с использованием модели языка» [7]. Такие сервисы сегодня наиболее востребованные и в профессиональной среде переводчиков, и среди обывателей, поскольку они доступны широкому кругу благодаря развитию сети Интернет. Активное внедрение систем машинного перевода в Интернете и дальнейшее их распространение онлайн являются в настоящее время базовыми тенденциями развития систем машинного перевода [7]. Вышесказанное определило выбор переводов, выполненных Google Translate и PROMT, в качестве материала исследования. На основе сравнительно-сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода мы сформулировали выводы о том, насколько указанные программы машинного перевода соблюдают переводную норму.

Сопоставим примеры переводов небольших текстовых фрагментов с английского языка на русский язык, отрывки принадлежат к различным функциональным стилям.

Рассмотрим публицистический стиль текста (табл. 1) (The deadliest disease in history helped conquer the Aztecs — nations must learn from history when it comes to outbreaks // The Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/> (дата обращения 23.04.2019).

Таблица 1

Публицистический стиль текста

Текст оригинала	Recent outbreaks in the U.S. have drawn attention to the dangers of measles. The Democratic Republic of Congo is fighting a deadly outbreak of Ebola that has killed hundreds. Epidemics are nothing new, of course. And some widespread infectious diseases have profoundly changed the course of human history
Google Translate	Недавние вспышки в США привлекли внимание к опасности кори. Демократическая Республика Конго борется со смертельной вспышкой Эболы, которая убила сотни людей. Конечно, в эпидемиях нет ничего нового. И некоторые широко распространенные инфекционные заболевания глубоко изменили ход человеческой истории
PROMT Translate	Недавние вспышки в США привлекли внимание к опасностям кори. Демократическая Республика Конго борется со смертельной вспышкой вируса Эбола, унесшего жизни сотен. Эпидемии не являются ничем новым, конечно. И некоторые широко распространенные заразные болезни глубоко изменили курс истории человечества
Собственный перевод	Недавняя вспышка эпидемии кори в США привлекла внимание к опасности болезни. Демократическая Республика Конго ведет борьбу со смертельным вирусом Эбола, который унес сотни жизней. Конечно, эпидемии — явление не новое. Некоторые широко распространенные инфекционные болезни серьезно изменили курс истории человечества

Стоит отметить, что машинные переводчики в целом справились с эквивалентной передачей информации на русский язык. Оба автоматизированных переводчика правильно определили частеречную принадлежность всех языковых единиц. Переводчик Google Translate вынес вводную конструкцию *of course* в начало предложения, при этом грамматически верно ее обособив. В этом же предложении переводчик PROMT Translate допустил грамматическую ошибку и неверно выполнил склонение по падежам: «эпидемии не являются ничем нового». Оба переводчика предложили перевести наречие *profoundly* как «глубоко», так как такой перевод является первым в списке предлагаемых

вариантов перевода. Но в данном фрагменте текста уместнее было бы перевести слово *profoundly* как «серьезно» или «значительно». Таким образом, машинный перевод не справляется с задачей выбора из синонимического ряда более подходящего по контексту слова.

Учитывая вышеуказанные замечания, был предложен собственный вариант перевода. Был выполнен ряд лексических трансформаций: добавление — *outbreaks* — «вспышка эпидемии кори», *deadly outbreak of Ebola* — «смертельный вирус Эбола»; целостное преобразование — *has killed hundreds* — «унес сотни жизней»; генерализация — *measles (корь)* — «болезнь».

Рассмотрим фрагмент текста (табл. 2) в научно-техническом стиле на примере статьи из *Aerospace & defense technology (How Flying Cars Could Change the Aerospace Industry // Aerospace and Defense technology*. URL: www.aerodefensetech.com/ (дата обращения 09.05.2019).

Таблица 2

Научно-технический стиль текста

Текст оригинала	A new study of the environmental sustainability impacts of flying cars (vertical takeoff and landing aircraft, or VTOLs) finds that they wouldn't be suitable for a short commute but could be valuable in congested cities or in places where there are geographical constraints
Google Translate	Новое исследование воздействия летучих автомобилей на устойчивость окружающей среды (самолеты вертикального взлета и посадки или VTOL) показывает, что они не подходят для коротких поездок на работу, но могут быть полезны в перегруженных городах или в местах, где существуют географические ограничения
PROMT Translate	Новое исследование экологических воздействий устойчивости летающих автомобилей (вертикальный взлет и приземляющийся самолет или VTOLs) находит, что они не подошли бы для короткой поездки на работу, но могли быть ценными в переполненных городах или в местах, где есть географические ограничения
Собственный перевод	Новое исследование влияния летательных аппаратов (самолётов вертикального взлёта и посадки, или СВВП) на окружающую среду показало, что для совершения полетов на короткие дистанции они не подходят, однако могут быть полезны в перенаселенных городах или в местах, где существуют географические препятствия

Анализируемый фрагмент текста состоит из сложноподчиненного предложения и содержит конструкции, которые построены на основе подчинительных связей между компонентами. Анализ позволяет увидеть, что переводчик PROMT Translate не распознал подчинительную связь между компонентами первой части предложения и допустил синтаксическую ошибку: *study of the environmental sustainability impacts of flying cars* — «исследование экологических воздействий устойчивости летающих автомобилей». В этой же части предложения переводчик Google Translate правильно определил синтаксические связи, однако неверно распознал семантическую принадлежность словосочетания *flying cars* — «летучий автомобиль», допустил лексическую ошибку, так как слово «летучий» не употребляется по отношению к транспорту.

Отдельное внимание стоит уделить переводу аббревиатуры и ее расшифровке. Оба переводчика не перевели аббревиатуру VTOLs на русский язык, однако переводчик Google Translate адаптировал ее для восприятия реципиентом и убрал окончание множественного числа. Google Translate смог правильно перевести расшифровку *vertical takeoff and landing aircraft* — «самолеты вертикального взлета и посадки», в то время как PROMT Translate выполнил буквальный перевод и допустил синтаксическую ошибку: «вертикальный взлет и приземляющийся самолет».

Основываясь на проведенном анализе, мы выполнили собственный перевод с помощью таких лексических трансформаций, как: целостное преобразование — *for a short commute* — «для совершения полетов на короткие дистанции»; перевод аббревиатуры VTOL — «СВВП»; синтаксическая трансформация первой части предложения.

Рассмотрим перевод текста официально-делового стиля (табл. 3) *Employment Agreement (Sample) // Stanford — Social entrepreneurship hub*. URL: www.stanford.edu (дата обращения 01.05.2019).

В результате сравнительно-сопоставительного анализа переводов, выполненных компьютерными системами, можно сделать вывод о том, что эквивалентность в переводе Google Translate достигнута. Несмотря на то что переводчик допустил несколько лексических ошибок (например, при переводе *skill, ability* он не смог подобрать верный вариант и перевел как «способностей, способностей»; *In carrying out these duties and responsibilities* — «Выполняя эти обязанности и ответственность»), его перевод нуждается в меньшей редакции по сравнению

Таблица 3

Официально-деловой стиль текста

Текст оригинала	The Employee agrees that he will at all times faithfully, industriously, and to the best of his skill, ability, experience and talents, perform all of the duties required of his position. In carrying out these duties and responsibilities, the Employee shall comply with all Employer policies, procedures, rules and regulations, both written and oral, as are announced by the Employer from time to time. It is also understood and agreed to by the Employee that his assignment, duties and responsibilities and reporting arrangements may be changed by the Employer in its sole discretion without causing termination of this agreement
Google Translate	Сотрудник соглашается, что он всегда будет добросовестно, старательно и в меру своих способностей, способностей, опыта и талантов выполнять все обязанности, необходимые для его должности. Выполняя эти обязанности и ответственность, Работник должен соблюдать все политики, процедуры, правила и положения Работодателя, как в письменной, так и в устной форме, которые время от времени объявляются Работодателем. Работник также понимает и соглашается с тем, что его назначение, обязанности и ответственность, а также порядок отчетности могут быть изменены Работодателем по собственному усмотрению без прекращения действия настоящего соглашения
PROMT Translate	Сотрудник соглашается с тем, что он всегда будет добросовестно, упорно и по мере своих умений, способностей, опыта и талантов выполнять все обязанности, предусмотренные его должностью. При выполнении этих обязанностей и обязанностей Работник обязан соблюдать все правила, процедуры, правила и положения Работодателя, как письменные, так и устные, как это время от времени объявляется Работодателем. Это также понято и согласовано на Сотрудником, что его назначение, обязанности и ответственность и сообщение о мерах могут быть изменены Работодателем по собственному усмотрению, не вызывая завершения этого соглашения
Собственный перевод	Сотрудник соглашается с тем, что он всегда будет добросовестно, упорно и по мере своих умений, способностей, опыта и талантов выполнять все обязанности, предусмотренные занимаемой должностью. При выполнении обязанностей и возложенной на него ответственности Сотрудник должен руководствоваться политикой, правилами и положениями Работодателя, как в письменной, так и в устной форме, которые время от времени объявляются Работодателем. Работник также понимает и соглашается с тем, что его назначение, обязанности и ответственность, а также порядок отчетности могут быть изменены Работодателем по собственному усмотрению без прекращения действия настоящего соглашения

с системой PROMT Translate, которая не смогла распознать подчинительные конструкции, допустив лексические и грамматические ошибки. Если с переводом однородных конструкций и подбором верных лексических значений первого предложения он справился, то вторую часть текста практически невозможно отредактировать без обращения к оригиналу. Так, им были допущены следующие лексические ошибки: *In carrying out these duties and responsibilities* — «При выполнении этих обязанностей и обязанностей»; *policies, procedures, rules* — «правила, процедуры, правила»; *reporting arrangements* — «сообщение о мерах»; *without causing termination* — «не вызывая завершения». Морфологические ошибки были допущены на этапе перевода словосочетаний: *without causing termination* — «не вызывая завершения»; *It is also understood and agreed to by the Employee* — «Это также понято и согласовано на Сотрудником». Во втором случае также допущена синтаксическая ошибка ввиду того, что PROMT Translate не смог опре-

делить подчинительную конструкцию. Ошибки в переводе официально-деловых текстов могут иметь серьезные последствия: «Ошибки здесь могут стоить огромных денег или нанести серьезный ущерб репутации компании» [11].

В данной статье рассмотрены переводы текстов различных функциональных стилей, выполненных машинными переводчиками и системами Google Translate и PROMT Translate с английского языка на русский язык. На примере фрагментов текстов мы провели сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода, определяющий возможность достижения эквивалентности и качество переводов с английского языка на русский, выполненных вышеуказанными системами перевода. В ходе исследования мы выявили грамматические (морфологические, синтаксические) и лексические ошибки, допускаемые в машинном переводе, предложили собственный вариант перевода фрагментов текста с учетом использования переводческих трансформаций для достижения эквивалентности.

Исходя из выполненного анализа можно сделать вывод, что оба машинных переводчика способны донести общий смысл текста, но переводы, выполненные PROMT Translate, нуждаются в тщательной редакции со стороны профессионала. Основные ошибки, которые допускают машинные переводчики: неудачный выбор синонима (слово переводится обычно через первое значение, появивше-

ся в словаре), ошибки в определении части речи, как следствие, ошибки в падежных окончаниях, ошибки с переводом конструкций с подчинительной связью.

В настоящее время машинный перевод еще не достиг такого уровня качества, когда он может полностью заменить работу человека, и, вероятно, не достигнет этого уровня в ближайшем будущем.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб.: Филол. фак. СПбГУ; М.: Академия, 2004. 346 с.
2. Академик. Словари. URL: <https://dis/academic.ru/dis.nsf/3026> (дата обращения 25.01.2020).
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: Р. Валент, 2011. 408 с.
6. Прошина З. Г. Подходы к пониманию переводческой нормы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV, вып. 1. С. 7—12.
7. Семенова А. В., Курейчик В. М. Обзор и анализ состояния проблемы обработки текстовой информации в системах машинного перевода // Информатика, вычислительная техника и инженерное образование. 2014. № 2 (17). URL: [http://www.ivtio.sfedu.ru/lib/16/6-2\(16\)2014.pdf](http://www.ivtio.sfedu.ru/lib/16/6-2(16)2014.pdf) (дата обращения 15.12.2020).
8. Смирнова К. Топ-10 специальностей, которые очень скоро исчезнут // Экспресс газета. URL: <https://www.eg.ru/society/420360/> (дата обращения 01.07.2020).
9. Соколова О. В. Особенности перевода авангардных окказионализмов (на материале «Футуристической кухни» Ф. Т. Маринетти) // Сибирский филологический журнал. 2019. Вып. 2. С. 254—266.
10. Шваб К. Четвертая промышленная революция. URL: <https://books.google.ru/books?id=rTRnDQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 16.08.2020).
11. Nao Peng. The Impact of Machine Translation and Computer-aided Translation on Translators. URL: <https://doi:10.1088/1757-899X/322/5/052024> (дата обращения 10.06.2020).
12. Nida E. A. Towards a Science of Translating: with Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating. Leiden: E. J. Brill, 1964.
13. Yang Wang. Research on the Application of Computer Aided Translation CAT in the Field of Translation // Cyber security intelligence and analytics. 2020. (Advances in Intelligent Systems and Computing. Vol. 928.)

Список источников

14. Employment Agreement (Sample) // Stanford — Social entrepreneurship hub. URL: <https://www.stanford.edu> (дата обращения 16.08.2020).
15. Google translate. URL: <https://www.translate.google.com> (дата обращения 16.08.2020).
16. How Flying Cars Could Change the Aerospace Industry // Aerospace and Defense technology. URL: <https://www.aerodefensetech.com> (дата обращения 16.08.2020).
17. PlayStation Classic. Manual Instruction. URL: <https://www.playstation.com> (дата обращения 16.08.2020).
18. PROMT translate. URL: <https://www.translate.ru> (дата обращения 16.08.2020).
19. The deadliest disease in history helped conquer the Aztecs — nations must learn from history when it comes to outbreaks // The Newsweek. URL: <https://www.newsweek.com> (дата обращения 16.08.2020).

Сведения об авторах

Шушарина Галина Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия. Galinalmk@yandex.ru

Петрунина Жанна Валерьяновна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета, Комсомольск-на-Амуре, Россия. petrunina71@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 185—192.*

COMPARATIVE ANALYSIS OF ONLINE TRANSLATIONS TEXTS

G. A. Shusharina

Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-na-Amure, Russia. Galinalmk@yandex.ru

Zh. V. Petrunina

Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-na-Amure, Russia. petrunina71@bk.ru

This article examined translations of texts, performed by machine translators and systems, from English into Russian. In the course of the study, lexical, grammatical (morphological, syntactic) errors made in machine translation were identified, and an own version of the translation of fragments of the texts was proposed taking into account the use of translation transformations to achieve equivalence. Based on the analysis, we can conclude that machine translators are able to convey the general meaning of the text, but need editing. The main mistakes that machine translators make are: an unsuccessful choice of a synonym (a word is usually translated through the 1st meaning that appears in the dictionary), errors in determining parts of speech and errors in case endings, errors with the translation of constructions connected by subordinate connection. Currently, machine translation has not yet reached a level of quality where it can completely replace a human translator, and probably will not reach that level in the near future.

Keywords: *word formation, translation, neologism, translation transformation*

References

2. Alekseeva I. S. (2004) *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to translation studies]. St. Petersburg, Moscow. 346 p. [in Russ.].
2. Akademik. Slovari [Academician. Dictionaries]. Available at: <https://dis/academic.ru/dis.nsf/3026>, accessed 25.01.2020 [in Russ.].
3. Barhudarov L. S. (1975) *Yazyk i perevod: Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda* [Language and translation: Questions of general and specific translation theory]. Moscow. 240 p. [in Russ.].
4. Komissarov V. N. (1990) *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, Higher school Publ. 253 p. [In Russ.].
5. Komissarov V. N. (2011) *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moscow, R. Valent Publ. 408 p. [in Russ.].
6. Proshina Z. G. (2018) *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, vol. XV, iss. 1, pp. 7—12 [in Russ.].
7. Semenova A. V., Kurejchik V. M. (2014) *Informatika, vychislitel'naya tekhnika i inzhenernoe obrazovanie*, no. 2 (17). Available at: [http://www.ivtio.sfedu.ru/lib/16/6-2\(16\)2014.pdf](http://www.ivtio.sfedu.ru/lib/16/6-2(16)2014.pdf), accessed 15.12.2020 [in Russ.].
8. Smirnova K. Top-10 spetsialmostei, kotorye ochen skoro ischeznut [Top 10 specialties that will disappear very soon]. *Ekspress gazeta* [Express newspaper]. Available at: <https://www.eg.ru/society/420360/>, accessed 01.07.2020 [in Russ.].
9. Sokolova O. V. (2019) *Sibirskij filologicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 254—266 [in Russ.].
10. Shvab K. (2016) *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya* [The fourth industrial revolution]. Available at: <https://books.google.ru/books?id=rTRnDQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>, accessed 16.08.2020 [in Russ.].
11. Hao Peng. The Impact of Machine Translation and Computer-aided Translation on Translators. Available at: doi:10.1088/1757-899X/322/5/052024, accessed 10.06.2020).

12. Nida E. A. (1964) *Towards a Science of Translating: with Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Leiden: E. J. Brill. 331 p.

13. Yang Wang (2020). *Research on the Application of Computer Aided Translation CAT in the Field of Translation*. Cyber security intelligence and analytics. (*Advances in Intelligent Systems and Computing*, vol. 928.)

List of sources

20. Employment Agreement (Sample). Available at: www.stanford.edu, accessed 01.12.2019.
21. Google translate. Available at: www.translate.google.com, accessed 01.12.2019.
22. How Flying Cars Could Change the Aerospace Industry. Available at: www.aerodefensetech.com, accessed 01.12.2019.
23. PlayStation Classic. Manual Instruction. Available at: www.playstation.com, accessed 01.12.2019.
24. PROMT translate. Available at: <https://www.translate.ru>, accessed 01.12.2019.
25. The deadliest disease in history helped conquer the Aztecs — nations must learn from history when it comes to outbreaks. Available at: URL: <http://www.newsweek.com>, accessed 01.12.2019.